

К.-М. Андерсон

ФРАНЦИЯ ВРЕМЕН ДИРЕКТОРИИ В «ДНЕВНИКАХ» Т. У. ТОНА

**В сб. «Французская революция XVIII в.:
экономика, политика, идеология»**

М.: Наука. 1988. С.190-207.

Веб-публикация: А.Силюнас и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*
2009

Едва шторм утих, на берег бухты Лох Суилли, что неподалеку от ирландского городка Бункрана, начали доставлять солдат с захваченного в сражении французского фрегата «Гош». Среди пленных находился молодой генерал-адъютант, именовавший себя Джеймсом Смитом. Однако джентльмен, стоявший в компании британских офицеров, тотчас узнал в нем своего однокашника по Тринити колледж Теобальда Уолфа Тона. Прозванный «ирландским Маратом», он три года назад чудом избежал виселицы, уготованной ему за крамольные призывы и деяния. На сей раз его не спас даже мундир генерала Французской Республики. Теобальд Тон, проповедник революции и независимости Эйре, был приговорен военным судом к казни. 19 ноября 1798 г. он умер в дублинской тюрьме Маршалси, перерезав себе артерию.

Тона почитали при жизни, боготворили после смерти. Перед его именем преклонялись фении. Им восхищался Джеймс Конноли². На могилу Тона совершают паломничество ирландские республиканцы всех толков — от ИРА до Фианна Файл³. Ему посвящали баллады и монографии⁴. Говорили о «времени Тона», как об эпохе столь же значительной, как «времена Робеспьера». Оранжевые и близкие к ним сочинители изображали его незадачливым проходивцем⁵. Радикалы, напротив, возносили как апостола свободы, называя его памфлеты «библией ирландского республиканизма»⁶.

Тон, вне всяких сомнений, личность выдающаяся даже для XVIII в., щедрого на великих людей. В Ирландии, которую считали чуть ли не задворками Европы, он основал массовую партию «Объединенные ирландцы»⁷. Ее борьба была, по оценке К.Маркса, подлинно революционным движением⁸. Поднятое «Объединенными ирландцами» национальное восстание 1798 г. явилось попыткой демократической революции, в которой колониальной власти противостояла организованная сила народа.

Советские историки отдают должное Тону, не идеализируя его, но и не умаляя заслуг. Взгляды и деятельность Теобальда Тона, «революционера якобинского склада»⁹, освещались в ряде исследований¹⁰. К сожалению, в отечественной литературе пока нет фундаментального жизнеописания ирландского демократа.

Судьба Тона столь драматична, что нередко о ней повествуют в стиле авантурных романов. Но к чему бы ни стремились биографы — к занимательности или вдумчивому анализу — основным источником для их книг служат «Воспоминания и дневники Теобальда Уолфа Тона»¹¹. Они были впервые опубликованы в 1826 г. сыном Тона Уильямом и не раз переиздавались, порой с неоправданными сокращениями¹².

Искренние, без тени самолюбования, «Дневники» похожи на исповедь, подобную «Исповедям» Августина и Руссо. Помимо литературных достоинств, «Дневники» привлекают уникальными, а главное, достоверными сведениями о политической жизни и революционном движении в Ирландии конца XVIII в. К запискам Тона обращался, в частности, Ф.Энгельс, работая над проблемами ирландской истории¹³.

Последние годы своей жизни Тон провел в эмиграции, сначала в США, затем во Франции. Но его имя настолько неотделимо от Ирландии, что, видимо, в силу этого о заметках Тона, касающихся Франции, упоминалось мимоходом. Между тем они заслуживают внимания.

Было бы нелепо сопоставлять записки Тона с сочинениями Т.Пэйна, Э.Бёрка или Д.Макинтоша. Теобальд Тон не притязал на создание хроники, а тем паче философского трактата о революции. Человек незаурядный, он имел собственное суждение о событиях во Франции. Но излагал его урывками, не заботясь об отточенности языка и мысли. В том не было нужды: дневники интимны, если они заведомо не предназначаются для печати. Тон же писал для самых близких ему людей.

Он любил, а точнее, был влюблен в свою жену. Обвенчался с нею тайком, «умыкнув» из родительского дома. Даже кратковременную разлуку переживал тяжело. В Париже она затянулась на год. «Я будто в Аравии, но не счастливой, а пустынной», — признавался он¹⁴. Дневник скрашивал одиночество. К тому же Тон не знал, удастся ли вновь свидеться с семьей. Но что бы ни стряслось, дневник, словно пространное послание, дошел бы по назначению. Обращаясь к жене и сыновьям, Тон подробно рассказывал о своих мытарствах, новых знакомых, о Франции.

О ней, нередко увлекательно, писали очевидцы революции. Попадая в страну, о которой ходили невероятные слухи, они порой старались не отстать и выискивали либо выдумывали нечто диковинное, способное ошеломить читателя. Подобного искушения зачастую не избегали даже авторы, подолгу жившие во Франции. Мэри Уильямс, поклонница жирондистов и знакомая Тона, провела в Париже много лет со дня взятия Бастилии до консульства Наполеона. Ее книги любопытны, но поверхностны, ибо она осталась сторонним наблюдателем¹⁵.

Тон был не обычным очевидцем. Он приехал во Францию не ради праздного любопытства. «Объединенные ирландцы» полагали, что совладать с отлаженной, мощной системой английского господства можно лишь при помощи извне. В Ирландии было немало людей, готовых сражаться за свободу. Не хватало оружия, опытных военных. Революционная Франция казалась естественным союзником ирландских демократов. Тону поручалось «перевернуть небо и землю, но добиться доступа к французскому правительству и умолять его о помощи»¹⁶. Подобная миссия требовала настойчивости, такта, хитрости, словом, всех качеств искусного дипломата. И, в первую очередь, умения освоиться в незнакомой стране. Тону это удалось вполне.

Летом 1796 г. он становится «генерал-адъютантом на службе Французской республики». Его привлекают к подготовке военной экспедиции в Ирландию. Он сводит знакомство с членами Директории, генералами, министрами. В правительственном аппарате республики Тон выполняет определенную функцию, не слишком значительную, но позволяющую разглядеть скрытые стороны политической жизни Франции. Французский генерал и посланник ирландских революционеров — одновременно и свидетель и действующее лицо. Редчайшая возможность: находиться в гуще событий, наблюдая их извне! Попробуем выяснить, сказалось ли на «Дневниках» своеобразное положение их автора?

Для того чтобы представить себе Францию, ирландцам не требовалось странствовать. Газеты, книги, карикатуры, сплетни позволяли каждому вообразить ее на свой вкус. Была своя Франция и у Тона.

1 января 1796 г. Тон отплыл из Нью-Йорка в Гавр. Он впервые отправлялся в страну, которой был обязан многим, если не всем. Некогда безалаберный молодой человек, слегка повеса, чуть прожектер, адвокат по настоянию отца и сибарит по наклонностям, переменился буквально в одночасье¹⁷. Ему было не занимать ума, живости, фантазии. Но куда их приложить? Еще в 1788 г. Тон подумывал, не завербоваться ли ему в Вест-Индию солдатом? Или увлечь Питта планом колонизации Сандвичевых островов?¹⁸ 1789 год покончил с пустопорожними выдумками. Французская революция дала точку опоры: борьба за свободу Ирландии, которая принесет с собой равенство и братство.

В начале 1790 г. он выпускает первый политический памфлет, сдержанный, но все же задевающий английскую администрацию¹⁹. Тон обретает известность. Ему льстят лидеры вигов, пытающиеся приручить талантливого публициста. Но вскоре обнаружилось, что для либерала он слишком одержим «французскими» идеями.

Многие историки исследовали влияние революции на Ирландию конца XVIII в.²⁰, да и сами ирландцы видели в коллизиях тех лет отголоски событий во Франции. «Революция пробудила все слои нации ото спячки», — утверждал Т.Тон²¹. Переворот во Франции взбудоражил страну, признавал Мак-Кенна, ярый консерватор и враг Теобальда Тона²². Мало кто оставался безучастным. «Французская революция стала пробным камнем для политических убеждений каждого, — вспоминал Тон. — Нация распалась на две великие партии — аристократов и демократов (эпитеты, заимствованные из Франции). Полагаю, нет надобности говорить, что я был демократом с самого начала»²³.

Прослыть почитателем Франции в 1789 г. не считалось зазорным. Виги ссылались на назидательный пример галлов, дабы припугнуть правительство и вынудить его на уступки. Но четыре года спустя они верноподданически приветствовали войну с Францией и просили уберечь Ирландию от «якобинских веяний»²⁴.

Тон принял революцию безоговорочно и не скрывал своих симпатий, даже когда это стало небезопасно. Революция, по его мнению, олицетворяла самые великие принципы, открытые человечеством. И потому потрясения, переживавшиеся Францией, «казались прологом потрясений вселенских»²⁵.

Революция не укладывается в обыденные понятия. Насилие неприглядно. Но стоит ли причитать о жертвах сентября 1792 г.? Парижане безжалостно перебили роялистов, содержащихся в тюрьмах. Печально, но разве аристократия не заслужила ненависти народа?²⁶ Узнав о казни Людовика XVI, Тон написал в дневнике: «Король Франции обезглавлен 21-го. К сожалению, это было необходимо»²⁷. И ни слова более.

Сквозь нагромождение мрачных эпизодов Тон пробивался к сути революции. Она не кровожадна. Ее вынуждают быть жестокой. У Франции нет выбора. И вряд ли он будет у Ирландии. «Революции не совершаются без страданий множества людей, — заявлял Тон, — но я один из тех, кто предпочитает трудности, опасности и разрушения рабству, особенно когда иных средств не существует»²⁸. Требовалась глубокая вера в правоту республиканских принципов, чтобы не сводить революцию к гильотине и, пожалуй, мужество, чтобы убеждать в этом других.

«Правы французы или нет, — писал Тон в октябре 1792 г., — успеха им, ибо они сражаются и за нас»²⁹. «Галлы» творили революцию на свой лад. Тон, будь его воля, возможно, действовал бы чуть иначе. Но упрекать, а тем более осуждать Францию казалось ему недопустимым. По причинам понятным «Объединенные ирландцы» не афишировали своих планов. Все же правительство, располагавшее солидным штатом осведомителей, знало об их намерениях. «Якобинцы менее враждебны к Великобритании, нежели „Объединенные ирландцы“. Я убежден, что они связаны с наихудшими людьми Франции», — доносил в Лондон один высокопоставленный чиновник³⁰. В парламенте, в церковных проповедях «Объединенных» поносили как приспешников французских «смутьянов»³¹. Возводя поклепы на революцию, порочили собственных, «ирландских» якобинцев. Тон и его соратники защищались, защищая Францию. Если реакционеры очерняли все, связанное с этой страной, опускаясь до лжи, то «Объединенные» преднамеренно превозносили ее, огораживая от наветов революцию и себя³². Франция становилась для Тона своего рода символом. А всякий символ условен.

Почти романтическое преклонение перед Францией не мешало Тону оставаться трезвым политиком. Еще в 1791 г. только что возникшие «Объединенные ирландцы» решили «установить связи с подобными же обществами за границей, такими, как Якобинский клуб в Париже»³³. Речь шла не только о духовном союзе единомышленников, но и о союзе военном. Наладить контакты оказалось непросто, хотя некоторые из сподвижников Тона были близко знакомы с видными людьми Франции³⁴. Обе стороны соблюдали осторожность. В 1792 г. некто из окружения Тона, а возможно, и сам Тон, пытался войти в сношения с Шовеленом, французским поверенным в Лондоне, но безуспешно³⁵. Шовелен был недоверчив, а «Объединенные» еще ничем не прославились. Два года спустя уже французы стали искать сотрудничества с ирландскими революционерами. Но для посредничества избрали неподходящего человека: Уильяма Джексона, бывшего священника, замешанного в непристойных скандалах, авантюриста мелкого пошиба. Тон рискнул встретиться с ним, хотя Джексон внушал подозрения. К несчастью, напарник Джексона оказался шпиком. Вскоре последовали аресты многих членов «Объединенных ирландцев». Тону пришлось эмигрировать³⁶. Но поиски контактов с Францией не прекращались. В 1794 г. в Париж с ведома Т.Тона был направлен Г.Роуэн. Ему удалось свидеться с Робеспьером и заинтересовать его проектом военной помощи Ирландии. «Но, — вспоминал Уолф Тон, — наступило 9 термидора и падение Робеспьера. Полное изменение политики Франции, а также то обстоятельство, что каждый был озабочен лишь собственной безопасностью, привели к забвению планов Роуэна»³⁷.

Приходилось начинать все сызнова. Тону предстояло иметь дело с Исполнительной Директорией, о которой еще толком ничего не знали. Во Францию, отечество революции, Тон верил и восхищался ею. Но как политик испытывал настороженность.

«2 февраля 1796 г. Вчера, после выматывающего тридцатидневного плавания ... я сошел на берег в Гавре. Уродливый и грязный город...»³⁸ Унылая фраза. Впрочем, и другие города не понравились ему. Париж, безусловно, великолепен, но Лондон удобнее для пешеходов. Маленькие городки выглядят убого в сравнении с английскими. Подлинным разочарованием оказались француженки. «Женщины здесь некрасивы, вдобавок носят смехотворные прически», — досадовал он³⁹.

Тон подмечал покррой платья, достоинства повозок и прочие курьезы, забавные для чужеземца. Но поминал их походя, ибо был поглощен иным. С первых же дней он искал в облике Франции следы революции. Отыскивал даже в мелочах: в названии отеля — «Равенство»; в надписи на фронтоне церкви — «Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души». Замечал пустующие замки, хозяева которых, наверное, гильотинированы, а может, сбежали «на правый, а точнее, „неправый" берег Рейна»⁴⁰. Обращал внимание на такой, казалось бы, пустяк, как предупредительность и вежливость слуг. «Я упоминаю об этом, — пояснял Тон, — поскольку меня слишком часто допекали дурацкими доводами против свободы и равенства как губительных для всякого порядка»⁴¹. Он описывал работающие мельницы, возделанные поля, людей, занятых будничными делами. Неброские сценки, но радостные: и в помине нет разорения и хаоса, о которых вещали в Британии.

Он никого не знал во Франции. Да и обзавестись знакомыми было трудновато. Тон изъяснялся «на неведомом языке, который, льстя себе, именовал французским»⁴². Он познавал страну без поводыря, порой попадая впросак. Уже в первый день он неожиданно обнаружил: «В двух кафе нет хлеба, только пирожные, оригинально!»⁴² Голод? Но в гостинице подают превосходнейший обед всего за 4 шиллинга 7 пенсов! А ведь ему все уши прожужжали сплетнями о повальном голоде во Франции⁴³. Ну чем не наивный барин, советующий беднякам есть торт, коли нет хлеба! Тона подвела поспешность суждений. У него немного денег, правда, в английской валюте. 4 шиллинга, по его словам, обменивают на 1500 ливров. Но он еще считает на шиллинги. Полгода спустя, получая жалованье в ассигнатах, он узнает подлинную цену французских денег.

Крайней нужды Тон не заметил. Но не потому, что во Франции не было обездоленных. Напротив, их становилось все больше. И все же поначалу он ни словом не обмолвился о них. Возможно потому, что Тон ирландец, а по всеобщему признанию и современников, и историков, нищета его соотечественников не поддавалась никакому описанию. Английский паупер выглядел богачом в сравнении с ирландским арендатором. После убогой, ужасающей нищеты родины могла ли потрясти Тона бедность других стран?

Узнать, как живут французы, было несложно. Но чем живут? Их умонастроения оставались тайной, которую Тону не терпелось постичь. Обыкновенные с виду люди, разве что одеты несколько иначе. И вместе с тем титаны, свергшие монарха, провозгласившие республику! Тон полагал, что революция запечатлелась не в убранстве городов, а в самих людях. Республика должна благотворно влиять на человека. Увы, не всегда это происходит. Американцы вдохновлялись теми же великими принципами, а превратились в «грубиянов, самовлюбленных скряг, целиком поглощенных наживанием денег»⁴⁵.

Тон ничего не имел против обеспеченности, но стяжательство вызывало омерзение. Ради свободы Эйре он, не задумываясь, пожертвовал бы благополучием и не только им. «Для всякого ...даже просто читавшего дневник его, — писал Е.В.Тарле, — совершенно ясно, что Вольф Тон зарезал бы и жену, и детей, и себя, не колебавшись ни одного мгновения, если бы знал, что это обстоятельство как-нибудь выгонит из Ирландии англичан»⁴⁶. Понятие чести и долга республиканца служило Тону мерой добродетели и порока.

На первых порах Франция показалась ему нацией гражданской доблести, новыми Афинами⁴⁷. Ничто не говорило об испорченности, но все свидетельствовало о здоровой простоте нравов. Правда, кое-где сохранялась ослепительная роскошь старых времен. Ресторация во «Дворце равенства», бывшем «Пале Руаяль», поражала воображение: бесчисленные зеркала, массивные люстры, мерцающие позолоты. «Сколько лишений стоила народу отделка этой залы, — восклицал Тон, — однако отныне она открыта для каждого»⁴⁸. Аристократические изыски, оставленные революцией, не меняли общего впечатления. Они лишь выгодно оттеняли республиканскую скромность.

«Исполнительная Директория наградила генерала Журдана шестеркой лошадей, шпагой и пистолетами, — восхищался Тон. — Подарок, достойный генерала Республики»⁴⁹. Не пожизненный пенсион, не земли, а экипировка воина! Дар небогатый, но поистине бесценный! Посетив зал заседаний Совета пятисот, Тон изумился: депутаты выглядели затрапезно — они были одеты, как простые обыватели. Не пудрили волос, носили панталоны, а не кюлоты, обувались в сапоги, а не туфли. «Но их внешний вид не имеет никакого значения, — настаивал Тон. — И без напудренных локонов они покорили всю Европу, это главное. Все остальное несущественно»⁵⁰.

Нация победителей — нация воинов. И в Гавре, и в Париже почти каждый встречный или солдат, или облачен в полувоенную форму⁵¹. К армейским Тон приглядывался пристально: когда-то и он мечтал о военной карьере. Вдобавок от людей во французских мундирах зависело во многом будущее Ирландии.

Республиканская армия есть нечто особенное, ни с чем не сопоставимое. Собственно, это даже не войско, а «вооруженная нация»⁵². Маршируют отвратительно, гораздо хуже англичан или немцев. Ни стройности рядов, ни чеканности шага. Обмундирование неказистое, каждый носит его, как заблагорассудится. Часовые втыкают в петлицы букетики цветов. Не заметно особого чинопочитания. И все же «они били, как собак, и англичан, и немцев»⁵³. Следовательно, их сила не в муштре. Для Тона это открытие значило многое. Чем располагали «Объединенные ирландцы»? Отрядами полуголодных, почти безоружных людей, не ведающих дисциплины. На стороне англичан — вышколенная отборная армия. Но ирландские санкюлоты могут одолеть ее, если ими будет владеть то же воодушевление, тот же республиканский пыл, что вдохновлял французских собратьев.

Тон приехал во Францию, веря в преданность французов идеалам свободы. Он дорожил этой верой, и все, что укрепляло ее, доставляло ему истинное наслаждение. И особое удовольствие дарил театр.

«Театр — сладостный обман, если бы не он, чем бы я занялся в Париже?» — вопрошал Тон⁵⁴. Он был заядлым театралом и в молодости играл в любительских спектаклях. Об игре французских актеров судил с тонкостью знатока. Но любопытствовал увидеть воплощение революции на подмостках. Удовлетворить любопытство было несложно. К примеру, давали «Отелло» в «республиканской» трактовке: Яго был сама порядочность, Дездемону никто не душил, все кончалось благополучно. Зрителям разъясняли, что Шекспир подвергся небольшой переделке, ибо нравственность французской нации не может допустить трагического финала.

«Я восторгаюсь народом, — заметил Тон, — который на протяжении месяцев гильотинировал ежедневно по 60 человек (мужчин, женщин, детей), но не выносит ужаса, разыгрываемого на сцене»⁵⁵.

Впрочем, иные спектакли были вовсе недурны. Но ни одна драма не потрясла Тона столь глубоко, как «патриотические» пьесы. Они шли повсюду, их ставили в театрах и в зданиях церквей (чему Тон, ненавидевший клерикалов, был несказанно рад). Их сюжеты были незатейливы и однообразны. Исполнение оставляло желать лучшего. И все же это было чисто республиканское искусство, неотторжимое от Франции.

Едва приехав в Париж, Тон слушал «революционную» оперу «Подношение свободе», исполнявшуюся в соборе Парижской богородицы. В центре возвышалась статуя Свободы, подле нее алтарь, окруженный актерами в греческих одеяниях. Под звуки «гражданских песен» к алтарю приближались негры, мексиканцы, прочие угнетенные народы, несшие корзины цветов. Когда начинала звучать «Марсельеза», из-за кулис, держа трехцветное знамя, выходили национальные гвардейцы, проделывая ружейные экзерциции. Хор возвещал: «К оружию, граждане!», девушки вручали юношам шпаги и те, салютуя залу, уходили на сражение. «Невозможно передать словами впечатление от спектакля, — писал Тон. — Оказывается, я не знал, что такое энтузиазм. Он бесподобен, ибо я видел не наемных лицедеев, играющих выдуманную роль. Актеры играли самих себя: французских граждан, берущихся за оружие, дабы спасти свою отчизну от рабства»⁵⁶. Тон не видел революции в действии и потому принял действо за отражение революции. Отражение тем более правдоподобное, что зрелища, напоминавшие «патриотические» пьесы, разыгрывались и не на подмостках.

Март 1796 года. Тон на «празднике Юности», устроенном в церкви св.Рока. Статуя Свободы задрапирована национальным флагом. Возле нее офицеры в парадных мундирах и какие-то важные персоны. Помещение заполнено до отказа празднично одетыми мужчинами и женщинами. Молодых людей, достигших совершеннолетия, торжественно заносят в списки избирателей. Но герои дня — шестнадцатилетние юноши, призывающиеся в армию. Из рук своих матерей и возлюбленных они получают оружие. Все очень трогательно и вместе с тем величественно. «Я был охвачен волнением. Не удивляюсь чудесам, проявленным французской армией в битвах за свободу», — записал Тон⁵⁷.

Французы умели устраивать торжества. Впрочем, «Объединенные ирландцы» праздновали победы Франции ничуть не хуже. Иллюминированные окна Белфаста и Дублина, портреты Дантона, Пишгрю и прочих кумиров дня, марширующие волонтеры, в эмблеме которых соединялись ирландская арфа и фригийский колпак. Г, Там было неподдельное ликование, совладать с которым не могли запреты английских властей⁵⁸. Здесь же скорее политика, вполне I здравая и оправданная. «Я все более убеждаюсь в могучем воздействии подобных представлений, правильно руководимых, на ход революции», — заключал Тон⁵⁹. Надолго ли хватало искусно вызванного воодушевления, он пока не знал. Директория недурно расставляет декорации, но что творится за кулисами? Восторги Тона поутихли, едва он соприкоснулся с политикой подлинной, а не театрализованной.

Уже в начале мая он сетует: «Я влачу здесь собачью жизнь. Новизна Парижа изнасилась»⁶⁰. «Патриотические» балеты приелись. Деньги кончались. А дело, ради которого он приплыл во Францию, двигалось мучительно медленно.

После смерти Тона, когда имя его начало обрастать легендами, возникло поверье, будто он чуть ли не играючи склонил Директорию на свою сторону. Веллингтон, коего нельзя заподозрить в симпатиях к Тону, заметил: «Он был необыкновенным человеком. С сотней гиней в кармане, без рекомендаций и связей, он отправился в Париж, дабы свергнуть британское правление в Ирландии»⁶¹. И ему это едва не удалось, утверждала молва.

Действительно, уже осенью 1796 г., т.е. спустя несколько месяцев после приезда Тона, Директория готовит высадку в Ирландию. Попытка не удалась, но на следующий год формируется новый экспедиционный корпус. И вновь неудача. В 1798 г. снаряжен третий десант, закончившийся для Тона трагически. На этом - попытки прекратились. Невольно напрашивается вывод: пока Тон оказывал нажим на Директорию, она действовала; с его гибелью идея вторжения в Ирландию была забыта⁶².

Тон умел убеждать. Но обладай он даже сверхъестественным даром внушения, ему не удалось бы подвинуть Директорию на военные операции в Эйре, если бы его замысел не отвечал намерениям французского правительства. Удар по Британским островам военачальники республики считали надежнейшим способом покончить с неуязвимым врагом. В начале апреля 1796 г. Лазар Карно писал: «Англия — единственная страна, продолжающая войну. Стоит посмотреть, устоит ли она против 200000 солдат, высаженных на ее побережье»⁶³. Несколько раньше Лазар Гош предлагал провести военную диверсию в Британии силами корпуса, набранного из дезертиров, преступников и прочего сброда⁶⁴.

О проектах Карно и Гоша Тон, конечно, не подозревал. Однако враждебные отношения Франции с Британией не составляли секрета. И обращаясь к Директории, Тон подобрал безотказные доводы. В марте 1796 г. он направил Карно два меморандума. О республиканских идеалах, тирании англичан и рабстве ирландцев в них говорилось очень кратко, словно для приличия. Тон не взывал к сочувствию. Ему было ведомо, что политикой движет расчет, а не сентименты. Посему он скрупулезно, как бухгалтер, расписывает выгоды, кои даст Франции независимость Ирландии. Во-первых, Англия лишится флота, ибо большинство матросов — ирландцы. Во-вторых, богатство Британии зиждется на ограблении Эйре, следовательно, потеря «зеленого острова» нанесет непоправимый ущерб общему врагу французов и ирландцев. Вдобавок, военные операции не потребуют большого числа войск, так как десятки тысяч «Объединенных ирландцев» ждут лишь оружия, дабы начать революцию⁶⁵.

Меморандумы произвели нужное впечатление. Не связывая себя обязательствами, без особых затрат поразить врага в уязвимое место — разве не заманчиво? Тону поверили, хотя он явился «без рекомендаций». Впрочем, они были излишни: о Тоне во Франции слышали многие. И потому, сочтя его человеком полезным, приняли как «лицо почти официальное», своего рода поверенного в делах Ирландии. «Полагаю, — шутил Тон, — что я самый бедный посол в Париже ...Ровно с двумя луидорами в моей казне, я веду переговоры с французским правительством и готовлю революцию»⁶⁶.

Вначале Тону все давалось легко. Шарль Делакура, министр иностранных дел, принял его без проволочек и весьма благожелательно; заверял, что судьба Ирландии ему бесконечно дорога и обещал всяческое содействие. Попасть к Лазару Карно оказалось проще простого⁶⁷. На свой страх и риск Тон отправился к нему и, даже не назвавшись, тут же получил аудиенцию. Великий Карно держал себя истинным демократом. «Я увидел, — писал Тон, — как двух оборванцев допустили к Карно, и он дал им денег, а генералы вынуждены были ждать своей очереди»⁶⁸. В департаментах Тона встречали по-республикански, без церемоний. Казалось, будто вместе с монархией французы уничтожили дух казенщины. Но уже месяц спустя Тон досадовал на свою наивность.

Он угодил в банальнейшую чиновную круговерть. От него требовали докладных, теряли их, тянули с переводом на французский, пересылали из одного ведомства в другое. «Я не понимаю бездельников, напускающих на себя важный вид, — негодовал Тон, — которые желают свершать революции, но не дают себе труда исписать пару листков бумаги»⁶⁹. Впустую тратилось время, словно речь шла не о свободе целого народа. «Бедная, бедная Ирландия, — удручался Тон, — твоя судьба во власти клерков, возможно честных, но никуда не годных»⁷⁰. Было от чего впасть в уныние.

На первых порах Тон винил в проволочках бездарных чиновников. Не хотелось думать, что вожди «вооруженной нации» намеренно тянут с помощью Ирландии. Если так, то они «жалкие политиканы»⁷¹. Однако Джеймс Монро, американский посол в Париже, уверял Тона, что более сильного и одаренного правительства, к тому же столь энергичного, Франция не знала⁷². Тону было трудно разделить восторги Монро. Возможно, Директория не прочь отправить десант в Ирландию. Но одно дело — желание, другое — возможности. А их явно не хватало.

В конце марта 1796 г. Делакруа радостно сообщил Тону, что со дня на день поступят 3 млн ливров, из которых один пойдет на подготовку экспедиции⁷³. Но деньги так и не объявились. Мэджет, подчиненный Делакруа, друг злополучного У.Джексона, по секрету поведал Тону, что с финансами дело обстоит туго. Впрочем, о том, что Директория погрязла в долгах, Тон знал и без Мэджета. Об этом судачили и в очередях, и в салонах. По мнению Монро, у правительства оставался единственный выход — объявить себя банкротом⁷⁴. Тон, обжившийся в Париже, ощущал, насколько тревожна обстановка в стране. С продовольствием становилось все хуже, деньги обесценивались, система мандатов провалилась. В мае 1796 г. Тон не мог предсказать, справится ли правительство с «яростью голодного, недовольного населения»⁷⁵.

К своему огорчению Тон убедился, что французы мало похожи на пылких, возвышенных героев античности. Лежандр, бывший мясник, а ныне депутат Республики, протезирует мадемуазель Контан, явной роялистке! Никто его не осуждает, более того, многие депутаты, не таясь, обзавелись содержанками. «Быть может, у меня экстравагантные понятия о порядочности? — недоумевал Тон. — Протекция Лежандра? Я не признаю никакой протекции, кроме протекции закона!» Но никому нет дела до Лежандра, да и вообще французы безразличны к политике. «Воодушевление революции почти полностью исчезло», «Марсельезу» слушают в лучшем случае со скукой на лице⁷⁷. От войны Франция определенно устала. Карно сознался, что набор в армию идет с величайшим трудом, новобранцев, связанных по рукам и ногам, в повозках везут в части; дезертирство стало эпидемией⁷⁸. Даже триумфы итальянской армии не способны расшевелить французов. Побед просто не замечают. Впрочем, слух о гибели 15-тысячного отряда в Италии тоже не произвел ни малейшего впечатления⁷⁹. Что же будет дальше? «Я полагал, — писал Тон, — что молодое поколение вырастет добрыми республиканцами, но пока мои ожидания не оправдались»⁸⁰.

Апатия французов сердила Тона. Это вполне объяснимо: его революция только занималась, и он был преисполнен надежд и пыла. Во Франции надежды уходили в прошлое. Все же Тону обидно было расставаться с образом идеальной Франции. Он пытался оправдать республику, внушал себе, что энтузиазм не может длиться годами, даже если его подстегивать зрелищами. Тон хотел надеяться, что одряхление революции еще можно замедлить. «Поговаривают, — писал он в апреле 1796 г., — что в правительство войдет якобинская партия, не террористы, но подлинные якобинцы, начинавшие революцию. Я буду рад, если они вновь обретут силу, ибо полагаю, что лишняя энергия не повредила бы Франции»⁸¹.

Тон чувствовал, что за равнодушием французов кроется раздражение. Кто сыграет на нем? Роялисты? Мэджет боялся, как бы, заслышав клич «Да здравствует король!», народ не подхватил его⁸². Такой исход Тон считал маловероятным. Конечно, немало аристократов уцелело, и ему доводилось встречать их. О кознях роялистов не раз рассказывали Карно и Гош, которому они всерьез досаждали. И все-таки Тон не верил в силу «бывших». «Похоже, — замечал он, — нет особой опасности возрождения аристократии»⁸³. Разумеется, случалось и республиканцы переметывались на сторону монархии. Среди них оказался прославленный Пишегрю. Его предательство казалось Тону не только мерзким, но и противоестественным: променять звание генерала Республики на презренный металл! Но как бы то ни было, «я не сомневаюсь, — писал Тон в сентябре 1797 г., — что армия покинула бы Пишегрю, как ранее она отвернулась от подонка Дюмюрье»⁸⁴. Нация, познавшая свободу, не способна изменить ей, убеждал себя Тон.

Однако Директории угрожали не только «бывшие». 11 мая 1796 г. Тон занес в дневник: «Сегодня объявлено о раскрытии заговора с целью уничтожения Директории, Законодательного собрания и восстановления конституции 1793 г.»⁸⁵ О замыслах Бабефа и его соратников Тон знал лишь из официозных газет, а стало быть, не знал ровным счетом ничего. Карно настойчиво намекал на «орлеанскую» подоплеку заговора, но Тон, при всем уважении к «организатору победы», не поверил ему⁸⁶. Среди арестованных значился Друэ, некогда помешавший бегству короля. Столь искренний, проверенный республиканец вряд ли примкнул бы к монархическому заговору. Да и в конституции 1793 г. Тон не находил ничего дурного: в Ирландии он предполагал ввести всеобщее избирательное право, без имущественных цензов. Как революционер он сочувствовал заговорщикам и был рад, когда после фрюктидора V года «правительство стало относиться более терпимо к якобинцам, которых судили вместе с Бабефом»⁸⁷. Но как посол «Объединенных ирландцев» не одобрял заговора. Конечно, слегка встряхнуть республику не помешало бы. «Правительство могло бы быть лучше, — рассуждал Тон, — но преимущества, которые можно получить от его перемены, не таковы, чтобы отважиться на превратности новой кровопролитной революции»⁸⁸. Какая ни есть, Директория изъявила готовность помочь Ирландии, и Тону оставалось молить о ее благополучии. И он был доволен, что большинство народа безучастно к призывам и роялистов, и ультрареволюционеров, а желает одного — «спокойствия во что бы то ни стало»⁸⁹.

Порой Тону сдавалось, что Директория удерживается только благодаря стремлению французов к покою. В критический момент она вряд ли овладела бы положением. У Тона создалось впечатление, что государственные мужи Франции заняты главным образом склоками и интригами. В ведомствах творилась явная неразбериха.

Во время второй встречи Делакруа попросил Тона замолвить перед Карно словечко за Приера! Министр, обращающийся с подобным ходатайством к малознакомому иностранцу! По крайней мере, необычно⁹⁰. Затем выяснилось, что план экспедиции, подготовленный Делакруа, совершенно неведом военному департаменту. Генерал Кларк, в будущем герцог империи, порекомендовал Тону иметь дело только с ним, ибо в его руках управление всей армией. Трюге, морской министр, в пику военному министру, затягивал снаряжение кораблей для десанта. Делакруа сулил свою поддержку? «Но чего стоят обещания министра! Его того и гляди отрешат от власти», — заметил Тон⁹¹. На его взгляд, министры менялись чересчур часто: то ли республика не умеет подбирать достойных людей, то ли не знает, что предпринять⁹². Среди ее чиновников самые разные люди: Кларк, сродственник знатнейших семей Британии, явно благоволящий аристократии; Мэджет и его помощник Ахерн — приверженцы «аграрного закона»⁹³. Тон предполагал вести переговоры с правительством республики «единой и неделимой». Но перед ним предстало некое пестрое скопище, в котором всяк вел свою частную политику. «С волками жить — по-волчьи выть», — заключил Тон⁹⁴. Волей-неволей ему пришлось влезать в интриги, заискивать, раздавать посулы, дабы заручиться полезным содействием и избежать сомнительных услуг.

«Несчастлив народ, чья судьба зависит от воли других», — писал Тон⁹⁵. В данном случае он имел в виду не английское господство, а союз с Францией, столь необходимый Ирландии. Тон начинал понимать, что ему предстоит не только добиться помощи, но и остережся, чтобы она не обернулась ярмом.

Войны, которые ведет республика, несут свободу. Ее противники — монархии, следовательно, Франция сражается с деспотизмом, а это Тон считал самым существенным. Тем не менее он замечал неладное: итальянцы, спасенные французами от тирании, то и дело бунтовали; тирольские крестьяне встречали освободителей вилами и дубинами⁹⁶. Подобные известия Тон заносил в дневник без комментариев, видимо, не находя им объяснения.

Не мог Тон истолковать и странное отношение чинов Директории к будущей форме правления Ирландии. Делакруа уверял, что Франция не возражает против монархического режима в Эйре, хотя республиканское правление, конечно, более совершенно⁹⁷. Иначе вел себя Кларк. Он настырно советовал не обижать ирландскую аристократию, а еще лучше — привлечь ее к революции. Тон заявил, что об этом не может быть и речи, «освобождение придет от народа, и только от него»⁹⁸. Однако, не вняв Тону, Кларк предложил установить в Ирландии монархию. Он всерьез рассуждал о возможных претендентах на трон и даже поинтересовался, не захочет ли Тон сам занять престол. Устав от назойливости генерала, Тон поведал, что не обладает талантами, позволяющими стать королем, Кларк удовлетворился таким ответом⁹⁹.

Прожекты Кларка можно было приписать незнанию Ирландии, расхожему мнению о дремучем невежестве ее народа. И все же Тон улавливал желание французов видеть ирландскую революцию респектабельной. Гош, человек довольно радикальных взглядов, предостерегал от избиения аристократов и чрезмерного террора. Впрочем, он согласился с предчувствиями Тона: лэндлордов вряд ли пощадят, ибо слишком долго и слишком жестоко они угнетали ирландцев¹⁰⁰. С Кларком найти взаимопонимания так и не удалось. Генерал советовал избегать черни и не принимать крутых мер, которые отпугнут людей состоятельных. «Что ж, — вынужден был ответить Тон, — если собственники нас не поддержат, они будут низвергнуты. Мы найдем поддержку среди многочисленного и уважаемого класса общества — людей, не обладающих собственностью»¹⁰¹. Похоже, именно этого и боялись правители Франции. Республика примирилась бы с учреждением монархии, но не желала повторения собственного опыта.

Грядущее правление волновало французских партнеров Тона гораздо меньше, нежели оплата услуг. Сей щекотливый вопрос обсуждался весьма обстоятельно. Тон не рассчитывал на бескорыстную помощь, но то, с чем он столкнулся, смахивало на вымогательство. В одной из первых бесед Делакруа намекнул, что Франция, идя на жертвы ради свободы Эйре, ожидает от нее соответствующей «благодарности и принципиальности»¹⁰². Тон заверил, что Ирландия оплатит не только дружбой, но и чем-нибудь материальным по крайней мере, возьмет на себя содержание экспедиционного корпуса. Поскольку Ирландия славилась своей бедностью, обещания Тона сочли голословными. Пришлось заняться детальными подсчетами и объяснять, что конфискация поместий эмигрантов, церковных земель даст немалую сумму, гарантирующую оплату¹⁰³. Калькуляция убедила в платежеспособности Ирландии, а Кларк, которому Тон пообещал пожизненную пенсию, стал сговорчивее и расторопнее.

На Тоне лежала неимоверная ответственность. Он взывал к силе, которая могла спасти, но могла и погубить. «Я никогда не соглашусь на подчинение моей страны французскому контролю только ради того, чтобы избавиться от английского контроля», — писал он¹⁰⁴. Но иного выхода, кроме военной экспедиции, Тон не видел. Он ждал ее начала с нетерпением и страхом.

В конце 1796 г. десант под командованием Гоша был готов к отплытию. Накануне Тон пометил в дневнике: «Насколько я понимаю, с нами в Ирландию отправляется маленькая армия комиссаров, рассчитывающих на пожизну»¹⁰⁵. Общение с ними не оставляло сомнений: за полкроны они продадут и свободу Ирландии, и честь своей республики. А ведь комиссары представляли эту республику! Об этом Тон старался не думать. Однако позаботился о мерах, которые позволили бы устоять против «помощи» посланников Директории¹⁰⁶. К сожалению, он не раскрыл своего замысла, дав историкам повод для догадок. Но доподлинно известно, что, еще находясь в Париже, Тон пытался обезопасить Ирландию. При том хаосе, который царил в правительстве, командующие крупными соединениями мало считались с указаниями Директории. Посему Тон прилагал все усилия, чтобы заполучить в командующие экспедицией честного человека.

В 1796—1797 гг. «ирландское предприятие» возглавлял Лазар Гош. У Тона сложились с ним самые дружеские отношения. Они были сверстниками и людьми одного склада. Гош обладал тем, чего, по мнению Тона, недоставало многим деятелям Франции, — энергией и решительностью. Помимо всего прочего, Гош истово ненавидел роялистов, не до конца растерял свои якобинские настроения и недурно усмирлял «господ комиссаров»¹⁰⁷. На генерала Тон мог положиться.

Но в сентябре 1797 г. произошли события, много изменившие в судьбе Тона: умер Лазар Гош, был смещен Карно. В правительстве появились новые лица, но никто из них не мог сравниться с Карно. Прежде Тон знал, что одно слово Карно весомее речей всех министров. Теперь он затруднялся сказать, кто вершит делами. Правда, Баррас и Талейран заверяли его в стремлении помочь Ирландии, но Тон не очень полагался на их обещания¹⁰⁸.

Впрочем, на фоне воцарившейся посредственности все отчетливее вырисовывалась новая политическая фигура, к которой стоило присмотреться.

25 апреля 1795 г. среди прочих новостей Тон упомянул в дневнике о победе, одержанной французами при Монтенотте. Ими командовал «генерал Буонапарте, корсиканец»¹⁰⁹. Так Тон впервые узнал это имя. Затем оно все чаще встречается в записках Тона: триумф командующего итальянской армией превосходил успехи остальных военачальников. В декабре 1797 г. Тон, стоя в толпе, встречал Бонапарта, торжественно въезжавшего в Париж после подписания мира с Австрией. Несколько раньше было объявлено о создании «Английской армии». В ее списках значился Уолф Тон.

Вскоре, 18 декабря, Тон был представлен Бонапарту и не раз встречался с ним: обсуждалась новая экспедиция в Ирландию. «Удивительно, как мало я могу сказать о нем», — признавался Тон, неплохо разбиравшийся в людях¹¹⁰. Внешне Бонапарт походил скорее на профессора математики, нежели генерала. Лицо непроницаемое, в нем нет и следа энергии, которой он славен. Тем не менее это «величайший человек в Европе»¹¹¹. По-видимому, Тон судил с чужих слов, ибо Бонапарт оставался для него личностью выдающейся, но непонятной. Влияние, которым Бонапарт пользовался в Директории, и его полководческий талант внушали надежду на добротную подготовку десанта и конечный успех. В Руане, где находился штаб «Английской армии», Тон познакомился с ближайшими сподвижниками генерала — Дезе, Мюратом, Клебером, и они понравились своей напористостью.

Но вместо Ирландии Бонапарт отправился в Египет. Тон не слишком удивился такому повороту событий. Он с самого начала подозревал, что сборы ирландского десанта ведутся для отвода глаз: чересчур громко возвещали газеты о предстоящей экспедиции. Тон понимал, что Бонапарту, давнему сопернику Гоша, не очень хотелось становиться преемником генерала, которого он недолюбливал. Не случайно после смерти Гоша близких к нему офицеров потеснили, а проекты отринули. По интонациям Бонапарта, по его отношению к диспозициям, составленным Гошем, Тон чувствовал, что генерала не прельщает высадка в Ирландии.

Пожалуй, Тон даже испытывал облегчение от того, что Бонапарт в Египте, а не в Ирландии. Как военачальник генерал был бы бесспорно полезен, но как политик представлял серьезную угрозу Эйре. Конечно, Тон не выпытывал у Бонапарта его политического кредо, но образ действий генерала в Италии был достаточно красноречив. Тон знал, что Бонапарт взимает с итальянцев крупные контрибуции, весьма нелишние для Директории. Но ничего предосудительного в том не видел: обычай войны, к тому же побежденные — монархи¹¹². Возмущало иное: Бонапарт навязывал свои установления освобожденным народам! Республиканский генерал «покушается на неотъемлемые права народа!»¹¹³ В Ирландии ему это даром бы не прошло.

Порой генерал допускал в частных беседах весьма настораживающие высказывания. В феврале 1798 г. Льюинс, соратник Тона, недавно прибывший в Париж, стал очевидцем впечатляющей сцены. В разговоре с Бонапартом кто-то помянул бабувистов, чем привел генерала в ярость. «Они желают конституции 1793 г., — кричал он, — но не получают ее, смерть тому, кто ее потребует... Если бы мне пришлось выбирать между монархией и системой этих господ, я, не задумываясь, высказался бы за короля»¹¹⁴. Тон, несомненно, избрал бы иное. По отдельным штрихам трудно было составить портрет Бонапарта. Однако даже в этих черточках проступало нечто чуждое Тону. Но Бонапарт входил в силу.

«Морской министр вызывает меня в Париж»¹¹⁵. Это последняя запись в дневнике Тона, сделанная 30 июня 1798 г. Месяц спустя он ступил на борт фрегата «Гош», входившего в состав третьей, последней экспедиции, вытребованной у Директории другом Л.Гоша генералом Умбертом.

Кем стал бы Тон, если бы десант одержал победу и к власти пришли бы «Объединенные ирландцы»? Ирландским Робеспьером? А может, Наполеоном? Рассуждения на сей сюжет встречаются в работах, посвященных Тону. Гадать, впрочем, бесполезно. Несомненно одно: пребывание во Франции не прошло для него бесследно. Он застал лишь блеклую тень той республики, перед которой преклонялся и почитал за образец. Но поучительны не только чужие добродетели, но и чужие пороки. Чем дальше отстояла Франция Директории от идеала, тем радикальнее становились воззрения самого Тона. В его дневниках Франция начала революции расследует с Францией ее заката, словно пограничные, но все же разные государства.

ФРАНЦИЯ ВРЕМЕН ДИРЕКТОРИИ В «ДНЕВНИКАХ» Т. У. ТОНА

1 См.: Джексон Т.А. Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. С.235.

2 Конноли Дж. Рабочий класс в истории Ирландии. М., 1969. С.103—105.

3 См.: Устименко Ю. Познакомьтесь: Ирландия. М., 1978. С.81.

4 MacManus M.J. A Bibliography of T. W. Tone. Dublin, 1940.

5 Boylan H. Wolfe Tone. Dublin, 1981.

6 Cronin S., Roche R. Freedom, the Wolfe Tone's Way. Dublin, 1973. P.78.

7 Подробнее см.: История Ирландии. М., 1980. С.147—185; Черняк Е.Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М., 1962; Jacob R. The Rise of the United Irishmen. L., 1937; Madden R. The United Irishmen, their Lives and Times. In: 4 vol. Dublin, 1857—1860.

8 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.45. С.12, 14.

9 История Ирландии. С. 171.

10 Керженцев П. Ирландия в борьбе за независимость. М., 1936; Тарле Е.В. Ирландия от восстания 1798 г. Соч. М, 1957. Т.1. С.310—376; Черняк Е.Б. Указ.соч. С.466—653.

11 Toty T.W. Life of T.W.Tone, written by himself, with selections from his diary. In: 2 vol. Wash., 1826. Далее все ссылки даны на издание: Memoirs of T.W. Tone, written by himself. In: 2 vol. L., 1937.

12 Tone T.W. Autobiography Abridged by S.O'Faolain. L., 1937; Tone T.W. Autobiography. In: 2 vol. Dublin, 1910; Autobiography. In: 2 vol. L., 1893.

13 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 314.

14 Memoirs of T. W. Tone. Vol. 2. P. 69.

15 Williams H.M. Letters from France. L., 1793; Politics of France. L., 1795.

- 16 Memoirs of T.W Tone. Vol. 1 P. 191.
- 17 О юношеских годах Т.Тона см.: Ibid. P.11—38.
- 18 Ibid. P.25.
- 19 Tone T.W Review of the Conduct of Administration during 7th Session of Parliament. Dublin, s.a.
- 20 Hayes R. Ireland and Irishmen in the French Revolution. L., 1932; Guillon E. La France et l'Irlande pendant la Revolution. P., 1888; Lecky W.E. History of Ireland in the 18 century In: 5 vol L., 1892.
- 21 Memoirs of T. W. Tone. Vol.1 P.60—61
- 22 Lecky W.E. History of Ireland... Vol.3. P.206.
- 23 Memoirs of T.W.Tone. Vol.1. P.51.
- 24 Lecky W.E. Leaders of Public opinion in Ireland, In: 2 vol. N.Y., 1912.
- 25 Memoirs of T.W.Tone. Vol 2. P.303.
- 26 Ibid. Vol.1. P.405.
- 27 Ibid P.426.
- 28 Ibid. P.276.
- 29 Ibid. P.420.
- 30 Lecky W.E. History of Ireland... Vol.3. P.197.
- 31 McDermot F.T. W. Tone and his Times Dublin, 1971. P.106—111.
- 32 Подробнее см.: Ibid. P.60—61.
- 33 Цит. по: Конноли Дж. Указ.соч. С.108.
- 34 Подробнее см.: Kennedy W.B. Conspiracy Tinged with Blarney. B: Consortium on Revolutionary Europe. Proceedings. Athens, 1978. P.48.
- 35 Lecky W.E. History of Ireland . Vol. 3. P.200; McDermot F Op.cit P.98.
- 36 О «деле Джексона» см.: Memoirs of T.W.Tone. Vol.1. P.163—173.
- 37 Ibid. P.191.
- 38 Ibid.
- 39 Ibid. P.202—203.
- 40 Ibid. P.209
- 41 Ibid. P.103.
- 42 Ibid. P.185.
- 43 Ibid P 200
- 44 Ibid P 201
- 45 Цит по Boylan H. Op.cit. P.56.
- 46 Тарле Е В Указ соч С 337.
- 47 Memoirs of T W Tone Vol 1 P 205
- 48 Ibid P.210.
- 49 Ibid P.211.
- 50 Ibid P.323.
- 51 Ibid P.202.
- 52 Ibid P.220.
- 53 Ibid P.321.
- 54 Ibid P.240.
- 55 Ibid. Vol.2. P.240.
- 57 Ibid. P.318.
- 56 Ibid. Vol.1. P.212.
- 58 Lecky W.E. History of Ireland... Vol.3. P.194; Boylan H. Op.cit. P.27.
- 59 Memoirs of T.W. Tone. Vol.1. P.138.
- 60 Ibid. Vol.2. P.28.
- 61 Цит. по: Carty J. Ireland... Dublin, 1952. P. 83.
- 62 Bradley P.B. Bantry Bay: Ireland in the Ireland of T.Tone L., 1931.
- 63 Цит. по: Reinhard M. Le Grand Carnot. In: 2 t. P., 1952. T.2. P.216.
- 64 Ibid
- 65 Memoirs of T.W.Tone. Vol 2. P.371—395.
- 66 Ibid P.68.
- 67 Ibid Vol.1. P.253-266.

66 Ibid P.68.
67 Ibid Vol.1. P.253-266.
68 Ibid P.238.
69 Ibid P.295.
70 Ibid Vol.2. P.9.
71 Ibid Vol 1 P 270
72 Ibid P 235—236.
73 Ibid P.248.
74 Ibid P.237.
75 Ibid P.271.
76 Ibid Vol.2.
77 Ibid P.31.
78 Ibid P.78.
79 Ibid P.80.
80 Ibid P.31.
81 Ibid. Vol.1. P.271.
82 Ibid. P.271.
83 Ibid. P.261.
84 Ibid. Vol.2. P.267.
85 Ibid. P.27.
86 Ibid.P.78.
87 Ibid. P.286.
88 Ibid. P.27.
89 Ibid.
90 Ibid. P.236.
91 Ibid. P.24.
92 Ibid. P.24.
93 Ibid. P.4.
94 Ibid. P.25.
95 Ibid. P.3.
96 Ibid. P. 288.
97 Ibid. Vol.1. P.266.
98 Ibid. P.276.
99 Ibid. Vol.2. P.91.
100 Ibid
101 Ibid. P.266.
102 Ibid. Vol.1. P.253.
103 Ibid Vol.2. P.371-395.
104 Ibid p.9.
105 Ibid P.158.
106 Ibid. P.234.
107 Ibid. Pill
108 Ibid. P. 272, 277, 298.
109 Ibid. P.17.
110 Ibid. P.280.
111 Ibid. P.278.
113 Ibid. P.237.
112 Ibid P.42.
114 Ibid. P.287.
115 Ibid. P.337.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НИДЕРЛАНДЫ

В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология»

М.: Наука. 1988. С.208-231.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Нидерланды — первая в истории страна победоносной буржуазной революции. Отметив, что 1566 г. был годом начала «голландской революции», В.И.Ленин отнес ее к эпохе «национальных и демократических движений».¹ Свергнув иго испанского абсолютизма, Нидерланды образовали первую в истории буржуазную республику. Традиционно датой ее рождения считается 23 января 1579 г. — день, когда была подписана Утрехтская уния — военно-политический союз семи провинций (Голландии, Зеландии, Утрехта, Гелдерланда, Оверэйсела, Фрисландии, Гронингена). В 1595 г. было принято официальное название нового государства — Республика Семи Соединенных Нидерландов (иногда употребляется другое название — Республика Соединенных провинций). По Вестфальскому миру 1648 г. молодое буржуазное государство получило международное признание. Власть в нем сосредоточила в своих руках наиболее влиятельная в то время крупная торговая буржуазия.

Согласно Утрехтской унии Нидерланды строились как федеративное государство. Высшим законодательным органом стали Генеральные штаты. При решении наиболее важных вопросов (войны и мира, введения новых налогов) в Генеральных штатах требовалось единогласие. Специфической была должность статхаудера (штатгальтера) — высшего чиновника государства, соединявшего высшие исполнительные функции с обязанностями капитан-генерала и адмирала, т.е. главы военного дела.

Буржуазная революция XVI в. в Нидерландах, как и буржуазные революции в Англии XVII в. и во Франции XVIII в., была революцией мануфактурной стадии развития капитализма, но, как подчеркивал К.Маркс, «каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию».² В то время как буржуазная революция во Франции XVIII в. была революцией «второй фазы мануфактурного периода», буржуазная революция в Нидерландах была революцией «первой фазы мануфактурного периода», и на ее содержании сказались такие факторы, как неразвитость и незрелость раннего капитализма вообще, абсолютное преобладание «торгового капитализма над промышленным», отсутствие не только «общеевропейской системы капитализма», но и капиталистических государств».³ В Нидерландах оставались пережитки феодализма. Немногочисленное дворянство сохранило свои экономические и политические позиции в «отсталых» провинциях Утрехт, Гелдерланд, Оверэйсел, Фрисландия, Гронинген. Сохранялись препятствия, мешавшие свободе предпринимательства. Не было единой централизованной системы финансов и налогового обложения, единой системы мер и весов. Остро ощущалось отсутствие религиозной свободы — ортодоксально-кальвинистская церковь функционировала как государственная, в то время как инакомыслящие (диссентеры) подвергались преследованиям (католики, лютеране, меннониты и др.).

Буржуазная революция в Нидерландах дала мощный импульс экономическому развитию: Нидерланды стали «образцовой капиталистической страной XVII столетия» и оставались до начала XVIII в. «господствующей торговой и промышленной нацией».⁴ Почти весь XVII век был для Нидерландов «золотым веком», но «золотым» для богатых, в то время как «народные массы Голландии уже в 1648 г. больше страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы».⁵

За «золотым веком» последовали десятилетия упадка и превращения в государство второго и даже третьего ранга. На одну из причин такого развития указал К.Маркс: «Уже в начале XVIII века голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими». ⁶ В торговле Нидерландам пришлось отступить перед торговой конкуренцией не только Англии, но и Гамбурга, Швеции, Дании, России, Испании. Все большая часть товаров направлялась теперь от продавца к покупателю, минуя дорогостоящий стапельный (складочный, посреднический) рынок в Амстердаме — источник богатства Нидерландов в XVII в. В то время как в XVIII в. ввоз и вывоз Англии увеличились в 3 раза, а Франции в 5 раз, ⁷ нидерландская торговля стагнировала, что сказалось, в частности, на соотношении торговых флотов Англии и Нидерландов: 1:5 в 1650 г. и 7:6 в 1750 г. ⁸ К этому следует добавить, что в то время нидерландские колонии еще не стали рынками сбыта для метрополии. Упадок доходов от промышленности и торговли нидерландская буржуазия стремилась компенсировать вывозом своих капиталов за границу. К.Маркс констатировал, что «в 1701—1776 гг. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке Англии». ⁹ В 1780 г. примерно 1500 млн гульденов было вложено за рубежами страны. По словам известной нидерландской социалистки Генриетты Роланд Голст, Нидерланды своими капиталами «помогали стать на ноги своим конкурентам». ¹⁰ Таким образом, обогащаясь за счет вложений за границей, нидерландская буржуазия обескровливала экономику страны.

Стагнация и даже регресс в области экономики были связаны с процессами, происходившими после победы революции в политической и социальной областях. Постепенно из торговой аристократии выделилась замкнутая группа регентов, сосредоточивших в своих руках власть в городах, провинциях и государстве. Некоторые нидерландские историки говорят даже о сословии регентов, занявших посты в органах власти и управления. Основными источниками их благосостояния стали теперь не торговля и судоходство, а доходы от вложения капиталов за границей и особенно доходы от занимаемых ими должностей (включая сюда и доходы от взяточничества, которое превратилось из злоупотребления в систему). Образовалась замкнутая каста регентов, отгородившая себя эндогамными браками, передачей должностей по наследству, договоренностью между собой на много лет вперед о распределении доходных должностей. Амстердамские бургомистры оставляли теперь миллионные состояния. Право управлять стало частным правом небольшого числа семей. Правила олигархия регентов.

Статхаудер Виллем V Оранье-Нассау (Вильгельм V Оранский), занимавший эту должность в 1751—1795 гг., опирался традиционно на офицерский корпус наемной в Нидерландах армии, на государственную церковь, на городские и провинциальные управления в провинциях Утрехт, Гелдерланд, Оверэйсел и Зеландия, где было много дворян-регентов. «Традиционно» он выступал в качестве «покровителя» народа, чем обеспечивал себе поддержку кальвинистских рабочих, мелких бюргеров, части крестьян; поддерживали его и амстердамские евреи. Во внешней политике статхаудеры ориентировались на Англию (например, Виллем III в порядке личной унии был в 1689—1702 гг. одновременно королем Великобритании). Между регентами и статхаудерами с попеременным успехом велась борьба, в которой регенты добивались таких побед, как 67 лет бесстатхаудерного правления (1650—1672 и 1702—1747 гг.)

В то время как большинство регентов и статхаудер и его сторонники пытались сохранить и укрепить существующий порядок, все чаще и активнее стали проявлять себя силы, стремившиеся вывести республику из того тупика, в котором она оказалась через 200 лет после революции. В 70-х годах в Нидерландах начало складываться движение патриотов. В него вошли главным образом зажиточные бюргеры и представители интеллигенции — профессора, юристы, студенты, а также просвещенные регенты, часть провинциального дворянства, часть буров (крестьян-собственников), диссентеры (по данным известного нидерландского историка Яна Ромейна, в конце XVIII в. в Нидерландах насчитывалось 1150 тыс. ортодоксальных кальвинистов и 650 тыс. диссентеров). ¹²

Патриоты стремились к участию в управлении страной, понимая необходимость централизации, ликвидации остатков феодализма и т.д. Во внешней политике они были против ориентации на Англию — главного соперника Нидерландов. Идеологически патриоты находились под влиянием идей Просвещения, прежде всего французского. В 1748 г. в Нидерландах появился перевод книги Ж.Ламетри «Человек-машина», в 1768 г. — книги философа-деиста Мармонтеля «Велизарий». Была издана значительная часть сочинений Вольтера и энциклопедистов. Голландский поэт Виллем Билдердейк перевел, в частности, на голландский язык «Исповедь» Жана-Жака Руссо. Считают, что политические идеи Руссо оказали влияние на патриотов. На идеи просветителей ссылались и противники патриотов. Так француз Эли Лозан восхвалял существовавшее в Нидерландах государство как воплощение идеала Монтескье.

Наряду с французским Просвещением большое влияние на патриотов оказала борьба североамериканских колоний против Англии за свою независимость. При этом они помнили о торговых интересах Нидерландов и призывали объединить усилия с Северной Америкой и Францией против Англии. Королевская Франция учитывала эти настроения, и ее посол в Нидерландах снабжал патриотов деньгами.¹³ Патриоты стали создавать по всей стране клубы.

Успех движения зависел во многом от поддержки народа — ремесленников, мелких лавочников, мелких крестьян-собственников, крестьян-арендаторов, многочисленных лиц наемного труда — батраков, надомников, рабочих торфоразработок, матросов, строительных рабочих и многих других (в Нидерландах процент наемных рабочих был значительно выше, чем в других странах Европы). Положение этих групп населения особенно ухудшилось в 70-е годы в результате тяжелого экономического состояния страны. Нидерландский «Ежегодник» за 1777 год сообщал, что простой люд погибает от нужды. После 1770 г. безработица стала хронической, порождая бродяжничество, нищенство, преступность. Многочисленные пауперы жили на содержании церковных, сельских и городских общин. Большие капиталы вкладывались в благотворительность, поэтому многие нуждающиеся видели в крупных собственниках не врагов, а благотворителей. Те же, кто имел работу, боялись ее потерять. Если в XVII в. рабочие не раз поднимались на стачечную борьбу, то во второй половине XVIII в. их активность значительно понизилась, что сказалось на их отношении к движению патриотов.

В 80-е годы внутренняя борьба в Нидерландах резко обострилась в результате поражения в войне 1780—1784 гг. с Англией. Это была уже четвертая война между соперниками. Первые три (1652—1654, 1665—1667, 1672—1674 гг.) ускорили падение торгового могущества Нидерландов. В ходе четвертой войны Нидерланды присоединились 4 января 1781 г. к Лиге вооруженного нейтралитета, в которую входили Дания, Австрия, Португалия, Пруссия, Россия, Швеция, Королевство обеих Сицилий. Лига выступала за свободу торговли нейтральных стран во время войны на основе принципов, провозглашенных Россией 28 февраля 1780 г. Ее политика вооруженного нейтралитета подрывала монопольное могущество Англии на морях и океанах и объективно способствовала борьбе американского народа за независимость. Царский посол в Гааге Голицын сообщал Екатерине II о росте антианглийских настроений в Нидерландах.¹⁴ Не только патриоты, но и регенты заняли антианглийскую позицию, обвиняя статхаудера в том, что он, как военный руководитель, обрек армию и флот на полную инертность, что привело к поражению Нидерландов.

Объявив статхаудера изменником родины, патриоты еще в ходе войны стали создавать добровольческие корпуса (отряды), в которые вступили до 28 тыс. вооруженных бюргеров, в 1784 г. состоялось национальное собрание этих отрядов.¹⁵ С помощью вооруженной силы патриоты взяли в свои руки власть в некоторых городах провинций Голландия и Утрехт, проведя демократизацию городских управлений. Центром их движения стал город Утрехт.

Статхаудер был отстранен от командования гарнизоном в Гааге, затем от командования милицией в провинции Голландия, было даже запрещено пение гимна «Вильгельмус», прославлявшего династию Оранье-Нассау. В этой обстановке статхаудер покинул Гаагу и обосновался в Неймегене среди своих сторонников. В стране, в сущности, началась гражданская война. В июне 1787 г. комитет обороны (патриоты) задержал около города Гауды супругу статхаудера Вильгельмину, сестру короля Пруссии. Для прусского короля Фридриха-Вильгельма II этот инцидент стал желанным предлогом для вторжения в Нидерланды. В страну вступила 20-тысячная армия под командованием известного в то время полководца Фердинанда Брауншвейгского. 1 октября пруссаки взяли Амстердам, причем вооруженное сопротивление оказала лишь горсточка бюргеров. Надежды патриотов на помощь королевской Франции, с которой Нидерланды заключили под их влиянием в 1785 г. договор против Англии и Пруссии, не оправдались. Франция, по-видимому, не рискнула выступить против Пруссии.

Прусская интервенция резко изменила соотношение сил в стране. Регенты повернули к союзу со статхаудером, напуганные не только прусской мощью, но и тем, что в ряде городов патриоты взяли власть в свои руки. Для полноты победы над внутренним врагом были организованы «народные выступления»: кальвинистские проповедники проклинали патриотов с церковных кафедр, и толпы народа, снабженные оранжистами отечественной можжевелевой водкой, размахивая оранжевыми флагами династии, кричали на улицах и площадях: «Виват, принц! Мы проучим этих проклятых патриотов!» При самом активном участии английского посла Гарриса Виллем V был восстановлен во всех своих правах, статхаудерство было объявлено конституционно наследственным и в 1788 г. гарантировано Англией и Пруссией. К такому политическому итогу пришла республика Соединенных Нидерландов накануне Великой французской революции.

Некоторые нидерландские историки называют события 1787 г. «революцией». Е.Коссман полагает, что патриоты были демократами, «голландскими революционерами».¹⁶ Я.Ромейн, как и Е.Коссман, считает патриотов демократами, но отмечает противоречие между их громкими словами и малыми делами, он указывает на то, что они не имели корней в народе, не выступали за действительный народный суверенитет и за народное благосостояние, по его мнению, патриоты потерпели бы поражение независимо от вторжения Пруссии.¹⁷ Мы полагаем, что движение патриотов можно определить как либерально-буржуазное с некоторыми демократическими тенденциями. Патриоты не были революционерами. Имея вооруженные отряды, они фактически отказались от вооруженной борьбы как против внутренних врагов, так и против прусского вторжения. Умеренность — характерная черта их движения. Нет никаких данных об их стремлении привлечь на свою сторону народные массы, выдвинуть требования, отражавшие их насущные интересы. Они фактически изолировали себя от народа, в то время как их противники сумели организовать так называемые оранжистские собрания. В слабости движения патриотов проявилась в свою очередь слабость нидерландской буржуазии, ее оторванность от народа, ее неспособность собственными силами добиться радикальных перемен. В 1787 г. одержали победу консервативные силы — статхаудер, объединившийся с регентами, и их сторонники. 5—6 тыс. патриотов эмигрировали в соседние Южные Нидерланды, входившие в состав Австрийской империи, и во Францию.¹⁸

События 80-х годов показали, что в Нидерландах назревала вторая буржуазная революция. Складывалась нидерландская нация, объективные законы развития капитализма требовали не только полной ликвидации пережитков феодализма, но и устранения двухсотлетних «нажитков» раннего капитализма — городского и провинциального партикуляризма, олигархии регентов, тиранической власти статхаудера, дискриминации диссентеров и т.д. Своими силами нидерландская буржуазия, оторванная от народа, решить эти задачи не смогла. Потерпев поражение, патриоты стали возлагать надежды на внешнее вмешательство.

Патриоты, эмигрировавшие во Францию, горячо приветствовали начавшуюся там в 1789 г. революцию. Один из них писал, что статхаудер послал их в высшую школу патриотизма и революции. Они переводили на голландский язык писания Анахарсиса Клоотса, Томаса Пейна и Мари-Жана Кондорсе и переправляли их в Нидерланды. Восторженно встретили французскую революцию и их сторонники на родине. Теперь они стали называть себя батавами в память о свободолюбивом племени, восставшем в 69 г. н.э. под предводительством Клавдия Юлия Цивилиса против господства Рима. По некоторым данным в Амстердаме было около 3—4 тыс. патриотов, в Утрехте — 700—800, в Лейдене — 300—400.¹⁹ Их лидерами стали радикальный Исаак Ян Александр Хохел (1765—1821) и умеренный Рютхер Ян Схиммелпеннинк (1761—1825); был создан Революционный комитет, развернувший активную пропаганду. Патриоты в контакте со своими собратьями-эмигрантами во Франции, среди которых выдвинулся юрист Герман Виллем Данделс, вырабатывали тайные планы. Переведенные эмигрантами сочинения изучались в кружках для чтения, в различных культурных обществах. В 1791 г. одно такое общество провело конкурс-опрос на тему о равенстве людей. Один из участников конкурса, не получивший, правда, премии, открыто одобрил права человека, провозглашенные французской революцией.

20 апреля 1792 г. Франция объявила войну реакционной Австрии. В ходе революционной войны французские войска вошли в Австрийские Нидерланды (Бельгия). 14 ноября 1792 г. солдаты Северной армии генерала Дюмуре вступили в Брюссель. 16 ноября Исполнительный комитет Конвента ввел декрет о свободе судоходства по Шельде, выход из которой в Северное море находился с 1648 г. по Вестфальскому миру под контролем Нидерландов. Французская эскадра заняла морские проходы, вытеснив из них нидерландский флот. Это был удар не только по Нидерландам, но и по Англии, обязанной по договорам защищать их права на Шельде. 19 ноября 1792 г. Конвент принял декрет о помощи всем народам, желающим низвергнуть своих тиранов. 1 декабря 1792 г. в воззвании, напечатанном в газете Бриссо «Патриот Франсе», Кондорсе призвал голландцев свергнуть власть статхаудера (Ж.Жорес считает, что это был призыв к революции²⁰).

1 февраля 1793 г. Конвент одновременно объявил войну «королю Англии» и «статхаудеру Нидерландов». 6 февраля Конвенту были представлены батавские патриоты, выразившие желание сражаться в рядах республики; в тот же день Конвент приказал генералу Дюмуре перейти в наступление.²¹ Выйдя с войсками из Антверпена, генерал перешел границу Нидерландов у Бергена-оп-Зоом 16 февраля 1793 г.; французские войска, включавшие батавский батальон под командованием Данделса, заняли Северный Брабант, в том числе города Бреду, Ключдорт и Гертрайденберг. В прокламации к народу Нидерландов генерал Дюмуре заявил: «Мы вступаем в Голландию как друзья батавов и непримиримые враги Оранье... Я иду к вам, окруженный благородными мучениками переворота 1787 г., мы ни в коем случае не агрессоры... Мы пройдем через ваши богатые земли как друзья и братья».²² Направляя войска в Нидерланды, Конвент преследовал стратегические цели. 10 мая 1793 г. Дантон заявил в Конвенте: «Возьмем Голландию, и Карфаген будет наш» (Карфагеном считалась Англия); там же Камбон доказывал, что взятие Амстердама будет означать уничтожение «всех финансовых ресурсов» врагов Франции.²³ Этим планам, однако, в то время было не суждено осуществиться: после поражения при Неервиндене 18 марта 1793 г. и измены Дюмуре французские войска покинули территории Нидерландов и Бельгии.

В период якобинских преобразований во Франции Нидерланды были изолированы от очага революции, но косвенно эти преобразования оказывали влияние на расстановку сил в стране. Еще до этого периода меры Французской революции в области религии оттолкнули от батавов католиков. Теперь имущие патриоты, испугавшись «французского террора», стали отходить от движения. В 1794 г. патриот Иргофен ван Дам писал Г.-В.Данделсу во Францию: «Все имущие боятся за свои состояния», полагая, что «приход французов не принесет им никакой выгоды», и это соображение убивает ту «частичку патриотизма, которая еще имеется у них в душе».²⁴

Падение Робеспьера позволило патриотам опять привлечь какую-то часть сторонников, но сомнения относительно намерений Франции остались.

Победа при Флерюсе 26 июня 1794 г. возвратила Франции Бельгию и снова открыла перспективы освобождения Нидерландов. Батавские патриоты в Париже убеждали Конвент, что их сторонники в Нидерландах только и ждут прихода французских войск, чтобы низложить статхаудера. Однако дальнейшие, наиболее важные для Нидерландов, события происходили **после** термидорианского переворота, когда восходящий этап революций сменился нисходящим и когда войны республики стали носить несправедливый, захватнический характер.

В декабре 1794 г. французские войска, на этот раз под командованием генерала Пишегрю, не встречая сопротивления, вошли в Северный Брабант, а также в Зеландскую Фландрию. Вместе с ними форсировал Маас батавский батальон под командованием Данделса. Сильные морозы позволили генералу Пишегрю перейти через замерзшие реки и каналы, отделяющие юг страны от ее северных провинций, и 16 января 1795 г. французские войска вошли в Утрехт. Лишь после этого начали действовать революционные комитеты патриотов в Лейдене и Амстердаме. Они снимали с постов оранжистских регентов и передавали власть временным управлениям, состоявшим из их сторонников. Статхаудер Виллем V призывал в прокламациях к сопротивлению французам, но заранее отправил в Англию семью и имущество. 18 января 1795 г. он покинул Нидерланды, отплыв из Схевенингена близ Гааги на рыболовном паруснике с экипажем из трех человек (в 1806 г. он умер в эмиграции). 20 января открыл свои ворота Амстердам. Армия статхаудера буквально растаяла. Находившиеся в Нидерландах английские войска герцога Йорка отступили, грабя население, в Ганновер. Народ приветствовал приход французов танцами вокруг деревьев свободы. Без всякого сожаления он расставался со «старой республикой», которая изжила себя. 20 января 1795 г. Франция признала самостоятельность нового государства — Батавской республики.²⁵ Она была объявлена первой «сестринской» республикой «великой нации». К марту 1795 г. по всей стране был завершен процесс смещения старых регентов и замены их патриотами. Статхаудерство было ликвидировано, прекратила свое действие Утрехтская уния 1579 г., закончилась более чем двухсотлетняя история Республики Семи Соединенных Нидерландов.

Нидерландские и советские историки согласны в том, что перемены в Нидерландах были связаны с приходом французских войск.²⁶ Нидерландские историки считают также, что события начала 1795 г. есть не что иное, как буржуазная революция. В отличие от них советские авторы ранее воздерживались от такого определения этих событий. Однако в 1985 г. В.В.Рогинский в статье «Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства» пришел к выводу, что в Нидерландах произошла революция, свергнувшая штатгальтерскую династию и создавшая Батавскую республику.²⁷ Мы полагаем, что ликвидация статхаудерства, прекращение действия Утрехтской унии, являвшейся конституцией «старой республики», прекращение существования Республики Семи Соединенных Нидерландов, приход к власти патриотов и создание Батавской республики означали, что в Нидерландах произошла в 1795 г. вторая буржуазная революция. В отличие от первой буржуазной революции она развернулась в условиях второй фазы мануфактурного периода, после того, как произошли буржуазные революции в Англии и Франции. Решающее значение для ее победы имело вступление в страну французских войск. Их приход принудил к бегству статхаудера, парализовал сторонников Старого порядка и обеспечил взятие власти патриотами и создание Батавской республики. Революция была «мирной» — не упала с плеч ни одна голова. Современники называли ее «бархатной революцией». В мирном характере ее были заинтересованы прибывшие в Нидерланды представители термидорианского правительства. Нидерландский исследователь К.-Г. де Вит, автор соответствующего раздела во «Всеобщей истории Нидерландов», установил, что они сделали все, чтобы не допустить насилия: в самой Франции назревали Жерминаль и Прериаль, и они опасались, что пример Нидерландов послужит толчком к новой революции в Париже.²⁸

Умеренность соответствовала также намерениям некоторых руководителей патриотов. Р.Я.Схиммелпеннинк, возглавлявший муниципалитет Амстердама, был категорически против «системы террора» (он имел в виду якобинцев). Что касается народных масс, то было сделано все, чтобы их участие в революции ограничилось танцами вокруг деревьев свободы. Революция 1795 г. в Нидерландах не может быть названа народной, буржуазно-демократической. Народ не был ее активной движущей силой, не выдвигал своих требований, не влиял на ее ход. Это была верхушечная внутри-формационная революция, активной силой которой были буржуазные патриоты, опиравшиеся на имевшую решающее значение поддержку французских войск.

Я.Ромейн считает, что «революция и свобода» были подарены Нидерландам, а не завоеваны.²⁹ Мы полагаем, что нельзя игнорировать действия патриотов, испугавшие поначалу термидорианцев, нельзя сбрасывать со счетов и позицию народных масс, которые открыто приветствовали прогрессивные перемены: танцы вокруг деревьев свободы убедительное тому свидетельство. Враги революции, надо думать, приняли во внимание не только вооруженную силу французов, но и активность патриотов, и недвусмысленную позицию народа.

Умеренный характер революции 1795 г. обусловил две особенности дальнейшего ее развития: осуществление прогрессивных преобразований растянулось на 18 лет; французы воспользовались этой умеренностью и слабостью, грабя страну экономически и угнетая политически.

16 мая 1795 г. (27 флореалья) между Францией и Батавской республикой был подписан Гаагский договор. От имени Французской республики его подписали Рёбель и Сиейес. Франция признавала независимость Батавской республики, между двумя странами заключался наступательный и оборонительный союз. Батавская республика, однако, была вынуждена отдать Франции Зеландскую Фландрию с устьем Шельды и разрешить ей пользоваться гаванью Флиссингена на о-ве Валхерен, разместив в этом городе свой гарнизон (Флиссинген контролировал выход из устья Шельды в Северное море). Франция, таким образом, обеспечивала себе позиции против Англии. Батавская республика была вынуждена отдать Франции города Маастрихт и Венло — важные пункты против Германии. Помимо территориальных уступок, Батавская республика должна была выплатить Франции 100 млн гульденов для покрытия ее военных издержек и брала на себя обязательство содержать до заключения мира 25 тыс французских солдат (сменяясь каждые 6 месяцев, в Батавскую республику только в 1795—1804 гг. прибыло 200 тыс. голодных и истощенных французских солдат; здесь они восстанавливали свою боевую форму 30). Гаагский договор с достаточной ясностью показал, что термидорианская Франция по-своему толковала принципы «свободы, равенства и братства».

* * *

Создание Батавской республики (1795—1806 гг.) свидетельствовало о том, что страна в какой-то мере сохранила свою самостоятельность. Стоявшая во главе республики буржуазия стремилась воспользоваться имевшейся в ее руках властью в собственных интересах, что приводило к трениям и конфликтам между двумя странами. Но при всех этих трениях и конфликтах верх брала в конечном счете точка зрения Франции как несравненно более могущественной стороны.

18 февраля 1796 г. Генеральные штаты издали прокламацию о созыве 1 марта 1796 г. Национального собрания. В двухстепенных выборах имели право участвовать все мужчины от 20 лет, за исключением получавших пособие по бедности. Страна еще никогда не знала столь демократической системы выборов. Это был «первый современный представительный орган в Нидерландах».³⁰ По социальному положению большинство — 126 депутатов были представителями буржуазии (купцы, фабриканты, адвокаты, профессора, бывшие регенты, священнослужители). Среди депутатов было лишь несколько дворян и представителей мелкой буржуазии. Диссентеров представляли несколько католиков и два еврея.

В Национальном собрании определились три политические группировки. Федералисты являлись консервативным крылом патриотов; они представляли отсталые провинции Оверэйсел, Гелдерланд и Дренте и видели гарантию против усиления центральной власти в сохранении больших прав провинций и городов. Умеренные (модераты) примыкали к федералистам, их возглавлял Р.Я.Схиммелпеннинк; они выступали за большую централизацию государства, за единую систему налогообложения. Их поддерживали банкиры, крупные купцы, верхи бюргерства наиболее влиятельной провинции Голландия, добивавшиеся объединения долгов, большая часть которых лежала именно на их провинции. Радикалы (унитаристы, якобинцы, демократы) являлись левым крылом патриотов. Их возглавлял текстильный фабрикант Питер Фрееде.

Они выступали за единую и неделимую республику без сохранения прав провинций, за ликвидацию цехов и гильдий, отделение церкви от государства. В их духе 5 августа 1796 г. был принят декрет, в котором говорилось, что в Нидерландах не может быть терпима никакая господствующая и привилегированная церковь. 5 сентября был принят декрет о равноправии евреев.

Голосами федералистов и умеренных Национальное собрание приняло текст федералистской конституции. Однако референдум в августе 1797 г. отверг ее (право голоса имели почти 400 тыс. человек, голосовали 137 тыс.). Теперь многое зависело от позиции Франции. Позиция же эта была predetermined государственным переворотом, произошедшим во Франции 4 сентября 1799 г. (18 фрюктидора), в результате которого Советы 500 и старейшин были очищены от реакционно настроенных депутатов, кроме того, была проведена чистка Директории. Имело значение и то, что 11 октября 1797 г. англичане уничтожили батавский флот адмирала Де Винтера при Кампердайне (Северная Голландия), направлявшийся в Суринам. В этой обстановке 22 января 1798 г. в Батавской республике был произведен первый государственный переворот — при поддержке французских представителей и с согласия влиятельного Данделса, ставшего еще в 1794 г. бригадным генералом. Консервативных федералистов с помощью вооруженной силы удалили из Национального собрания, и новый французский посол Делякруа фактически продиктовал оставшимся депутатам новую, унитаристскую конституцию. Референдум 23 апреля 1798 г. показал, что за новый проект проголосовали 108 тыс. человек, против — 28 тыс.³² Таким образом, унитаристы получили поддержку большинства голосовавших. По новой конституции создавался Представительный корпус из двух палат, который назначал Исполнительный совет из пяти директоров; назначались также восемь агентов (министров). Выборщики были обязаны клятвенно заявить, что они враги статхаудерского правления, федерализма и аристократии и никогда не будут голосовать за их сторонников. Новая конституция отменяла все гильдии, цехи, права феодалов, феодальные повинности. Однако, как констатируют нидерландские историки, все эти пункты остались фактически на бумаге. Цехи, например, были окончательно ликвидированы лишь в 1818 г.

Пришедшие к власти унитаристы, стремясь сохранить власть, не стали испытывать судьбу новыми выборами и провозгласили остатки Национального собрания Представительным корпусом, объявив одновременно Временный исполнительный совет постоянным. Тем временем Директория во Франции совершила 11 мая 1798 г. (22 флореаля) очередной государственный переворот и очистила Советы 500 и старейшин на этот раз от демократов. Это воодушевило батавских модератов. Данделс, недовольный произволом стоявших у власти унитаристов и арестами сторонников оппозиции, отправился за консультацией в Париж и, возвратившись, возглавил 12 июня 1798 г. второй государственный переворот, который привел к власти модератов. Правда, конституция 1798 г. была сохранена, но модераты не проводили ее положения в жизнь. Все свои силы они направили против «якобинизма». На этой платформе началось сближение различных течений патриотов с оранжистами.

Одновременно происходил процесс постепенного отхода широких народных масс от участия в политической жизни. Народ видел, что все решается без него. Модераты находились у власти с июня 1798 г. до сентября 1801 г. В эти годы не было сделано ничего прогрессивного, но, как считают, это были три года относительного внутреннего покоя.

Осенью 1799 г. в Батавскую республику вторглись соединенные силы Англии и России. А.Ваддингтон говорит даже об «англо-русском нашествии».³³ Целью вторжения было изгнание из Батавской республики французских войск и восстановление власти статхаудера. В Лондоне сын Виллема V наследный принц Виллем Фредерик доказывал англичанам, что вторжение будет поддержано восстанием его сторонников. На этом основании нидерландский автор П. де Брюине Плоос ван Амстел сделал вывод, что «наследный принц, и он один, являлся причиной несчастий, обрушившихся на Северную Голландию в 1799 г.»³⁴ На самом деле решение организовать «секретную экспедицию» было принято осенью 1798 г. королем Великобритании Георгом III и императором Павлом I и являлось частью стратегических планов Англии и России.

27 августа 1799 г. войска союзников высадились с кораблей в Северной Голландии, к югу от крепости-порта Ден Гелдера. 28 августа батавы без боя оставили Ден Гелдер. 30 августа командующий батавским военно-морским флотом, стоявшим на рейде о-ва Тексел, контр-адмирал С.Стори приказал спустить флаг и сдался со всем флотом в плен, отказавшись, однако, перейти на сторону принца. П. де Брюине Плоос ван Амстел называет его предателем, но сам Стори в донесении министру военно-морского флота Батавской республики от 31 августа

1799 г. оправдывал свое поведение тем, что англо-русский флот был почти в два раза сильнее, и особенно тем, что настроенные прооранжистски матросы, в том числе флагманского корабля «Вашингтон», подняли бунт, выбросили за борт ядра и пороховые заряды и отказались стрелять по противнику.³⁵

Союзные войска, которыми командовал герцог Йорк, насчитывали примерно 40 тыс. человек, из них 17—18 тыс. русских (2 дивизии); им противостояли 23 тыс. французов и 15 тыс. батавов³⁶ под командованием генерала Брюна, которому подчинялись французский генерал Вандам и батавский генерал-лейтенант Данделс. Стремясь привлечь на свою сторону население, англичане обратились к нему с воззванием, в котором называли себя «друзьями и освободителями от французского ига»; принц в своей прокламации обещал «освобождение от длительного рабства», а также «истинную свободу» и «счастье».³⁷ Цель союзников заключалась в том, чтобы, двигаясь с севера на юг, взять Амстердам. 19 сентября началась ожесточенная битва за Берген. В плен был взят командующий царскими войсками генерал-лейтенант Герман, его заместитель генерал-лейтенант Черчеков скончался от ран. Битва закончилась поражением союзников. В командование царскими войсками вступил генерал-майор Эссен. 2 октября началась вторая битва за Берген, которую называют также битвой за Алкмаар. На этот раз французы и батавы отступили, и союзники вошли 3 октября в Берген, Алкмаар и Эгмонд. 6 октября сражения происходили южнее — между Кастрикюмом и Бевервейком. Французы и батавы сумели противостоять натиску союзников, которым пришлось отступить на исходные позиции. 8 октября французы и батавы возвратились в Алкмаар. Одной из причин отступления союзников было враждебное отношение населения. Как свидетельствует участник событий Э.Уолш, союзники не получили в Нидерландах, в отличие от Италии, «активного и сердечного содействия населения»; по его словам, голландцы показали себя «холодными и осторожными в дружбе, но активными и мстительными во вражде».

Перед союзниками встал вопрос о зимней кампании во враждебной, по сути дела, стране. Было решено начать переговоры с противниками. По условиям договора, подписанного 18 октября 1799 г. в Алкмааре, военные действия прекращались; батавский военно-морской флот оставался в руках англичан (он был включен в состав британского флота). В свою очередь, союзники возвращали из Англии часть пленных — 8 тыс. французов и батавов, хотя противная сторона настаивала на возвращении 15 тыс. (высокая цифра пленных по отношению к общей численности французов и батавов).

А.З.Манфред связывает решение англичан уйти из Нидерландов с уходом А.В.Суворова из Италии.³⁹ Тем не менее условия договора были выгодны для англичан. Они получили батавский флот, не возмещали батавской республике нанесенного ущерба, не возвращали захваченные нидерландские колонии. Подписавшего договор генерала Брюна обвиняли даже в получении взятки, но Директория в Париже была довольна и тем, чего удалось добиться: в Париже боялись, что англо-русские войска, одержав победу в Нидерландах, стремительно двинутся через Бельгию во Францию.⁴⁰ Батавская экспедиция обошлась англичанами дорого: 3 млн ф.ст., 8 тыс. человек.⁴¹ Энергичная попытка восстановить старые порядки не увенчалась успехом. 20 ноября 1799 г. закончилась эвакуация английских и русских войск. В Бергене был воздвигнут позднее монумент русским воинам, павшим в боях 1799 г.

Заклученный 27 марта 1802 г. Амьенский мир означал признание Батавской республики Англией. Последняя возвращала Батавской республике захваченные колонии, оставив себе, однако, в качестве компенсации за возвращенные французские колонии о-в Цейлон. Франция, таким образом, расплатилась Цейлоном за собственные колонии. Англия обязалась не вмешиваться во внутренние дела Батавской республики. Страна получила кратковременную передышку. Но в 1803 г. военные действия возобновились, и нидерландские колонии снова стали переходить к Англии. Став в 1799 г. первым консулом, Наполеон Бонапарт с недоверием относился к режиму Батавской республики, который основывался на «якобинской» конституции» 1798 г. Даже умеренные (модераты) казались ему и определенным кругам в самой Батавской республике слишком радикальными. Кроме того, вызывали беспокойство происки оранжистов: входя в правительство, они вместе с тем поддерживали контакты с бывшим статхаудером и его сыном. В октябре 1801 г. — в результате договоренности между тремя членами батавской директории и Наполеоном — был совершен третий государственный переворот. Представительным органом стал Законодательный корпус, но он не имел права законодательной инициативы. Была усилена исполнительная власть, органом которой стал Государственный совет из 12 членов. В правительство вошли как патриоты, так и оранжисты — продолжался процесс сближения недавних противников. Как и раньше, был проведен референдум. На этот раз за конституцию голосовали лишь 79 тыс. из почти 400 тыс. имевших право голоса.⁴²

Новое правительство не оправдало надежд Наполеона. Имея обязательства содержать французский корпус, выставить 16 тыс. батавских солдат, снарядить 10 военных кораблей и предоставить транспорты на 60 тыс. человек⁴³, оно всячески оттягивало их выполнение, учитывая тяжелое экономическое положение страны и, прежде всего, интересы имущих слоев населения. Наполеон, теперь уже император, в сентябре 1804 г. вызвал в Кельн, где находился проездом, Р.Я.Схиммелпеннинка, бывшего с 1798 г. (с перерывами) послом в Париже, и изложил ему свои планы. Угрожая включением Батавской республики во Французскую империю, он добивался принятия там новой конституции. В 1805 г. Законодательный корпус принял новую конституцию. По ней учреждалась должность пенсионария совета с диктаторскими полномочиями, предусматривались такие органы, как Законодательный корпус, совещательный Государственный совет, назначались 5 государственных секретарей (министров). В проведенном 26 апреля 1805 г. плебисците участвовали лишь 14 тыс. человек — 4%, имевших право голоса; не приняли участие 350 тыс., но неучастие было квалифицировано как одобрение новой конституции.⁴⁴ Примерно в это же время была подписана союзная конвенция Англии и России от 11 апреля 1805 г., по которой кандидатуру будущего штатгальтера (статхаудера) Голландии должны были определить Россия и Англия⁴⁵. Таким образом, по-прежнему планировалась реставрация старого режима. Правда, в этом документе говорилось об учете желания нации и местных обстоятельств.

После принятия новой конституции в стране установилась фактическая диктатура Р.Я.Схиммелпеннинка, чего и добивался Наполеон. Схиммелпеннинк получил старинное звание пенсионария совета (во Франции его именовали великим пенсионарием). По словам Наполеона, Схиммелпеннинк имел больше власти, «чем король в Англии и даже император во Франции».⁴⁶ Время его правления стало последним периодом Батавской республики (апрель 1805 г.—июнь 1806 г.). В этот период продолжался процесс сближения различных группировок буржуазии. Ближайшим сотрудником «умеренного» Схиммелпеннинка стал, например, числившийся в радикалах И.Хохел. Характерная черта последних двух лет республики — возобновление реформ. По словам Я.Ромейна, «революция снова пошла вперед»,⁴⁷ хотя правильнее было бы говорить о реформах.

В 1806 г. был принят школьный закон, вводивший в стране дуалистическую систему начального образования. Создавались как государственные (общинные), так и частные (церковные) школы, причем в первых из них церкви не имели права преподавания. Вводились государственный надзор за школами и инспектура. В том же 1806 г. была введена единая налоговая система (до этого в провинциях были различные уровни налогообложения: в богатой провинции Голландия, например, 25 гульденов на душу в год, в бедной провинции Дренте — 4 гульдена 80 центов⁴⁸). Отменялись акцизы (косвенные налоги) на масло, дрова, фрукты, вино, но оставались на соль, мыло, торф, муку, мясо, крепкие напитки. Некоторые нидерландские историки восхваляют эту меру как облегчавшую положение неимущих. На самом деле облегчалось положение имущих — именно они употребляли масло, вино, фрукты и отапливали свои жилища дровами, а не дурно пахнущим торфом. Вводилось прямое налогообложение земли и личности, что в какой-то степени увеличивало платежи имущих слоев населения по сравнению с платежами времен старой республики. Однако новое налогообложение было легче, чем в 1795—1806 гг., когда в результате принудительных поборов и займов обложение доходов поднялось до 28%, а собственности до 22,5%.⁴⁹ Реформа позволила увеличить налоговые поступления: в 1805 г. они составили 30 млн гульденов, в 1806 г. — 42,6 млн и в 1807 г. — почти 47 млн.⁵⁰

Какое-то время Наполеон терпел относительную независимость Батавской республики при Схиммелпеннинке, но после Трафальгарского поражения, взяв курс на полное подчинение европейского континента, он отправил Схиммелпеннинка в отставку под предлогом заботы о его здоровье (пенсионарий совета почти лишился зрения). Стремясь крепче привязать Нидерланды к Франции, Наполеон решил превратить их в королевство, а королем назначить своего младшего брата Луи. 24 мая 1806 г. он подписал договор, гарантировавший новому королевству независимость и неприкосновенность. 4 июня Схиммелпеннинк сложил свои полномочия, отказавшись от всех предложенных ему вознаграждений. Время его правления было переходным периодом от Батавской республики к королевству Голландии. Было сочтено, что предки батавов, когда-то поднявшиеся против Римской империи, — слишком опасный пример для их потомков периода наполеоновской империи.

Г. Г. Бауман

5 июня 1806 г. в Париже Луи был провозглашен «королем Голландии». Власть нового короля была неограниченной, хотя функционировал законодательный корпус из 38 человек и Государственный совет из 13 человек. Е.В.Тарле квалифицировал создание королевства как компромисс: с республикой было покончено, но страна сохранила видимость самостоятельности (одной из причин компромисса было обязательство Наполеона перед Пруссией оставить Нидерландам самостоятельность).⁵¹ По нашему мнению, королевство обладало определенной мерой самостоятельности, боролось за ее сохранение, что и побудило Наполеона ликвидировать его в 1810 г.

Луи взял курс на сотрудничество различных политических группировок. И.Хохел стал министром финансов, оранжист Дирк ван Гохендорп — военным министром, Г.В.Данделс был назначен генерал-губернатором Голландской Индии (1808—1811 гг.). Особенность данного периода — перенос в Нидерланды законодательства французского образца. Наполеон Бонапарт считал, что «нация, насчитывающая 2 млн человек, не может иметь собственного законодательства».⁵² В 1809 г. был введен «Кодекс Наполеона, переработанный для королевства Голландии» (он действовал до 1838 г.). Королевство было разбито на департаменты, в которые король назначил префектов. В общины с населением более 5 тыс. человек были назначены мэры (бургомистры).

Луи, которого в Нидерландах называли Лодевейком и считали добрым и даже кротким, не оправдал надежд брата. Он проникся интересами своего королевства — в той мере, в какой в согласии с имущими кругами страны их понимал, — и начал выходить из подчинения Наполеону. Он выступил против уменьшения в 3 раза ренты по государственному долгу, на чем настаивал Наполеон; выступил он и против системы конскрипций, хотя в то время требовалось в год всего 3 тыс. рекрутов (их направляли в Испанию).⁵³ Его особое противодействие вызвал берлинский декрет от 21 ноября 1806 г. о континентальной блокаде. Е.В.Тарле обнаружил в архиве кабинета Лодевейка документ от 22 сентября 1806 г., в котором было подсчитано, что вложения нидерландских купцов в торговлю составляли 304 млн гульденов, в том числе в торговлю с Англией 40 млн и в торговлю с Северной Европой, включая Россию, — 60 млн.⁵⁴ В интересах нидерландских купцов декрет вступил в силу в королевстве лишь в конце 1807 г.⁵⁵ По выражению Наполеона, Нидерланды стали «складом английской контрабанды».⁵⁶ Луи был вызван в Париж, где его держали с ноября 1809 г. до весны 1810 г. Наполеон сказал ему 2 декабря 1809 г., что Голландия «более враждебна Франции, чем даже сама Англия» и что он хочет «поглотить Голландию»; Луи плакал при мысли, что Голландия «упадет в эти страшные руки», т.е. в руки брата; с полковником русской службы Горголи, флигель-адъютантом Александра I, приезжавшим в Париж, он передал царю письмо с просьбой «благодарности, дружбы и поддержки».⁵⁷

В Париже Луи был навязан договор от 16 марта 1810 г., по которому к Франции отходила территория королевства к югу от рек Маас и Ваал; охрана морских берегов королевства переходила к французским досмотрщикам. В марте—апреле 1810 г. французские войска стали занимать территорию королевства. 24 июня 1810 г. Наполеон, вопреки договору, отдал приказ маршалу Удино идти на Амстердам. Луи понял значение этого шага и 1 июля отрекся от престола. 9 июля декретом Наполеона Нидерланды были включены во Французскую империю. С карты Европы исчезло еще одно государство.

* * *

В 1810—1813 гг. нидерландские земли входили как департаменты в состав Французской империи. На них было распространено действие французской конституции 1799 г. В Париж посылались 6 сенаторов, 6 депутатов Государственного совета, 25 депутатов в Законодательный корпус. Бывший консул брюмерианской Франции Лебрэн был назначен генерал-губернатором с местопребыванием в Амстердаме, который стал третьим городом империи после Парижа и Рима. Газеты отныне выходили на французском языке на одной половине полосы и на голландском на другой.

Наполеон продолжил курс на введение в стране французского законодательства. С 1 января 1811 г. вводился уголовный кодекс (сохранял свое действие до 1886 г.), был введен коммерческий кодекс. Нидерландские историки единодушно утверждают, что введение французских кодексов стало благом для страны и что благодаря этому Нидерланды поднялись до уровня передовых в то время стран в области законодательства. Положительно оцениваются реформы в области судопроизводства. Постепенно вводилась французская система налогов (полностью введена с 1 января 1812 г.). В то же время, стремясь сокрушить Англию, Наполеон, например, приказал 28 ноября 1810 г. сжечь «все товары английского производства, находящиеся в Голландии в складах, магазинах и т.д.»; рыбакам было запрещено выходить в море из опасения контрабанды.

Е.В.Тарле считал, что уже через год-два после присоединения Голландия «была доведена до полного разорения». Новейшие данные не подтверждают тезис о «полном разорении» страны, но многое, сделанное исключительно в интересах Франции, привело к тому, что пострадали даже имущие (Наполеон провел сокращение ренты в 3 раза). Тем не менее сопротивление не оказывалось. Более того, по словам Я.Ромейна, почти все служили Наполеону: старое дворянство, бывшие регенты, бывшие офицеры. Большинство чиновников продолжало исполнять свои обязанности. Радикал Хохел по-прежнему следовал линии на сотрудничество, но лидер оранжистов Х.-К. ван Гохендорп не желал сотрудничать с французами. В 1811 г. Наполеон посетил Нидерланды. Большинство нидерландских историков оценивают это посещение как триумфальное.⁵⁹ Иное мнение высказал А.Ваддингтон: в триумфальной встрече деспота он увидел выражение «подлого сервилизма или безрассудной лести». Он ошибся, однако, утверждая, что «нигде иго империи не встречало большей ненависти, нигде не ждали с большим нетерпением возможности свергнуть его».⁶⁰ До 1812 г. Наполеон не имел оснований быть недовольным отношением к нему нидерландских департаментов. Положение начало изменяться в 1812 г., когда для похода в Россию стали набирать войска (всего в Россию было отправлено 15 тыс. нидерландцев).⁶¹ По стране прокатились народные волнения. Затем наступил период длительного ожидания, пока весной 1813 г. не пришло известие о крушении наполеоновской авантюры в России и о национально-освободительном восстании в Пруссии.

3 апреля был опубликован декрет о призыве на военную службу всех годных лиц в возрасте 26—40 лет. Рекрутов направляли в Германию. Ответом на декрет стали народные волнения невиданного для Нидерландов масштаба, которые начались 17—18 апреля в Роттердаме; 18—19 апреля поднялось все сельское население

Южной Голландии — от Роттердама до Рейна. Сжигались списки населения и призывников, жандармов прогоняли дубинками и вилами. 20 мая 500 крестьян окрестных сел ворвались в Лейден и 24 часа держали город в своих руках. Вооружившись в ратуше старинными алебардами, они открыли городскую тюрьму. 21 апреля в Гаагу ворвались носильщики торфа из окрестных селений. Они дошли до центра города, но были вытеснены с помощью оружия. 21—24 апреля волнения распространились на промышленный район Заанстрек и отдельные районы в Южной и Северной Голландии (за исключением Амстердама и Гарлема). Основную массу восставших составляли наемные рабочие и крестьяне. После подавления восстаний было установлено, что некоторые вожаки по возрасту (46, 50 лет и 52 года) не подлежали призыву. Это свидетельство того, что цели восстаний были шире, чем лишь протест против призыва, это был протест против французского господства вообще. Характерно, что буржуазия не только не поддержала народные выступления, но в отдельных случаях помогла их подавить. Так, в Лейдене против «черни» выступили голландская резервная рота, а также 20 студентов-добровольцев и 17 видных бюргеров, которые открыли городские ворота солдатам генерала Лорсе.

Для суда над участниками восстаний были созданы «военные комиссии» в Заандаме, Лейдене, Гааге и Роттердаме. Из 71 обвиняемого 13 человек были расстреляны, 3 приговорены к смерти заочно, 7 — к ссылке, 13 к принудительным работам, 9 к тюремному заключению, 25 человек были оправданы, один отдан под надзор полиции; среди осужденных были матросы, носильщики дров, поденщики, работники с мельниц, одна служанка.⁶² Апрельские события 1813 г. показали, что нидерландская буржуазия предпочла остаться в стороне от борьбы, выступив в отдельных случаях на стороне врага. Не было и речи о том, чтобы принять участие в борьбе за национальное освобождение. Состоятельные бюргеры уже не вспоминали ни о славных батавах, ни о храбрых гезах XVI в., не брали пример с соседней Пруссии, не говоря уже о революционной Испании. Сотрудничая, выжидали. 15 августа 1813 г. в Амстердаме торжественно был отмечен день рождения Наполеона.

3 ноября 1813 г. в Нидерландах узнали о битве под Лейпцигом 16—19 октября. Двигаясь на Запад, союзники достигли границ Нидерландов, и 11—13 ноября четыре отряда царской кавалерии и 4-тысячный отряд генерал-майора А.Х.Бенкендорфа, в который входили также пехота и артиллерия, переправились через пограничную реку Эмс. 14 ноября царские войска взяли Зволле, 15 ноября — Гронинген. Французские военные и чиновники бежали из восточных районов страны. В ночь с 14 на 15 ноября французский главнокомандующий генерал Молитор вывел свои войска из Амстердама в Утрехт—1800 человек из 9 тыс. французских войск, расположенных в нидерландских департаментах.⁶³ С ними отбыл и генерал-губернатор Лебрэн. Лишь после этого оранжисты решили выступить в Амстердаме. Один из них, морской офицер Й. Май, возглавил «народные» выступления: судовые плотники сжигали таможенные посты французов, в «ночь пожаров» прокатилась волна грабежей. Но власть взяло в свои руки временное управление и на следующий день установило порядок. Главные события произошли в Гааге. После того как 17 ноября французы покинули город, его улицы заполнил народ. В этот критический момент наибольшую активность проявили оранжисты, направляемые Х.К. ван Гохендорпом. Повсюду оглашалась составленная им 17 ноября прокламация, в которой говорилось: «Оранжевое превыше всего. Голландия свободна». Таким образом, освобождение страны связывалось с реставрацией династии Оранжевое. Больше всего Гохендорп боялся народного восстания — отсюда идея «сильной власти». Оранжисты потребовали провозгласить принца Виллема Фредерика не статхаудером, а «суверенным князем», т. е. фактически монархом. К этому требованию их привел 200-летний опыт «старой республики» и 18-летний опыт «революционных лет». Прибывшие 21 ноября в Англию два посланника Гохендорпа предложили принцу возвратиться в Нидерланды в качестве суверенного князя Виллема I. В тот же день Гохендорп сформировал от имени принца (не получив еще его согласия) Временное правительство. Прокламация от 21 ноября освобождала всех нидерландцев от присяги верности Наполеону и призывала их к борьбе за свободу. Создавались национальные формирования. 16-тысячный прусский корпус генерала Ф.В.Бюлова осадил на юге страны крепость Арнем, а 24 ноября в 7 часов утра отряд казаков из 300 человек под командованием майора Маркле вошел в Амстердам. Над ратушей был поднят национальный оранжево-бело-синий флаг. В течение ноября—декабря 1813 г. царские войска изгнали французов из провинций Фрисландия, Дренте, Оверэйсел, частично Гелдерланд, Северную Голландию. К началу 1814 г. Нидерланды были освобождены от французских войск. В течение 10 дней страна жила в условиях «диктатуры Гохендорпа». Тем временем принц отплыл 26 ноября из Лондона на английский фрегате и высадился 30 ноября в Схевенингене. По свидетельству нидерландских историков, он сам не верил, что радость встречающих относится к нему: народ не знал толком, кого он приветствует — бывшего статхаудера Виллема V или его сына; не без удивления принц обнаружил, что является «символом и носителем новой независимости». Дальнейшие события разворачивались по сценарию, составленному оранжистами. 1 декабря Временное правительство предложило принцу титул суверенного князя (решение вопроса о титуле короля зависело от союзников). 2 декабря принц заявил в прокламации, что принимает этот титул «из рук народа» и обещал, что конституция обеспечит «народную свободу». В этот день он прибыл в Амстердам, где «народ» в лице подпоенных оранжистами судовых плотников требовал: «Принц должен стать королем Голландии». 6 декабря принц возвратился в Гаагу и принял управление от Временного правительства. 30 марта 1814 г. в Новой церкви в Амстердаме он принес присягу конституции, принятой накануне, как «Виллем Фредерик, Суверенный Князь Соединенных Нидерландов».

Союзные державы заключили 21 июля 1814 г. договор об образовании Нидерландского королевства, включающего Нидерланды и бельгийские провинции. Особенно Англия была заинтересована в создании на границе с Францией сильного государства-барьера. Кроме того, включение в состав королевства бельгийских земель должно было стать компенсацией за оставшиеся за Англией нидерландские колонии (Цейлон, Капская колония в Южной Африке, Бербиса, Демерари и Эссекибо в Вест-Индии).

Все остальные колонии возвращались, в том числе с 1816 г. Ява Англия считала, что таким образом она усиливает новое королевство. В период Ста дней Виллем объявил себя в прокламации от 16 марта 1815 г. «королем Нидерландов» Его войска участвовали в сражениях при Катр Бра и Ватерлоо. 9 июня 1815 г новое королевство получило гарантии в заключительном акте Венского конгресса.

Рассматривая вопрос об освобождении Нидерландов, Я.Ромейн высказал мнение, что наполеоновское иго было не сброшено, а «соскользнуло». ⁶⁵ Е.Коссман тоже считает, что Нидерланды никакого действительного вклада в свое освобождение не внесли. ⁶⁶ Конечно, решающую роль сыграли победы союзников, в первую очередь разгром полчищ Наполеона в России и действия русских войск в Нидерландах. Но нельзя игнорировать и народные восстания в Нидерландах в 1812 г., и особенно — в апреле 1813 г. В этих восстаниях выразился дух национально-освободительной борьбы, в то время как нидерландская буржуазия продолжала выжидать, выступив в отдельных случаях на стороне противника

Некоторые нидерландские историки считают, что после освобождения от власти Наполеона и реставрации династии Оранье-Нассау в Нидерландах произошла революция. Так, Я.А.Борневассер пишет, что «от имени народа принц должен был революционным путем возвысить себя в князя». ⁶⁷ На самом деле это была реставрация, а не революция, с той разницей, что она не означала полного возвращения к старому: старая республика с ее олигархическим регентским правлением и тираническим статхаудерством уже не годилась. Правда, возвратилась династия Оранье-Насса, на этот раз в качестве королевской, но прогрессивные буржуазные преобразования 1795—1813 гг. остались в силе. «То, что создали великие французские революционеры буржуазии» ⁶⁸ на восходящем этапе французской революции и что под воздействием Франции было осуществлено в Нидерландах в 1795—1813 гг., осталось незыблемым. Было покончено с пережитками феодализма и с двухсотлетним наследием старой республики, ставшими препятствием на пути дальнейшего развития страны. Были заложены основы единого национального буржуазного государства. Созданная в тот период государственная машина стала главным орудием господства нидерландской буржуазии и остается им в настоящее время.

Буржуазные историки называют 1795—1813 гг. «годами обновления». Великая французская революция, совершившаяся на более позднем этапе развития, чем Нидерландская XVI в., бесспорно, оказала прогрессивное влияние на события в этой стране. Но Франция термидорианцев, Директории и Наполеона взяла весьма высокую плату за принесенный в Нидерланды прогресс. Страна заплатила за него «экономическим упадком», задержавшим промышленный переворот до 50-х годов XIX в. ⁶⁹ (Г.Роланд-Голст писала даже о «полной экономической смерти» ⁷⁰.) В 1795—1813 гг. колоссальные средства шли на содержание французской армии — до 1/3 доходов; до 1804 г., например, было выплачено примерно 230 млн гульденов. В обстановке военных действий почти полностью прекратилось морское судоходство, Нидерланды, по сути, перестали быть морской державой: если в среднем в 1785—1789 гг. в нидерландские порты ежегодно заходили 4180 судов, то в 1797 г. — 2713, а в 1811 г. всего 15. ⁷¹ И. Брюгманс подсчитал, что внешняя торговля в 1805—1809 гг. сократилась по сравнению с 1753 и 1790 гг. на 1/4 и даже на 1/3 (торговля по суше продолжалась). Значительно ускорился упадок стапельного (складочного) рынка — источника экономического расцвета Нидерландов в XVII в. Если в XVIII в. снова вывозилось 2/3 ввезенных товаров, то в 1824 г. вывозилась лишь 1/10 часть. ⁷³ Тяжелый урон был нанесен тем отраслям промышленности, которые работали на заморском сырье; перестали поступать из России лес, из Испании — шерсть, из США — кожа и хлопок, из колоний — сахарный тростник. Свертывалось кораблестроение и связанное с ним изготовление якорей, канатов, парусов. Значительно сократились вложения капиталов в других странах. Если в 1785 г. было вложено 1500 млн гульденов, в 1803 г. — 800, то в 1811 г. всего 303 млн. ⁷⁴ Доходы от заграничных вложений капиталов упали в 1795—1813 гг. с 40 млн до 25—30 млн гульденов в год (эти доходы поступали из России, Португалии, Англии, Дании, США, Швеции, Испании и некоторых других стран). ⁷⁵

Упадок экономики отражался на финансах страны. Государственный долг составил к 1806 г. 1200 млн гульденов, в 1813 г. он вырос до 1250 млн.⁷⁶ Социальным результатом экономического застоя стала массовая пролетаризация мелких самостоятельных предпринимателей. В наибольшей степени пострадали наемные рабочие. Безработица и рост цен обрекли многих из них на нищенское существование. В Амстердаме с его населением в 215 тыс. человек (1795 г.) получали официально пособие по бедности в 1796 г. более 50 тыс. человек, в 1798—1799 гг. — 81 тыс., в 1805 г. — 108 тыс. (из них 60 тыс. работоспособных), в 1809 г. — 110 тыс. человек.⁷⁷ Таковы были экономические результаты 1795—1813 гг. Лишь в середине XIX в. нидерландская экономика оказалась в состоянии преодолеть стагнацию или, по выражению И.Брюгмаса, летаргию, тогда и началась промышленная революция.

Подводя итоги, мы можем сказать, что под мощным воздействием Великой французской буржуазной революции Нидерланды совершили качественный переход от буржуазного государства первой фазы мануфактурного периода к буржуазному государству второй фазы мануфактурного периода. Был создан политико-юридический фундамент для перехода к промышленной революции. Как и в ряде других стран, в Нидерландах «весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции...»⁷⁸

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.28. С.697.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. С.114.

3 Чистозвонов А.Н. О стадийно-региональном изучении буржуазных революций XVI—XVIII веков в Европе Новая и новейшая история. 1973 № 2. С.93, 91.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.22. С.701, 766.

5 Там же С.763.

6 Там же. С.766.

7 Kossman E. De lage landen 1780—1940. Amsterdam; Brussel. 1976. P. 11.

8 Romein J. De lage landen by de zee Utrecht, 1934. P.461.

9 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.22. С.766.

10 Kossman E. Op.cit P.13.

11 Roland Hoist H. Kapital en arbeid in Wederland. Amsterdam, 1902. P.12.

12 Romein J. Op.cit. P.473.

13 Ibid.

14 См. История дипломатии. 1959. Т.1. С.394.

15 Kossman E. Op.cit. P.19.

16 Ibid.

17 Romein J. Op.cit. P.478, 477.

18 Kossman E. Op.cit. P.19.

19 История XIX века. Под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. М., 1937. Т.1 С.398.

20 Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1981. Т.2. С.437.

21 См.: Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1892. Т.3: Война с монархами. С.214.

22 Цит. по: Romein J Op.cit. P.480.

23 Цит. по: Сорель А. Указ.соч. С.264, 239.

24 Цит. по: Roland Hoist H. Op.cit. P.18.

25 Algemene geschiedenis der Nederlanden Haarlem, 1983 Bd.11. P.159.

26 См., напр. БСЭ. 3-е изд. Т.17. С.579.

27 Новая и новейшая история. 1985. № 5. С.47.

28 Algemene geschiedenis. P.160.

29 Romein J. Op.cit. P.482.

- 30 Roland Hoist H. Op.cit. P.23.
- 31 Kossman E. Op.cit. P.51.
- 32 См. История XIX века. Т.1. С.401.
- 33 Там же. С.403.
- 34 De Nieuwe Tyd. Amsterdam, 1912. P. 624.
- 35 Walsh E. Russen en engelsen in Noord-Holland. Schoorl, 1983. P.149.
- 36 Ibid. P. 45, 52; De Nieuwe Tyd. P. 711.
- 37 Цит. по: Walsh E. Op.cit. P.37, 153, 154.
- 38 Ibid. P. 85, 38.
- 39 Манфред А.3. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С.237.
- 40 Там же. С.232.
- 41 De Nieuwe Tyd. P.719.
- 42 Romein I. Op.cit. P. 502.
- 43 История XIX века. Т.1. С.406.
- 44 Romein J. Op.cit. P.502.
- 45 Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1: 1801—1815 гг. М., 1963. Т.3. С.562.
- 46 См.: История XIX века. Т.1. С.407.
- 47 Romein J. Op.cit. P.504.
- 48 Brugmans I.J. Paardenkracht en mensenmacht. Den Haag, 1961. P.8.
- 49 История XIX века. Т.1. С.403.
- 50 Brugmans I.J. Op.cit. P.8; Kossman E. Op. cit P. 59.
- 51 См.: Тарле Е.В. Континентальная блокада. Соч. М., 1958 Т.3. С.289, 297.
- 52 Цит. по: Romein J. Op.cit. P.505. По переписи 1795 г. население Нидерландов составляло 2078691 человек.
- 53 Romein J. Op.cit. P.507.
- 54 См.: Тарле Е.В. Указ.соч. С.292.
- 55 Brugmans I.J. Op.cit. P.36.
- 56 См.: Тарле Е.В. Указ.соч. С.293
- 57 См.: Сорель А. Указ.соч. С.351, 352.
- 58 См.: Тарле Е.В. Указ.соч. С.299, 300, 303.
- 59 Romein J. Op.cit. P.508.
- 60 История XIX века. Т.1. С.412.
- 61 Algemene geschiedenis... P.186.
- 62 Сведения о народных выступлениях взяты из ст.: Wijnkoop D.J. April 1813 Tribune. 1913. 10 mai. В работах Я.Ромейна, Е.Коссмана и многих других авторов эти выступления лишь упоминаются.
- 63 Kossman E Op cit P 65
- 64 Algemene geschiedenis P.213, Kossman E. Op.cit. P.65.
- 65 Romein J. Op.cit. P.509.
- 66 Kossman E. Op.cit. P.66.
- 67 Algemene geschiedenis P.215.
- 68 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.367
- 69 Brugmans I.J. Op.cit. P.66.
- 70 Roland Hoist H. Op.cit. P. 11.
- 71 Kossman E. Op.cit. P.58, 59, Brugmans I.J. Op.cit. P.17.
- 72 Brugmans I.J. Op.cit P.31.
- 73 Kossman E. Op.cit. P.87.
- 74 Brugmans I.J. Op.cit. P.19.
- 75 Kossman E. Op.cit P.58.
- 76 Brugmans I.J. Op.cit. P.10, 178.
- 77 Roland Hoist H. Op.cit. P.38, Brugmans J. Op.cit. P.62.
- 78 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.367.

И. Б. Берго

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ АБСОЛЮТИЗМУ и ПОПЫТКИ РЕФОРМ в 1749—1776 годах

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988**

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) 2009

В политической истории Франции Старого порядка одним из важных этапов является третья четверть XVIII в — период, характеризующийся сложным и оригинальным переплетением различных по своей природе и значению общественно-политических процессов. В эти годы все больший размах приобретает оппозиция абсолютистскому режиму со стороны парламентов — верховных судебных палат королевства. С середины XVIII столетия в давнем противостоянии парламентов и королевской власти наступает качественно новый этап. Парламенты, к 50-м годам прочно занявшие положение лидера дворянского сословия, становятся в прямую политическую оппозицию абсолютистскому режиму, находившемуся уже в состоянии упадка и общего кризиса. В то же время именно в 1749—1776 гг. абсолютизм предпринимает ряд реформ. В 1749 г генеральный контролер финансов Машо д'Арнувиль попытался ввести новый бессрочный налог-двадцатину, ущемлявший интересы привилегированных, а также осуществил ряд мероприятий в духе экономической теории физиократов. Однако из-за сопротивления оппозиционных сил от основного замысла финансовой реформы пришлось отказаться. В 1770—1774 гг. по инициативе канцлера Мопу была проведена так называемая судебная реформа, острием своим направленная против парламентов она решающим образом изменяла облик этих корпораций, лишала их политического веса и ломала тем самым стержень парламентской оппозиции. В 1774 г реформа была полностью отменена. Наконец, предложенная в 1774—1776 гг. генеральным контролером финансов Тюрго наиболее последовательная, целенаправленная программа реформ в духе буржуазного развития страны также не была претворена в жизнь. Таким образом, все три реформы, разные по содержанию, направленности общественной значимости, осуществить не удалось. Какова была динамика политического противостояния парламентов и абсолютизма в третьей четверти XVIII в., насколько возможно выявить соотношение между парламентской оппозицией и реформами? Эти и другие близко связанные с ними вопросы органично вписываются в современные споры о предыстории Великой французской революции, о возможных путях развития общества Старого порядка, о «просвещенном абсолютизме» как альтернативе буржуазной революции.

Изучение политической истории Франции предреволюционных десятилетий имеет давние историографические традиции. В историографии XIX в проблема соотношения парламентской оппозиции и предпринятых абсолютизмом реформ специально не ставилась, но та или иная реформа, а также истории отдельных парламентов рассматривались под углом зрения дальнейшего развития страны, причем существенным моментом в анализе этих сюжетов были размышления о возможности предотвращения революции. Очень показательна в этом смысле монография М.Мариона «Машо д'Арнувиль». Автор, историк позитивистского толка, весьма консервативный в своих общественно-политических воззрениях, подробно анализирует реформу «великого реформатора XVIII в.» Машо, осуществлявшуюся, по его мнению, в духе политики «просвещенного абсолютизма». Марион с сожалением отмечает, что в силу ряда причин радикальная реформа, которая могла бы подорвать основы Старого порядка и изменить судьбу страны, потерпела неудачу.

Ж.Фламмермон, автор первого обстоятельного исследования реформы Мопу, приходит к выводу, что восстановление старых парламентов в 1774 г. было ошибкой, поскольку конфликт между этими корпорациями и королевской властью «возбудил страсти» и породил идеи, которые «вскоре были реализованы», т.е. способствовал приближению революции². Для работ Мариона и Фламмермона характерны описательность, отсутствие теоретических обобщений, но по манере изложения материала ясно, что Великая французская революция трактуется не как объективно обусловленное общественное явление, а как историческое событие, порожденное случайным совпадением ряда не связанных между собой факторов политического и социального характера. Среди этих факторов важная, а иногда и основная роль отводится парламентской оппозиции, блокировавшей реформы абсолютизма.

Иную оценку парламентам дает Ф.Рокэн, историк умеренно консервативных взглядов. Он полагает, что в 1754 и 1771 гг. страна уже «находилась на пороге революции» и что для Франции гораздо лучше было бы испытать революционные потрясения именно тогда, ибо в то время движением руководил бы парламент, который мог повести страну к конституционной монархии английского типа, избавив ее тем самым от 1789 г., якобинцев и террора³.

В первой половине XX столетия политическая история Франции предреволюционных десятилетий изучалась сравнительно мало, но начиная с 50-х и особенно в 60—70-е годы интерес к ней вновь усилился. Теперь уже не только французские, но и английские, американские, итальянские, западногерманские историки занялись изучением этого периода. Накопление огромного фактического материала, обращение к разработке социально-экономических аспектов истории позволили вывести изучение политических проблем на качественно иной уровень. Одновременно резко обострились и никогда полностью не стихавшие споры вокруг Великой французской революции. Фактически в конце 60-х и в 70-е годы XX в буржуазной историографии оформилось особое течение, претендующее на «реинтерпретацию» этого события⁴. При этом труды приверженцев этого течения посвящены главным образом истории Франции последних десятилетий Старого порядка, а не самой революции. Характерно, что принципы, потенциально заложенные в упомянутых выше традиционных интерпретациях и не вполне осознававшиеся самими их авторами, в работах современных историков «ревизионистской школы» обрели концептуальное значение, превратившись в один из постулатов «нового прочтения» революции.

Инициатором такого «пересмотра» стал английский историк А.Коббен. В 1950 г. в статье «Парламенты Франции в XVIII веке»⁵ он охарактеризовал этот институт как «непреодолимый барьер, о который тщетно бился реформаторский дух столетия»⁶. Именно парламенты, полагает Коббен, несут на себе ответственность за срыв реформ и тем самым — за то, что Франция оказалась перед лицом революции. Между тем во Франции второй половины XVIII в. существовала вполне реальная альтернатива революционному пути развития — самореформирование абсолютной монархии в русле политики «просвещенного деспотизма»⁷.

Эти идеи Коббена позднее были восприняты и отчасти переработаны другими западными историками, в том числе некоторыми представителями современного поколения школы «Анналов». Правда, П.Шоню, Ф.Фюре, Г.Шоссинан-Ногаре не занимались специально такими «частными» сюжетами, как реформы абсолютизма и парламентская оппозиция, однако отдельные сделанные ими замечания позволяют судить об их позиции в этих вопросах, органично вписывающейся и в общую схему «нового прочтения» революции.

П.Шоню, например, считал, что Людовик XV в конце своей жизни проявил себя как «великий государственный деятель», «реформаторский план которого мог бы спасти Европу от бессмысленной резни революции»⁸. Г.Шоссинан-Ногаре, характеризуя реформу Машо, назвал ее «грандиозным порывом самоомолаживания» абсолютной монархии, знамением «эры либерального капитализма»⁹. Парламенты же, по его мнению, упорно сопротивляясь позитивным реформам, не дали монархии «обеспечить себе ресурсы, эквивалентные ее потребностям» и тем самым привели ее к гибели¹⁰. Ф.Фюре упрекает парламенты за «консерватизм», за необоснованные претензии на национальное представительство и полагает, что французская монархия второй половины XVIII в. «уверенно шла по пути просвещенных реформ».¹¹

Наиболее полное выражение эти идеи нашли в книге современного консервативного историка Л.Ложье, посвященной исследованию государственной политики в период реформы Мопу¹². Фактически эта работа является апологией Людовика XV, который, по мнению Ложье, совместно с канцлером Мопу и генеральным контролером финансов Терре предпринял великую и самую серьезную попытку спасти монархию и преуспел бы, если бы его преемник не повернул все вспять. Оппозиция же магистратов только дестабилизировала общество и толкала его «к той абсурдной гражданской войне, какой стала революция».¹³

В то же время в западной литературе оформилась и иная точка зрения на рассматриваемый комплекс проблем. В 1959 г. западногерманский историк Э.Шмитт пришел к выводу, что «развитию конституционного парламентского представительства в революционной Франции был свойствен сильный компонент простирающегося через столетия континуитета».¹⁴ Он высоко оценивал роль различных сословных институтов, Генеральных и провинциальных штатов и особенно парламентов для формирования не только во Франции, но и в других западных странах современного режима политического представительства.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в трудах французского историка Д.Рише. Он квалифицировал революцию как случайное слияние трех разнонаправленных движений — движения проникнутой духом Просвещения дворянско-буржуазной «элиты», крестьянского движения и движения народных масс городов, причем исторически позитивным было только первое движение, которое вело Францию к мирному переустройству общества на либеральных основах. Исходным моментом такого переустройства были «законодательная работа», начатая в XVIII в, пересмотр традиционных концепций абсолютизма «Революция вспыхнула в стране, идущей полным ходом по пути модернизации законодательства», — утверждает Рише.¹⁵ По его мнению, важную роль в этой модернизации сыграли парламенты, активно выдвигавшие идею контроля над королевской властью. История видит в высших судах «представительную ассамблею», способствовавшую мирной трансформации абсолютизма в конституционную монархию.

Наконец, следует выделить еще один, третий в современной западной историографии вариант трактовки проблемы. Он был сформулирован английским исследователем В.Дойлом. По его мнению, вовсе не мощь оппозиции не дала правительству осуществить необходимые реформы, а нерешительность, неуверенность в своих силах самого абсолютизма.¹⁶ В статье «Парламенты Франции и падение Старого порядка, 1771—1788».¹⁷ Дойл уделяет немало внимания доказательству того, что реформа Мопу вовсе не была столь радикальной, чтобы повлиять на судьбу монархии. Тюрго и его реформаторской программе Дойл вообще не упоминает. В то же время он склонен недооценивать силу и объективную значимость парламентской оппозиции. Соответственно преуменьшает он и реальное значение конфликта парламентов и абсолютизма, игнорирует его социальное содержание. Противостояние парламентов и королевской власти изображается им как отдельно взятый фрагмент политической истории дореволюционной Франции, как борьба внутри абсолютистской государственной машины. Поскольку при подобном подходе многие события с трудом поддаются научному объяснению, он вынужден преувеличивать отдельных личностей — Мопу, Морепа, Миромения.

Таковы основные концепции современной западной немарксистской историографии по вопросу о парламентской оппозиции и предпринятых абсолютизмом реформах. Характерно, что, несмотря на различную оценку исследователями исторической роли и значения парламентской оппозиции, реформаторского потенциала абсолютизма, возможных путей эволюции общества Старого порядка, все эти построения ведут к отказу от истолкования революции как закономерного результата социально-экономических сдвигов, как необходимого этапа в процессе утверждения буржуазного строя.

В марксистской историографии проблема парламентской оппозиции абсолютизму специально не рассматривалась. В то же время историки-марксисты внесли существенный вклад в разработку вопросов, связанных с политикой «просвещенного абсолютизма» в ряде европейских стран, в том числе и во Франции. Большинство исследователей сходятся в принципиальной оценке этой политики: она ни в коей мере не была альтернативой буржуазной революции. В основе данной оценки лежит известный тезис, сформулированный К.Марксом: «абсолютная монархия не желает добровольно превратиться в буржуазную монархию, она не согласна на добровольное отречение. Кроме личных предрассудков, монархам связывает руки целая армия гражданских, военных и церковных бюрократов, — эта составная часть абсолютной монархии, которая ни в коем случае не желает променять свое господствующее положение на служебную роль при буржуазии. С другой стороны, феодальные сословия упорно держатся за старое для них речь идет о том, быть или не быть, то есть о сохранении собственности или об экспроприации.»

Понятно, что абсолютный монарх, несмотря на все верноподданнические присяги на верность со стороны буржуазии, видит что его истинные интересы совпадают с интересами этих сословий».¹⁸

А.Собуль отмечает условность самого термина «просвещенный абсолютизм», искусственно соединяющего два несоединимых понятия. Просветители и монархи по-разному трактовали сущность обозначаемой этим термином политики «Если для одной стороны это был просвещенный деспотизм, то для другой — просвещенный деспотизм».¹⁹ По мнению Собуля, политика «просвещенного абсолютизма», при определенной «модернизации» феодального государства в соответствии с требованиями времени, не могла ликвидировать аристократические привилегии и феодальные структуры, лежавшие в основе общества Старого порядка, не подрывая одновременно ту базу, на которой покоилась верховная абсолютистская власть. Изменить социальную структуру общества и привести к власти буржуазию могла только буржуазная революция.²⁰ Во Франции, полагает Собуль, в 50—70-е годы XVIII в. собственно «просвещенного абсолютизма» не было, а реформы имели место только как сугубо практические действия некоторых дальновидных представителей королевской администрации — Машо, Мопу, Тюрго. Яростное сопротивление со стороны аристократии, парламентов, духовенства, провинциальных штатов обрекло эту правительственную политику на поражение.²¹

Несколько иной точки зрения придерживается М.Вовель. Он также обращает внимание на реформы Машо, Мопу и Тюрго, но полагает, что эти реформы как раз и были классическим проявлением «просвещенного абсолютизма».²²

Большинство советских историков, основываясь главным образом на примере России, подразумевают под «просвещенным абсолютизмом» «использование дворянским правительством в своих целях лозунгов, выдвинутых эпохой Просвещения, и про ведение под этими лозунгами некоторых реформ в целях приспособления позднефеодального государства к развивающимся капиталистическим отношениям и предотвращения антифеодальных движений».²³ И.А.Федосов отмечает, что подобная политика могла проводиться лишь в тех странах и на таком этапе, когда абсолютизм был еще относительно прогрессивен и не исчерпал полностью возможностей внутреннего развития. Во Франции второй половины XVIII в., по его мнению, не было никаких признаков такой политики.²⁴

Думается, однако, что оценка И.А.Федосова верна не столько относительно самой политики «просвещенного абсолютизма», а скорее относительно возможностей ее реального успеха в условиях кризиса феодально-абсолютистской системы М.А.Коган, напротив, считает Францию одной из стран, где политика «просвещенного абсолютизма» получила наиболее классическое выражение.

В середине XVIII в. во Франции наиболее очевидным выражением прогрессирующего упадка абсолютистской системы был глубокий финансовый кризис. В течение всех предреволюционных десятилетий поиски выхода из него являлись одной из главных побудительных причин реформаторских попыток абсолютизма. Первая по времени попытка такого рода связана с именем генерального контролера финансов Машо д'Арнувиля.

Как уже упоминалось, в мае 1749 г. по его инициативе был введен новый налог — двадцатина, поступления от которого предполагалось использовать для покрытия весьма многочисленных и существенно обременявших казну государственных долгов. В преамбуле вводившего данный налог эдикта указывалось, что выплата двадцатины должна будет обеспечиваться силами всех подданных королевства, ибо «ничто не может быть более правильным и справедливым, чем распределение налога между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров их доходов». Налог распространялся тем самым и на привилегированные сословия, области и корпорации». Обложению подвергались четыре основных вида доходов земельный, доход духовенства, городов, провинций и отдельных лиц, доходы с должностей, доходы от промышленности и торговли.²⁵ При этом основной упор делался на обложение земельных доходов, которые являлись преобладающим типом дохода и легче подвергались учету. Не случайно именно двадцатина на земельные доходы стала главным объектом критики.²⁸ Эдиктом предусматривалось, что налогоплательщики представят в течение 15 дней декларации о своих доходах. Для проверки этих деклараций назначались контролеры, имевшие полномочия наказывать уклонявшихся от подачи таких сведений лиц, в том числе требовать в виде штрафа уплаты налога в двойном или даже в четверном размерах

В сущности, введенная Машо двадцатина приближалась к тому типу налога, необходимость которого обосновывали физиократы (единый территориальный налог на земельные доходы).²⁹ Возможно, при установлении двадцатины Машо действительно руководствовался принципами физиократической теории, но в эдикте о двадцатине подобной мотивировки нет, да это и естественно, поскольку в 1749 г. теоретических работ сторонников этой школы еще не существовало. Очевидно, в будущем Машо собирался сделать двадцатину основным прямым налогом, что подтверждается отсутствием ограничения срока ее взимания, отменой вскоре после ее введения некоторых прибавок к талю.

Реформаторская деятельность Машо не ограничивалась исключительно финансовой областью. По его инициативе был проведен ряд преобразований, отразивших некоторые новые тенденции правительственной политики в социально-экономической сфере. В августе 1749 г. был принят эдикт, направленный на ограничение так называемых имуществ мертвой руки (*biens de mainmorte*).³⁰ Этим эдиктом, в частности, духовенству запрещалось впредь без особого разрешения приобретать недвижимую собственность.³¹ Кроме того, за несколько лет до появления знаменитой «Экономической таблицы» Кенэ Машо осуществил ряд мероприятий в духе формировавшейся экономической теории физиократов.³² В 1754 г. было принято постановление о свободной циркуляции зерна внутри Франции, о его свободном экспорте из двух портов Средиземного моря; был также разрешен свободный ввоз в страну сырья (непряденой шерсти, металлов, хлопка, пеньки, козьего и верблюжьего волоса, нечесаного льна); постановлением 1753 г. разрешался свободный ввоз и вывоз удобрений и их неограниченная перевозка и продажа в провинциях; принимались конкретные меры по уменьшению цеховых ограничений. По словам французского историка Ж.Велерса, признанного специалиста по школе физиократов, в конце 40-х—начале 50-х годов XVIII в. впервые в истории Франции люди, стоявшие во главе администрации, проявили готовность принять новые идеи, а часто и сами пропагандировали их.³³

Преобразования экономического толка не вызвали сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны привилегированных. В то же время налоговая реформа, открыто посягнувшая на привилегии, встретила самое яростное противодействие, в котором важная роль принадлежала парламентам, и прежде всего — Парижскому. В поданных им королю ремонстрациях красноречиво описаны те вредные последствия, которые якобы будет иметь эта реформа: опустеют деревни, земли не будут обрабатываться. Все это повлечет за собой нарушение «святого феодального права», разорение дворянства — «души» королевства. В то же время магистраты пытаются создать видимость отстаивания интересов и определенных слоев третьего сословия. Автор ремонстраций задается вопросом, а есть ли необходимость в срочной выплате всех государственных долгов? Сохранение некоторых из них, подчеркивает он, в итоге повредило бы лишь небольшой группе финансистов, чьи огромные состояния и так кажутся подозрительными; следует скорее предпочесть затронуть их интересы, чем сознательно чинить препятствия свободному развитию торговли, промышленности и земледелия. Парламент выражает сомнение в возможности правильного использования средств, полученных от взимания двадцатины: «Не начнет ли ваш народ, сир, думать, что полученные в результате введения этого сурового налога средства будут использованы не по назначению?»³⁴ Он рекомендует королю иные пути оздоровления финансов: «...разумную экономию; тщательный контроль за тем, чтобы все, что взимается с ваших подданных, действительно попадало в казну вашего Величества; негибкую твердость по отношению к хищениям...»³⁵

Оппозиция парламентов налоговой реформе была, таким » образом, весьма значительной. И все же в начале 50-х годов XVIII столетия главной силой, блокировавшей ее осуществление, оказались не парламенты, а провинциальные штаты (особенно непримиримые в Лангедоке и Бретани) и выступившее единым фронтом французское духовенство.³⁶ Борьба длилась несколько лет. В конечном счете двадцатина была введена и даже превратилась к концу Старого порядка в один из основных прямых налогов, но изначальные принципы ее распределения и взимания были преданы забвению. «Справедливая» двадцатина выродилась в обычный, взимаемый почти исключительно с третьего сословия налог. Машо, как и его преемникам на посту генерального контролера финансов, так и не удалось принудить привилегированных платить ее наравне с остальным населением Франции.

Реформаторская деятельность Машо вызвала заметное социальное брожение, охватившее практически все привилегированные общественные слои, а также некоторые элементы третьего сословия. Кризис усугублялся тем, что противодействие налоговым преобразованиям Машо развивалось на фоне обострения религиозных противоречий, в центре которых находилось отношение к янсенизму — оппозиционному течению внутри католической церкви.³⁷ Духовенство, одновременно с выступлениями против налоговой реформы, резко усилило дискриминацию янсенистов. В то же время парламенты, выступив против реформы Машо вместе с духовным сословием, взяли янсенистов под защиту, последовательно отстаивая их права от ущемлений со стороны католических клириков. Правительство, позицию которого в религиозном вопросе можно в целом квалифицировать как антиянсенистскую, в конце 40-х—начале 50-х годов не проводило сколько-нибудь отчетливого курса в этой области. В силу данного обстоятельства оно оказалось не в состоянии использовать наметившийся в рядах привилегированной оппозиции раскол и подавить сопротивление налоговой политике. Реформа Машо, как уже было отмечено, практически потерпела неудачу, не привнеся сама по себе заметных изменений в общественно-политическую жизнь Франции Старого порядка.

Гораздо более важное значение и далеко идущие последствия имела разгоревшаяся вокруг реформы политическая борьба. Одним из ее главных результатов стало выдвижение парламентов в центр общественной жизни страны, постепенное превращение их в рупор оппозиции абсолютистскому режиму. В противодействии налоговым преобразованиям Машо ведущая роль принадлежала еще духовенству.

Однако по мере того как налоговые проблемы отходили на второй план, а в фокусе борьбы оказывались религиозные вопросы, на авансцене общественно-политической жизни парламенты занимали все более заметное место. Их многочисленные и активные выступления в поддержку янсенистов можно, по-видимому, расценить не столько как приверженность магистратов какой-либо определенной религиозной доктрине, сколько как своего рода «пробу голоса» в оппозиции абсолютистскому режиму. Тон и содержание поданных в защиту янсенистов в 1750—1752 гг. ремонстраций явно не соответствовали степени активности правительства в религиозных вопросах. Уже на этом этапе оппозиция парламентов носила скрыто политический характер, парламенты лишь рядились в «религиозные одежды», которые им предстояло сбросить в самом скором времени.

Уже с начала конфликта, как бы в ответ на попытку Машо поставить под вопрос привилегии, парламенты, в свою очередь, начинают ставить под сомнение всю систему и доктрину «монархии божественного права» как абсолютной, никем и ничем не ограниченной королевской власти. Но более отчетливо политические претензии магистратов были сформулированы лишь в «Великих ремонстрациях 1753 г.» и в ремонстрациях 1755 г. В этих документах содержится требование о прямом контроле магистратов над всеми законами страны — не только существующими, но и вновь создающимися: «Пусть все законы королевства приобретают свой окончательный вид в вашем парламенте, сир».³⁸ Парламент, по мнению его членов, может внести в любой закон необходимые изменения, а также вообще отказаться зарегистрировать его. Выдвинутое магистратами требование на участие в осуществлении законодательной власти подразумевало ограничение монархии аристократической корпорацией.

Одновременно все более радикальный характер приобретали практические действия парламентов: магистраты отказывались от исполнения судебных функций и обсуждали на совместных заседаниях палат проблемы государственного устройства, проводили своеобразные «стачки», оказывая тем самым прямое неповиновение королевской власти, воздействовали на общественное мнение, распространяя ремонстрации и антиправительственную публицистику. Пытаясь справиться с растущей оппозицией парламентов, правительство отправило в ссылку парижских магистратов (1753—1754 гг.), а наиболее решительно настроенных подвергло тюремному заключению. Однако все эти меры лишь способствовали росту популярности парламентов. Имеющиеся факты позволяют предположить, что на стороне магистратов находились в те годы многочисленные представители третьего сословия, в особенности торгово-промышленной буржуазии, ремесленников, мелкого люда городов.³⁹

В первой половине 50-х годов резко усилилась солидарность различных парламентов Франции. В их среде появилась и обрела широкую популярность теория «единого парламента», согласно которой глава всей магистратуры — Парижский парламент, а отпочковавшиеся от него провинциальные палаты «основываются на тех же принципах, имеют те же цели, проникнуты тем же духом, что и он; все парламенты являются членами единой корпорации».

В сочетании с выдвинутыми ранее тезисами, что ни один закон не может войти в силу без согласия парламентов и что в случае необходимости магистраты имеют право изменять или даже отменять постановления самого короля, эта доктрина, подразумевавшая совместные действия всех парламентов, способствовала существенному увеличению мощи оппозиции и ограничивала суверенитет монарха.

Таким образом, в первой половине 50-х годов XVIII в. парламенты перешли в прямую политическую оппозицию абсолютизму. В 1756—1770 гг. они постепенно превратились в главный фактор политической нестабильности режима, в реальную политическую силу, пользующуюся широкой популярностью и поддержкой вследствие одной только своей оппозиционности. Растущие политические претензии магистратов, их противодействие любым финансовым мерам правительства, их нежелание идти на компромиссы, совместные решительные действия выступающих единым фронтом Парижского и провинциальных парламентов, наконец, стремление магистратов апеллировать к самой широкой аудитории — все это расшатывало и дискредитировало абсолютистскую власть.

Радикально изменить положение решил канцлер Мопу, предпринявший в 1770—1774 гг. судебную реформу, призванную не только и не столько улучшить систему судопроизводства, сколько устранить влиятельного политического противника.

На первом этапе реформы в декабре 1770 г. правительство попыталось подавить парламентскую оппозицию традиционными методами. В Парижский парламент был направлен специальный «дисциплинарный эдикт», в преамбуле которого парламент обвинялся в использовании «новых опасных идей». Особое опасение королевской власти вызывала усилившаяся солидарность парламентов, рост их политических претензий и покушение на единоличную законодательную власть короля, стремление магистратов выступать от имени нации и противопоставлять ее монарху. «Мы должны... задушить эти опасные новшества в зародыше»⁴², — говорилось в документе. Отчетливо выраженную политическую окраску имели и три статьи эдикта. В первой парламентам запрещалось использовать термины «единство», «неделимость», «класс» для обозначения своей общности, поддерживать контакты между собой и обсуждать на заседаниях ремонстрации других палат. Статья вторая запрещала магистратам прерывать судопроизводство и коллективно уходить в отставку. Последняя статья подтверждала их право ремонстраций, но с оговоркой, что после регистрации любого правительственного акта им не разрешается препятствовать его исполнению.

Эдикт вызвал резкое сопротивление магистратов. 10 декабря столичный парламент прекратил работу, и ничто не могло принудить его к повиновению. В этих условиях власти приняли принципиально новое решение — радикально преобразовать всю парламентскую систему. «Бастующие» магистраты Парижского парламента подверглись высылке в отдаленные районы страны. «, Должности их были конфискованы. 23 февраля 1771 г. было объявлено о создании Высших советов (Conseils superieurs) на территории, находившейся прежде под юрисдикцией столичного парламента, — в Аррасе, Блуа, Шалоне, Клермон-Ферране, Лионе и Пуатье.⁴³ Являясь в своих зонах высшей кассационной инстанцией, эти Советы не могли регистрировать эдикты и подавать ремонстрации, как это делал прежний парламент. Одновременно был реорганизован Парижский парламент, а территория, подлежавшая его ведению, сильно урезана.⁴⁴ В нем, как и во вновь созданных Советах, были отменены система продажи должностей и традиционные узаконенные взятки. Судопроизводство провозглашалось бесплатным, новые судьи должны были получать от государства фиксированное жалованье. Назначение на все парламентские посты производилось теперь не парламентом, а правительством. Новые судебные органы были таким образом поставлены под прямой контроль королевской администрации и практически лишены возможностей эффективного официального противодействия правительственной политике.

Начиная со второй половины 1771 г. аналогичные преобразования были проведены и в провинциях, причем показательно, что наиболее глубоким изменениям подверглись те парламенты, которые в предшествующие годы проявляли особую активность в выдвижении политических требований. К примеру, парламент Руана, наиболее решительно настроенный среди провинциальных судебных палат, был распущен целиком, а его полномочия поделены между двумя вновь созданными Советами.

Завершив перестройку верхушки судебной системы, правительство предприняло некоторые шаги для преобразований различного рода мелких судебных палат. Но, поскольку они не представляли серьезной политической опасности для абсолютной монархии, здесь были проведены лишь незначительные изменения, отнюдь не означавшие всеобъемлющей трансформации системы судопроизводства.

И. Б. Берго

Осуществленная Мопу реформа не была следствием какой-то конкретной программы, канцлер действовал эмпирически — следовал за развитием событий. Преобразования не носили глобального характера и коснулись лишь «верхушки» системы судопроизводства. Провозглашение бесплатного правосудия, улучшение территориальной сети высших судебных палат, отмена архаичной системы продажи должностей — все эти мероприятия были проведены под флагом рационализации судебной системы. Но введение принципа назначений на судебные посты сверху, зависимость новых судебных учреждений от абсолютистской власти не соответствовали тем требованиям реформы правосудия, которые уже были выработаны к тому времени передовой общественной мыслью.

Выявить позицию парламентов по отношению к реформе Мопу, основываясь на анализе одних ремонстраций, не представляется возможным. Канцлер действовал столь оперативно, что многие парламенты были буквально застигнуты врасплох и лишь некоторые из них успели принять отдельные постановления антиреформенного характера. Но вокруг реформы сразу же разгорелась развязанная магистратами памфлетная война. В ходе необычайно острой политической полемики был затронут комплекс вопросов, который выходил за рамки защиты только парламентских прав и прерогатив Широко дискутировался вопрос о правах и свободах нации, о представительных учреждениях, о характере государственного устройства.

Пропарламентские публицисты, среди которых были и члены парламентов, решительно оспаривали положение о принадлежности всей полноты верховной власти монарху. Королю предоставляется в полном объеме лишь исполнительная власть. Законодательная и судебная функции, в трактовке противников реформы практически слитые воедино, не принадлежат монарху безраздельно — здесь его права ограничены существованием парламентских прерогатив, содержание которых публицисты этого лагеря понимают по-разному. Подавляющее большинство авторов развивали идеи, высказанные магистратами еще в 50-х годах XVIII в.: с их точки зрения, парламенты имеют право свободно обсуждать все законодательные акты правительства и затем либо принимать их в первоначальном виде, либо вносить в текст документов необходимые изменения, либо вообще отказаться их зарегистрировать. В другой, крайне немногочисленной группе памфлетов вопрос о законодательных прерогативах парламентов решался гораздо более последовательно; эти корпорации предстают в них как полноправные участники процесса создания законов. Утверждалось, что магистраты располагают всей полнотой законодательной власти, однако вопросы о законодательной прерогативе монарха, о соотношении полномочий короля и парламентов в этой области практически обходились.⁴⁵

Почти все оппозиционные публицисты отстаивали сохранение различных привилегий как необходимое условие реального ограничения королевского единовластия. Главную преграду «произволу» они видели в самих парламентах, но при этом часть памфлетистов считала важнейшими «оплотами свободы» также привилегии дворянства и духовенства, периодический созыв Генеральных штатов.⁴⁶ Некоторые авторы полагали, что главный «барьер деспотическому правлению» — вольности и свободы отдельных провинций.⁴⁷ И, наконец, еще в одной группе брошюр парламент мыслился как орган, представляющий «нацию», и именно в этом качестве являлся противовесом монарху. «Где мы теперь возьмем национальный орган, способный защитить нас от министерских злоупотреблений и почтительно указать королю, что он правит гражданами, а не рабами?», — спрашивает один из памфлетистов.⁴⁸ Проблема нации, ее прав и свобод — особый сюжет политической полемики, причем инициаторами дискуссии здесь выступили пропарламентские публицисты. Хотя в памфлетах этого лагеря не содержится связного определения понятия «нация», очевидно, что в трактовке оппозиционных публицистов «король» и «нация» являются категориями несовпадающими, более того, монарх — лишь исполнитель воли нации, которая по своей природе выше короля и обладает суверенной властью и широким комплексом прав и свобод.

Несмотря на яростную оппозицию реформе Мопу в первое время после ее проведения, к середине 1773 г. положение в стране начало стабилизироваться, судебная система успешно функционировала, новые магистраты справлялись со своими обязанностями. Постепенно угасла и памфлетная война. Из сохранившихся в Парижской Национальной библиотеке памфлетов периода реформы 250 относятся к 1770—1771 гг., 29 — к 1772 и лишь 3 — к 1773 г.⁴⁹ Казалось, абсолютизму удалось выйти победителем из политического противоборства с парламентами. Однако после смерти 10 мая 1774 г. Людовика XV и вступления на трон его наследника судебная реформа вскоре была отменена, Мопу получил отставку, и прерогативы прежних парламентов были восстановлены. Что же заставило пойти на такой шаг молодого короля, всего лишь четыре года назад приветствовавшего мероприятия канцлера 50? По всей вероятности, придя к власти, он почувствовал необходимость определенным образом отмежеваться от крайне дискредитировавшей монархию политики своего предшественника, сделать какой-нибудь эффектный жест, чтобы оправдать возлагавшиеся на него общественным мнением надежды. В сложившейся ситуации такой мерой как раз и могла стать отмена реформы Мопу. Прежние парламенты в глазах общественного мнения сохраняли популярность как единственный оппозиционный режиму орган. К их восстановлению призывали авторы вновь появившихся брошюр и эпиграмм — их содержание перекликалось с памфлетами 1770—1773 гг. На Людовика XVI попытались оказать давление принцы крови и пэры, за которыми, очевидно, стояли широкие круги дворянства.

О восстановлении Парижского парламента и полной отмене осуществленных Мопу преобразований парламентской системы было объявлено на «королевском заседании» этой корпорации 12 ноября 1774 г. Затем аналогичные заседания были проведены в провинциях. Абсолютизм фактически сам возродил парламентскую оппозицию, продемонстрировав полную неспособность воспользоваться плодами собственной победы. Правительство само положило начало новой серии политических столкновений с парламентами: первый конфликт разгорелся вокруг реформ, предложенных назначенным на пост генерального контролера финансов Тюрго.

Без сомнения, реформы Тюрго представляют собой наиболее серьезную в истории Франции Старого порядка попытку преобразований в рамках феодально-абсолютистского строя. К.Маркс, оценивая деятельность этого министра-реформатора, называл ее «введением к французской революции», попыткой «предвосхитить» некоторые ее мероприятия.⁵¹

Тюрго, у которого «физиократическая система приняла наиболее развитый вид»⁵², был прежде всего экономистом, а не финансистом, и предложенные им мероприятия затрагивали главным образом социально-экономическую сферу. Короткий срок пребывания Тюрго на посту генерального контролера финансов (с 24 августа 1774 г. по 12 мая 1776 г.) можно разделить на два периода. В течение первого министр, опираясь на широкую поддержку общественного мнения, провел ряд мероприятий частного характера в экономической и финансовой областях, одновременно разрабатывая планы более широких реформ. Важной вехой на этом пути явилось принятие в сентябре 1774 г. ордонанса о свободе хлебной торговли, провозглашавшего необходимость свободной циркуляции зерна внутри страны⁵³, отменявшего фиксированные цены на хлеб и некоторые другие рыночные установления и регламенты⁵⁴, — ордонанса, названного Мишле «Марсельезой хлеба».⁵⁵ Однако в апреле—мае 1775 г. в Париже и некоторых других городах вспыхнули стихийные массовые волнения: народ требовал установления пониженных цен на хлеб. Началась так называемая «мучная война».⁵⁶ В самый разгар событий против политики правительства выступил Парижский парламент, добивавшийся установления в директивном порядке фиксированных цен на хлеб. Стремясь подчинить парламент, власти прибегли к процедуре «королевского заседания». Как отмечал один из очевидцев, аббат Вери, целью парламента было «показать себя в роли отца-покровителя народа, чтобы завоевать у него популярность. Магистратов совершенно не заботило, что, возможно, именно насильственное снижение цен уменьшит количество хлеба на рынке».⁵⁷

Движение вскоре удалось подавить, но положение Тюрго было поколеблено, его влияние и авторитет уменьшились. Однако он не только не отказался от дальнейших преобразований, но именно после «мучной войны» попытался воплотить в жизнь часть своего главного реформаторского проекта, так и не получившего, правда, окончательного теоретического оформления. Проект сводился к двум основным моментам — фискальному и политическому.⁵⁸ Реформа налоговой системы, предполагавшая упразднение фискальных привилегий и установление единого налога на все доходы с земельной собственности, должна была, по мысли Тюрго, иметь следствием повышение производительности сельского хозяйства, развитие промышленности, способствовать экономическому росту. В свою очередь, налоговая реформа дополнялась у Тюрго проектом создания муниципальной администрации, которая бы формировалась на выборной основе и могла бы реально положить конец многочисленным злоупотреблениям, имевшим место при сборе налогов.

По словам Э.Фора, во второй половине своей министерской деятельности, «встречая более твердое сопротивление, Тюрго решается на более резкое нападение. Он перегружает свой „поезд“ реформами в ту минуту, когда направляет его на шаткий мост».⁵⁹

В начале 1776 г. Тюрго обнародовал проект шести эдиктов, из которых наиболее важными были два: о полной ликвидации цехов и об отмене дорожной повинности (*corvée*)⁶⁰, заменявшейся денежным сбором с земельных собственников.⁶¹ Суммы, полученные в результате введения этого налога, должны были передаваться в финансовые округа — генеральства и использоваться в основном на местах. Предусматривалось создание кадров квалифицированных рабочих и ответственных подрядчиков. Расходование средств на строительство дорог и ремонтные работы подлежало тщательному контролю со стороны правительства; налог должен был взиматься лишь в соответствии со сметой, утверждаемой Государственным советом ежегодно.

Обоим эдиктам были предпосланы обширные преамбулы, содержавшие изложение ряда финансово-экономических принципов физиократической теории. Сами же статьи этих документов носили конкретный характер, касались в основном чисто технических моментов осуществления реформ. Другими словами, Тюрго не стремился акцентировать внимание на тех элементах налогового и гражданского равенства, которые объективно содержались в предложенных им преобразованиях. Однако привилегированные сразу почувствовали угрозу. В авангарде оппозиции, как обычно, оказались магистраты.

В ремонстрациях, поданных королю 4 марта 1776 г. Парижским парламентом, эдикт об отмене дорожной повинности подвергается яростной критике. Отбросив обычные демагогические приемы, парламент откровенно выступает в защиту налогового иммунитета первых двух сословий, ибо привилегии есть «опора порядка и спокойствия»⁶² и у каждого сословия свои определенные обязанности перед троном: духовенство ведает отправлением религиозного культа, дворянство проливает свою кровь и помогает королю советами, а третье сословие, которое «не в состоянии оказывать суверену столь же ценные услуги», платит налоги и исполняет различную физическую работу. Авторы ремонстраций высказывают опасение, что, подвергнув дворянство денежному сбору на дорожные работы, правительство вскоре попытается заставить его платить талью, что будет для этого сословия «немыслимым унижением». Они рассматривают отмену дорожной повинности как первое звено в цепи возможных нововведений, которые могут увлечь монарха «гораздо дальше, чем он сам того желает».⁶³ Главный пафос ремонстраций — в защите принципа сословного неравенства. Предполагаемая реформа якобы приведет к созданию «неприемлемой и абсурдной системы равенства» путем ликвидации «естественных и необходимых» различий между сословиями, т.е. разрушит «самые основы французской монархии». С тех же позиций оценивают магистраты эдикт об отмене цехов: это разрыв существующих в обществе связей, могущий привести к самым неблагоприятным последствиям.⁶⁴

Их крайне тревожит, что в результате этой реформы власти лишатся надежного средства контроля над городскими низами: «Существуют классы, за которыми необходимо постоянно надзирать... Это класс бедняков, которым нечего терять в случае волнений и беспорядков». Подмастерья, ученики, рабочие, освободившись от опеки цеховой системы, вообразят себя независимыми и окажутся способными на любые действия...»⁶⁵

Пытаясь влиять на широкую публику, составители ремонстраций приводили и некоторые иные доводы: необходимо уменьшать налоги, а не вводить новые; отмена дорожной повинности якобы повлечет резкое вздорожание продуктов; ликвидация цехов и введение принципа свободной конкуренции понизят качество изделий и вызовут всевозможные злоупотребления... Однако за этими доводами отчетливо прослеживается направленность ремонстраций — защита консервативных устоев, и прежде всего привилегий высших сословий.

Для утверждения упомянутых эдиктов 12 марта 1776 г. было проведено «королевское заседание» Парижского парламента. Вынужденные подчиниться, магистраты на следующий же день опротестовали решения, принятые на этом заседании, и постановили подготовить новые ремонстрации. Одновременно резко усилились нападки на Тюрго в придворных кругах. Его противники оказывали сильное давление на короля, действовали как в открытую, так и путем сложных закулисных интриг. Несмотря на то, что Тюрго удалось добиться регистрации эдиктов, его популярность уменьшилась. Фактически ни одна из реформ не обеспечила Тюрго поддержку какого-либо определенного слоя населения.⁶⁶ Победа, одержанная на «королевском заседании» 12 марта, оказалась пирровой: через два месяца, 12 мая, король дал Тюрго отставку. Несколько месяцев спустя были отменены все его основные реформы.

Оказавшись не в состоянии провести в жизнь реформаторскую программу Тюрго, абсолютистский режим отчетливо продемонстрировал полную неспособность что-либо решить. В то же время сама попытка проведения сверху, авторитарным путем реформ, содержащих в себе значительный потенциал социального переустройства, свидетельствовала об осознании общественными верхами необходимости серьезных преобразований. По своему размаху, по глубине разработки проблем, объективно поставленных развитием общества по буржуазному пути, программа Тюрго безусловно превосходила как все предшествовавшие ей проекты, так и выдвигавшиеся после ее провала.⁶⁷ В этом смысле деятельность Тюрго знаменует собой вершину реформаторских усилий французского абсолютизма.

Рассмотрение в хронологической последовательности трех попыток реформ, предпринятых французским абсолютизмом в третьей четверти XVIII в., показывает, что их неудача была в значительной степени обусловлена активным противодействием со стороны парламентов. Конечно, вряд ли было бы правильным расценивать парламентскую оппозицию как единственный фактор, предопределивший провал реформ Машо, Мопу и Тюрго. Тем не менее определенная корреляция этих двух явлений общественно-политической жизни — попытки реформ и нарастание парламентской оппозиции — не вызывает сомнений. Показательно, что именно с реформами связаны периоды подъема, заметной активизации парламентской оппозиции, хотя полное их хронологическое совпадение наблюдается и не во всех случаях. Характерно также, что противодействие парламентов играло с течением времени все большую роль в блокировании реформ.

Для выявления истоков этой взаимосвязи, ее внутренней логики и исторической обусловленности необходимо, с одной стороны, охарактеризовать сущность и направленность предпринятых абсолютизмом реформ, а с другой — определить, с каких позиций выступали против них французские парламенты.

Прежде всего, реформы эти были неоднородными по содержанию. Осуществленная Мопу перестройка судебной системы преследовала главным образом политические цели, в то время как деятельность Машо и Тюрго была ориентирована в основном на преобразования в социально-экономической и финансовой сферах. Вместе с тем эти реформы укладываются в определенное общее русло, ибо так или иначе они были направлены на укрепление абсолютизма, на сосредоточение в руках правительства всей политической и административной власти, на унификацию политической, экономической, налоговой систем. В представлении реформаторов именно абсолютизм выступал источником и гарантом необходимых преобразований, непосредственно контролировал их проведение.

Те же цели — укрепление абсолютистского государственного аппарата, адаптацию механизма государственно-политического управления к новой социальной действительности, которая в основе все более и более обретала буржуазное содержание, наконец, сохранение в руках абсолютистской власти контроля над социально-экономической сферой при одновременном проведении в жизнь принципов экономического либерализма — преследовало присущее в большей или меньшей степени всем трем реформам стремление к ограничению привилегий. Объективно мероприятия Машо, Мопу и Тюрго были направлены на приспособление надстроечных структур к буржуазным по характеру тенденциям социально-экономического развития французского общества.

Реформы, предложенные французскими государственными деятелями, были во многом сходны с реформами, проведенными приблизительно в тот же период в некоторых странах Европы, где аналогичная внутренняя политика получила название «просвещенного абсолютизма». Однако налицо были и некоторые серьезные различия. Прежде всего, во Франции реформаторская политика не носила систематического характера, она осуществлялась отдельными циклами в течение довольно длительного периода. Ее инициаторами выступили разные министры, деятельность которых вовсе не являлась осознанным продолжением политики предшественников. При этом только Тюрго руководствовался стройной и последовательной программой. Кроме того, французские реформаторы, за исключением лишь того же Тюрго, отнюдь не вдохновлялись идеалами Просвещения. Наконец, во Франции реформаторские попытки не увенчались даже относительным успехом, а потерпели полное поражение.

Что касается оппозиции парламентам проводимым реформам, то лейтмотивом их поведения была последовательная защита всего комплекса привилегий высших сословий и корпораций. Одновременно яростное противодействие магистраты оказывали стремлению абсолютизма к дальнейшей централизации и унификации аппарата государственного и административного управления. По сути дела, как выступления парламентам против реформ, так и вся политическая программа этих корпораций объективно имели отчетливо выраженную антиабсолютистскую направленность. И если в социально-экономической и финансовой сферах их противостояние реформам носило в основном чисто негативистский характер, то в политической области они выдвинули некоторую альтернативу абсолютистскому режиму, со всей определенностью формулируя требование ограниченной монархии, правда, имея в виду ее ограничение лишь привилегированной олигархической кастой, что было, по словам К.Маркса и Ф.Энгельса, «упорным, приукрашенным либеральными фразами отстаиванием цеховых интересов».⁶⁸ Их требование ограничения королевской власти представительством нации сводилось к претензии на исполнение этой функции привилегированными судебными палатами, прерогатива которых никоим образом не была связана с принципом выборности

Как серия правительственных реформ, так и выдвинутая парламентами политическая программа отражали реакцию высших слоев французского общества на новые тенденции общественного развития и частичное осознание ими необходимости определенных перемен. Однако эта реакция была разной у правительственных и парламентских кругов; выдвинутые ими программы во многом прямо противоречили друг другу. Налицо был раскол «верхов».

При этом ни та, ни другая программа не содержали в себе потенциала сколько-нибудь глубокого преобразования общественно-политической системы. Абсолютистскую программу можно оценить как попытки лишь несколько видоизменить эту систему, обеспечить ее функциональность в новых исторических условиях. Но даже для решения этой ограниченной задачи была необходима столь значительная трансформация социальных связей, государственных и административных структур, что она не могла не вызвать резкого протеста привилегированных слоев, прежде всего дворянства, лидером которого к середине XVIII в. стали парламенты. На том этапе парламентская оппозиция воплотила в себе невозможность для привилегированной верхушки безболезненно интегрироваться в новую систему общественных связей.

Возглавив общедворянскую оппозицию абсолютизму, парламенты в то же время явно стремились опереться на более широкие социальные силы. Во многих ремонстрациях присутствуют доводы, рассчитанные как на все третье сословие в целом (например, критика налогов), так и на отдельные его слои (торгово-ремесленную прослойку, мелкий городской люд, сельских производителей). Со второй половины XVIII в. парламенты превратились в ведущее звено всех оппозиционных абсолютизму сил, ибо в тот момент они были единственным легальным органом, способным формулировать требования в виде конкретных политико-юридических претензий. Структура и характер функционирования парламентов, их права и прерогативы, отсутствие в стране Генеральных штатов или других представительных учреждений — все это превращало их в серьезную политическую силу, которая могла объединить всех недовольных существующим положением.

В то же время абсолютизм постепенно оказался в серьезной социальной изоляции. Предложенные им реформы не получили поддержки третьего сословия и были встречены в штыки духовенством и дворянством.

С одной стороны, конфликт парламентов с правительством по поводу реформ представлял собой столкновение двух элементов абсолютистской государственной машины. В этом качестве и сам конфликт, и его итоги можно квалифицировать прежде всего как глубокий кризис всей абсолютистской государственно-политической системы, который начиная с 50-х годов XVIII в. приобрел необратимый характер. С другой — парламентская оппозиция — это самостоятельный общественно-политический феномен. В этом качестве парламенты были инициаторами политической борьбы с абсолютизмом, втягивали в нее широкие слои населения, выступали лидером складывающейся антиабсолютистской коалиции. Они способствовали политическому образованию и просвещению масс, вынося на суд широкой аудитории ряд острых вопросов государственного и общественного устройства. «Именно парламент, более чем какой-либо другой орган власти, втягивал парижский народ в политическую жизнь и давал ему политические уроки, которые он позже, в 1789 г., использовал против своих учителей», — замечает по этому поводу английский историк-марксист Дж.Рюде.⁶⁹ Своей политической деятельностью парламенты создавали принципиальную возможность постепенного формирования иной, гораздо более радикальной, социально-политической программы и иных, гораздо более радикальных и последовательных, организованных форм социально-политической борьбы. Тем самым парламенты одновременно готовили собственную гибель, неизбежную с началом буржуазной революции и падением абсолютистского режима. Лишь в этом смысле, т.е. рассматривая парламентскую оппозицию как политическое выражение объективно обусловленной тенденции к революционному ниспровержению абсолютистского строя, можно признать ее прологом, исторически необходимым этапом на пути французской буржуазной революции конца XVIII в.

1 Marion M. Machault d'Arnouville. P., 1891.

2 Flammermoni J. Le chancelier Maupeou et les parlements. P., 1885 P.584—585

3 Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке (1715—1789). СПб., 1902. С.193—195.

- 4 См. об этом. Адо А.В. Французская буржуазная революция и ее современные критики Новая и новейшая история. 1981, № 3; Далин В.М. Историки Франции. М., 1981. С.241—242.
- 5 Cobban A. The Parlements of France in the eighteenth Century History. 1950. 6 N 35; переиздана: Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968.
- 6 Cobban A. Aspects of the French Revolution. P. 75.
- 7 Ibid. 80.
- 8 Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. P., 1966. P. 56
- 9 Chaussinand-Nogaret G. Gens de finance au XVIIIe siecle P. et al. 1972. P.66—67.
- 10 Ibid. P.83.
- 11 Furet F Penser la Revolution francaise P, 1978 P 149
- 12 Laugier L. Un ministere reformateur sous Louis XV. Le Tnumvirat. P., 1975.
- 13 Ibid. P.608.
- 14 Цит. по Ловчев В.М. Западногерманская буржуазная историография Великой французской революции. Дис.канд.ист.наук. Казань, 1983. С.116.
- 15 Richet D La France moderne L'espnt des institutions P., 1973. P.36.
- 16 Doyle W. Origins of the French Revolution Oxford, 1980. P.77.
- 17 Doyle W. The Parlements of France and the Break down of the Old Regime 1771—1788. French Historical Studies. 1970. Vol.6. N 4.
- 18 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.4. С.314.
- 19 Soboul A. La Civilisation et la Revolution francaise P., 1970. P.254—259.
- 20 Soboul A. Sur la fonction histonque de l'absolutisme eclaireeclairer. AHRF 1979. N 238. P.532.
- 21 Soboul A. La Civilisation. P.265.
- 22 Vovelle M. La chute de la monarchie. P., 1972. P.46.
- 23 См. Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.). Документы советско-итальянской конференции историков 8—10 апреля 1968. М., 1970. С.53.
- 24 См. Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России. Вопр.истории. 1970. № 9.
- 25 См. Коган М.А. К истории просвещенного абсолютизма. ЛГПИ им.А.И.Герцена. 24-е Герценовские чтения. Сер.11. Л., 1971
- 26 Isambert F.A. Recueil general des anciennes lois francaises P., 1830. Т.22. P.225.
- 27 Большинство из привилегированных к этому моменту уже успело откупиться от введенной в 1695 г. капитуляции
- 28 Marion M. Les impots directs sous l'Ancien Regime principalement au XVIIIe siecle. P., 1910. P.68—70.
- 29 Schnerb R. La repartition des impots directs a ia fin de l'ancien regime Revue d'histoire economique et sociale. 1962. N 2. P.131; Harsin P. La theorie fiscale des physiocrates Ibid. 1958. N 1. P.8—10; Lizerand G. Observations sur l'impot Ibid. P.34—35; Conan J. Les debuts de l'ecole physiocratique. Un faux depart: l'echec de la reforme fiscale Ibid. P.48.
- 30 Имелись в виду имущества, принадлежавшие белому или черному духовенству, не отчуждавшиеся и не подвергавшиеся никаким обложениям.
- 31 Isombert. Op.cit. Т.22. P.226—236.
- 32 «Экономическая таблица Кенэ» (1758) была первой цельной экономической программой школы физиократов. См. об этом: Marion M. Machault d'Arnouville.
- 33 Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 a 1770. P., 1910. Т.1. P.31.
- 34 Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siecle. P., 1888—1898. Т.1. P.397—399, 400, 448—449.
- 35 Ibid. P.408.
- 36 Подробнее о сопротивлении штатов и духовенства см.: Marion M. Machault d'Arnouville.
- 37 См. о янсенизме: Cognet L. Le jansenisme. P., 1961; Tavenaux R. Jansenisme et politique. P., 1965.
- 38 Remontrances... Т.2. P.31.
- 39 Barbier E. Chronique de la regence et du regne de Louis XV (1718—1763), ou Journal de Barbier, avocat au Parlement de Paris. P., 1858. Т.6. P.11; La France au milieu du XVIIIe siecle (1747—1757) d'apres le Journal du marquis d'Argenson Extraits publ. par A. Brette. P., 1898. P.248.

40 Remontrances... Т.2. Р.138.

41 Пименова Л.А. Социально-политическая программа дворянства накануне Великой французской революции Новая и новейшая история. 1984 № 1. С.66.

42 Isambert Op.cit. Т.22. Р.506.

43 Ibid. Р.512—513.

44 Подробнее о судебном аспекте реформы Мопу см.: Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des Conseils superieurs d'apres la reforme de Maupeou (1771—1774). Р., 1937.

45 Tableau des differents ages de la Monarchie Francaise Les efforts de la liberie et du patnotisme contre le despotisme du Sr de Maupeou, Chancelier de France L., 1772. Т.2. Р.78 (Библиотека ИНИОН Шифр JC179).

46 Pnnctpes de la legislation francaise S.1, 1771.

47 Manifeste aux Normands, Essai histonque sur les droits de la Province de Normandie, Manifeste aux Bretons. Les efforts. L., 1773. Т.5.

48 Maupeouana, ou Correspondence secrete et famihere du Chancelier Maupeou avec son coeur Sorhouet. S.1., 1773. Pt.2. Р.19.

49 Catalogue de l'histoire de France Р., 1854. Т.2. Р.430—445.

50 Laugier L. Op.cit. Р.145—146.

51 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.26, ч.1. С.38.

52 Там же. С.25.

53 Постановление 1754 г. и принятая в 1763 г. декларация о свободе хлебной торговли предусматривали целый ряд ограничений. В 1770—1771 гг. эта относительная свобода была отменена сторонником жесткой регламентации аббатом Террэ.

54 Isambert. Op.cit. Т.23. Р.30—39.

55 Цит по: Фор Э Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. С.10.

56 Об этом см.: Rude G. La taxation populaire de mai 1775 a Paris et dans la region parisienne. AHRF. 1956. N 143.

57 Journal de l'abbe de Veri. Р., 1928 Т.1. Р.293.

58 См.: Фор Э. Указ.соч. С.369—374.

59 Там же. С.23.

60 Эта повинность заключалась в принудительных работах крестьян по строительству и ремонту дорог несколько дней в году.

61 Isambert. Op.cit. Т.23. Р.358—370, 370—386.

62 Remontrances... Т.3. Р.313.

63 Ibid Р 288, 291.

64 Ibid Р 279.

65 Ibid Р 309, 332—333.

66 Фор Э. Указ.соч. С.468.

67 В 1777—1789 гг. имели место еще несколько более или менее значительных попыток правительственных реформ. Среди них прежде всего заслуживают упоминания мероприятия Неккера (1777—1781 гг.) и Калонна (1783—1787 гг.). Ограниченность (Неккер) и эклектичность (Калонн) названных реформ послужили лишним подтверждением утраты французской монархией способности к политическому маневрированию, к позитивному решению общенациональных проблем. О реформах Неккера и Калонна см. Egret J. Necker, ministre de Louis XV (1776—1790) Р., 1975, Лебедева Е.И. К истории политического кризиса накануне Великой французской буржуазной революции Проблемы новой и новейшей истории М, 1983.

68 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.6 С.149.

69 Рюде Дж. Народные низы в истории 1730—1848. М., 1984. С.67. [\[см. в нашей библиотеке главы этой книги\]](#)

В. А. Гавриличев

ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ весна—осень 1793 года

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988. С.129-147.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Изучение социальной политики якобинцев 1793 г. имеет первостепенное значение для понимания их роли в революции. Историки-марксисты (Н.М.Лукин, А.В.Адо, А.Собуль и др.) плодотворно изучали аграрный и продовольственный аспекты социальной политики якобинцев. Что касается принудительных налогов на богатых, то этот не менее интересный аспект их деятельности до сих пор специально почти не изучался.

Цель данной статьи — кратко осветить некоторые вопросы формирования и развития якобинской политики нажима на богатых.

Необходимость в принудительных налогах на богатых стала очевидной для многих французов зимой 1792-93 г в суровых условиях войны, блокады, экономического кризиса, разгула инфляции и роста цен. Материальное положение народных масс Франции заметно ухудшилось, в то время как прибыли богачей — банкиров, финансистов, крупных торговцев, поставщиков и др. — возрастали. Эту атмосферу наживы довольно верно оценил вождь демократов-якобинцев Максимилиан Робеспьер: «Народ страдает... Он продолжает подвергаться преследованиям со стороны богатых, а богачи остаются такими же, какими они были всегда, то есть жестокими и безжалостными, — говорил он в Якобинском клубе 25 февраля 1793 г., — Он видит, какое богатство они накапливают в своих руках, он чувствует свою нищету».¹

Возлагая ответственность за трудности и лишения на правящую Жиронду как защитницу «богачей-эгоистов», скупщиков, спекулянтов, народные массы стремились к «подлинному равенству», подразумевая под этим уничтожение нищеты, максимум цен, равенство в пользовании благами, равенство в распределении тягот войны и др. Ремесленники, рабочие, мелкие торговцы, разоряющаяся мелкобуржуазная интеллигенция и другие категории санкюлотов настойчиво требовали, чтобы «трусливый богач», «богач-эгоист» столь же активно участвовал в защите республики, как и санкюлот. На практике это означало, что имущие слои. Должны были жертвовать частью своих доходов («излишков») на экипировку волонтеров, на нужды их семей и помощь «неимущему классу», т.е. платить своеобразный военный налог.

В пользу такого военного налога на собственников с годовым доходом свыше 1,5 тыс. ливров высказалась на заседании Конвента 9 марта 1793 г. депутация демократической секции Гравилье (там жил лидер радикальной группы «бешеных» Жак Ру).² Необходимость военного налога на этом же заседании поддержал якобинец, прокурор коммуны Парижа Шометт. Он сказал: «Неимущий класс постоянно приносит жертвы, все, даже свою кровь отдает в войне за дело свободы. Пора богачу эгоисту разделить бремя, тяжесть которого до сих пор нес только бедняк! Мы требуем обложить этот класс людей военным налогом».³

По предложению якобинца Тюрियो, близкого к Дантону, Конвент 9 марта формально (как тогда говорили, в принципе) одобрил принудительный военный налог на богатых. Однако конкретный декрет из-за нежелания буржуазно умеренных депутатов Жиронды и «болота» не был издан.

На следующий день, 10 марта, под влиянием тревожных сообщений с фронта (неприятель занял Льеж, положение французских войск в Бельгии ухудшилось и т.п.). Конвент принял решение о посылке в провинцию в качестве комиссаров 82 депутатов — в основном Горы, частично «болота» — для ускорения 300-тысячного набора волонтеров Дантон призвал комиссаров потребовать богатых «презренных трусов» средства на защиту республики ибо у народа есть только кровь, которую он проливает.⁴

В течение марта — апреля в Конвент шли донесения комиссаров с мест. Так, Пошоль и Саладен — из числа довольно умеренных — сообщали 26 марта и 14 апреля о пламенном патриотизме населения некоторых городов департамента Нижняя Сена (Нормандия), в том числе жителей Невшателя, где много одежды, снаряжения для волонтеров пожертвовали преимущественно наименее зажиточные слои, в местечке Сен-Валери неимущие семьи, бедняки по сантиму собрали 900 ливров на защиту революции.⁵ А богачи и крупные собственники? Комиссары умалчивают о них. В донесениях глухо говорится об «антигражданском поведении» в ряде мест департамента Сомма (Пикардия). Но кто вел себя антиграждански? Можно лишь догадываться, что это были богачи, принуждать которых к оплате набора волонтеров Пошоль и Саладен не проявили рвения.

Комиссар якобинец Изабо сообщал 22 апреля о завершении набора волонтеров в департаменте Верхние Пиренеи. Он особо отмечал «редкие таланты и энергию в проведении набора гражданина Жюльена» — 18-летнего якобинца, будущего доверенного лица Робеспьера. Сам Жюльен признавался, что успеху набора меньше всего способствовали «богатые торговцы, порядочные люди — добродетельные санкюлоты, только они одни умеют приносить жертвы и проявлять великодушный энтузиазм».⁶

Итак, в департаментах Нижняя Сена и Верхние Пиренеи (Северо Запад и Юг) материальные убытки при наборе несли в основном санкюлоты, а не богатые, зажиточные граждане несправедливость очевидная и вопиющая.

Эта картина типична и для департаментов Запада и Центра. Депутаты якобинцы Гупийо и Тальен сообщали Конвенту 21 марта в департаменте Эндр и Луара простые люди отдают хлеб для волонтеров, богачи же прячутся и не отдают части доходов. Комиссары просили Конвент ускорить способ взимания военного налога. «Все добрые граждане с нетерпением ожидают принятия этого закона», — подчеркивали они в донесении.⁷

Якобинцы Колло д'Эрбуа и Лапланш сообщали 22—24 апреля, что в департаментах Ньевр и Луаре их надежда на добровольные пожертвования богачей в пользу семей волонтеров не оправдалась, богатые буржуа, умеренные уклонились от платежей. Им пришлось прибегнуть к угрозе и выставить гильотину, что сразу принесло «полный успех» Колло и Лапланш рекомендовали Конвенту срочно издать «ясные декреты» о военном налоге, о помощи семьям волонтеров и неимущим, о «соответствии цены на хлеб зарплате трудящегося».⁸

Как мы видим, в отличие от Гупийо и Тальена, пассивно ждавших указаний «сверху», Колло и Лапланш (будущие левые якобинцы) были более активны.

Максимилиан Робеспьер, обобщая зачитанные в Конвенте донесения комиссаров, с полным основанием говорил о «щедрых жертвах бедных и постыдной скупости богатых».⁹ Необходимо было, учитывая донесения комиссаров, безотлагательно заставить богатых финансировать набор волонтеров и помощь их семьям, смягчить нужду санкюлотов. В этом направлении очень свое временный и важный шаг сделали демократы департамента Эро в середине апреля 1793 г.

Получив задание мобилизовать 5 тыс. волонтеров, якобинцы и демократы администрации департамента Эро (Брюне, Дева, Жубер и др.) самостоятельно, без санкции Конвента, в чрезвычайном революционном порядке объявили на территории департамента принудительную подписку на заем в 5 млн ливров. В итоге военный налог был собран за три дня; деньги пошли на экипировку волонтеров, на нужды их семей.¹⁰

Эбер в газете «Пер Дюшен» (5 мая 1793 г.) одобрил инициативу администрации департамента Эро. В Конвенте о решительных действиях патриотов Эро стало известно 27 апреля, когда якобинец Камбон огласил письмо Брюне, Жубера, Дева (от 19 апреля), в котором они предложили поддержать и распространить по всей республике их опыт. В письме отмечалось, что принудительный заем гораздо важнее редких добровольных пожертвований, что он поможет вернуть в кассы департаментов большую массу ассигнатов, окажет положительное влияние на экономику и торговлю, усилит патриотизм у санкюлотов.¹¹

Дантон, фактический лидер Комитета общественного спасения, на заседании 27 апреля энергично поддержал послание патриотов департамента Эро. Он подчеркнул, что принудительный налог не «аграрный закон», не разграбление собственности (в чем постоянно обвиняли якобинцев жирондисты), а разумная мера. Польза от нее не только волонтерам, но и самим богачам: «...обложив военным налогом крупного землевладельца и капиталиста, мы тем самым привяжем его к революции, сохраним его имущество».¹²

Гора и «болото» аплодировали Камбону и Дантону, Конвент одобрил инициативу патриотов Эро и рекомендовал ее всем департаментам. Разумеется, не красноречие Дантона заставило буржуазных депутатов «болота» и некоторых жирондистов голосовать «за». Их, боявшихся «покушения на собственность», вынуждало к этому серьезное ухудшение положения республики: измена генерала Дюмуре, поражение французов в Голландии, вандейский мятеж — кровоточащая рана на теле республики, падение курса ассигнатов (в Страсбурге — на 75%), рост цен, острая нехватка хлеба в самом Париже (вместо месячной нормы — 60 тыс. мешков муки — Париж получил в марте 21292 мешка, в апреле — лишь 18555).¹³

Камбон, главный финансист Конвента, был сторонником принудительных мер. Еще в начале 1793 г. он говорил, что система принудительных налогов на богатых — «самая благоразумная и наиболее сообразная с нашими принципами, так как именно подобными мерами вы будете осуществлять то равенство, которое некоторые люди (т.е. жирондисты. — В.Г.) желали бы выдать за химеру».¹⁴ Что касается Дантона, в его патриотизме была своя логика: будучи представителем новых собственников, он хорошо понимал, что лучше пожертвовать частью доходов, нежели в случае победы интервентов и аристократии потерять не только имущество, но и голову, но Дантон заблуждался, полагая, будто после принудительного изъятия части доходов все богатые чуть ли не полюбят революцию. Он в известной мере идеализировал старую и новую буржуазию, недооценивал ее классовый эгоизм, страсть к корысти и антипатриотизм большинства крупных собственников.¹⁵ Защитник плебейства Жак Ру критиковал эти представления Дантона, он писал: «Ошибочно думать, что подлецы, которые обязаны своим положением и богатством только интригам, что эти люди полюбят революцию».¹⁶

3 мая коммуна Парижа приняла постановление о принудительном займе на богатых в 12 млн ливров—для оплаты набора добровольцев, пожелавших выступить против вандейцев.

Постановление коммуны от 3 мая — яркий документ якобинской политики нажима на богатых. Им санкционировалось взимание налога революционными комитетами секций, роль этих новых органов власти в жизни столицы возрастала. Имушие в три приема отдавали часть доходов (без компенсации), в случае отказа платить требуемую сумму революционный комитет имел право конфисковать и продавать все имущество саботажника (движимое и недвижимое).

В. А. Гавриличев

ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ

весна—осень 1793 года

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

Военный налог, введенный 3 мая, щадил мелкую буржуазию — важную опору Горы. Статьей 7 постановления коммуны революционными комитетами запрещалось облагать налогом тех граждан, у которых «доходов хватает лишь на необходимое» Это необходимое было определено следующим образом: для отца семейства доход в 1,5 тыс., для членов семьи — 1 тыс. ливров. Все граждане, имевшие «излишки», т. е. доходы свыше 1,5 тыс., облагались налогом: мелкий собственник, например, с годовым доходом 1 — 2 тыс. ливров платил 30 ливров, с доходом 2—3 тыс. — 50, с доходом 4—5 тыс. — 300 ливров. Вся тяжесть военного налога падала на зажиточных и богатых: при доходе 20—30 тыс. они платили 10 тыс., при доходе 40—50 тыс. — 20 тыс., при доходе 100 тыс. — 70 тыс. ливров 17 и т.д. На специальном совещании комиссаров секций и коммуны в Епископстве 16 мая было подчеркнуто, что принудительный налог «должен взиматься только с богатых».¹⁸

Четкая антибуржуазная направленность военного налога вызвала одобрение парижских ремесленников, рабочих, мелких торговцев и др. И столь же понятную ненависть богатых — банкиров, поставщиков, крупных торговцев, спекулянтов. В секциях по вопросу о сборе налога развернулась борьба между санкюлотами и имущими верхами, умеренными, «аристократами» Соппротивление богатых сравнительно быстро было сломлено в секциях Кенз-Вен, Попенкур, Гравилье, Ломбар и др., где в общих собраниях и революционных комитетах преобладали демократические силы

Секция Попенкур уже 8 мая закончила сбор налога, обещав каждому волонтеру 100 ливров премии 400 ливров после возвращения из Вандеи, 20 су (1 ливр) ежедневной помощи семье и пи близким волонтера.¹⁹

Соппротивление богатых было упорным в секциях, тяготеющих к Жиронде, где в общих собраниях и секционных бюро перевес имели умеренно буржуазные силы (Май, Лепелетье, Единства и др.) Под влиянием Жиронды упорно сопротивляясь «гнусному налогу», «инквизиторской и тиранической операции», «беззаконию» секция Лепелетье (7 мая).²⁰ В секции Единства банкиры крупные торговцы, нотариусы, опираясь на «золотую молодежь» сорвали (3—6 мая) сбор принудительного налога. Они захватили бюро секции, разогнали революционный комитет, закрыли и опечатали помещение комитета. Вожак умеренных произнес злобную речь против Шометта.²¹

В секции Май умеренные лидеры противились налогу, ссылаясь на «деспотизм» коммуны (за это их хвалила 19 мая газета Бриссо «Французский патриот»). После острой критики санкюлотами позиции крупной буржуазии на общих собраниях этой секции (21—22 мая) умеренные вожаки, хотя и неохотно, все же объявят сумму вознаграждения волонтерам за счет богатых.²²

Лидеры Горы энергично защищали проведение займа в секциях Парижа Дантон с трибуны Конвента 8 мая призывал: «Богач должен отдать свое золото, ибо он недостойн бороться за свободу. В секциях есть группы капиталистов, пусть граждане выжмут из этих „губок“ все возможное!»²³ Шометт и члены Генерального совета коммуны посылали комиссаров и полицию в секции, помогая санкюлотам брать верх над умеренными (так был восстановлен 7—9 мая революционный комитет в секции Единства, а виновные в его разгоне арестованы, комитет ревностно взялся за сбор займа) Марат осуждает жирондистов, считая их интриганам. Он говорил 27 мая в Конвенте: «Призываю вас устыдиться, если только стыд еще может проникнуть в ваши сердца! С момента введения принудительного займа на богатых вы пытаетесь посеять вражду между секциями Парижа».²⁴

Борьба вокруг налога коммуны на богатых в Париже имела важное политическое значение. В ее ходе в большинстве секции заметно ослабили позиции умеренных и Жиронды, массы отталкивал их антипатриотизм, классовый эгоизм. В то же время позиции Горы в секциях усилились, массы привлекал патриотизм якобинцев, принуждавших богатых отдавать прибыли на защиту нации, революции. Это ускорило формирование в мае широкого блока Горы и народных сил, свергнувшего Жиронду.

Но если в Париже и некоторых департаментах (Шер, Дуб, Коррез и др.) сбор принудительного займа шел довольно успешно, то в департаменте Мозель, как сообщали 26 мая якобинские комиссары Левассер и Субрани, под влиянием аристократии местная администрация саботировала его проведение.²⁵ Драматично сложилась ситуация в Лионе — «самом буржуазном» городе Франции, охваченном глубоким кризисом и массовой безработицей. Здесь введение налога в 6 млн ливров мужественными якобинцами (Шалье, Ашар и др.) для содержания революционной армии из 6 тыс. человек послужило одной из причин контрреволюционного заговора против якобинской коммуны Лиона (29 мая) и приходу к власти блока скрытых роялистов и крупных буржуа, опиравшихся на умеренную администрацию департамента Рона и Луара, на большинство секций Лиона (где подачки богачей деморализовали многих нуждавшихся санкюлотов).²⁶

Миллионеров, крупных торговцев, владельцев мануфактур Лиона тревожил не столько сам принудительный заем, сколько тот факт, что на эти деньги якобинцы планировали создать революционную армию, которая в основном должна была состоять из бедняков и безработных. Предполагалось, что армия останется в Лионе для борьбы с аристократами, «эгоистами», «подозрительными», т.е. с умеренными буржуа. Создание и содержание такой вооруженной силы из голодающего плебейства за свой счет крупная буржуазия сочла безумной затеей, равной самоубийству. Захватившие власть контрреволюционеры жестоко расправились со сборщиками налога, одного из них — Сотмуша, утопили в реке.

Тяжелое положение финансов, инфляция требовали принятия неотложных мер 20 мая на заседании Конвента Камбон предложил ввести на «богачей эгоистов» принудительный заем в 1 млрд ливров. Замысел Камбона состоял в том, чтобы «привязать» богатых к революции путем покупки ими земель эмигрантов (квитанции о внесении налога принимались при покупке этих земель).

Жирондист Ланжюинне признал предложение Камбона «мудрым и патриотичным». Но его мнение среди правых было исключением. Большинство лидеров Жиронды (Бюзо, Барбару, Вернье²⁸ и др.) яростно протестовали против предложения Камбона, считали, что это покушение на собственность, подрыв кредита, «безнравственная мера», которая оттолкнет от революции «достойных граждан» — торговцев, владельцев земель и мануфактур. Народ на трибунах шумом и негодованием встречал выступления лидеров Жиронды. Якобинцы (Огюстен Робеспьер, Марат и др.) обвиняли жирондистов в том, что они не хотят спасения республики. В напряженной обстановке Марату и Бареру с трудом удалось добиться формального (в принципе) одобрения Конвентом миллиардного принудительного займа для всех богатых, без деле ния их на «эгоистов» и «патриотов».²⁹

Требование реализации миллиардного займа вошло в социально-политическую программу восстания 31 мая—2 июня. После победы восстания и прихода к власти Горы Конвент (21—22 июня) обсуждал конкретные способы осуществления этой меры, тогда и выявились разногласия в рядах Горы. Малларме предложил собирать налог со всех собственников пропорционально их доходам. Левый якобинец Женисье считал это явно недостаточным и предложил взимать налог не с годовых доходов, а со всего капитала богатых.³⁰ Радикальное предложение Женисье отвечало интересам плебейства.

Но эти предложения не встретили одобрения большинства Горы, стремившегося в июне привлечь собственников провинции на сторону Конвента. М.Робеспьер посчитал даже предложение Малларме «чрезмерным», не щадящим «средние сословия»³¹, т.е. мелкую и частично среднюю буржуазию, из рядов которой вышло много активистов Якобинского клуба и народных обществ. Соглашаясь с Робеспьером, якобинец Жанбон Сент-Андре предложил облагать налогом холостых с доходом более 6 тыс. ливров и семейных с доходом более 10 тыс. ливров. Конвент одобрил это предложение и подчеркнул: при сборе налога не трогать капиталы, собственность богатых, а лишь доходы.

Предложение Жанбона Сент-Андре в общем соответствовало политическому размежеванию в начавшейся гражданской войне: в якобинском лагере преобладали плебейство, малоимущие слои и мелкая буржуазия с годовым доходом до 6 тыс. ливров, в антиякобинском лагере (федералисты, роялисты) значительный удельный вес составляли собственники с доходом свыше 6—10 тыс. ливров, особенно крупные торговцы, банкиры³² и др.

Естественно, что неодобрение решения 21—22 июня исходило от федералистов. Богатые буржуа Нима (департамент Гар) увидели в миллиардном займе пугавший их «аграрный закон».³³ В Бордо (департамент Жиронда), где также были заметны федералистские тенденции, как сообщал в Париж якобинский комиссар Конвента Гаспарен (3 июля), негоцианты, крупные торговцы даже больше обеспокоены миллиардным займом, чем антижирондистским восстанием 31 мая—2 июня: «Они смотрят на заем как на подлинное нарушение, права собственности. Они говорят, что хотя заем и обеспечен национальными имуществами, но для покупки земель им придется тратить фонды, предназначенные для торговли. Они утверждают, что интересы торговли и республики противоречат этому займу на богатых».³⁴

Однако уже в середине августа финансисты Конвента подсчитали, что в проекте Жанбона Сент-Андре было преувеличено число богатых в республике: заем с дохода одних только «богачей» мог дать лишь около 200 млн ливров.³⁵ Необходимо было расширить категорию облагаемых налогом. Новый, окончательный декрет о способах реализации миллиардного займа, принятый 3—7 сентября 1793 г. в обстановке подъема народного движения в Париже («плебейский натиск» 4—5 сентября привел к установлению максимума цен и революционному террору), понижал шкалу «необходимого» в доходах для отца семейства с 10 до 1,5 тыс. ливров, на каждого члена семьи — до 1 тыс., для холостяков — с 6 до 1 тыс. ливров. Таким образом, понятие «излишки» в доходах расширялось (по сравнению с таковым же в июньском решении).

Мелкий буржуа в соответствии с новым декретом платил при годовом доходе 1,5 тыс. — 200 ливров, при доходе 2 тыс. — 300, при доходе 5 тыс. — 1500 ливров. Состоятельные слои, средние и крупные буржуа, платили гораздо больше: при годовом доходе 8 тыс. — 3,6 тыс ливров, при доходе 9 тыс. — 4,5 тыс. ливров, при доходе 10 тыс. — 5,5 тыс., при доходе 11 тыс. — 6,5 тыс., при доходе 100 тыс. изымалось более половины суммы и т. д.³⁶

Реализация займа в Париже шла с опозданием: слишком сложной и щекотливой оказалась работа комиссаров в секциях по составлению списков плательщиков и причитавшихся с них сумм. Эта кампания закончилась не в декабре, как предполагалось, а в феврале—марте 1794 г. Большая часть собранных денег в Париже пошла на обеспечение весеннего наступления республиканских войск. Их торжественно преподносили Конвенту в качестве патриотического дара «на разгром деспотов». Отличилась секция Лепелетье: сборщики-санкюлоты здесь вовсю «нажимали» на богатых — и в итоге вручили Конвенту (30 апреля) вместо требуемых 2350 тыс. ливров 2750 тыс., т.е. на 400 тыс. больше. Крупные суммы в марте—апреле 1794 г. преподнесли Конвенту и другие парижские секции — Брута (1600 тыс.), Братства (701 тыс.) и т.д.³⁷

В пропагандистских целях в ряде департаментов преувеличивали социальную роль миллиардного займа. Так, администрация департамента Пюи-де-Дом 6 брюмера II года (27 октября 1793 г.) в обращении к крестьянам назвала принудительный заем (вместе с разделом общинных земель) мерой, призванной «искоренить на нашей земле богачей, наглость которых еще более невыносима чем заносчивость дворян и священников».³⁸ «Искоренить богачей» заем никак не мог.

В. А. Гавриличев

ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ

весна—осень 1793 года

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

Но в провинции некоторые комиссары Конвента в какой то степени исправляли очевидный недостаток займа 3—7 сентября - отсутствие помощи «неимущему классу» Так, Гио в Лилле в феврале 1794 г потребовал у комиссаров по сбору займа 225 тыс для экстренной помощи нуждавшимся патриотам. Эта сумма была взыскана с 65 наиболее богатых граждан Лилля (с годовым доходом от 10 тыс. до 90 тыс. ливров).³⁹ Знаменитые якобинские комиссары Конвента Фуше, Лапланш, Сен-Жюст и Леба по своей инициативе ставили и в известной мере решали задачу, о которой еще А.Олар писал так «Взять у богатых их излишек и отдать бедным, чтобы достигнуть своего рода уравниения имуществ».⁴⁰

Жозеф Фуше (1759—1820), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара, будущий министр полиции Наполеона, осенью 1793 г примыкал к левому флангу Горы, возглавляемом) Шомет том Находясь на родине Шометта в департаменте Ньевр с чрезвычайными полномочиями — для борьбы с федералистами, скупщиками, мобилизации волонтеров, — Фуше обратил внимание на дороговизну хлеба (он стоил на рынке 10 су за фунт), на глубокую нищету масс, на равнодушие богатых к бедствиям плебейства. И Фуше наносит удар по «возмутительному неравенству»: 1) 11 сентября издает постановление о введении в департаменте Ньевр низкой цены на хлеб (3 су за фунт), о выпечке одинакового хлеба для бедных и богатых — «хлеба равенства», 2) 19 сентября издает постановление о ликвидации «нищеты, позорящей народ» вводился принудительный налог на богатых пропорционально числу неимущих данного района, полученные суммы должны были идти на помощь неимущим, нищим, калекам либо на создание для них приютов («домов нации»), либо на оказание им помощи на дому, для реализации постановления в дистриктах были созданы комитеты надзора и филантропии из верных санкюлотов.⁴¹ Меры Фуше были полезны: хлеб был главным продуктом питания плебейства, а ликвидация нищеты в народном сознании того времени расценивалась как важный шаг на пути к «подлинному равенству». Фуше это хорошо понимал и в прокламации от 24 сентября, объясняя мотивы введения принудительного налога на богатых, подчеркивал: «Равенство, которое требует народ не должно быть для него обманчивой иллюзией».⁴²

Комитет общественного спасения одобрил курс Фуше на введение принудительных налогов на богатых «Это средство общественного спасения является в то же время мерой ограждения личности от справедливого гнева народа, который уже не в состоянии более сносить невыносимую нужду», — писали члены Комитета Фуше.⁴³

Вдохновителем и горячим сторонником уравнительных мер Фуше был Шометт Идейная близость Фуше и Шометта укрепилась в ходе пребывания прокурора коммуны Парижа в Неве, главном городе департамента, с 17 по 23 сентября. Как признавался Шометт, в те дни он «дал Фуше некоторые советы, которые тот использовал».⁴⁴ Несомненно, идея постановления о ликвидации в департаменте Ньевр нищеты принадлежала Шометту, давно занимавшемуся этой проблемой. В глазах Фуше Шометт тогда был в ореоле славы лидера «великой коммуны Парижа». [см. о миссии Фуше статью Я.Захера http://vive-liberta.narod.ru/journal/fouchet_zakher.pdf]

В Париже Шометт неоднократно выступал с похвалой политике нажима на богатых, проводимой в Неве «народным представителем Фуше». Он добился от коммуны поддержки и реализации в Париже постановления Фуше от 11 сентября. С начала декабря 1793 г в столице за счет специального налога на богатых стали выпекать и выдавать по карточкам «хлеб равенства» (на 3/4 из пшеничной муки, на 1/4 из ржаной). Тем самым Шометт и коммуна хотели успокоить народ Парижа, возмущенный неравенством ранее хлеб для богатых выпекался из хорошей муки, для бедных — из отрубей.

Главной задачей было добиться поддержки и реализации в Париже постановления Фуше от 19 сентября — о ликвидации нищеты Шометт неоднократно выступает в Генеральном совете на эту тему 26 сентября, сразу после возвращения из Невера, он, делаясь свежими впечатлениями, рассказывал, что там «обездоленный получает положенную ему помощь без всякого унижения». По примеру Невера Шометт предложил создать в Париже «дома нации» — приюты для бедняков — за счет принудительного обложения богатых налогом. И хотя Генеральный совет с энтузиазмом встретил это предложение, практически удалось сделать немного.⁴⁵

Опорой Фуше в департаменте Ньевр стал организованный из санкюлотов отряд «революционной армии», который содержался за счет принудительных платежей с богатых и отбирал. У них в качестве налогов часть денег, одежды, продуктов, вызывая одобрение местных активистов.⁴⁶ В Париж шли письма, в которых в радужных тонах рисовалась «победа равенства» в Ньевре. Об одном из таких писем охотно рассказал Шометт на заседании Генерального совета 11 брюмера (1 ноября 1793 г.) «Мне пишут, что в этой области нет больше ни дворян, ни священников, ни богатых. Было найдено средство покончить с нуждой, предоставив помощь всем несчастным, калекам и нищим» А.Собуль, обративший внимание на это выступление Шометта, справедливо отмечает, что дело ограничилось словами, провозглашением принципов — не более.⁴⁷

И авторы писем, и сам Шометт явно выдавали желаемое за действительное. Принудительный налог лишь временно облегчал бедственное положение части плебейства. Но он не мог искоренить нищету, не мог прекратить бурное обогащение буржуазии. И не случайно весной 1794 г. из Ньевра в Париж стали поступать сигналы, что здесь углубились социальные контрасты между богатыми и бедными в деревне.⁴⁸

Коммуна Парижа, уступая настойчивым призывам Шометта 23 ноября (3 фримера II года) приняла постановление об искоренении нищеты в Париже. Оно во многом повторяло текст важного лионского постановления Фуше и Колло д'Эрбуа от 14 ноября (Фуше с 7 ноября был уже в Лионе). Богатых принуждали платить «революционный налог» пропорционально их имуществу и антигражданскому поведению, полученные деньги, одежда, продукты шли на содержание нетрудоспособных неимущих, престарелых, калек, на обеспечение работой трудоспособных безработных.

Парижское плебейство обрадовалось. Но надежды не сбылись. То, что подходило для наказания многочисленных зажиточных контрреволюционеров (федералистов, роялистов) мятежного Лиона — «Освобожденного города», не вполне подходило для революционного Парижа. Конвент помешал коммуне устанавливать «революционный налог» на собственников столицы.

Значительный интерес представляет миссия земляка Шометта левого якобинца Жака Леонара Лапланша (1755—1817) в департаменты Шер и Луаре осенью 1793 г. Посланный туда с чрезвычайными полномочиями для проведения массового набора, т.е. для выполнения декрета Конвента от 23 августа, Лапланш начал с того, что очистил в центрах департаментов — Орлеане и Бурже — местные органы власти от умеренных, прожирондистских элементов, освободил из тюрьмы плебейского агитатора приходского священника Пти Жана, сторонника «общности имуществ».⁵⁰

На административные должности в департаментах Шер-и-Луаре Лапланш выдвинул ревностных якобинцев, членов народных обществ, ремесленников, рабочих, мелких торговцев и др. При содействии новой патриотической администрации он 22 сентября «в соответствии с размерами богатства и нуждами бедняков» обложил «революционным налогом» богачей Орлеана (Лекуте — 50 тыс., владельца сахарного завода Лефрана — 20 тыс., буржуа Жюга — 30 тыс. ливров и т.д.). Богачи из страха повиновались. Заметим, что Лапланш облагал налогом все имущества, все капиталы богатых, — существенная деталь.

Лапланш рассматривал принудительные налоги как средство материального укрепления демократической власти и облегчения нужд рекрутов и санкюлотов. Осенью 1793 г он отстаивал интересы не только революционной буржуазии, но и в известной степени плебейства. «Богачи объявили нам войну, богачи и оплатят ее вплоть до мелких расходов», — сообщал Лапланш в сентябре в Конвент. Он приказал за счет богачей ассигновать народному обществу и коммуне Орлеана соответственно 40 и 49 тыс. ливров.⁵¹ Столь же твердо действовал Лапланш в Бурже 28 сентября он зачитал длинный список собственников, подлежащих принудительному обложению в целях создания общественной кассы благотворительности для снабжения рынков продуктами, помощи семьям солдат, неимущим патриотам. Богатые должны были в недельный срок внести деньги, в противном случае им не выдавались свидетельства о политической благонадежности (т.е. они попадали в разряд «подозрительных»).

Некоторые буржуа, заранее приглашенные на заседание, демонстрировали патриотизм. Шеню внес в кассу благотворительности вместо 600 ливров 1 тыс., Гамбон — 600, Мобранш — 1,2 тыс., Буен — 800 ливров. Лапланш приказал занести в протокол заседания одобрительный отзыв об этих буржуа, которые первыми откликнулись на приказ комиссара Конвента.⁵³ Так поощрялись те немногие буржуа, которые хотя бы пытались создать впечатление, что они не против принудительного налога

Об этом заседании в Бурже Лапланш сообщал 29 сентября Комитету общественного спасения. «Мои революционные налоги — материальная сила. Бедные меня благодарят, а богачи проклинают. Налог, который я установил вчера для закупок продовольствия и оказания помощи нуждающимся семьям наших храбрых защитников, доведен до 800 тыс. ливров. Судите сами, имею ли я сторонников среди народа и революционны ли эти средства, если они падают только на богатых и завоевывают сердца на сторону Конвента».⁵⁴

Спустя день Лапланш информировал из Буржа: «Мои революционные налоги достигли примерно 1 млн ливров, отовсюду поступают добровольные взносы. На улице раздаются возгласы "Да здравствует республика! Да здравствует Гора!"»⁵⁵

Уполномоченный Лапланша Бувье в начале октября побывал в дистрикте Вьерзон и убедился в патриотизме и старательности местных кузнецов. От имени Лапланша Бувье дал им 300 ливров. К 5 октября Бувье собрал в этом дистрикте 249 тыс ливров.⁵⁶ В дистрикте Сансерр помощники Лапланша собрали с богатых 313 тыс. ливров.

Часть полученного в короткий срок Лапланшем и его помощниками 1,5-миллионного чрезвычайного налога была выделена на нужды плебейства. Сам Лапланш с удовлетворением сообщал 4 октября Комитету общественного спасения: «Завтра я буду раздавать по 20 ливров каждому из 5000 или 6000 неимущих санкюлотов. У многих народных обществ есть долги и различные нужды. И эти нужды будут покрыты. Учреждением революционной кассы благотворительности я как бы открыл постоянный рог изобилия. Теперь недоброжелатели могут клеветать на меня. Я принес пользу гражданам за счет богатых».⁵⁷

О распределении денег среди санкюлотов Буржа Лапланш сообщал и 6 октября в радостном, даже восторженном духе: «Вчера произошло это распределение, полезное и благотворное для бедняков нашего города. Сколько похвал звучало в адрес Конвента. Никогда еще неимущий класс и трудящиеся не были так состоятельны и так счастливы. Как они были довольны, принося домой 30, 50 и даже 100 ливров для своих больших семей!»⁵⁸ По приказу Лапланша значительные суммы денег были выделены народным обществам, больницам и т.д.

Если санкюлоты горячо одобряли меры Лапланша, то богачи, умеренные, естественно, питали к якобинцу-депутату с трудом скрываемую ненависть. На руку умеренным было выступление против Лапланша депутата Горы комиссара Севера, который сообщил 30 сентября в Конвент о том, что Лапланш якобы путем произвола собрал громадные суммы в городах и деревнях. Лапланш был огорчен: «Я счел бы простительным, если бы донесли презренные жабы Болота, которые только и знают, что изрыгать клевету, бесчестить наиболее деятельных якобинцев, выполняя губительные для свободы планы Питта и Кобурга», — писал Лапланш 4 октября Комитету общественного спасения.⁵⁹

Лапланш не оправдывался — он с гордостью защищал свои мероприятия. «Да, граждане коллеги... я всюду сам облагал революционными налогами богачей и аристократов... Равным образом я приказал моим уполномоченным следовать моему примеру. Я горжусь этой революционной мерой! Разве не справедливо, чтобы эгоисты, алчные спекулянты, скупые аристократы оплачивали издержки войны, которую они объявили нам? Разве допустимо, чтобы при господстве равенства дворяне, торговцы, священники, владельцы замков и дворянских грамот утопали в изобилии, а патриоты терпели нужду во всем и не имели продовольствия вследствие скупок богачей?

Нет, граждане, Декларация прав — не пустой звук. Моя миссия поручена мне Конвентом как миссия революционная, поэтому я действовал революционно, хотел заставить всех „подозрительных“ и богатых контрреволюционеров искупить, насколько возможно, их преступления путем крупных и немедленных денежных пожертвований. Припоминаю, что мой коллега Дюмон (из Соммы) держится такой же линии в своем департаменте и Конвент ее одобрил».⁶⁰

Отличная для своего времени защита принудительных налогов! Лапланш, бывший епископский викарий, бесспорно, был ярким проводником санкюлотской уравнилельной линии — заставить богатых служить революции и плебейству. Он подчеркивал, что «только богачи обложены революционными налогами в соответствии с размерами их состояний и особенно — с их антигражданским поведением. Хочу обратить ваше внимание на то, что обложение вовсе не является произвольным, поскольку оно установлено на публичном заседании, в согласии с мнением народа, народными обществами и патриотическими властями. Руки народного представительства так же чисты, как и защищаемое им великое дело».⁶¹

Комитет общественного спасения одобрил действия Лапланша, который проявил и твердость, и революционную смелость, и чувство реализма. Понимая важность объединения всех национальных и патриотических сил в критических военных условиях осени 1793 г., Лапланш продажей эмигрантских земель (с учетом лояльности буржуа при выплате суммы налогов) старался не оттолкнуть от республики часть крупных и средних собственников. Но его симпатии явно были на стороне санкюлотов. «Я знаю, — говорил Лапланш на публичном собрании в Бурже 28 сентября 1793 г., — что „богатство“ санкюлотов — в их мужестве, старании, в готовности пожертвовать своими талантами, досугом и даже своей жизнью».⁶² Опора на санкюлотов привела к быстрому выполнению декрета о массовом наборе, относительно строгому соблюдению закона о максимуме.⁶³

Распределение собранных в результате принудительного «революционного налога» денежных средств среди санкюлотов усиливало доверие масс к Конвенту, к якобинской власти. Материальная помощь представителя центральной власти вызвала, как верно писал Лапланш, «значительный подъем общественного мнения и бодрость патриотов» департаментов Шер-и-Луаре.⁶⁴

Миссия Лапланша сыграла важную роль в подавлении прожирондистских сил, в установлении режима революционной диктатуры в провинции. Она потребовала от левого якобинца Лапланша огромного напряжения сил. В одном из писем он признавался, что пребывание в департаменте Луаре принесло ему много горя и забот.⁶⁵

Большой интерес представляет деятельность робеспьеристов Сен-Жюста и Леба в качестве комиссаров Конвента в Рейнской армии осенью 1793 г. Как и Лапланш, они имели чрезвычайные полномочия, распространявшиеся на департаменты Нижний Рейн и Мерт, т.е. на территорию Эльзаса со смешанным французско-немецким населением. Положение здесь было критическим: австрийцы наступали, был осажден Ландау, республиканская армия по словам Сен-Жюста и Леба, «казалось, находилась в безнадежном состоянии, лишенная продовольствия и одежды, командиров и дисциплины». В главном городе департамента Нижний Рейн Страсбурге «отсутствовал какой бы то ни было порядок, бедняки стонали под гнетом богачей».⁶⁶

Комиссары с необычайной энергией взялись за дело. За первые 8 дней их пребывания в Страсбурге (22—30 октября) на город и армию обрушилась лавина распоряжений и приказов, целью которых было быстро навести порядок в Рейнской армии, реорганизовать ее, превратить Страсбург из ненадежного оплота богачей и замаскированных сторонников неприятеля в надежный центр обороны. Они организовали в Саверне Революционную комиссию из патриотов, призванную бороться с агентами и сторонниками австрийцев, армия начала снабжаться зерном, хлебом, одеждой обувью (были реквизированы 10 тыс. пар сапог, 15 тыс. рубашек у состоятельных граждан), нарушители военной дисциплины были арестованы, на командные посты выдвинуты способные патриоты, в борьбе со спекулянтами был введен строгий максимум и т.д.⁶⁷

10 брюмера II года (31 октября 1793 г.) на улицах Страсбурга был расклеен текст постановления Сен-Жюста и Леба о принудительном займе в 9 млн ливров, налогом облагались 188 состоятельных граждан, первым в списке значился крупнейший владелец железоделательных заводов Дитрих (бывший мэр Страсбурга, близкий к Жиронде), на него налагалась сумма в 300 тыс. ливров, последние в списке граждане обязаны были заплатить от 4 до 10 тыс. ливров. «Сумма займа должна быть внесена в течение 24 часов 2 млн из общей суммы пойдут на оказание помощи неимущим патриотам Страсбурга, 1 млн будет использован на укрепление крепости и 6 млн будут внесены в кассу армии», — говорилось в постановлении Комитету надзора и казначею армии предписывалось брать с богачей суммы не обесцененными ассигнатами, а полновесными деньгами⁶⁸ (существенный момент)

Большинство зажиточных граждан довольно скоро внесли требуемые суммы. Но некоторые богачи медлили. Сен-Жюст и Леба в приказе от 17 брюмера (7 ноября) пригрозили миллионерам, что выставят их на эшафоте, а затем заключат на месяц в тюрьму.⁶⁹ Угрозы подействовали. Так, крупный торговец Маньо поспешил внести причитающуюся с него сумму — 250 тыс. ливров. Учитывая это, комиссары просили общественного обвинителя не наказывать его.⁷⁰

«Богачи воют, но платят. Угроза гильотины — вот что заставляет их шевелиться», — сообщал из Страсбурга министру внутренних дел секретный наблюдатель.⁷¹

Постановление Сен-Жюста и Леба от 10 брюмера о принудительном займе было послано в Комитет общественного спасения Робеспьеру. Вскоре Барер зачитал его в Конвенте, и оно было одобрено депутатами.⁷²

По мере поступления сумм займа Сен-Жюст и Леба распоряжались об их частичной выдаче неимущим патриотам Страсбурга. Так, 15 брюмера (5 ноября) мэру Страсбурга, молодому якобину Монэ, было поручено немедленно распределить 100 тыс. ливров «между различными секциями города, чтобы поддержать неимущих патриотов, вдов и сирот солдат, погибших за дело свободы» 22 брюмера (12 ноября) по приказу комиссаров Конвента муниципалитет Страсбурга по главе с Монэ получил 500 тыс. из сумм займа «для оказания немедленной помощи неимущим семьям города».⁷³ Кроме того, Монэ предписывалось выделить небольшие суммы для помощи патриотам, семьям защитников отечества в местечках Матзенем, Вестхозен, Швехозен и др.⁷⁴

И позднее, в период наступления на интервентов, комиссары Конвента оказывали нажим на богатых. Так 23 фримера II года (13 декабря 1793 г.) в Цаберне по приказу Сен-Жюста и Леба был введен чрезвычайный налог на зажиточных граждан в 300 тыс. ливров, из них 100 тыс. пошли на помощь «нуждающимся гражданам».⁷⁵

Неудивительно, что санкюлоты Эльзаса горячо поддерживали действия Сен-Жюста и Леба. Материальная помощь неимущим и нуждающимся ободрила народ, вызвала прилив патриотической энергии у санкюлотов и якобинцев Страсбурга. Чувством глубокого удовлетворения проникнуто воззвание мэра города Монэ: «Поднимись, народ, и возблаговари свою судьбу. В Страсбурге исчезнет торгашеский дух, и его сокровища будут обращены на твои нужды. Слезы богача-эгоиста станут радостью для добродетельного санкюлота, приносящего пользу отечеству. Бедняки и уважаемые семьи защитников родины, наступил конец вашим долгим лишениям... признательная Республика гарантирует вам имущество за счет возмутительных излишков бесчувственного богача».⁷⁶

Этот курс нажима на богатых поддержал и Робеспьер. Выступая 1 фримера (21 ноября) в Якобинском клубе, он подчеркнул, что Сен-Жюст и Леба в Страсбурге «раздели богатых, чтобы прикрыть и одеть бедных. Это пробудило революционные силы и патриотическую энергию. Аристократы были гильотинированы...»⁷⁷

21 брюмера (11 ноября) Сен-Жюст и Леба издали приказ о проведении в главном городе департамента Мерт Нанси принудительного займа в 5 млн ливров. В приказе говорилось, что богачи Нанси «пребывают в праздности», в то время как солдаты Рейнской и Мозельской армии испытывают нужду и «проливают кровь». Комиссары предписывали Комитету надзора Нанси и агенту Исполнительного совета Ранкэну в трехдневный срок со брать по списку с богатых граждан указанную сумму, 4 млн предполагалось потратить на нужды армии, 1 млн — на нужды неимущих патриотов.⁷⁸

Умеренный депутат Конвента Фор, находившийся в ноябре в Нанси, жаловался в письме Робеспьеру на то, что Сен-Жюст и Леба, не советуясь с ним, «разоряют город налогами».⁷⁹

Сен-Жюст и Леба, неустанно заботясь о нуждах армии и семей солдат и офицеров, выделили из сумм принудительного займа 20 тыс. ливров на укрепление страсбургской крепости (21 брюмера), 4 тыс. — на экипировку 11-го полка (24 брюмера); вдовам солдата Дидье и гусара Кестрие, отдавших жизни за отечество, пособие в 300 и 2000 ливров. Храбрость и мужество солдат и офицеров Рейнской армии также поощрялись Сен-Жюстом и Леба из сумм принудительного займа. Так, 17 брюмера (7 ноября) 1000 ливрами за храбрость были награждены два артиллериста и волонтер; 24 брюмера (14 ноября) 3300 ливрами за мужество — капитан 5-й роты конной артиллерии Раффи, потерявший в бою руку и «все, что имел».⁸⁰

На эту заботу комиссаров Рейнская армия ответила в декабре 1793 г. победой над интервентами.

Принудительные налоги на богатых сыграли заметную роль в 1793 г. в укреплении обороны республики, в облегчении материального положения тысяч семей волонтеров, солдат и неимущих. Взимание налогов с богатых усиливало патриотизм и революционную энергию санкюлотов, их борьбу с «аристократами», умеренными, сторонниками Жиронды. Так, в мае в Париже введение принудительного налога способствовало сближению в секциях якобинцев с народом. И, напротив, отказ якобинцев от широкого проведения налогов на богатых весной 1794 г. способствовал разочарованию масс, ослаблению их революционной активности, ослаблению связей якобинцев с народом.

В формировании якобинской политики принудительных налогов большую роль сыграли как бюджетные трудности, так и тяжелое военное положение республики. Но не меньшую роль играли и эгалитарные настроения масс, осуждение ими вопиющего неравенства в распределении тягот войны между бедным и богатым. Фуше осенью 1793 г. стремился заставить «богача-эгоиста» не только финансировать наборы солдат, но и оказывать помощь «неимущему классу», даже ликвидировать нищету — последнее было, конечно, утопией. Поистине универсальное средство (помощь беднякам, народным обществам, больницам и др.) видел в «революционных налогах» Лапланш. Сен-Жюст и Леба эффективно использовали займы для укрепления боеспособности Рейнской армии и помощи плебейству в тылу. Важное значение имела поддержка революционным правительством во главе с Робеспьером курса на обложение богатых налогами.

Будучи одним из показателей подъема, углубления буржуазной революции осенью 1793 г. принудительные налоги вместе с тем показали невозможность остановить бурное обогащение буржуазии, иллюзорность надежд революционеров (Шометт и др.) добиться «равенства», ликвидации нищеты путем введения налогов на богатых в условиях крепнувшего буржуазного общества во Франции.

1 Робеспьер М. Избр. произведения. М., 1965. Т.2. С.251.

2 Reimpression de l'ancien Moniteur. In 21t. P.1850—1854. T.15. P.66 (далее - Moniteur).

3 Bouchez Ph.J., Roux P.S. Histoire parlementaire de la Revolution francaise on Journal des Assemblees nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. In 40t. P.1834-1848. T.25. P.16-17.

4 Ibid. P.49.

5 Recueil des actes du Comite de salut public avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil executif provisoire. Par A.Aulard. In 27t. P.1889-1933. T.2. P.524-525. T.3. P.248.

В. А. Гавриличев

6 Далин В.М. Люди и идеи. М., 1970. С.40.

7 Recueil des actes. T.2. P.428—429.

8 Ibid. T.3. P.395, 439—440.

весна—осень 1793 года

9 Робеспьер М. Указ.соч. Т.2. С.3.

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

10 Moniteur. 1853. T.16. V.239. Huques P.E. Un impot extraordinaire sur le rivenu sous la Revolution Histoire de la «Contribution patriotique» dans le Bas Langut dock (dept de 1 Herault). 1789-1815. P.1919.

11 Buchez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. T.26. P.176-180.

12 Discours de Danton. Ed. critique par A.Friebourg. P., 1910. P.412-416.

13 Petersen S. Lebensmittelfrage und revolutionare Politik in Paris 1792—1794. Munchen, 1979. S.56, Archives parlementaires. Ser.1. T.62. P.620 (далее - AP).

14 Олар А. Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики, 1789—1804. М., 1938. С.551.

15 По верному наблюдению якобинца Р.Левассера, Дантон «несмотря на то, что находился на вершине Горы, до известной степени был вождем Болота» (Levasseur R. Memoires, Bruxelles, 1830. T.1. P.168). К.Маркс дословно выписал это суждение Левассера. См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд Т.3. С.609.

16 Ру Ж. Речь о причинах несчастий Французской республики Французский ежегодник, 1959. М., 1962. С.562. http://vive-liberta.narod.ru/journal/roux_markow.pdf

17 Buchez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. T.26. P.399, 400.

18 Chronique de Paris 1793. 18 mai. N 133.

19 Mellie E. Les sections de Pans pendant la Revolution francaise. P., 1898. P.137.

20 Ibid. P.200.

21 Moniteur. 1853. T.16. P.302 334.

22 Die Sansculotten von Pans Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1794—1794. Hrg von W.Markow, A.Soboul. B., 1957. S.44—47, 52—54, 58—59.

23 Discours de Danton. P.422—423.

24 Цит. по Buchez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. Т.27. Р.249—250.

25 Recueil des actes. Т.4. Р.338-339.

26 О лионских событиях см. Riffaterre G. Le mouvement antijacobin et antipansien a Lyon. Р., 1912. Т.12. Маркова В.Д. Народное движение в Лионе (20 сентября 1792—29 мая 1793 гг.) Учен.зап. МГПИ им.В.И.Ленина. 1949. Т.58. вып.2. С.38—57.

Работу Марковой можно прочитать в нашей библиотеке:

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_1.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_2.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_3.pdf

27 Некоторые новейшие французские авторы иронически освещают усилия Сотмуша при сборе налога (см. Champdor A. Lyon pendant la Revolution. Lon 1983. Р.55).

28 Вернье — депутат от департамента Юра (не путать с Верньо — лидером жирондистов, депутатом от Жиронды)

29 AP. Ser.1. Т.66. Р.122—130, Buchez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. Т.27. Р.142—149.

30 Moniteur. 1853. Т.16. Р.722—723.

31 Робеспьер М. Избр.произведения. Т.3. С.24.

32 Гордон А.В. Федералистский мятеж (Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.) Французский ежегодник, 1967. М., 1968. С.102—103. <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>

33 Rapports des agents du ministre de l'interieur . Р., 1913. Т.1. Р.348.

34 Recueil des actes. Т.5. Р.160—161.

35 Stourm R. Les finances de l'ancien regime et la Revolution Р., 1885. Т.2. Р.372.

36 AP Ser 1 Т 73 Р 351—354

37 Ibid. Т.89. Р.155 496—497. Die Sansculotten von Paris. S.304-305.

38 Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971. С.365.

39 См. Олар А. Указ.соч. С.556, 554.

40 Там же. С.554.

41 Madeltn L. Fouthe (1759—1820). Р., 1913. Т.1. Р.94—96.

42 Прокламацию Фуше от 24 сентября высоко оценил в 1795 г. Г.Бабеф. См. Бабеф Г. Соч. М., 1979. Т.3. С.516.

43 Цит по Матъез А. Французская революция. М., 1930. Т.3. С.73.

44 Moniteur. 1854. Т.17. Р.761.

45 Ibid. Р.761-762, Madeltn L. Op.cit. Т.1. Р.114—115.

46 Cobb R. Les armees revolutionnaire. Р., 1963. Т.2. Р.618—620.

47 Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С.260.

48 Адо А.В. Указ.соч. С.348.

49 Moniteur. 1854. Т.18. Р.505.

50 Адо А.В. Указ.соч. С.306. Recueil des actes. Т.7. Р.17—18.

51 Recueil des actes. Т.7. Р.18.

52 Ibid. Р.19.

53 Mautouchet P. Le gouvernement revolutionnaire. Р., 1912. (N 58).

54 Recueil des actes. Т.7. Р.121.

55 Ibid. Р.145.

56 Ibid. Р.262.

57 Ibid. Р.219.

58 Ibid. Р.263.

59 Ibid. Р.221.

60 Ibid. Р.221—222.

61 Ibid. Р.222.

- 62 Mautoaihet P. Op.cit.
- 63 Матъез А. Борьба с дороговизной. С.292—294.
- 64 Recueil dcs actes. Т.7. Р.18—19.
- 65 Ibid. Р.219.
- 66 Moniteur. 1854. Т.18. Р.513.
- 67 Переписка и деловые документы народных представителей Сен-Жюста и Леба. Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 гг. и революции 1848 г. во Франции М., 1960. С.287—314. Док.1—81.
- 68 Там же. Док.82, 203.
- 69 Там же. Док.213.
- 70 Там же. Док.236.
- 71 Soboul A. Sur la mission de Saint-Just a l'armee du Rhin (brumaire an II). Annales historiques de la Revolution francaise. 1954. N 137. Р.320.
- 72 Moniteur. 1854. Т.18. Р.340.
- 73 Переписка. Док.180, 257. Herrmann L. Elsas im Jahre 1793. Strassburg. 1894. S.461.
- 74 Переписка Док.258, 299, 300.
- 75 Hermann L. Op.cit. S.531.
- 76 Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции. С.163—164.
- 77 Moniteur. 1854. Т.18. Р.490.
- 78 Переписка. Док.241.
- 79 Робеспьер М. Переписка. Л., 1929. С.254.
- 80 Переписка. Док.237, 292, 183, 223, 219, 304.

С. Н. Искюль

РЕВОЛЮЦИЯ в ОСВЕЩЕНИИ ГЕТТИНГЕНСКОГО «REVOLUTIONS—ALMANACH»

В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»

М.: Наука. 1988. С.232-245

Веб-публикация: А.Силюнас и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) 2009

Среди печатных изданий конца XVIII в., во множестве появившихся на свет в германских государствах под влиянием Великой французской революции и в той или иной степени отразивших все многообразие происходивших во Франции событий, был выходивший в 1793—1800 гг. в Геттингене «Альманах революции» («Revolutions—Almanach»). Этот во всех отношениях примечательный альманах редактировался известным геттингенским публицистом и писателем Генрихом-Августом Райхардом, который в предисловии к его первому номеру писал: «Этот исторический альманах посвящается, как уже следует из его названия, исключительно насильственным переменам и потрясениям, каковые претерпевали европейские государства и земли в древние и новые времена. Он состоит из отрывков, расположенных без хронологической последовательности и выбранных из описаний великих мировых событий, которые сделаны вполне откровенно и с приверженностью к истине. Если этот опыт получит одобрение, выпуск альманаха будет продолжен». Редактор альманаха вполне понимает что иные из этих событий скорее могут быть названы мятежами, чем революциями, однако же «огромное значение, которое имеет в наше время модное слово „Революция“, оправдывает его в выборе названия альманаха и причислении к революциям этих иных событий».

В заключении редактор давал понять, что он предвидит, какое осуждение вызовет этот альманах у тех, кто считает «*Insurrection des peuples*» самым священным долгом народов», у тех, кто требует «аутодафе» для сочинений Мезера, Гиртаннера и других критиков французской революции.¹

В этом первом, если можно так выразиться, программном высказывании редактора можно усмотреть и нарочитое употребление «*Insurrection des peuples*» без перевода на немецкий язык (как бы в стремлении подчеркнуть, что эта якобинская терминология чужда немецкому духу), и желание взять под защиту немецких публицистов и историков, чьи сочинения (особенно Гиртаннера) вызывали негодование и осуждение в среде немецких демократов.²

Может быть, именно это высказывание Г.-А.Райхарда, а также характер некоторых помещавшихся в его детище материалов явились причиной того, что историки, занимавшиеся германской публицистикой эпохи французской революции и сосредоточившие все свое внимание главным образом на немецкой публицистике якобинского толка, оставили в стороне многие другие издания, в том числе и «Альманах революции».³

Альманах возник в тревожное и смутное для судеб германских государств время, вскоре после того, как осенью 1792 г. появление 18-тысячной французской армии под командованием генерала Кюстина в Шпайере и Вормсе вызвало панический страх у государей прирейнских германских княжеств.

Тогда, как и прежде, своекорыстие, подавлявшее проявление верноподданнических чувств по отношению к Империи, было отнюдь не чуждо владетельным князьям, как не чуждо было им и ставшее к концу XVIII в. почти традиционным стремление к установлению особых, если не сказать вассальных, отношений с Францией. Однако осенью 1792 г. германские государи были отнюдь не склонны к возобновлению своих прежних отношений с Францией, прекращенных с падением королевского режима. Об организации сопротивления французам в крошечных имперских княжествах не могло быть и речи: достаточно было одного летучего отряда французской кавалерии, чтобы надолго нагнать страху и ужаса на левом берегу Рейна. Трирский архиепископ, его приближенные, многие французские дворянские семьи, жившие в эмиграции в Кобленце, спасались бегством вниз по Рейну. Майнцкий курфюрст перебрался через Рейн в Ашафенбург и Вюрцбург, что вызвало паническое бегство духовных особ и местного дворянства. Некоторые германские государи объявили нейтралитет: на границах Пфальца стояли врытые в землю столбы с надписью «Пфальцская нейтральная область». Сопротивление победоносной французской армии было оказано лишь пруссаками, удержавшими крепость Эренбрейтштайн от сдачи, и войсками Вильгельма IX Гессенского, отчаянно сражавшимися с французами у Фридбергских ворот (Франкфурт).

20 октября 1792 г. революционные войска подошли к Майнцу, крупной имперской крепости на Рейне. Уже через день была подписана капитуляция и имперские войска были выведены из крепости. Падение Майнца и события, связанные со становлением «майнской республики», которые явились высшей точкой подъема народного движения в германских землях, были в значительной мере подготовлены самой атмосферой «майнского» Просвещения, деятельностью ученых и литературных кругов, революционными выступлениями городских ремесленников и крестьян окрестностей, вспыхнувших под прямым влиянием Французской революции. Революционно-демократические элементы Майнца, организовавшие якобинское «Общество пропаганды», с величайшим интересом следили за событиями в Париже. После занятия Майнца войсками Кюстина они активно содействовали распространению революционных идей, основав у себя клуб якобинцев, который вскоре приобрел множество приверженцев. В марте 1793 г. собрание майнцских «клубистов» под председательством видного деятеля германского якобинского движения Георга Форстера постановило «весь край от Ландау до Бингена преобразовать в республику, отрешившись от всяких связей с Германской Империей, и объявить навсегда упраздненными державные права духовных владетелей Майнца, Вормса и Шпайера, князей Нассауского, Баденского, Зальмского, Ляйнинского, а также графов, дворян и имперских городов...» 21 марта «Рейнская республика» заявила о своем желании присоединиться к Французской республике. Во главе делегации, которая передала Национальному Конвенту акт о присоединении Майнца к Франции, был Г.Форстер. Однако вскоре после этого, как следствие измены генерала Дюмурье, французские прирейнские области оказались утраченными и бывшая имперская крепость Майнц была осаждена прусскими и имперскими войсками. Спустя несколько месяцев после ожесточенного сопротивления Майнц был сдан прусским войскам.

Поражение майнской коммуны с вступлением в город пруссаков отозвалось по всей Германии строжайшим надзором за печатью и крутыми полицейскими мерами против всякого свободомыслия.

В этих условиях и возникает альманах под несколько претенциозным названием «Альманах революции».

Историк Эберхард Зауэр писал, что название нового альманаха явилось той самой причиной, которая вызвала прилив «сильной поддержки друзей Революции», поверивших, что «перед ними детище их приверженцев». У Э.Зауэра были даже основания полагать, что владетельная герцогиня Готская, симпатизировавшая французской революции, также была введена в заблуждение.⁴ Историк не привел в подтверждение своего мнения ни одного факта, а между тем в предисловии к изданию 1794 г редактор альманаха благодарил подписчиков, взносы которых способствовали продолжению издания.⁵ Если согласиться с точкой зрения Э.Зауэра, то возникает вопрос, были ли среди подписчиков последующих изданий альманаха те, кто приобрел первое (1793 г.) издание, будучи введен в заблуждение?

«Альманах революции» — периодическое издание, выходившее раз в год, — отличался от прочих альманахов, например от петербургского «Придворного альманаха» или Готского календаря, тем, что в нем не печатались обычные для альманахов известия о генеалогии владетельных домов, сообщения о ярмарках или движении почты. По своему характеру, содержанию и назначению он был историческим сборником, причем приблизительно половина его материалов так или иначе освещала события Великой французской революции. Издание было довольно объемистым (в среднем свыше 300 страниц). Перепечатывались материалы и из других немецких и иностранных, главным образом английских, журналов, но основу составляли публикации самого редактора: три четверти публиковавшихся в альманахе статей, заметок, сообщений принадлежали его перу. Анонимные публикации сопровождалась, как правило, редакторскими примечаниями и предисловиями.

Альманах 1793 г. открывается публикацией отрывка лекции, прочитанной в Берлинской Академии наук 6 октября 1791 г. прусским статс-секретарем графом Эвальдом-Фридрихом фон Харцбергом. Воздав должное тому значению, которое приобрел сам термин «революция» (*das grosse Wort Staaten-Revolution*), Харцберг останавливался на различных типах революций, происходивших в мировой истории; их было, по его мнению, три — внешние, религиозные и внутренние. Насколько сложной и противоречивой оказалась задача такого обобщения, можно судить по тому, что к революциям в первых двух ее разновидностях Харцберг причислял завоевания Александра Македонского, основание Римской империи, образование Священной Римской империи, борьбу европейских государств против стремлений Людовика XIV к универсальной монархии и т.д.

К числу внутренних, а значит до некоторой степени ограниченных революций Харцберг, руководствуясь своей схемой, причисляет Великую французскую революцию: «Мы являемся сейчас свидетелями французской революции, — писал он, — по своим масштабам самой значительной из всех, которые происходили в истории и благодаря которой французская нация, просвещенная и подгоняемая новейшими философами, хочет учредить наилучшую из возможных конституций и даже превзойти английскую, стремится, соединив или смешав монархию и республику, гарантировать нации законодательную власть, а королю — исполнительную».⁶

Далее Харцберг высказывал мнение о том, что «если бы эта революция могла исправить или смягчить злоупотребления французской монархии, может быть скорее аристократические, чем деспотические, облегчить бремя налогов путем экономии и погашения долгов, преобразовать управление, сделав его более приемлемым с республиканской точки зрения (*mehr republikanisch*)», пойти на соглашение с Англией и Пруссией, то тогда «эта революция могла бы быть завершена с меньшим насилием и неистовством народа... она не унизила бы достоинства и личности монарха, который представляет нацию внутри страны и вне ее...»

РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ГЕТТИНГЕНСКОГО «REVOLUTIONS—ALMANACH»

Не следует опасаться, что другие европейские страны «так быстро» (!) последуют примеру французской революции, внушал Харцберг, ибо «ни одна нация не обладает таким вспыльчивым и мечтательным характером, как французская, ни одна не томилась под такой гнетущей формой правления и такими тяжкими налогами: все современные европейские формы правления, в особенности монархические, характеризуются умеренным образом правления, основанным на порядке и внутренней силе...». Одним из таких государств Харцберг, автор сочинения, в котором он оправдывал захват Фридрихом II Саксонии, разумеется, считал прусскую монархию последних лет правления Фридриха II и первых лет Фридриха-Вильгельма II.⁶

Это выступление Харцберга, вдохновленное конституционными тенденциями начального периода революции во Франции, несмотря на некоторые определенно отрицательные оценки, обращает на себя внимание справедливостью суждения о значении французской революции как события, далеко выходящего за пределы, очерченные самим Харцбергом для революций внутри европейских стран.

Далее в альманахе помещено анонимное сочинение, близкое к сатире, под многозначительным названием «*Neueste Reise der Freyheit auf die Erde*», представляющее собой описание путешествия изгнанной с Олимпа Свободы к своей ранее изгнанной сестре Равенству, которое заканчивается в Париже. В этом сочинении, как, впрочем, и в некоторых других материалах, публиковавшихся в «Альманахе революции», встречаются, сталкиваются прямо противоположные мнения и суждения. Главная идея «Путешествия Свободы...» — это безусловное осуждение «крайностей» якобинской диктатуры, которая вела свое начало от «всеизвестного» клуба якобинцев, «явившегося опорой и правой рукой новых законодателей». Вместе с тем автор подчеркивает ту всеобъемлющую значимость, которую вскоре после своего возникновения приобрел клуб якобинцев; он даже позволил себе выразиться следующим образом: «Человек отнюдь не пользовался никаким общественным авторитетом, если сам не являлся якобинцем». Судьба великого оратора Революции дала ему повод обратиться к читателю с вопросом: «Разве Мирабо, этот великий Мирабо, не пал с высоты своего величия, когда осмелился расстаться с якобинцами?» При общем настрое далеко не в пользу якобинского движения в сочинении «Путешествие Свободы...» нередко проскальзывают точные и справедливые оценки, в частности автор так говорит об отношении народных низов к якобинцам и якобинскому клубу: «Вся одержимая страстью к нововведениям, нация молится на коленях перед этим идолом». Рассуждая о значении якобинского движения в целом, автор отмечает, что «из всех общественных сил якобинский клуб был единственно действенной силой, способной привести в движение народ предместий столицы...»⁷

Материал «Путешествия Свободы...» самым непосредственным образом примыкает к специальной статье, посвященной истории якобинского клуба, где отмечается, что еще задолго до революции в Париже существовало «сообщество нескольких умных и сведущих людей», которые и явились вдохновителями проекта, «приведение коего в исполнение превзошло все ожидания». Среди авторов «проекта» названы граф Мирабо, герцог де Лозен и аббат Перигор (Талейран). Причем сведения об этом сообществе, как уверяет читателей автор, он получил от человека, входившего в этот круг еще в 1786 г. Название «якобинцы», по мнению автора, с момента начала французской революции... стало таким же полноправным в употреблении, как слова «нация», «философия», «патриотизм», «свобода», «законодатель», «конституция». В статье утверждается, что и при сохранении института монархии «настоящими правителями Франции были якобинцы. Они олицетворяли собой монарха, Национальное собрание, Конституцию, короче говоря,— все. Тысячи якобинских клубов, тесно связанные с основным клубом в Париже, сделали во Франции главной правящей силой».⁸

Вслед за этой статьей в альманахе следуют «Портреты якобинцев-депутатов» — краткие биографические сведения о таких деятелях, как «один из первых „Enrage"» Бриссо, министр юстиции Колло д'Эрбуа, «ярый якобинец» Карита (маркиз де Кондорсе), президент якобинского клуба в Монпелье Камбон, «один из самых ярых парижских якобинцев» Манюэль.⁹ Анахарсису Клоотсу, философу-просветителю и публицисту, якобинцу и члену Конвента посвящена особая статья. В последующих томах альманаха имя этого бывшего барона из прусской Вестфалии встречается неоднократно. В статье подробно рассказано о «посольстве народов», во главе которого Клоотс появился на заседании Конвента 19 июня 1790 г., не будучи тогда еще его членом; приведены большие фрагменты из его выступления от имени «представителей народов мира», после чего Клоотс «получил титул *Orateur du genre humain*, который он носит и по сей день». Автор пишет, что «ревностный якобинец» и пылкий противник христианской религии Клоотс удостоился чести (вместе с Клопштоком, Шиллером и Кампе) получить гражданство Французской республики. В заключение приведены слова из благодарственной речи Клоотса в Конvente: «Сердце мое принадлежит Франции, а моя душа — санкюлотам!»¹⁰ В альманахе за 1794 г. приводится изложение и цитаты из речи Клоотса от 24 апреля 1793 г., в которой пылкий революционер бросал вызов тем, кто «по природе своей» принадлежал к санкюлотам, но «при этом имел слабость верить в бога».¹¹

В альманахе 1794 г. под рубрикой «Портреты некоторых якобинцев и некоторых депутатов Национального собрания...» были опубликованы заметки о Т.Пейне, Дантоне, Сантере, Петионе, Миранде, дополнения о Кондорсе и Бриссо. Там же была опубликована заметка о гибели Марата.¹² В альманахе 1795 г. под рубрикой «*Eine Gallerie von Memento-mori-Stucken fur Revolutions-Dilettanten*» были помещены краткие биографии Байи, Барнава, Люкнера, Гильотэна, Фабра д'Эглантина, Бриссо, Шомета и их портреты.¹³ В ряде случаев эти заметки содержат выпады против представителей «крайних взглядов» и «террористов». Тем не менее заметки весьма содержательны и, несомненно, могли служить ценным источником для тех, кто исповедовал революционные взгляды.

Интересна помещенная в альманахе 1793 г. статья «Саксонские крестьянские волнения 1790 г.». Показательно, что ее автор не скрывает очевидной для последующих исследователей близости движения в Саксонии и событий Великой революции во Франции: «Эти волнения дали о себе знать в то время, когда пример французской революции нашел наибольшее число восторженных панегиристов и приверженцев и когда повсюду распространился панический ужас перед ниспровержением тронов...» Осуждая пробудившуюся социальную активность крестьянских масс, автор не замечает ее подлинных причин и видит в ней лишь «симптомы модных революционных головокружений». С неодобрением пишет он о том, что «целые общины» прекращали работу и сходились для того, чтобы обсудить возможности выхода из своего тяжелого положения, «произнося при этом хулу на судебное начальство». Неоднократно проводя параллель между событиями в Саксонии и Франции, автор «среди вреднейших следствий Революции» видит то, что «столь великое число прилежных рук было отлучено от работы, и их прежние промыслы стали им совершенно чуждыми». Как бы в пику германским «ниспровергателям Бастилии» и «людям 14 июля» он полностью отрицает появившиеся в немецкой печати сведения о фактах неповиновения и нарушения присяги в саксонских войсках, участвовавших в подавлении крестьянских выступлений. Подробно останавливаясь на своей версии подавления волнений саксонских крестьян, автор восхваляет «пример воинской дисциплины и верности германских солдат, усердие отдельных подданных, решительность и мягкость правителей страны, погасивших в зачатке пожар, пламя которого легко могло вспыхнуть в полную силу...». При других обстоятельствах, пишет он в заключение, «вся Германия могла быть приведена в хаотическое состояние французской анархии».¹⁴

При анализе некоторых материалов альманаха нередко возникает, правда, никак напрямую не подтверждающееся предположение, что их публикацией авторы (издатели) преследовали цели, которые отнюдь не всегда могут быть поняты однозначно. Например, на титульном листе альманаха 1794 г. помещено изображение принца Кобургского, того самого, на голову которого во Франции обрушивали гнев и проклятия и агентами которого (вкуче с Питтом) называли всех действительных и мнимых пособников контрреволюции. На фронтисписе же помещена изящная миниатюра, выполненная пером и раскрашенная акварелью, «Изображение древа Свободы и пик, которые были посажены в Майнце 13 января 1793 г.» На древе видна доска, на которой отчетливо выведена надпись: «*Raix aux peuples. Guerre aux tyrans*». С левой стороны для сведения указаны точные размеры посаженного дерева и воткнутого рядом с ним пика.

Публикация подобного «крамольного» рисунка в альманахе, не принадлежавшем радикальному лагерю, кажется по меньшей мере странной. Возникает уместный вопрос, зачем редактору понадобилось так наглядно, почти навязчиво, просвещать читателей о «майнцском древе», если в том же номере помещена другая, более скромная и не столь живописная миниатюра с изображением древа. Как бы то ни было, логичнее всего предположить, что в данном, как и во многих других случаях, редактор, намереваясь дать максимально полную информацию об интересующем читателей событии, далеко не всегда «подавал» ее в откровенно порочащем революционные принципы духе. Иными словами, в силу известного стремления редакции альманаха к объективности, ее информация о французской революции нередко носила до некоторой степени позитивный характер.

Альманах 1794 г. вернулся к теме «древа свободы», поместив заметку, перепечатанную из политического журнала Гиртаннера, в которой древо свободы и связанный с этим революционным символом праздник санкюлотов названы «весьма действенным инструментом» политики якобинцев. Автор заметки сообщает о том, что поначалу в германских землях для древа свободы выбирали преимущественно тополь, так как само слово «тополь» (*Pappeln*. — *С.И.*) по звучанию напоминало французские «*peuplier*» и «*peuple*» — «тополь» и «народ». Впоследствии этой практике строго не следовали и для народного праздника наряжали пихту или дуб. Далее автор во всех подробностях рассказывает, как должно выглядеть настоящее древо свободы, чтобы оно «производило внушительное впечатление», подобно «самому знаменитому древу свободы в Майнце». Ниже приводится текст известного обращения Г.Форстера к жителям Майнца («Граждане, гражданки и жительницы Майнца!»), призывавшего их 13 января 1793 г. на праздник вокруг древа свободы.¹⁵

В «Альманахе революции» 1793 г. к такого рода материалам может быть отнесена заметка «Пики и красные колпаки». Она помещена в разделе «*Über die verschiedene Producte des Franzosiche Revolution*» и содержит подробное описание пика — этого уличного оружия санкюлотов, — изготовление которых было предложено якобинцем Карра в «*Annales patriotiques*». Изображения некоторых пиков помещены в конце статьи, причем там указывалось, что на многих из них был начертан девиз «*Mort ou Liberte*» и они были украшены флажками национальных цветов. Как бы предвидя интерес, который мог возникнуть у читателя, автор отсылал его к специальной брошюре, которая была написана офицером, «называвшим себя Другом Свободы». Брошюра называлась «*Manuel du citoyen arme de piques*» (Buisson, 1792)». Говоря о красных шапках, т.е. «фригийских» колпаках, пользовавшихся необычайной популярностью в эпоху французской революции, автор заметки отмечает, что они должны «символизировать собой счастье, которого хотят добиться для народа якобинцы», и далее продолжает: «С тех пор как король 20 июня должен был нарядиться в нее, слава этой шапки поднялась на небывалую доселе высоту».

В заключение описан обряд «крещения», который имел место в марте 1792 г. в Париже: новорожденную дочь барабанщика из предместья Сент-Антуан нарекли именем Pethion-National-Pique. «Крестины» украшали «бастильское знамя» и красная шапка, а вместо молитв присутствовавшие пели «Ca ira»¹⁶

В заметке «О некоторых словах, введенных в оборот французской революцией» идет речь о значении, которое приобрели различные слова в эпоху французской революции. Среди них такие, как «аристократ», «свобода», «равенство», «права человека», «свобода мысли». Объясняя новое значение слова «аристократ», автор пишет, что «французские революционеры и их союзники внутри и вне Германии придают слову „аристократ“ значение, сходное со значением таких слов, как „деспот“, „изверг“, „злодей“». При этом он справедливо подчеркивает, что «аристократ» на языке санкюлотов «может означать клеймо для всех классов, всех сословий, к ниспровержению которых они стремятся...». О «свободе мысли» в заметке говорится следующее: «Свобода мысли — есть одно из неотчуждаемых человеческих прав... Когда французское Национальное собрание приняло свою Декларацию прав человека, т.е. естественного права... тогда от одного конца Империи до другого раздался громкий глас труб о правах человека!»¹⁷ Разумеется, приведенные высказывания, как правило, соседствовали с отнюдь не восторженными суждениями о необычайно возросшей социальной активности масс, тем более что санкюлотские движения оказывали постоянное влияние на новую власть, пришедшую на смену свергнутому Старому порядку. Очевидно, что авторам как этой, так и других заметок и статей альманаха французская революция в ее крайних проявлениях была по меньшей мере чужда, если иметь в виду сложившиеся представления определенных слоев немецкого общества о порядке и незыблемости основ государства. Тем не менее влияние революции в германских государствах было столь сильным, что в ряде материалов альманаха авторы не могли не учитывать этого обстоятельства при освещении тех или иных сторон повседневной жизни французского общества эпохи Революции.

Альманах 1794 г. — последний выпуск, современный якобинской диктатуре, — несмотря на заверения редактора, что «во избежание всего, что граничит с «литературным санкюлотством», он позволит себе прописки и иные способы умолчания»¹⁸, содержал многие материалы, аналогичные материалам предыдущего номера.

Альманах открывается большой статьей «Уравнитель — письмо женевого республиканца к женевному же санкюлоту» (причем, как явствует из заглавия, это сочинение предназначалось и «санкюлотам» других стран). Достаточно было прочитать введение редактора, чтобы у читателя сложилось впечатление о сильном воздействии французской революции на Швейцарию, о влиянии так называемой «французской партии» в кантонах Цюриха и Берна, о возросшей популярности таких символов и атрибутов революции, как древо свободы или фригийские шапки, о возникновении всевозможных революционных обществ (Клуб санкюлотов, Марсельский клуб). «И не было ли счастьем для Германии, — вопрошает редактор, — что Кюстин захватил Майнц и прирейнские области, ибо ныне немцы собственными глазами узрели, что представляет из себя эта новая французская система, и не только жители окрестных земель, но и простой люд в других провинциях...?»

Автор собственно «письма», некий Пьете, возвращает читателей к теме, затронутой в прошлом альманахе, к одному из разделов заметки «О некоторых словах...» Рассуждая о «системе политического равенства», автор не отрицает полностью самую возможность установления равенства, но выражает сомнение, что этот принцип, который «должен стать одним из основных столпов нашего законодательства», уже в то время мог быть осуществлен в полную силу. Основное препятствие автор видит в том, что этот принцип, «на первый взгляд столь простой», истолковывается по-разному и далеко не однозначно.

Оставляя в стороне другие толкования категории равенства, автор выделяет главное, по его мнению, — равенство в правах, понимая под этим «право, в котором никому не могут отказать, не совершая при этом акта несправедливости». Однако даже обстоятельное обращение к «Духу законов» Монтескье («который в анналах истории изучал болезни общественного тела»), не приводит автора к ясному пониманию «системы политического равенства», ибо он не находит ответа на поставленные им самим вопросы о сущности «права», «справедливости» и пр.¹⁹

Продолжает, хотя и в совсем иной форме, тему, поднятую в предыдущем альманахе, письмо-статья «Schreiben eines reisenden Deutschen, dass die Neu-Franken noch die alten Franzosen sind» и в еще большей степени обширная статья «Geschichte des Custineschen Einfalls in Deutschland bis zur Wiedereinnahme von Frankfurt», которая в отличие от множества других статей, принадлежавших перу самого редактора, написана неким «очевидцем». На вклейке помещено гравированное изображение французского генерала Кюстина, деятельности которого в прирейнских областях, прежде всего в Майнце, посвящена статья.

Появление армии Кюстина в Германии представлено в статье как вполне естественное, особенно после поражения прусско-имперских войск при Вальми, когда французы обоснованно приписывали паническое отступление армии герцога Брауншвейгского «исключительно своей беспримерной храбрости и превосходству», которые делали их «непобедимыми солдатами свободы» в борьбе «против рабства деспотов». Повсеместно распространившемуся впечатлению о катастрофическом поражении способствовали, по мнению автора, и бесчисленные публикации, направленные против коалиции, во французских журналах, газетах и летучих изданиях. Эти публикации вдохновили деятельность страсбургского якобинского клуба, а также демократических обществ внутри самой Германии. Они явились главной причиной того, что «огромная масса» немецких жителей «во всем верила якобинцам», в частности тому, уточняет «очевидец», что «война с теми, кто несет с собой свободу, не может иметь иного исхода для судеб Германии, кроме гибельного».

Остановившись на военном прошлом генерала Кюстина и действиях французской армии в Германии, автор переходит к деятельности якобинцев, которая «уже давно не составляла никакой тайны... в рейнских провинциях и особенно в Майнце...» Говоря о «сильном распространении духа якобинства и демократии», он в первую очередь имеет в виду Георга Форстера, который «в своих высказываниях и заметках ко многим публикуемым им переводам откровенно сообщал о себе как о защитнике принципов революции». Помимо Форстера, «открыто проповедовали демократические взгляды в читальных обществах профессора Хофманн и Меттерних, а также Ликмайер, Ведекинд, Хартманн, Умпфенбах...» и «многие другие господа». В одной из лекций профессор Андреас Хофманн «после восторженной похвалы французской революции говорил: „Я разочаруюсь в Провидении, если подобная революция еще не скоро произойдет у нас“». Энергичная деятельность майнцских «клубистов» во многом способствовала тому, что военный совет Майнца принял решение о капитуляции. Несмотря на то что «при приближении французов майнцские граждане и студенты получили из цейхгауза оружие и заняли внутреннюю часть крепостных валов», город был подготовлен к сдаче, причем, как утверждает «очевидец», Георг-Фридрих Ведекинд «и другие» тайно договорились с Кюстином о сдаче города.

Вскоре после вступления французской армии в Майнц и неоднократно впоследствии генерал Кюстин обращался с воззваниями к населению. В статье цитируется его прокламация от 27 октября: «Я пришел в Германию, чтобы защитить слабых и убедить тем самым несправедливых правителей в том, что люди от рождения имеют равные права и их предназначение не в том, что они должны сносить имперское иго...»

РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ
ГЕТТИНГЕНСКОГО «REVOLUTIONS—ALMANACH»

Всб «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
Vive Liberté! Век Просвещения 2009

Автор указывает, что Кюстин приказал составить прокламацию для всеобщего сведения и сообщить в ней, что контрибуция будет собираться не со всех граждан Майнца, но только с богатых «патрицианских» семей («только с тех потребую контрибуцию, которые на вас налагали непосильные тяготы, а сами себя от них освобождали»). В этом, как справедливо отмечает далее автор, проявилась повседневная практика руководства французских революционных армий, стремление французов привлечь на свою сторону «многочисленные бедные слои населения», рост политической активности которых стал весьма очевиден, чему в немалой степени способствовала деятельность майнцкого якобинского клуба.

В альманахе цитируется одно из выступлений Кюстина, в котором он, обращаясь к своим «новым братьям» (клубистам), заявил, что «хочет пронести свои знамена вплоть до Бодензее, хочет, чтобы Майнц стал столицей Германской республики...». Кюстину вторил Г.Форстер — в статье цитируется его знаменитое выступление в якобинском клубе, озаглавленное «Об отношении жителей Майнца к франкам. Присоединение левого берега Рейна к Франции»: «Рейн, великая, судоходная река, является естественной границей большого свободного государства, которое не желает завоеваний, но принимает только народы, свободно присоединяющиеся к нему... Если жители Майниа и прилегающих местностей выразят желание быть свободными и стать франками, то они будут включены в состав непобедимого свободного государства...»

В дополнение к статье, автор которой в ряде случаев проявляет свою неосведомленность, непоследовательность и предвзятость в изложении материала и оценках, в альманахе приведены два важных источника: «Заметка о некоторых членах майнцкого якобинского клуба» с данными о числе членов клуба на 1793 г. (454 «клубиста») и «Список появившихся к этому времени памфлетов и брошюр», где значатся 146 названий как революционных, так и контрреволюционных изданий, выходивших в Майнце с сентября 1792 г.²¹

Вопросу о свободе печати — «этом единственном паладиуме истинного просвещения и духовного развития» — посвящена большая статья «О немецком демократическом духе и немецких якобинцах. Наброски и размышления одного путешественника», которая, как следует из предуведомления редактора, была прислана в альманах в июле 1793 г. и по просьбе приславшего ее автора опубликована анонимно. Статья недвусмысленно направлена против «немецких друзей революции», против анонимных или «хорошо замаскированных, но также хорошо известных редакторов, составителей, распространителей многочисленных журналов, газет и летучих листков, в которых проповедовался мятеж, оправдывался бунт, порочились власти... и извергалась из сердец подданных привязанность к своим государям».

Автор не приводит полные названия журналов, которые «подрывают устои», заменяя их сокращенными, но эти названия легко поддаются расшифровке, в том числе и название того журнала, где был опубликован первый перевод «Марсельезы» и «Карманьолы» на немецкий язык. В статье не указано имя поэта-переводчика гимна французской революции, сказано только, что перевод был опубликован за его подписью, что переводу предпослано письмо, «враждебное порядку и германскому духу». Но читающая публика могла без труда установить его имя. Это был Иоганн-Генрих Фосс, решительные выступления которого «против деспотизма и суеверия снискали ему любовь всех истинных демократов».²² Несмотря на очевидную опасность «подрыва устоев» и «поношения, чуждые германскому духу», в статье были приведены две энергичные строки из перевода «Марсельезы».

Обращаясь к французской революции, которая явилась главной силой, вызвавшей к жизни «многочисленные журналы, газеты и летучие листки» в Германии, автор пишет, что «революцию во Франции называют революцией санкюлотов... однако эту революцию могли бы также назвать и революцией молодежи, ибо именно огромные толпы молодых людей и юных девушек, полных преклонения перед грядущими нововведениями, составляют большую часть ее приверженцев». Он делится своим чисто субъективным впечатлением: «Законодатели новейшей Франции — тоже большей частью безбородые юноши, чем отмечен ход их постановлений и мероприятий. Так что нужно отдать им должное — трудятся они, не покладая рук, для себя или себе равных...» Одним из таких постановлений автор считает декрет об упразднении дворянского сословия, «благодаря которому якобинская диктатура приобрела больше сторонников, чем каким-либо другим декретом революционного правительства».²³

Последующие номера «Альманаха революции» начиная с 1796 г. все более и более приобретают откровенно консервативный характер; в них публикуются материалы, в которых недвусмысленно одобряется, что во Франции шаг за шагом утверждается «более умеренное», по сравнению с якобинским, правление. Тем не менее при описании событий французской революции в ряде случаев публикации отмечены известной степенью логической последовательности и беспристрастия.²⁴ Можно предположить, что именно благодаря этой особенности политической ориентации альманах просуществовал сравнительно долгий срок, пережив многие другие издания подобного рода.

В заключение необходимо подчеркнуть, что само обращение к предложенной теме отнюдь не следует рассматривать как определенное стремление к коренному пересмотру сложившегося в историографии отношения в «Альманаху революции». Подробно остановившись на содержании первых выпусков альманаха, автор высказывается в пользу более плодотворного, по его мнению, неоднозначного взгляда на характер и политическую направленность материалов, публиковавшихся в геттингенском и иных изданиях,²⁵ безоговорочно относимых к обскурантистскому лагерю в немецкой публицистике, современной Великой французской революции.

1 *Revolutions—Almanach* Bey Iohann-Christian Dietrich. 1793. S.1—11.

2 Георг Форстер в письме Гейне (Майнц, 12 июля 1791 г.) писал: «...произведения, подобные тем, что пишет Гиртаннер, представляют для меня самое презренное из всего, что я знаю, ибо они превозносят класс людей, который пал столь низко под тяжестью собственных пороков, без какого-либо внешнего воздействия» (Немецкие демократы XVIII века: Шубарт. Форстер. Зейме. М., 1956. С.426 и след.).

3 См. статью Ф.Энгельса «Положение в Германии. Письмо первое» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.563), где речь идет о «раблепной немецкой прессе», которая публиковала «самые изощренные сведения о Париже». Пристальный исследователь германской якобинской публицистики д-р Хедв. Фёгт считает, что многие вопросы, связанные с дальнейшей разработкой темы, остаются еще не вполне раскрытыми (Voegt H. *Die deutsche jakobinische Literatur und Publizistik 1789—1800*. В., 1955. S.16). В ряде случаев Х.Фёгт касается «*Revolutions—Almanach*», но без основательного критического анализа публиковавшихся в нем материалов. (См.: Ibid. S.15—16, 36, 77—78, 86, 101—102, 136.) Одним из таких вопросов является, мы полагаем, специальное изучение публицистики, которую обычно не причисляют к демократическому лагерю. Это представляется немаловажным, ибо внутривнутриполитическая ситуация в германских государствах, если принять во внимание сильное влияние революционного примера Франции, складывалась по-разному, что существенным образом предопределяло и различные формы, в каких публицисты выражали свое отношение к событиям французской революции.

4 Sauer E. Die franzoisische Revolution von 1789 in zeitgenossischen deutschen Flugschriften und Dichtungen // Forschungen zur neueren Literaturgeschichte. Hrsg von Fr.Munker. Weimar, 1913 H44. S.72.

5 Revolutions—Almanach. 1794. S.1 — 11.

6 Ibid. 1793. S.17—18, 19—20.

7 Ibid. S.39—41.

8 Ibid. S.209—211.

9 Ibid S.259—261.

10 Ibid.

11 Ibid. 1794. S.304.

12 Ibid. 1795. S.253—263, 380—382.

13 Ibid. S. 108—159.

14 Ibid. S.63—80. Этот материал, по-видимому, был неизвестен Г.Шмидту, автору специального исследования (диссертации) «Die sachsische Bauernunruhen des Jahres 1790» (Meissen, 1907). Указание на это исследование см.: Кан С.Б. Два восстания силезских ткачей 1793—1844. М.; Л., 1948. С. 104.

15 Revolutions—Almanach 1794 S 246—249, Voegt H Op cit S.77—78.

16 Revolutions—Almanach 1793. S.203—206. В конце альманаха помещена заметка «Constitutionell Freyheit des Pouvoir executif den 20 Juny 1792» и гравюра с изображением Людовика XVI во фригийском колпаке с бокалом вина в руке среди вооруженного народа. См. также Noch etwas von rotten Mutzen. Ibid. 1794. S.250—252.

17 Ibid 1793 S.231—237.

18 Ibid. 1794 (страницы введения не пронумерованы) Вероятно, это пояснение редактора было вызвано критическими замечаниями в правой прессе.

19 Ibid. S.10-16.

20 Lesegesellschaft (общество для чтения), дававшее возможность «следить за новой литературой и обмениваться литературными и политическими мнениями», было основано в Майнце в 1782 г. Форстер называл его «читательским клубом», в котором граждане, «дерзко нарушая расклеенный во всех трактирах приказ, беседуют о текущих делах и обсуждают политику майнцского курфюрста...» (Форстер Г. Революционные события в Майнце Немецкие демократы XVIII века. С.314). См. также- Мошковская Ю.Я. Георг Форстер, немецкий просветитель и революционер XVIII века. М., 1961. С.200—202.

21 Revolutions—Almanach. 1794. S.92—112, 135—145, 146—155. См. указание на перечень памфлетов и летучих изданий в монографии Ю.Я.Мошковской (С.306). «Литература кюстинской эпохи» в Майнце, как нам представляется, нуждается в специальном исследовании. Это в свое время отмечала Х.Фёгт в своей работе о немецкой якобинской литературе (Voegt H. Op.cit. S.78).

22 Voegt H. Op.cit. S. 36.

23 Revolutions—Almanach. 1794. S.209—227.

24 Отметим в связи с этим, что «Revolutions—Almanach» за 1797 г. был включен в перечень изданий, доставленных в рижскую таможню и подвергнутых безусловному запрещению к продаже и иному распространению в России. Запрещение альманаха, как можно предположить, было связано с тем, что не только демократическая общественность Германии, но и ревнители отечественного благочиния были введены в заблуждение названием альманаха. Однако не исключено и то, что альманах сочли опасным после внимательного с ним ознакомления, получив в той или иной степени положительную информацию о событиях во Франции и германских государствах, особенно при том обильном цитировании французских источников, которым отличался «Revolutions—Almanach» (см.: Архив Государственного совета. 1796—1801 гг. СПб., 1883. Т.2. С.428, 445). Раз запрещенный, альманах уже более не попадал в поле зрения российских цензурных органов.

25 О том, насколько плодотворным может оказаться всестороннее исследование публикаций в периодических изданиях различных направлений, дает представление статья Э.Буле «Падение монархии в освещении трех гамбургских журналов» (Annales historiques de la Revolution francaise. 1984. N 1, 2. P.204—228).

С публицистикой, письмами и подробной биографией Георга Форстера можно познакомиться в нашей библиотеке: http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/schub_forst.htm#forst2

БРИССО О ГОСУДАРСТВЕ

Французская революция XVIII века:
Экономика, политика, идеология.
М., 1988. С. 109-128.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век
Просвещения ©

Жирондисты - одна из наименее изученных политических группировок, находившихся у власти в годы французской революции. О них не написано, как справедливо отметил А.Собуль¹, ни одного удовлетворительного обобщающего труда. До сих пор остаются невыясненными многие существенные вопросы. Каково место жирондистов в революционном процессе? Каков характер общественных потребностей, которые проложили им дорогу к власти в 1792 г., изгнали из Конвента в 1793 г. и вновь призвали к участию в управлении после 9 термидора? Каков «механизм» включения их в революцию на восходящей и нисходящей стадиях ее развития? Одно из условий научной разработки этих вопросов - выявление представлений лидеров Жиронды, в частности Бриссо, о государственной власти.

Проблема отношения жирондистов к государству затрагивается во многих исследованиях, посвященных судьбам идей Просвещения накануне и в годы революции. Советский историк права П.И.Люблинский рассматривал работы Бриссо о законодательстве в одном ряду с трудами Монтескье, Беккария, Вольтера, Марата, Робеспьера, Блэкстона, Бентама, Говарда, Радищева, Фридриха II, Екатерины II и Иосифа II, отмечая некоторую общность их исходных посылок. Она восходит, по его мнению, к Морю и может быть охвачена термином «Просвещение»². Другой советский правовед А.А.Герцензон не согласился с таким подходом к истории общественной мысли XVIII в., ибо в нем не учитывались принципиальные политические, классовые различия между правовыми взглядами, например, Марата и идеологов шедшей к власти буржуазии³. Кроме того, он заметил, что Бриссо в своих сочинениях «постепенно выхолащивал все то прогрессивное, что ранее воспринимал из работ Монтескье и даже Руссо», превращаясь из автора законодательных проектов, вдохновленных Просвещением, в «идеолога крупной буржуазии, стремящегося покончить с революционной законностью и правосудием»⁴. В.П.Волгин, основываясь главным образом на дореволюционных работах Бриссо, в целом оценивал его социально-политические воззрения как умеренно буржуазные, однако поместил главы о Руссо, Марате, Ленге и Бриссо в один раздел «Демократы и уравниатели»⁵. Представлениям деятелей Жиронды о государстве определенное внимание уделено в книге английской исследовательницы Дж.Макдоналд «Руссо и Французская революция 1762-1791»⁶. В ней приведены не только ссылки жирондистов на Руссо, но и их критические замечания о некоторых фундаментальных положениях его политической теории (они, например, защищают представительный режим от «обвинений» Руссо в узурпации прав народа). Французский ученый Р.Барни со своей стороны отмечает расхождение жирондистов с Руссо в государственно-правовых вопросах, но приходит к выводу о существовании особого «жирондистского руссоизма», которому уже в 1789 г. была свойственна приверженность догме, букве сочинений Руссо; этим, по его мнению, он отличался от «робеспьеризма», который до определенного времени следовал духу творчества великого женева⁷. Иной точки зрения придерживается соотечественник Р.Барни - М.Дорини⁸. Он проводит грань между политической теорией Руссо и «жирондистской доктриной», пытается показать степень их расхождения. Жирондисты, считает Дорини, сводят роль государства к минимуму, тогда как Руссо рассматривает его как некий абсолют, регулирующий все социальные отношения и обеспечивающий выполнение условий общественного договора. Французская исследовательница Ж.Шомье, специально занимавшаяся жирондистами, обращает внимание прежде всего на их «духовное единство», уходящее корнями в Просвещение и Гуманизм. Касаясь своеобразия жирондистского подхода к проблеме «свобода и власть», она утверждает, что деятели Жиронды в противоположность монтаньярам высоко ценили свободу индивида и стремились по возможности ослабить ограничение ее властью общества. В работе Ж.Шомье интересны факты, свидетельствующие, по ее мнению, о неизменности или, по крайней мере, преемственности жирондистского толкования проблем государственной власти до изгнания жирондистов из Конвента и после 9 термидора.

Именно это, полагает автор, привело в годы Директории к возобновлению активной политической деятельности тех из них, кто уцелел в период якобинской диктатуры. Ж.Шомье уверена, что жирондисты признавали в определенных условиях право народа на восстание⁹. Это утверждение противоречит мнению Р.Барни, который считает, что неприятие революционного действия - часть политической теории жирондистов, роднящей их с Руссо¹⁰. Определенный вклад в исследование политической теории и практики Жиронды внес английский историк Н.Хэмсон, посвятив две главы одной из своих последних книг Бриссо¹¹. Он отказался от абстрактных и зачастую недостаточно обоснованных рассуждений о жирондистской доктрине и, начав с изучения творческого наследия лидера Жиронды, сделал затем ряд существенных наблюдений о противоречивом отношении Бриссо к государству еще до 1789 г. Н.Хэмсон считает, что апология просвещенного абсолютизма - сильной центральной власти, способной провести необходимые реформы, - уживается в сочинениях Бриссо с пропагандой такого государства, роль которого в жизни общества незначительна, а подданным предоставлены самые широкие экономические, социальные и политические свободы; кроме того, уже в 1787 г. Бриссо выступал за упразднение имущественного ценза. Историк обращает внимание и на то, как Бриссо представлял себе формы проявления «общей воли»: с 1789 г. он призывал к созыву национального конвента и проведению референдумов¹². Однако Н.Хэмсона интересует, собственно, не Бриссо, а, прежде всего, влияние на него и на других революционеров идей Руссо и Монтескье (кстати, их наследие он оценивает как нечто противоположное). Проводя параллели между идеями этих двух просветителей и высказываниями Бриссо и Робеспьера, Хэмсон стремится найти общность в политических теориях лидеров Жиронды и Горы, исходя из весьма приблизительного совпадения содержания их выступлений и не учитывая исторический контекст, заключенный в этих выступлениях. Поэтому, изучая наследие вождя Жиронды, нам представляется необходимым изменить угол зрения, идти от самого Бриссо, от внутренней логики его работ, наметив круг вопросов, рассмотрение которых призвано осветить тему «Бриссо о государстве».

Поиск в этом направлении оказывается возможным благодаря имеющимся в нашем распоряжении 399 номерам (из 1388 вышедших с 1789 по 1793 г.) газеты Бриссо «Патриот Франсэ» из коллекций Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Воронцовского фонда Научной библиотеки Одесского университета, его многочисленным памфлетам, выступлениям в Якобинском клубе и революционных ассамблеях, мемуарам¹³. На основании этих источников мы рассмотрим представления Бриссо о власти - политическом стержне революции. Эволюция мнений Бриссо о целесообразности той или иной формы правления достаточно известна. После 14 июля 1789 г. он - «демократический» сторонник конституционной монархии; начиная с декабря 1790 г. ратует за республику; апогей его республиканизма на этом этапе - лето 1791 г. В марте 1792 г. при участии Бриссо формируется королевское правительство, и вплоть до июля он не поддерживает республиканскую идею. Наконец, с августа 1792 г. Бриссо - республиканец и остается таковым до дня своей гибели. Поскольку эта сторона отношения лидера Жиронды к государству уже разрабатывалась в историографии¹⁴, мы обратились к иным проблемам, которым сам Бриссо уделял большое внимание: отчуждение власти, право на восстание, учредительная власть и патриотические общества.

Уже в середине 80-х годов появились работы Бриссо о природе и характере государства, а именно «Письма защитника народа императору Иосифу II» (1785) и «Письмо императору о жестокости наказаний, которыми он заменил смертную казнь» (1787)¹⁵. Общество, по убеждению автора, не может существовать без власти. Источник ее - народ и никто больше¹⁶. Для подтверждения этих мыслей, широко распространенных во Франции последней трети XVIII в., Бриссо обращается к авторитету Ричарда Прайса - английского философа и публициста, с которым он встречался в Лондоне в 1782-1784 гг., и конституции Пенсильвании - предмету неизменного восхищения будущего жирондиста¹⁷.

Публичная власть учреждается самим обществом, и, следовательно, ее целью должно быть лишь благо этого общества. Бриссо уверен в универсальности данного правила: в соответствии с просветительской традицией он выводит его из неизменной человеческой природы¹⁸. Лучшая форма правления должна обеспечить незыблемость вытекающих из этой природы естественных прав человека и создать наиболее благоприятные условия для его физического и морального бытия. Выполнить эту задачу способна лишь демократическая республика, все остальные формы государственной власти - результат злоупотребления и узурпации; они никогда не могут быть законными, сколь бы продолжительным ни был срок их существования¹⁹. Итак, идеальная цель государства, по Бриссо, - создание оптимальных

условий для реализации прав и потребностей граждан. Но о каких правах и потребностях идет речь? Как разрешает он сложный вопрос о характере взаимоотношений между личностью и государством? Бриссо высказывает свое мнение на этот счет во втором письме Иосифу II.

«Нужно пояснить, - писал он, - что такое "государство"... Если государство - то же самое, что и совокупность лиц, составляющих общество, то будет неверно требовать, чтобы индивидум обогащал его. Становясь членом общества, гражданин обязан уважать законы, общество же, обретая гражданина, призвано заботиться о его благополучии. Если индивид делает что-то сверх своей обязанности, если он наделен талантами и дарит их плоды другим, то речь идет о проявлении добродетели, великодушия, а не исполнении долга, обязательства. Те, кто внушают обратное, сеют заблуждение. Они изобретают оковы человеку и способностям, которые небо предназначает лишь для благосостояния их обладателя»²⁰. Итак, люди обязаны подчиняться законам, без чего общежитие невозможно, но способности свои должны использовать, прежде всего, для удовлетворения собственных потребностей. Бриссо не лишает моральной поддержки деяния на пользу ближнему, когда они совершаются без принуждения.

«Если же государство, - рассуждает далее Бриссо, - это правительство страны, то стремление не обогащать его вовсе не преступление, а акт патриотизма. Ведь правительство сильно лишь тогда, когда подавляет подданных, богато лишь тогда, когда грабит их»²¹. По-видимому, Бриссо склонен видеть в государстве не общество, не совокупность входящих в него индивидов, а правительство, правительственную власть, особую организацию, совершенно отчужденную от общества и живущую за счет его членов.

Крайне негативное толкование государственной власти как таковой, противопоставление правительства обществу - один из основополагающих принципов политической доктрины Бриссо накануне революции. Возможно, наилучшим образом это раскрывается в интерпретации им проблемы «власть и доверие». Еще в 1782 г. в одном из выпусков своей «Всемирной корреспонденции», издававшейся в форме переписки между учеными различных стран для подготовки реформы законодательства, Бриссо писал: «Поскольку властолюбие столь сильно владеет сердцем высокопоставленного человека, следует всегда ожидать от него зла, остерегаться его. Любое правительство, будь оно монархическим, демократическим или аристократическим, стремится расширить и упрочить свою власть за счет общества. Само его процветание предполагает неблагополучие общества»²². Недоверие к власти независимо от формы правления во многом определяет позицию Бриссо. Он подчеркивает, что даже в демократической республике возможны злоупотребления, причем должностные лица могут быть заинтересованы в их сохранении; не исключено и превышение полномочий самими делегатами народа²³. В этой связи Бриссо упоминает о волнениях в Женеве в 1738, 1768 гг. и особенно подробно о волнениях в 1782 г.²⁴ По его мнению, опыт женеvцев доказывает тщетность попыток создать «правительство доверия»²⁵. В «Замечании о последних беспорядках в Женеве», появившемся в качестве своеобразного приложения к «Плану действий народных депутатов в Генеральных Штатах 1789 г.», Бриссо пишет: «Что такое правительство даже в свободных странах? Его составляют люди, которым поручено осуществлять законы. Избираются они народом или нет? В последнем случае они более всего опасны. Интересы этих людей требуют расширения по мере возможности их власти и не совпадают с благом общества в целом. Следовательно, правителей нужно постоянно остерегаться, а не доверять им. Если они избраны и долго остаются на своих постах, то есть опасность, что их наслаждение властью обернется привычкой, стремлением сохранить ее и приумножить. Желание властвовать и деспотизм - в природе человека...»²⁶. Доверия может удостоиться лишь то правительство, представители которого выборны и часто сменяемы. Но избранникам доверять не следует, так как «они стараются снискать популярность, дабы сохранить свои места. . .»²⁷. Любопытно, что принцип недоверия к институтам и носителям власти Бриссо распространяет даже на постоянно прославляемые им учреждения Соединенных Штатов, замечая, что там, как и везде, конгресс и легислатуры (законодательные собрания штатов) заинтересованы в ограблении народа²⁸.

«Я склонен думать, - отмечал в 1785 г. Бриссо, - что при любых правительствах, свободных и несвободных, достойный человек, добрый патриот всегда должен быть на стороне оппозиции, ибо власть, сколько ее ни сдерживай... постоянно посягает на права граждан. . .»²⁹. Тотального недоверия, по мнению Бриссо, заслуживает не только правительство в собственном смысле слова, но также органы законодательства и юстиции³⁰. «Даже при наилучших формах правления, - писал он, - исполнительная и законодательная власть будут сражаться с обществом»³¹. Таким образом, до революции Бриссо утверждал, что никакая власть доверия не заслуживает, однако степень недоверия к ней может быть разной и зависит от формы правления.

Не изменил ли он это мнение после 1789 г.? В период Вареннского кризиса, например, Бриссо упрекал политических противников в стремлении восстановить «правительство без доверия»³². Возможно ли, чтобы этот упрек означал лишь высшую меру недоверия Бриссо к Людовику XVI и его советникам? Нам кажется, что нет, ибо тогда он допускал вероятность существования «правительства доверия»: «Если вам угодно, - писал Бриссо, - вдохнуть доверие в исполнительную власть, хотя и сосредоточенную в руках короля, следует окружить его независимым сменяемым советом, избираемым народом или его представителями»³³.

Позднее, в январе 1792 г., он утверждал в «Патриот Франсэ», что «народ всецело полагается на своих выборных представителей и одобряет принятые ими декреты как санкционированные, так и несанкционированные»³⁴. 8 марта того же года, накануне создания первого жирондистского министерства, Бриссо прямо требовал организовать правительство, заслуживающее доверия, усматривая в этом надежное средство прекратить «хлебные бунты»³⁵. В июле, доказывая необходимость объявить отечество в опасности, лидер Жиронды заявил, что сила Собрания - в доверии народа³⁶. 10 августа, одобряя проект Гюаде о формировании нового правительства, Бриссо советовал предварительно объявить, что «существующее правительство не пользуется доверием нации»³⁷. Так, Бриссо в годы революции, еще до создания второго «жирондистского кабинета», постепенно перешел от вопроса о степени недоверия к власти к вопросу о степени доверия к ней. Видимо, он осознал, что во Франции наметились такие коренные изменения государственного строя, которые необходимо сохранить и упрочить.

Подметить это превращение, сколь бы трудноуловимым и мимолетным оно ни представлялось, помогает разительное изменение предлагаемого Бриссо критерия в подборе государственных чиновников. 4 августа 1789 г. «Патриот Франсэ» писал: «Общественному благу не грозит беда, если должности и высокие посты достаются порой людям неспособным или недостойным. Постоянное пребывание на должностях людей, приучая к их почитанию, ослабляет над ними контроль и незаметно губит свободу. Что касается глупости, то она возбуждает общественный контроль, ставит чинопочитанию надлежащие пределы, поддерживает умы в спасительном недоверии»³⁸. 24 октября 1792 г. в своем знаменитом памфлете о парижских якобинцах Бриссо обвинял их в коварном стремлении уравнивать не только имущества, но также таланты, знания и добродетели. «Они прекрасно понимают, что преступление воцарится, как только народ утратит непреодолимое чувство, побуждающее его воздавать должное превосходству талантов и добродетелей, ибо чувство это подразумевает любовь к порядку. Удалите эту любовь из непрочного еще свободного государства, и общество окажется лишь бойней, где законы диктует самый кровожадный каннибал»³⁹. Итак, в 1789 г. глупец - вполне приемлемый и даже желательный кандидат на ответственный пост, и граждане от этого только выигрывают, а в 1792 г. - талантливый, добродетельный человек вытесняет глупца. В 1793 г. Бриссо совершенно определенно подтверждает такой вывод: «Высокие посты должны быть предоставлены одаренным и добродетельным людям, общественное процветание является следствием оказываемого им предпочтения»⁴⁰. Таким образом, появление «достойных» людей в администрации призвано способствовать росту доверия к власти, а значит - и постепенному отождествлению государственных интересов с общественными, стабилизации.

Проблема отчуждения власти неизбежно ставит вопрос о сопротивлении этой власти, о праве на восстание. В литературе о жирондистах, насколько нам известно, впервые на эту проблему обратила внимание Ж.Шомье. Она полагает, что жирондисты считали народное восстание законным во всех случаях, кроме одного, - когда народ поднимается против своих законных представителей. Ж.Шомье приводит следующие доказательства: Кондорсе вписал право на восстание в проект конституции 1793 г., его коллеги одобрили события 14 июля, 10 августа, наконец, восстание департаментов против Парижа с целью освобождения Конвента от тирании Коммуны. Кризис V года вызвал раскол среди уцелевших жирондистов и впервые, по мнению Ж.Шомье, поколебал их убежденность в неприкосновенности народного представительства. Отсюда - поддержка большинством жирондистов государственного переворота 18 фрюктидора. При этом Ж.Шомье подчеркивает: несмотря на объединение в V году большинства бывших жирондистов и монтаньяров для защиты республики, к перевороту они отнеслись по-разному. Для монтаньяров и речи не могло быть о какой-то душевной драме, жирондисты же остро ощущали двусмысленность своих действий с точки зрения законности⁴¹.

Однако письма «защитника народа» Иосифу II существенно корректируют эту картину. В первом из них Бриссо утверждает: «Очевидно, что восстание преступно там, где власть исходит от народа... Демократические республики - единственные государства такого типа, а значит, восстание может быть преступлением лишь в этих республиках». Но он замечает, что и в

демократической республике возможны всяческие злоупотребления должностных лиц, коррупция, посягательство представителей на национальный суверенитет, следовательно, и там «народ имеет право сопротивляться власти, сместить своих уполномоченных и употребить силу против силы, поддерживающей злоупотребления». Восстание народа есть лишь выражение «общей воли», сопротивление ей - мятеж⁴². Итак, народ, по мнению Бриссо в 1785 г., имеет полное право на восстание против власти, даже демократической и республиканской, если она попирает «общую волю». Критерий «законности» восстания, по Бриссо, не форма правления, а степень извращения властью «общей воли». Таким образом, тезис, выдвинутый Ж.Шомье, нуждается в уточнениях с учетом дореволюционных источников.

Попробуем проследить развитие взглядов самого Бриссо на правомерность восстания народа. По-видимому, впервые он затронул эту тему в «Философских письмах о св.Павле» - памфлете, написанном в Шартре не позднее 1774 г.⁴³ и анонимно изданном в Невшателе в 1783 г. В этой работе Бриссо критикует теорию божественного происхождения власти, восходящую к посланиям св. Павла, и рассматривает восстание против нее как естественное следствие нарушения Государем общественного договора. Памфлет не случайно был опубликован анонимно - его автор считал возможным почти открыто напасть на последних французских королей и объявить пороки их правления достаточным основанием для восстания народа: «Когда праздные короли запрутся во дворцах и станут напоминать о своем существовании лишь бедствиями государства, когда властолюбивый король предпочтет лавры победы любви подданных, когда король-сластолюбец заснет на лоне неги, чтобы не слышать криков страдальцев, когда король будет слишком слаб, чтобы вынести тяжесть венца, тогда подданные смогут избавиться от него - они несчастны. Тогда их не увидят трусливо стремящимися к алтарям, чтобы просить у бога продления дней тех, кого они ненавидят. Тогда они поднимут голову и раздастся вопль всеобщего возмущения. Это будут не мятежные крики. Их продиктует сама природа»⁴⁴. Так восстание против Государя, не заботящегося о своих подданных, нарушающего общественный договор, получает у Бриссо санкцию естественного права. «Что бы узурпаторы, захватчики ни говорили о восстании, о мятежном огне этого смелого деяния, оно тем не менее остается законом природы»⁴⁵.

В упоминавшихся письмах Иосифу II Бриссо развивает свою точку зрения на восстание. Поводом послужило подавление австрийцами в 1784 г. крестьянского движения в Трансильвании. По мнению Бриссо, обращенному, хотя и анонимно, к одному из самых последовательных «просвещенных деспотов», восстание в любой монархической стране никогда не может быть преступлением⁴⁶. Вариант «Государь и его верные подданные, взаимно уважающие друг друга», по сути дела, отвергается им «с порога». И это неудивительно: еще в 1782 г. он писал, что «нет ни одного короля, действительно радеющего о благе народа, ни одного, кто будучи в силах, не был бы деспотом»⁴⁷. Вероятно, уже в первой половине 80-х годов Бриссо показалось бы старомодным суждение Луи де Жокура, одного из авторов «Энциклопедии» (в том числе статей «Революция» и «Восстание»), сотрудника Дидро, друга и почитателя Монтескье, допускавшего возможность существования монарха, который «удерживает своих подданных в их долге, заставляя любить его», и народов, «всегда и вполне верных своим государям»⁴⁸. Бриссо почтительно упрекает Руссо за то, что он не рассмотрел право на восстание в «Общественном договоре», и замечает, что вопрос о восстании вообще не был должным образом освещен его предшественниками, однако высоко оценивает трактаты Локка о государственном правлении, особенно - обоснование им права суверенного народа на свержение правительства, сожалея, что на это мало обращают внимание во Франции⁴⁹.

Бриссо считает уместным обсудить различные формы восстания. Очень любопытно, что он знает о так называемом ненасильственном сопротивлении: «Существует вид сопротивления, который человеколюбивые политики рекомендуют угнетенным народам предпочесть вооруженной борьбе. Это сопротивление инерции, которое заключалось бы частью в постоянных демонстрациях правительству, частью в "non-faire"». С одной стороны, Бриссо не приемлет «метод индийцев»: «...они умирают под ударами, но не подчиняются, а деспотизм царит в Индии на протяжении 15 веков». И заключает: деспотизм не исчезает сам собой, он уничтожается лишь революцией, разумом, который санкционирует восстание⁵⁰.

С другой стороны, Бриссо полагает, что восстание вовсе не обязательно влечет за собой жестокости, насилия, ужасы. По его мнению, виновные в них восставшие должны быть наказаны. Поэтому он готов одобрить казнь Пугачева, хотя и оговаривается, что не располагает достаточно объективной информацией из России⁵¹. Бриссо уверен, что просвещенной нации восстание абсолютно не грозит нарушением мира, безопасности граждан, какими-либо затруднениями в развитии торговли, ремесел⁵². Таков его взгляд на восстание и накануне революции: письма Иосифу II были переизданы в Дублине в 1788 г.

После 14 июля 1789 г., по нашим наблюдениям, вопрос о народном восстании исчезает из памфлетов Бриссо и не обсуждается в «Патриот Франсэ». Более того, 4 августа 1789 г. эта газета пишет об опасных последствиях революционного энтузиазма в тот момент, когда революция уже совершена⁵³. Летом 1791 г. в период политических волнений, вызванных бегством короля и событиями на Марсовом поле, Бриссо вновь возвращается к этой теме. Он убежден теперь, что при наличии конституции одобрение любых перемен, выражающих «общую волю», может происходить только путем обсуждения и убеждения. Бриссо стремится отвести от «республиканцев» обвинение в подготовке восстания и подчеркивает, что благодаря привычке к свободе и прогрессу разума люди учатся отвергать всякую мысль о мятеже против установленного закона, даже несовершенного, ибо конституция всегда предоставляет мирные средства его улучшения⁵⁴. 5 сентября 1791 г. «Патриот Франсэ» упоминает о восстании как о самом мощном средстве поддержания национального суверенитета, но в то же время объявляет его миражом, «возвращаясь» к Монтескье: «Чем многочисленнее нация, чем более она распылена на обширной территории, тем менее возможно восстание»⁵⁵. 28 сентября в Клубе якобинцев Бриссо, защищая народные общества, заявил, что право обсуждать законы и действия администрации - насущная необходимость свободной нации. Лишив народ права на удовлетворение этой потребности, можно толкнуть его на восстание⁵⁶.

Приведенные примеры показывают, что летом - осенью 1791 г. Бриссо рассматривал восстание как альтернативу нормальному и даже демократическому развитию общественной жизни, что свидетельствует о заметном, по сравнению с дореволюционным периодом, стремлении к политическому равновесию, умеренности. Это наблюдение косвенно подтверждается и тем, что нам не удалось обнаружить ни одного намека на благожелательное отношение Бриссо к восстанию, ни тем более призывов к нему вплоть до лета 1792 г. Однако налицо и иная тенденция: оживление внимания к самой теме «восстание» по сравнению с 1789-1790 гг., которая достигает апогея в августе 1792 г., когда Бриссо печатает в «Кроник дю муа» отрывок из упоминавшихся «Философских писем о св. Павле», обосновывающий право на восстание и свержение королевской власти⁵⁷. Возможно, один из признаков этой тенденции в политике Бриссо - осуждение им 5 сентября 1791 г. Барнава, считавшего спокойствие первой потребностью общества, а свободу счастливым «излишком», «не являющимся необходимым в точном смысле слова»⁵⁸.

После открытия Конвента и до самой смерти Бриссо - в большей степени, чем когда-либо, - сторонник социальной стабильности внутри страны; если он и говорит о желательности новой революции, то имеет в виду уничтожение влияния своих политических противников - «анархистов»⁵⁹.

Источники позволяют приблизительно и в самых общих чертах выделить периоды усиления и ослабления интереса Бриссо к восстанию. Наиболее ярко и полно писал он о восстании в 80-е годы, накануне революции. Затем наступил очевидный спад. Новый подъем наметился не позднее лета 1791 г., однако все, что писал Бриссо о восстании народа⁶⁰ в это время выражено значительно слабее, менее энергично и с большим количеством негативных оговорок, чем до 1789 г., или в лучшем случае (август 1792 г., «Кроник дю муа») представляет собой фрагмент сочинения, написанного задолго до революции. Наконец, последний период творчества и политической деятельности Бриссо отмечен не просто отсутствием особого интереса к восстанию, как, например, после 14 июля 1789 г., но открытой борьбой против всех, кто к нему призывает.

Итак, исследование вопроса о восстании и проблемы отчуждения власти приводит нас к выводу о постепенном и, скорее всего, поэтапном нарастании консерватизма Бриссо, уживавшегося с его революционными взглядами и усилиями.

Какие же гарантии политической стабильности и одновременно наиболее исчерпывающего выражения «общей воли» предусматривал Бриссо?

Как уже известно, в 80-е годы, следуя Руссо, он исходил из отчуждения всех властей, даже основанных на представительстве, от общества. Поэтому, стремясь разделить и обуздать их, Бриссо уже в ранних работах по конституционным вопросам⁶¹, созданных накануне созыва Генеральных штатов, развивает идею иерархии властей, дифференциации их функций и взаимного контроля. Если законодательной власти надлежит служить преградой против любых посягательств правительства на суверенитет нации и права граждан, то и самим законодателям - представителям народа - нужна прочная узда. Поэтому Бриссо «надстраивает» традиционную пирамиду власти и помещает на ее вершине так называемую учредительную власть (*pouvoir constituant*)⁶², которой располагает вся нация. Учредительная власть сходна, таким образом, с

суверенитетом, однако у нее есть специальный орган - Конвент - чрезвычайная ассамблея, избираемая для составления проектов Декларации прав, Конституции и поправок к ней. Осуществляя эти полномочия, Конвент, по мысли Бриссо, надежно защитит нацию от узурпации ее прав ее же представителями в законодательном корпусе. Прообраз такого органа власти - учредительный конвент в Филадельфии, состоявший из 55 человек и выработавший в 1787 г. Конституцию США, которую затем в течение 1787-1788 гг. ратифицировали конвенты штатов⁶³. Бриссо, таким образом, учитывал конституционный опыт заокеанской республики. Он обращает внимание на недостаточное знакомство французских политиков с этим опытом, делая исключение только для Сийеса и составителей Мантского наказа⁶⁴. И все же сам аббат Сийес, по мнению Бриссо, заблуждается, допуская возможность конституирования нации ее представителями, даже чрезвычайными, без санкции народа. Свою точку зрения Бриссо высказывает и в конституционном комитете, и на страницах «Патриот Франсэ», откликаясь на проект Декларации прав, составленный Сийесом⁶⁵.

В своем подходе к учредительной власти Бриссо выделяет два момента. Во-первых, недопустимость смешения ее функций с кругом обязанностей и полномочий публичных властей (законодательной, исполнительной, судебной), ибо это неизбежно «ведет к деспотизму»⁶⁶. Во-вторых, необходимость ратификации решений, принятых Конветом (Учредительной ассамблеей), народом. Только при этом условии они получают законную силу. «Но как получить это одобрение двадцати шести миллионов человек? Примут ли все предложенные замечания и поправки? Как их связать?.. Будут трудности, я не отрицаю, но преодолимые... В Америке получено согласие четырех миллионов на федеральный план. То, что смогли свершить четыре миллиона, по плечу и двадцати шести миллионам; образ действий свободных американцев может быть легко применен к условиям Франции»⁶⁷.

Бриссо полагает, что для окончательного утверждения постановлений учредительного корпуса необходимо получить согласие огромного большинства французов, а именно - двадцати одной провинции из тридцати двух. Последовательно придерживаясь принципа обязательной «народной санкции», он даже критикует тот же американский проект, в котором поправки к конституции поставлены в зависимость от согласия двух третей членов конгресса или требования двух третей легислатур штатов, что, по мнению Бриссо, «полностью лишает народ учредительного права». Кроме того, нельзя без риска для насильственного суверенитета доверить учредительную власть постоянному Конвенту, он должен созываться через определенные промежутки времени⁶⁸.

После 1789-1790 гг. применимо к различным обстоятельствам Бриссо высказывает и через «Патриот Франсэ». 8 августа 1791 г., т.е. спустя три недели после расстрела на Марсовом поле, в момент, когда Собрание занялось пересмотром конституции, Бриссо выступает в Якобинском клубе с речью «О Конвентах», в которой развивает и дополняет свои прежние взгляды на учредительную власть. Он называет ее теперь не только «pouvoir constituant», но и «pouvoir conservateur», подчеркивая, что Конвент должен бороться с узурпацией публичных властей и гарантировать неприкосновенность конституции, не ограничиваясь составлением ее проекта и внесением поправок. Таким образом, Бриссо определяет главную задачу - участие в непосредственной политической борьбе. Он расширяет функции Конвента. Учредительный корпус обязан контролировать не только законодательную власть (что особо отмечалось в 1789-1790 гг.), но и исполнительную, их взаимоотношения, ибо они могут объединить усилия в стремлении узурпировать права народа⁶⁹. В этом предложении, очевидно, отразилась борьба по поводу судьбы короля после неудачной попытки к бегству и самой королевской власти, а также отрицательное отношение Бриссо к «поправлению» Собрания.

Существование законодательной и исполнительной власти без «pouvoir conservateur» - общественное бедствие, «ибо нет формы правления ужаснее, чем полусвободная. Всё злоупотребления имеют тут силу законов. Существует предел тирании одного человека, но делегированные власти при конституции, по видимости свободной, остающейся незавершенной, могут довести злоупотребления до невероятной степени, когда нет ни одного конституционного средства их пресечения». Именно отсутствием должного гаранта объясняет Бриссо принятие Собранием законов о чрезвычайном положении и против петиций, нарастание «угрозы тирании в обличье законных форм»⁷⁰.

Стремление к увеличению роли учредительной власти, которую Бриссо рассматривает в качестве противовеса «тормозящим» революцию шагам Учредительного собрания, проявляется и в более четком, реальном, чем ранее, описании механизма ее функционирования. Он считает важным осудить систему, которая представляется истинной некоторым «настоящим патриотам,

искренне верующим в суверенитет народа». Бриссо имеет в виду точку зрения аббата Фоше и газеты «Буш де Фер»⁷¹. Не сомневаясь в том, что только народ располагает учредительной властью, Бриссо спорит с Фоше, отрицая необходимость непосредственного осуществления ее народом. Более того, реализовать предложения руководителей «Социального кружка» невозможно: обсуждение даже одного пункта конституции всеми первичными собраниями может привести лишь к раздорам и анархии; речь идет о 6-7 тыс. собраний активных граждан, причем число их увеличится до 12 тыс., если примут участие и пассивные. Если же понадобится не только составлять или корректировать конституцию, но и устранять узурпации со стороны делегированных властей, то каким образом пробудить у всей нации желание обсуждать эти узурпации? Те же власти легко сорвут такое обсуждение, если все будет решаться на уровне первичных собраний⁷².

Поэтому Бриссо берет под защиту систему представительства, осужденную Руссо и поставленную под сомнение им самим в 80-е годы. «Мне хорошо известно, что Руссо сказал: «С того момента, как народ выбирает себе представителей, он перестает быть свободным». Если бы Руссо сказал: «Чистая демократия небольшого народа дает больше свободы, чем представительная демократия», - это было бы правдой. Но утверждать, что люди перестают быть свободными с того момента, как они представлены, значит приближать Константинополь к Лондону: все-таки между их режимами существует некоторая дистанция»⁷³. Руссо, по мнению Бриссо, заблуждался, ибо перед его глазами не было американского примера. Однако существенно, что «усовершенствование» им Руссо идет (как в знаменитом памфлете Сийеса⁷⁴) путем выстраивания еще одного «этажа» представительства, который должен обладать самыми большими полномочиями.

Конвент - единственный пригодный, по Бриссо, орган учредительной власти - не должен быть лишь собранием редакторов, чей проект подлежит санкции первичных собраний. В отличие от своих выступлений в 1789-1790 гг. теперь он утверждает, что подобную санкцию можно получить только в небольших государствах типа Женевы; для Франции же - это химера. Конституция, действительно, должна быть ратифицирована, но не путем референдума, а на ближайшем Конвенте, решения которого не нуждаются в чем-либо одобрении. Конвент должен собираться регулярно и не по инициативе народа, а в установленный срок⁷⁵ «Сумма моментов, когда народ может свершать общественные дела, очень мала; он устаёт от частых собраний, видит в выборах лишь повинность, а не осуществление своего суверенитета. Так же народ отнесется и к Конвентам, если они будут происходить только по его требованию. Утомившись от вопросов, в которых зачастую ничего не понимает, он откажется пойти навстречу просьбам, и вряд ли когда-нибудь удастся собрать достаточное для созыва Конвента количество подписей»⁷⁶. Любопытная аргументация, сама по себе свидетельствующая о серьезной политической эволюции Бриссо. На сей раз он не ограничивается, как в 1789 г., декларацией о необходимости периодических Конвентов и, соглашаясь с Петионом⁷⁷, полагает, что первый Конвент должен состояться через пять лет⁷⁸, а в дальнейшем - собираться через каждые двадцать лет⁷⁹. Таким образом, создавая «идеальный тип» достаточно концентрированной власти, чьи решения не зависят от первичных собраний и контролируют практически все основные проблемы государственного управления, Бриссо переносит его материализацию в довольно далекое будущее.

После 1791 г. взгляды Бриссо на учредительную власть развивались некоторое время в том же направлении. 26 июля 1792 г. он выступает категорически против обращения к первичным собраниям по поводу судьбы королевской власти: «Более чем кто-либо я почитаю суверенитет народа, но он мне слишком дорог, чтобы рекомендовать шаг, который неминуемо погубит его... Кто вам сказал, что множество собственников и мирных граждан припишут свои беды не слабости исполнительной власти, а ее преступной бездеятельности, что они не примкнут к ней?»⁸⁰ 16 октября 1792 г. Бриссо заявил в Конвенте: «Как основа конституции уничтожение королевской власти должно быть представлено на утверждение народа, но как мера, необходимая для спасения государства, оно не нуждается в этом, ибо народ санкционировал ее заранее, поручив нам свое спасение»⁸¹. Допустив теоретическую возможность формального одобрения действий Конвента народом, Бриссо тут же доказывает отсутствие необходимости в подобной ратификации. Здесь же он утверждает: «Если вы хотите предоставить народу инициативу, выдвигая на его рассмотрение каждую из статей конституционного кодекса, у вас никогда не будет конституции»⁸².

Так, Бриссо постепенно расширяет права учредительного корпуса за счет первичных собраний и публичных властей. В его высказываниях прослеживается тенденция, которая впоследствии превратила Конвент в единственную власть и породила революционную диктатуру. Бриссо, однако, не был сторонником этой формы государственной власти⁸³. Более того, на завершающем этапе своей политической карьеры, пытаясь остановить революцию, он не раз предлагал обратиться с апелляцией к народу по «учредительным» вопросам. В известной речи Бриссо 1 января 1793 г. читаем о необходимости санкции первичных собраний для казни короля, а знаменитое обращение к доверителям от 22 мая 1793 г. содержит призыв к первичным собраниям как к одному из средств борьбы с монтаньярами внутри Конвента и по всей стране⁸⁴. Любопытно, что параллельно с этим «поворотом» к первичным собраниям намечается и стремление Бриссо усилить исполнительную власть, сделать ее более энергичной⁸⁵.

Вклад лидера Жиронды в теорию и практику учредительной власти несомненен. Практически на протяжении всей своей революционной деятельности он считал необходимым создание и упрочение Конвента, функции которого не должны были совпадать, по его замыслу, с законодательными, исполнительными или судебными. Именно в этом несовпадении Бриссо видел лучшую политическую гарантию стабильности и в то же время реальную возможность осуществить суверенитет нации. Однако Конвент, едва появившись, стал постепенно не только контролировать, но и объединять в себе привычную триаду власти. Это не соответствовало представлениям Бриссо о его роли. Отсюда эволюция отношения к особому учредительному корпусу - от пропаганды идеи Конвента в 1789 г. как органа, ответственного за составление Декларации прав, конституции и поправок к ней, чьи решения подлежат ратификации народом, а полномочия требуют расширения (в 1791 - 1792 гг.), распространения их на надзор и контроль над всеми другими властями, включая исполнительную, до стремления в 1793 г. к децентрализации власти революционного Конвента после того, как она вышла из-под контроля, опоре на исполнительную власть и первичные собрания.

Сходные с учредительной властью функции Бриссо возлагает на общественное мнение - лучший индикатор «общей воли». Его оценка роли социально ориентированного массового сознания, способов влияния на него заслуживает специального исследования. В данном случае мы затронем лишь один из аспектов этой серьезной темы, а именно: отношение Бриссо к патриотическим обществам, кружкам, клубам⁸⁶, которым Жиронда отводила наряду с прессой важное место в своей политике. Участие Бриссо в работе Якобинского клуба, «Социального кружка», Конфедерации друзей истины - факт, не раз отмечавшийся в литературе⁸⁷. Менялось ли его отношение к патриотическим организациям в целом? По нашим сведениям, впервые он подробно изложил свои взгляды на их деятельность в Клубе якобинцев 28 сентября 1791 г.⁸⁸

Речь эта (отрывок из нее был напечатан «Патриот Франсэ» 5 октября) была произнесена в период «конституционной» реакции, когда большинство Собрания провело ряд антидемократических мер и клубы оказались под угрозой. Бриссо настаивает на необходимости существования обществ, заметив, что против них «составлен заговор». Правительство готовит удар, его нужно предупредить. Он полагает, что революция может победить, лишь увеличивая число таких обществ, а дух равенства сохранится только при постоянном общении должностных лиц и простых граждан на их заседаниях. Бриссо выступает против корпоративности, замкнутости, партикуляризма любого рода в работе обществ, пытаясь предотвратить тот момент, когда они станут «жертвами коррупции и интриги»⁸⁹.

По мысли Бриссо, перед патриотическими обществами три цели: обсуждать предполагаемые законы, разбираться в уже принятых и наблюдать за всеми должностными лицами⁹⁰. Осуществление этих задач, реализация права «размышлять и дискутировать» в клубах, кружках и т.п. - это повседневная потребность народа.

Не ограничиваясь перечислением основных направлений деятельности клубов, Бриссо приводит 28 октября 1791 г. в «Патриот Франсэ» конкретный пример - осуждение 4 июля 1791 г. Обществом поощрения мануфактур в Джермантауне (США) закона об акцизе, уже принятого конгрессом. Стремясь дать наглядный образец легального обсуждения, не нарушающего спокойствие страны и в то же время выражающего активное неприятие гражданами «плохого» закона, Бриссо почти полностью цитирует протокол решения упомянутого общества. В нем есть все необходимые атрибуты «законности». В самом начале - ссылка на святость дня 4 июля для всех граждан страны. Затем - напоминание представителям нации о том, что права их доверителей нуждаются в защите от всякого посягательства. Наконец, обсуждаемый закон квалифицируется как опасное нарушение неотъемлемых прав, ради сохранения которых народ доверил депутатам определенные полномочия и создал правительство. После этой

характеристики следует обоснование отрицательного отношения к закону: хотя употребление спиртных напитков не есть первая потребность, легислатура неправомочна вмешиваться в «то, что граждане могут позволить себе в данном случае», ибо где гарантия, что однажды все «столь же необходимые для жизни товары» не окажутся охваченными системой акциза? После обоснования - постановление: не содействовать выполнению закона, принятого конгрессом, и приложить все силы, чтобы добиться его отмены⁹¹. Такова «модель» действия патриотического общества, по Бриссо, в 1791 г.

Однако его отношение к клубам менялось по мере их активизации и перерастания в политическом плане в нечто иное, значительно большее, чем представлялось ему необходимым и допустимым. 10 октября 1792 г. он был исключен из Якобинского клуба, контролируемого теперь монтаньярами, а 24 октября появилось его известное обращение «Ко всем республиканцам Франции о парижском Обществе якобинцев». Признавая, что оставляет общество вопреки желанию, Бриссо, по сути дела, осуждает и саму его деятельность: «Время республиканца очень дорого, он лучше всех знает ему цену. Поверите ли вы... что люди, тщательно рассчитывающие свое время для самообразования, воспитания и поддержания семьи... добровольно согласятся ежедневно жертвовать тремя часами, чтобы выслушивать... доносы или отвратительные проповеди?»⁹². В январе 1793 г. Бриссо обвиняет своих врагов-«анархистов» в злоупотреблении доверием народа, в попытке подменить его суверенитет всевластием отдельных групп и толпы⁹³.

Таким образом, изменение отношения Бриссо к клубам очевидно. Если летом - осенью 1791 г. он готов видеть в них своего рода гарантию торжества революции и определенной политической стабильности, «уполномочивает» их обсуждать любые законы и действия администрации, то со второй половины 1792 г. рассматривает общества как существенный фактор дестабилизации, послушное орудие «анархистов». Для расширения представлений об этой эволюции было бы важно понять место прессы - одного из важнейших средств формирования и отражения общественного мнения - в системе функционирования «общей воли» по Бриссо.

Конечно, предложенными аспектами тема «Бриссо о государстве» далеко не ограничивается. Так, дальнейшее исследование должно неизбежно обратиться к взглядам Бриссо на роль государства в отношениях собственности. Тем не менее уже сейчас ясно: изучение подходов Бриссо к проблемам государственной власти, ее инструментам помогает в уточнении характера и периодов политической активности вождя Жиронды, способствует пониманию специфики того этапа революции, с которым связан его «звездный час».

Примечания

¹ Soboul A. La Civilisation et la Revolution francaise. P., 1982. T. 2: La Revolution francaise. P. 507.

² Люблинский П. И. Уголовно-правовая охрана частной собственности в период образования капитализма // Проблемы социалистического права. М., 1938. Кн. 3. С. 147, 150, 155-156, 159-160.

³ См.: Герцензон А. А. Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата. М., 1956. С. 84.

⁴ Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII в. М., 1962. С. 143, 145.

⁵ См.: Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. 1977.

⁶ McDonald I. Rousseau and the French Revolution 1762-1791. L., 1965.

⁷ Barny R. Les aventures de la theorie de la souverainete en 1789: (La discussion sur le droit de veto) // La revision des valeurs sociales dans la litterature europeene a la lumiere des idees de la Revolution francaise. P., 1970; *Idem*. Jean-Jacques Rousseau dans la Revolution // Dix-huitieme siecle. 1974. N 6.

⁸ Dorigny M. Les Girondins et Jean-Jacques Rousseau // Annales historiques de la Revolution francaise. 1978. N 234.

⁹ Chaumie J. Les Girondins // Actes du Colloque Girondins et Montagnards. Sorbonne, 14 decembre 1975. P., 1980. P. 33-34.

¹⁰ Barny R. Jean-Jacques Rousseau dans la Revolution. P. 83.

¹¹ Hampson N. Will and Circumstance. Montesquieu, Rousseau and the French Revolution. L., 1983.

¹² *Ibid*. P. 93, 96, 100, 105-106.

¹³ Brissot J. P. Memoires. P., S. a. Vol. 1-2.

¹⁴ Олар А. Политическая история французской революции: Происхождение и развитие демократии и республики, 1789-1804. М., 1938; Ellery E. Brissot de Warville: A study in the history of the French revolution. Boston; N. Y., 1915.

¹⁵ Un defenseur du peuple a l'Empereur Joseph II, sur son reglement concernant l'emigration, ses diverses, reformes, etc. Dublin, 1785; Seconde lettre d'un defenseur du peuple a l'Empereur Joseph II, sur son reglement concernant l'emigration, et principalement sur la revolte des Valaques, ou l'on discute a fond le droit de revolte du peuple. Dublin, 1785; Lettre a l'Empereur sur l'atrocite des supplices qu'il a substitues comme adoucissement a la peine de mort. Bruxelles, 1787. Через год все три письма были переизданы в книге «Un defenseur du peuple a l'empereur Joseph II» (Dublin, 1788); далее ссылки на письма даются по этому последнему изданию.

¹⁶ Premiere lettre... P. 15.

¹⁷ Бриссо называет Прайса «лучшим политическим писателем Англии» и ссылается в данном случае на его сочинение: Two tracts on civil liberty, the war with America and the debts and finances of the Kingdom: with a general introduction and supplement / By R. Price. L., 1778. (Ibid. P. 15, 18).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 21, 22.

²⁰ Seconde lettre... P. 22.

²¹ Ibid.

²² Correspondence sur ce qui interesse le bonheur de l'homme et de la Societe. L., 1782. Vol. 2, N 3. P. 150.

²³ Premiere lettre... P. 22.

²⁴ Бриссо сам был свидетелем событий 1782 г. в Женеве и посвятил им работу: Le Philadelphen a Geneve ou Lettres d'un Americain sur la derniere Revolution de Geneve... Dublin, 1783, а также многие страницы «Мемуаров» (Brissot J. P. Memoires. Vol. 1. P. 244-301).

²⁵ Brissot de Warville J. P. Notes Relatives au Plan de conduite pour les Deputes du Peuple aux Etats-Generaux de 1789. S. 1. 1789. P. 32 (Note sur les derniers troubles de Geneve).

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 245.

²⁹ Premiere lettre... P. 22.

³⁰ Brissot de Warville J. P. Precis adresse a l'assemblee generate des electeurs de Paris pour seryir a la redaction du cahier des doleances de cette ville. P. 1789. P. 7-8.

³¹ Brissot de Warville J. P. Notes Relatives au Plan de conduite... P. 32.

³² Brissot J. P. Discours sur la question de savoir si le roi peut etre juge, prononce a l'Assemblee des Amis de la Constitution dans la seance du 10 juillet 1791. P., S. a. P. 26.

³³ Brissot J. P. Recueil de quelques ecrits, principalement extraits du «Patriote Francais», relatifs a la discussion du parti a prendre pour le roi, et de la question sur le republicanisme et la monarchie. P., 1791. P. 13.

³⁴ Patriote Francais. 1792. 23 janv. P. 89.

³⁵ Ibid. 8 mars. P. 271.

³⁶ Archives Parlementaires de 1787 a 1860. Recueil complet des debate legislatifs et politiques des chambres francaises. Ser. 1: 1787 a 1799. P., 1895. Vol. 46. P. 263 (далее: AP).

³⁷ Ibid. 1896. Vol. 47. P. 647.

³⁸ Patriote Francais. 1789. 4 aout. P. 3.

³⁹ Brissot J. P. A tous les republicans de France, sur la Societe des Jacobins do Paris. P., 1792. Этот памфлет был переиздан Р.Эдвардсом и Т.Спилсбери в Лондоне в 1794 г. также на французском языке вместе с тремя выступлениями Бриссо по внешнеполитическим проблемам и его обращением к своим доверителям от 22 мая 1793 г. Цит. по последнему изданию (P. 169).

⁴⁰ Brissot J. P. De la marche des agitateurs // Chronique du mois. 1793. janv. P.46.

⁴¹ Chaumie J. Op. cit. P. 33, 34.

⁴² Premiere lettre... P.22-23.

⁴³ Lettres philosophiques sur St. Paul, sur sa doctrine politique, morale et religieuse et sur plusieurs points de la religion chretienne consideres politiquement. Traduit de Panglais par le philosophe de Ferney, et trouvees dans le porte-feuille de M. V., son ancien secretaire. Neuchatel, 1783; Brissot J. P. Memoires. Vol. 1. P.61.

⁴⁴ Lettres philosophiques... P.88-89.

⁴⁵ Ibid. P. 85.

⁴⁶ Premiere lettre... P. 23.

- ⁴⁷ Correspondance... Vol. 2. N 3. P. 149.
- ⁴⁸ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 109. 49 *Premiere lettre...* P.14.
- ⁴⁹ Ibid.. P. 57.
- ⁵⁰ Ibid. P. 61.
- ⁵¹ Ibid. P. 35.
- ⁵² *Patriote Francais*. 1789. 4 aout. P. 3.
- ⁵³ *Brissot J. P.* Recueil de quelques ecrits. P. 3.
- ⁵⁴ *Patriote Francais*. 1791. 5 sept. P. 278.
- ⁵⁵ Ibid. 5 oct. P. 407.
- ⁵⁶ *Chronique du mois*. 1792. Aout. P. 70-76.
- ⁵⁷ *Patriote Francais*. 1791. 5 sept. P. 277.
- ⁵⁸ *Brissot J. P.* A tous les republicans de France... P. 166.
- ⁵⁹ Мы не касаемся здесь такой темы, как место восстания во внешнеполитических замыслах Бриссо.
- ⁶⁰ *Brissot de Warville J. P.* Notes Relatives au Plan de conduite. . .; *Idem*. *Precis adresse a l'assemblee generate des electeurs de Paris*. . .
- ⁶¹ Об учредительной власти см.: *Roy C.* Du pouvoir constituant dans les differents constitutions de la France et dans les principales legislations etrangeres. Poitiers, 1893; *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Revolution et l'Empire. P., 1968.
- ⁶² *Gidney L. M.* L'influence des Etats-Unis d'Amerique sur Brissot, Condorcet et M-me Roland. P., 1930.
- ⁶³ *Brissot de Warville J. P.* Notes Relatives au Plan de conduite... P. 224.
- ⁶⁴ *Patriote Francais*. 1789. 1 aout. P. 2-3. (Declaration des droits preliminaires de la Constitution; reconnaissance et exposition raisonnee des droits de l'Homme et du Citoyen par M. l'abbe Sieyes. P., 1789. Juill.); *Brissot J. P.* *Memoires*. Vol. 2. P. 105-106.
- ⁶⁵ *Brissot de Warville J. P.* *Precis adresse a l'assemblee generale des electeurs de Paris...* P. 6-7.
- ⁶⁶ *Brissot de Warville J. P.* Notes Relatives au Plan de conduite... P. 241.
- ⁶⁷ Ibid. P. 245.
- ⁶⁸ *Brissot J. P.* Discours sur les Conventions, prononcee a la Societe des Amis de la Constitution, le 8 aout 1791. P., S. a., P. 1-3, 4.
- ⁶⁹ Ibid. P. 5, 6.
- ⁷⁰ Ibid. P. 15.
- ⁷¹ Ibid. P. 16, 17.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ *Sieyes E.* Qu'est ce que le tiers etat. P., 1789.
- ⁷⁴ *Brissot J. P.* Discours sur les Conventions... P. 18, 19, 22. Кондорсе, например, считал необходимыми и непериодические, и регулярные Конвенты: первые должны устранять злоупотребления, вторые - предотвращать их // *Patriote Francais*. 1791. 23 aout, (Цит. по: *Gidney L. M.* Op. cit. P. 108).
- ⁷⁵ Ibid. P. 23.
- ⁷⁶ Интересно, что Петион усматривал зачатки идеи Конвента у Солона, Мабли (мысль о специальной комиссии, занимающейся положением дел в правительстве - 8-е письмо «О правах и обязанностях гражданина») и Руссо (характеристика Трибуната в «Общественном договоре» - кн. 4, гл. 5). См.: *Petion 1.* Discours sur les Conventions nationales, prononce a la Societe des Amis de la Constitution, seante aux Jacobins, le 7 aout 1791. P., 1791. P. 31-33.
- ⁷⁷ Здесь не совсем понятно, ибо Петион говорил о 1800 г. как о желательной дате ближайшего Конвента. Согласно же решению Собрания, первый пересмотр конституции мог произойти не ранее конца 1801 г. См.: *Олар А.* Указ. соч. С. 205.
- ⁷⁸ *Brissot J. P.* Discours sur les Conventions... P. 23.
- ⁷⁹ *Brissot J. P.* Opinion sur la marche a suivre en examinant la question de la Decheance et les autres mesures. P., 1792. P. 8-9.
- ⁸⁰ AP. 1897. Vol. 52. P. 526.
- ⁸¹ Ibid.
- ⁸² *Brissot J. P.* Opinion sur les mesures de Police generate proposees par M. Gensonne. P., 1792. P. 5; *Idem*. Opinion sur la marche a suivre en examinant la question de la Decheance... P. 7-8.

⁸⁴ *Brissot J. P.* Discours sur le Proces de Louis, prononce a la Convention nationale le 1er Janvier 1793, 1'an deuxieme de la Republique. P., 1793. P. 2-14; *Idem.* Depute du departement d'Eure et Loire a ses commetans, sur la situation de la Convention Nationale, sur 1'influence des Anarchistes et les maux qu'elle a causee, sur la necessite d'aneantir cette influence pour sauver la Republique. P., 1793. P. 154-155 (ссылки приводятся по лондонскому изданию 1794 г.).

⁸⁵ *Brissot J. P.* Depute du departement. ... P. 130.

⁸⁶ На эту сторону деятельности Бриссо обращала внимание еще Э. Эллери - *Ellery E.* Op. cit. Ch. 7.

⁸⁷ *Ellery E.* Op. cit.; *Алексеев-Попов В. С.* «Социальный кружок» и республиканское движение 1791 г. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957.

⁸⁸ *Brissot J. P.* Discours sur l'utilite des Societes patriotiques et populaires, sur la necessite de les maintenir et de les multiplier partout. P. 1791

⁸⁹ *Patriote Francais.* 1791. 5 oct. P. 406-408.

⁹⁰ *Ibid.* P. 407.

⁹¹ *Ibid.* 28 oct. P. 495.

⁹² *Brissot J. P.* A tous les Republicans de France... P. 207.

⁹³ *Brissot J. P.* De la marche des agitateurs // *Chronique du mois.* 1793. Janv. P. 47.

Е. В. Киселева

**ПОЛИТИКА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ
в ОБЛАСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ
весной-летом 1794 года**

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

С победой народного восстания 31 мая—2 июня 1793 г. в Париже Великая французская революция вступила в высший этап развития, определяющей чертой которого было установление якобинской революционно-демократической диктатуры. Приход к власти якобинцев ознаменовал изменение принципов управления экономикой страны. Это событие обусловило переход от экономического либерализма, защищаемого жирондистами, к мерам государственного регулирования торговли и производства.

Рассмотрение экономической политики якобинской власти имеет первостепенное значение для определения ее природы. Принятый 29 сентября 1793 г. [закон о всеобщем максимуме цен на продовольствие и предметы первой необходимости](#), который лег в основу государственной регламентации, отразил стремление народных масс к социальной справедливости. В мероприятиях якобинского правительства отчетливо проявился уравнилельный характер. Советские историки, уделяя много внимания изучению движения крестьянства и городского плебейства, тщательно исследовали роль всеобщего максимума в продовольственной политике якобинцев¹. Н.М.Лукин, А.В.Адо показали сопротивление сельской буржуазии и зажиточного крестьянства введению твердых цен на зерно и продукты питания. Гораздо меньше изучался вопрос об отношении торгово-промышленной буржуазии к всеобщему максимуму цен². Между тем вмешательство якобинского Конвента в деловую жизнь страны представляет важную сторону его деятельности, без учета которой невозможно глубокое раскрытие социального характера революционного правительства. Исследование позиции буржуазии в якобинский период необходимо также для понимания сущности 9 термидора. В этой связи чрезвычайно важно показать в каком положении оказались собственнические слои накануне термидорианского переворота. В советской исторической науке экономическая политика якобинцев получила различное толкование. Г.С.Фридляндом, а затем и П.П.Щеголевым было высказано мнение, что в декретах Конвента в вантозе II года, смягчавших сентябрьское законодательство о максимуме в области промышленности и торговли, восторжествовала свобода капиталистического накопления³. Существует и другая оценка этих постановлений: Н.М.Лукин, К.П.Добролюбский, В.А.Дунаевский, А.З.Манфред, А.В.Адо, В.С.Алексеев-Попов, В.М.Далин⁴, указывая на ослабление системы максимума в вантозе II года и отмечая неудовлетворенность малоимущих и неимущих элементов города и деревни противоречивой политикой якобинцев, вместе с тем подчеркивают, что в их социально-экономическом курсе не произошло коренного поворота. Якобинская диктатура в основном и существенном продолжала оставаться революционно-демократической. По-иному подходит к этой проблеме В.Г.Ревуненков. Он считает якобинскую диктатуру властью буржуазного типа. По его мнению, в марте—апреле 1794 г. установилось единовластие буржуазии. Однако, говоря об ослаблении весной 1794 г. максимума, В.Г.Ревуненков отмечает, что «городской и сельской буржуазии, а также зажиточному крестьянству мало было тех мер по смягчению максимума на товары, которые Конвент декретировал после казни эбертистов. Этим классам нужна была полная ликвидация и максимума, и реквизиций, и всех прочих ограничений „свободы торговли“, мешавших им еще больше наживаться за счет трудового люда»⁵.

Во французской историографии политику государственной регламентации Конвента наиболее полно исследовал А. Матьез⁶.

Для нашей темы большое значение представляли также труды Ж.Лефевра и А.Собуля. Экономической обстановке II года Ж. Лефевр посвятил две статьи⁷, из которых ясно, сколь огромна была роль государства в регулировании производства и обмена. А.Собуль в труде «Первая республика» выпукло обрисовал основные черты управляемой экономики во II году. Перемены в социальной линии якобинцев он оценивает под углом зрения их взаимоотношений с санкюлотами, полагая, что к этому времени наметилась новая экономическая политика и одновременно увеличился разрыв между революционным правительством и народным движением. Однако А.Собуль отмечает, что вплоть до 9 термидора вмешательство государства в хозяйственную жизнь оставалось значительным. В отмене после термидора управляемой экономики II года проявился, по его мнению, социальный характер термидорианской реакции⁸.

Следует подчеркнуть, что в работах, затрагивающих в той или иной степени экономическую политику Конвента в последние месяцы якобинской власти, анализируются главным образом изменения, внесенные декретами в вантозе II года в сентябрьское постановление о всеобщем максимуме. Гораздо меньше историки интересовались вопросами, касающимися действия системы государственного регулирования в последние месяцы якобинской диктатуры на основе законодательства о всеобщем максимуме.

Е. В. Киселева

Мы рассмотрим вантозские законы якобинского Конвента о максимуме, функционирование режима регламентации революционного правительства в области торговли и промышленности с весны 1794 г. до термидорианского переворота. Но, прежде чем приступить к основной теме, остановимся на сентябрьском законодательстве, в которое вантозскими декретами были внесены поправки.

Весной 1793 г. под влиянием резкого повышения цен на хлеб и колониальные товары народное движение за таксацию цен на предметы первой необходимости приняло широкий размах. Решающую роль в нем играли плебейские массы, возглавляемые «бешеными», настойчиво добивавшимися с весны 1792 г. от жирондистского Конвента декретов против дороговизны. Поддержка якобинцами весной 1793 г. требования ограничения свободы торговли придавала наступлению масс открыто антижирондистский характер. Первым успехом в борьбе городских низов за максимум явился декрет Конвента от 4 мая 1793 г., устанавливавший твердые цены на зерно и муку. В ходе совместной борьбы якобинцев и парижских секций против жирондистов складывался блок якобинцев с плебейскими элементами города и деревни, что явилось важнейшей предпосылкой свержения Жиронды в ходе восстания 31 мая—2 июня 1793 г.⁹

Перелом в социальной политике якобинцев, как известно, произошел осенью 1793 г. Под энергичным натиском парижского плебейства, устроившего грандиозную манифестацию 4—5 сентября, в которой активное участие приняли строительные рабочие и ремесленники, якобинский Конвент принял 11 сентября закон единых твердых цен на зерно, муку, фураж, а 29 сентября — декрет о всеобщем максимуме на предметы первой необходимости.

Максимум, введенный якобинцами, существенным образом отличался от таксации при Старом порядке. Требование установления принудительных цен было основным лозунгом народных волнений, постоянно вспыхивавших во Франции на всем протяжении XVIII в. Однако до революции восставшие выступали за частичное нормирование цен в отдельных местностях — на пшеницу, хлеб, муку. В сентябрьском законодательстве Конвента ярко воплотились эгалитаристские идеалы народных масс, их стремление к вмешательству государства в социально-экономические отношения¹⁰. Впервые во время якобинской диктатуры борьба плебейства за изобилие и дешевизну продовольствия увенчалась установлением всеобщего контроля над обращением товаров на территории всей республики.

По закону от 29 сентября максимум распространялся на большинство продуктов питания, а также на древесный и каменный уголь, дрова, свечи, кожу, железо, чугун, олово, сталь, медь, пеньку, на ткани, мыло, табак.

Распространение максимума цен на промышленные изделия, сырье действительно диктовалось экономической обстановкой. С конца 1791 г. положение промышленности стало ухудшаться. В основе спада производства лежал кризис, переживаемый сельским хозяйством. «Революция, — писал Э.Лабрусс, — знала только один год „экономического мира”¹⁰, начавшийся в июле 1790 г. и продолжавшийся до середины 1791 г. Упадок приходился на конец Старого порядка, примерно на 1778—1787 гг. Кризис, разразившийся после короткой передышки, достиг своей высшей точки в 1789 г. и длился всю первую половину 1790 г. Хороший урожай вновь оживил экономику во втором полугодии 1790 г. благодаря деловой активности, наблюдавшейся в начале инфляции. Такое положение сохранялось до начала 1791 г. Но эта новая передышка была очень кратковременной. Отрицательное воздействие на экономику неурожая, явившегося основным фактором болезненных явлений, усугубилось инфляцией, которая, порождая обстановку неустойчивости внутри страны, утечку капиталов, привела осенью к экономическим затруднениям»¹¹. Трудности, испытываемые экономикой в течение всего 1792 г., переросли весной 1793 г. в кризис, поставивший под угрозу судьбу республики¹². Инфляция, особенно усилившаяся с началом войны весной 1792 г. против европейских монархов, отражалась на состоянии всех секторов экономики. В Монтобана в июне 1793 г. по сравнению с 1790 г. цены на железо поднялись на 60%, на шерсть и шелк удвоились. Еще значительно возросли цены на кожу, лес, свечи, а также на уголь и дрова¹³. Дороговизна, падение стоимости ассигнатов ставили улучшение экономического положения в строгую зависимость от того, удастся ли государству сдержать спекулятивную стихию. Разрешение продовольственного и экономического кризиса являлось осенью 1793 г. одним из главных условий успешного ведения войны с европейскими монархиями, а следовательно, и победы революции.

В критический для республики момент якобинцы почувствовали неотложность принятия чрезвычайных мер. Барер 11 брюмера (1 ноября) в Конвенте обвинял департаментские власти в защите экономической свободы: «Мы видим, — говорил он, — как департамент, отстаивающий принцип, пригодный для мирного времени, считает гибельным закон о максимуме»¹³. Введение твердых цен он мотивировал чрезвычайным вздорожанием продовольствия, а также «внезапной и опасной дороговизной предметов первой необходимости». Таксация, по его мнению, являлась преградой «против потока преступных спекуляций крупных собственников, против жадности торговых капиталистов. «Среди этих бедствий, — продолжал Барер, — законодатель не может не признать необходимость установить в первую очередь максимум на продовольствие и зерно»¹⁵. Сен-Жюст обосновывал, в частности, связь между установлением временного революционного правительства до заключения мира и введением максимума: «Сила обстоятельств, — заявил он, — делает таксацию неотложной»¹⁶. Проведение закона о всеобщем максимуме потребовало от Комитета общественного спасения решительного вмешательства в экономическую сферу. Сопrotивление имущих слоев ограничительной политике правительства заставило его регламентировать торговлю и производство, прибегать к реквизиции, сосредоточить в своих руках всю внешнюю торговлю. Созданная в октябре 1793 г. Центральная комиссия продовольствия получила право распоряжаться всеми продовольственными запасами, промышленными изделиями, сырьем, вести импорт и экспорт республики.

В конце февраля 1794 г. Конвент принял декреты, изменявшие сентябрьское законодательство о твердых ценах. Эти декреты повлияли на экономическую политику якобинцев весной и летом этого года¹⁷.

Закон от 29 сентября 1793 г. предписывал дистриктам фиксировать цены по месту продажи товаров без учета расходов по их перевозке и выручки розничных и оптовых торговцев. Такой " принцип исчисления цен вызвал критику якобинцев. Комиссар Конвента Альбит сообщал в октябре из Лиона: «Он (максимум. — *Е.К.*) задуман таким образом, что торговец в розницу не может иметь даже честную прибыль и потому больше не закупает продукты и прекращает торговлю»¹⁸.

Робеспьер также считал одним из недостатков сентябрьского максимума то, что он не предусматривал вознаграждение мелких торговцев. В записной книжке он пометил: «Установить цены на товары оптовых торговцев таким образом, чтобы и розничный торговец мог продавать»¹⁹. Нормирование цен на товары дистриктами повлекло большой разницей в стоимости одних и тех же продуктов в различных районах страны. Многие товары исчезли из обращения, поскольку торговцы, естественно, предпочитали везти их в те места, где максимум был выше. Уже 11 брюмера II года (1 ноября 1793 г.) Барер от имени Комитета предложил Конвенту декрет, пересматривающий закон о таксации²⁰. Центральной комиссии продовольствия поручалось унифицировать максимум по всей стране и составить единую таблицу цен на товары по месту их производства. Эта грандиозная работа была закончена к вантозу II года.

Обсуждение новых статей максимума проходило в Конвенте 3—6 вантоза (21—24 февраля). В отличие от сентябрьского постановления закон был смягчен. Твердые цены устанавливались, как и по декрету от 29 сентября, на одну треть выше средней цены 1790 г. Но теперь в соответствии с декретом от 11 брюмера розничным торговцам полагалась прибыль в размере 10%, оптовым 5%. Конвент отклонил инструкцию Центральной комиссии продовольствия об общей таблице максимума от 6 вантоза, по которой прибыль оптовым и розничным торговцам исчислялась из стоимости товаров без включения расходов по перевозке. Хотя Барер признал, что издержки на перевозку составляли зачастую четверть и даже треть цены товаров, тем не менее он настоял на том, чтобы они входили в стоимость товаров²¹. Такой принцип определения стоимости был выгоден продавцам. Образование в апреле 1793 г. Комиссии торговли и снабжения и Комиссии земледелия, ремесел и мануфактур вместо Центральной комиссии продовольствия должно было подчеркнуть намерение правительства отныне больше уделять внимания нуждам торговли и промышленности. Об ослаблении режима максимума в пользу деловой буржуазии заявил в Конвенте 26 жерминаля (15 апреля) Сен-Жюст, объявивший условием возрождения изобилия восстановление гражданского доверия²².

Весной 1794 г. Комитет расширяет внешнеэкономические связи, привлекая торговцев к участию в экспорте. Об этом возвестил в Конвенте Барер, утверждая, что «не следует рождающейся республике изолировать себя и отказываться от всех торговых сношений»²³. До этого времени с ноября 1793 г. внешнюю торговлю осуществляла Центральная комиссия продовольствия. Отныне Комитет обращался к торговцам с просьбой «употребить свой опыт, чтобы содействовать производству продуктов и товаров, в которых нуждается республика, и экспортировать их излишки»²⁴. Разрешая импорт и экспорт частным лицам, правительство хотело увеличить ввоз в страну продуктов и сырья, в которых оно остро нуждалось.

Первым шагом Комитета — в целях оживления внешней торговли — было постановление 21 вантоза (11 марта) о снятии эмбарго с товаров, находившихся во французских портах с августа 1793 г. на судах, принадлежавших купцам из нейтральных стран. В постановлении говорилось и о возмещении собственникам понесенных ими убытков²⁵. 23 вантоза (13 марта) последовал декрет, позволивший купцам крупных приморских портов Марселя, Бордо, Нанта, Ла-Рошели, Сан-Мало, Гавра, Дюнкерка вывезти колониальные товары и предметы роскоши в количестве, указанном в этом постановлении²⁶. Так, бордоские негоцианты могли вывезти на 4 млн ливров вина, водки, на 8 млн — кофе, на 2 млн — предметов роскоши²⁷.

Чтобы облегчить проведение операций, Центральная комиссия продовольствия отзывала своих агентов, посланных за границу в ноябре 1793 г. в качестве посредников при заключении сделок: они уступали место представителям коммерческих агентств, образованных в крупных торговых центрах.

В агентства вошли местные негоцианты, «честность и осведомленность которых, по мнению Комиссии, заслуживают доверие республики и которые более сведущи в делах, полезных торговле»²⁸. Комиссия призывала агентства «употребить все средства для создания атмосферы доверия, а также побуждать торговцев и фабрикантов к их обычным занятиям и к заключению торговых сделок»²⁹. В Марселе начиная с вантоза развивает деятельность агентство стран Африки, осуществлявшее торговлю с оставшимися колониями Франции на этом материке. В условиях войны правительство активизировало торговлю с нейтральными странами. Комиссия разрешила создание в Бордо Комитета нейтральных стран и передала ему право на внешнюю торговлю. Весной—летом II года упрочивались экономические связи с Североамериканскими штатами, Гамбургом, Данией, Швейцарией (Базелем, Женевой), Голландией и Генуей³⁰. Установление большей свободы в торговле соответствовало желанию крупной торгово-промышленной буржуазии, понесшей колоссальные убытки из-за сосредоточения внешней торговли в руках правительства. Выступая в Конвенте 11 марта, Барер откровенно говорил о тех преимуществах, которые сулит буржуазии возобновление торговых сделок: «...наличие запасов продуктов питания и промышленных изделий, превышающих нужды страны, окажется губительным для собственников, если экспорт не будет разрешен»³¹.

Наряду с расширением внешнеэкономических отношений Конвент смягчил действие сентябрьского законодательства, касавшегося промышленности. В условиях застоя производства, дороговизны, недостатка сырья, низкого курса ассигнатов часть буржуазии была заинтересована в регламентационной политике Конвента. **Уже Учредительное и Законодательное собрания отступили от строго либеральных принципов, чтобы воспрепятствовать росту цен на сырье и обесценению ассигнатов.** Так, Законодательное собрание в феврале 1792 г. временно запретило экспорт зерна, шерсти, пеньки и хлопка. Как верно отметил А.Матьез, это решение свидетельствовало о том, что не одни только потребители, но и часть промышленников искали в государственной регламентации средство спасения³². Однако всеобщий максимум нанес удар многим предприятиям, которые еще как-то могли преодолевать трудности из-за недостатка сырья. Протоколы Комитета земледелия и торговли Конвента содержат многочисленные упоминания о петициях промышленников, сообщавших о потерях, понесенных ими в результате введения максимума³³. Объявление о максимуме взволновало фабрикантов полотняной промышленности в Вуороне и Мансе, опасавшихся снижения цен. В плювиозе II года дистрикт Изер доносил, что большинство предпринимателей предпочитает бездействовать из-за боязни разорения в результате уменьшения цен на холст³⁴. Ослаблением системы максимума правительство хотело поощрить фабрикантов, прекративших производство, возобновить деловую активность. По докладу Сен-Жюста 26 жерминаля Конвент принял декрет о предоставлении им субсидий³⁵. В центре внимания правительства оказалось производство предметов роскоши, в основном на экспорт. В прериае Комитет общественного спасения предложил Комитету торговли и земледелия Конвента разработать проект закона о восстановлении этой отрасли в Лионе³⁶.

Поддерживая промышленность, выпускавшую предметы роскоши, Комитет освободил производство дорогих тканей — батистовых, муслиновых, газовых, кружевных и шелковых, изделия из слоновой кости, черепахового панциря, перламутра и т.п. от максимума³⁷. Отныне на них устанавливались свободные цены. В некоторых случаях Комитет поднимал цену на товары и сырье по сравнению с вантозскими таблицами максимума.

Так, он повысил цены на мыло, изготавливавшееся в мыловарнях Марселя, Тулузы³⁸, на бумагу — в дистриктах Амбер и Тьер³⁹, на сукно — в Лодеве, Каркассоне, Эльбефе, на шерсть — в Мортане, на булавки — в Рюгле⁴⁰, на железо — в Дарней и на уголь, добываемый на шахте Бланзи⁴¹. Повышая по просьбе фабрикантов Лилля на 10% стоимость крученой пряжи в этом городе, Комитет распространил это увеличение по всей республике⁴². Летом II года он зафиксировал цену на ряд товаров, не включенных в максимум, на льготных для промышленников условиях. В июне, введя твердые цены на бочки, он рекомендовал национальным агентам брать за основу определения максимума самую высокую цену, когда-либо бывшую на бочки с 1785 г. по 1792 г.⁴³

Изменения в применении всеобщего максимума сочетались с ослаблением контроля за его исполнением. Торговцам было разрешено закупать продукты в других коммунах. Особенно большие льготы предоставлялись мелким собственникам. Декрет от 12 жерминаля (1 апреля) освобождал розничных торговцев от обязанности оставлять декларации о наличии товаров⁴⁴. Одновременно Конвент отменил ряд репрессивных мер против нарушителей максимума.

В жерминале была упразднена должность комиссаров по борьбе со спекуляцией, распущена парижская революционная армия, смягчен закон 27 июля 1793 г. о спекуляции.

Декреты Конвента весной 1794 г. носят двойственный, противоречивый характер. Они меньше, чем сентябрьское законодательство, защищали интересы малоимущих и неимущих слоев, представлявших наиболее массовую силу в широком движении за таксацию. Смягчение наказаний за нарушение закона о максимуме ослабляло надзор за его соблюдением в тот момент, когда простой люд, страдавший весной 1794 г. от острого недостатка продовольствия, требовал усиления борьбы со спекулировавшей буржуазией. В петиции Конвенту 23 февраля 48 парижских секций настаивали на строгих мерах против скупщиков⁴⁵. Новые таблицы максимума, повышавшие твердые цены, плебейство Парижа встретило с разочарованием. Полицейские наблюдатели сообщали о жалобах простого люда на дороговизну продуктов. «Те, кто живет своим трудом, — говорилось в донесении, датированном вантозом, — убеждены, что закон задуман в пользу торговцев и ничего не дает народу. Торговцы гораздо меньше возмущаются новыми расценками, чем во времена первого (сентябрьского. — Е.К.) максимума»⁴⁶. Именно в это время якобинцы начали строго следить за соблюдением максимума зарплаты. Вантозские декреты оставляли его прежним. Как и по закону 29 сентября, твердые ставки зарплаты увеличивались вдвое по сравнению с уровнем 1790 г. В жерминале революционное правительство казнило эбертистов, использовавших в своей политической агитации требования парижских секций о неуклонном применении таксации. Для политики якобинцев этого периода характерно преследование секционных обществ, что уменьшало активность плебейских масс, бывших самой надежной их опорой в осуществлении регламентации.

Отступив от жесткого курса в проведении всеобщего максимума, намечавшегося при его введении в сентябре 1793 г., якобинский Конвент пошел лишь на известные уступки собственникам. В целом Комитет продолжал политику государственного регулирования и торговли и производства. Весной он вел борьбу с дантонистами, вокруг которых группировались представители новой буржуазии, стремившиеся ликвидировать «стеснительные» меры и прекратить террор.

Экспорт колониальных товаров и предметов роскоши, разрешенный купцам, осуществлялся под контролем правительства. Сделки могли заключаться лишь с ведома Комитета. Он был последней инстанцией, куда Комиссия торговли и снабжения представляла все материалы, касавшиеся внешней торговли, поступавшие от коммерческих агентств. Поскольку к маю 1793 г. в Бордо, Марселе, Нанте, Париже и других городах экспортные поставки в объеме, предусмотренном постановлением от 23 вантоза, еще не были выполнены, Комитет в особом указе подчеркивал что если продажа этих товаров не нуждается ни в каком дополнительном разрешении, то на заключение новых сделок необходимо его согласие⁴⁷.

Якобинское правительство лишало купцов возможности свободно владеть ввозимыми товарами. Весь импорт находился в распоряжении Комиссии торговли и снабжения, которая могли реквизировать по ценам максимума необходимые республике товары⁴⁸. По приказу Комитета в портах — Бордо, Рошфор, Ла Рошель, Нант, Лориан, Брест, Мало, Шербур, Гавр, Дьепп, Кале Дюнкерк, Марсель — бюро таможен и торговые агентства ведали учетом продукции, предназначенной на продажу за границу Агентства требовали предъявления декларации с подробным перечислением экспортируемых товаров, их качества и количества с указанием пункта назначения. Все эти декларации пересылались ежедневно в Париж в Торговое агентство. Если обнаруживалась контрабанда, то она конфисковывалась. За разрешение продажи товаров за границу негоцианты вносили аванс государству в валюте той страны, с которой они вели торговлю. За право импорта они обязаны были экспортировать товары на ту же сумму⁴⁹. Правительство отнимало у купцов значительную часть прибыли — две трети валюты, выручаемой от торговли⁵⁰. В июле парижский купец Сеполина получил разрешение вывезти в Женеву предметы роскоши на сумму 30 млн золотом - при условии, что две трети вырученных им денег он передаст Комиссии торговли и снабжения⁵¹. Упразднение Конвентом в августе 1793 г акционерных компаний серьезно затрудняло торговые операции. На основании доклада Сен-Жюста 26 жерминаля был утвержден окончательный декрет об упразднении Ост-Индской компании. В первом же пункте декрета говорилось, что финансовые общества упразднены Банкирам, купцам и другим лицам запрещалось основывать учреждения подобного рода⁵². Крайне невыгодным для торговцев было сохранение максимума. Покупка ими товаров на внешнем рынке за звонкую монету и продажа их по нормированным ценам грозили им разорением.

Конвент по-прежнему рассматривал всеобщий максимум как законодательство, регулирующее экономическую жизнь. За исключением производства предметов роскоши, твердые цены сохранялись во всех отраслях промышленности. Увеличив на 10% расценки на холст, Комитет, однако, не освободил от максимума эту промышленность. Е.В.Тарле справедливо заметил по этому поводу: «отменить закон о максимуме для всей этой отрасли нельзя было так легко, как это было сделано относительно батистовых и тому подобных материи. Здесь это означало бы сдачу на капитуляцию, ибо, освободив холст от максимума, не было бы никакого основания сохранять этот закон для шерстяных, кожаных изделий, для съестных припасов и т.д.»⁵³ Комитет издал постановление, закреплявшее применение максимума для промышленных изделий, вновь включаемых им в таблицу твердых цен. Определяя свою политику как покровительствующую национальному производству и выражая самые оптимистические надежды на возрождение мануфактур, призванных в будущем стать «образцом для Европы», он распространял максимум на ткани мануфактуры де Сане, не вошедшие в вантозские таблицы⁵⁴. Как уже говорилось, на некоторые товары Комитет устанавливал цены выше зафиксированных в вантозских таблицах максимума. Но повышение цен проводилось им в определенных пределах. Новые цены на товары закреплялись в таблицах. Часто исключение из таблицы какого-либо товара было временным, что и отмечалось в соответствующих постановлениях. На скобяные товары коммуны Арм(департамент Сент-Этьен) максимум отменялся временно на два месяца⁵⁵. Цены на булавки, изготавливаемые в Рюгле, повышались также лишь на два месяца⁵⁶. Правительство удовлетворяло не все просьбы дистриктов, муниципалитетов и частных предпринимателей о пересмотре максимума. Мастера Орлеана, изготавливавшие замшу, а также сапожники, торговцы железом, виноделы обратились через муниципалитет в Комитет с просьбой изменить максимум на свою продукцию, но не получили ответа⁵⁷.

Реквизиции, проводимые правительством по ценам максимума, значительно урезали свободу предпринимателей. В то время как в частной торговле находилось множество путей для обхода закона о максимуме, в промышленности, где проводились реквизиции, уклониться от закона было труднее. До весны 1794 г. правом реквизиции пользовались власти дистриктов, муниципалитетов. В плювиозе II года Конвент принял декрет, по которому только центральные власти — Комитет общественного спасения, Комиссия продовольствия и снабжения, а после ее роспуска Комиссия торговли и снабжения могли осуществлять реквизиции промышленных предприятий. Лишение местной администрации права проводить реквизиции сократило их число. Однако правительство, сохранив за собой реквизиционное право, широко им пользовалось. Чтобы поддержать устойчивые цены на готовую продукцию, оно прилагает огромные усилия по обеспечению фабрикантов сырьем посредством реквизиций, производимых Комитетом по расценкам максимума. Распоряжения Комитета, Центральной комиссии про довольствия, а затем Комиссии торговли и снабжения раскрывают эту сторону деятельности якобинского Конвента. Ежедневно на заседаниях Комитета и его Комиссий по докладам Комиссии вооружения и пороха, администрации по экипировке и снабжению обмундированием армии, а также на основе петиций, исходящих от местных властей, принимались решения о реквизициях сырья различных промышленных товаров. На заседании 21 жерминаля (10 апреля) Комиссия продовольствия и снабжения приказала департаменту Сена и Уаза поставить кожевнику Ори в Париже выделанную кожу Дистрикт Ла-Монтань-дю-Бон Эр (бывший Сен Жермен-ан Лэ, департамент Сена и Уаза) обеспечивал сырьем Дельпона, подрядчика по поставке военных фуражек. Этому же подрядчику дистрикт Лилль выделял из реквизиций оливковое масло, дистрикт Шартр отправлял кожу кожевнику Дюпону в Париже, департаменты Па-де Кале и Нор по требованию администрации поставляли жир для смазывания оружия. Дистрикт Гренобль изготовлял для дистрикта Аннеси саржу в количестве, необходимом для подкладки на 200 мундиров⁵⁸. Для снабжения кожевников Восточных департаментов, обеспечивавших сырьем шорников, обязанных снаряжать кавалерию рейнской и мозельской армий, Комиссия продовольствия распорядилась реквизировать все дубы старше 20 лет для поставки им дубовой коры. Были также реквизированы оливковое масло, жир, обезжиривающие вещества в департаментах Мерт, Мозель, Нижний Рейн, Вогеzy, Верхняя Сона для кожевенного производства. П.Эрве, шорник из Парижа, получил право купить у торговцев в Париже 300 фунтов венгерской кожи⁵⁹. По просьбе дистрикта Баньер (департамент Верхние Пиренеи) дистрикт Аржелес, выполняя приказание Ко миссии, заготавливал 160 квинталов шерсти для суконных мануфактур в Баньере⁶⁰.

Получив известие, что мануфактура в Сен-Флур, изготавливающая ящики для хранения зарядов, нуждается в железе, Комиссия реквизировала продукцию железоделательного завода в Невере⁶¹. По требованию администрации обмундирования были реквизированы холст, сукно, пенька, холщевые мешки⁶². Особенно строгому контролю и регулярным реквизициям подвергались центры, широко пользовавшиеся помощью государств. Когда сапожники Монтобана потеряли из-за войны рынок импортной кожи в Бордо, Комитет разрешил муниципалитету города реквизиции кожи у мясников, обслуживающих армию в Перпиньяне. Комиссия продовольствия потребовала от муниципалитета Монтобана предельно поднять кожевенное дело. Были созданы новые центры по отправке в Монтобан сырья — кожи, жира, дубовой коры, и налажена перевозка готовой продукции. Поддерживая в Монтобана кожевников, правительство подчинило эту отрасль контролю Комитет возлагал на муниципалитет города учет кожи и осуществление реквизиции. По распоряжению комиссара Конвента Пине все изделия сапожников дистриктов в округе армии Западных Пиренеев подлежали реквизиции.

Выделанная дубильщиками Монтобана кожа покупалась государством и перевозилась для хранения на национальный склад. В начале II года в связи с под готовкой к весеннему наступлению на фронте реквизиции в дистрикте Монтобан проводились особенно часто.

Революционное правительство не ограничилось только контролем над промышленностью и снабжением сырьем предпринимателей. Оно национализировало некоторые заводы, а сборка ружей, пистолетов была национализирована полностью.

Убежденный сторонник частной инициативы Л.Карно все же был вынужден признать, правда, с большими оговорками, целесообразность этих шагов правительства. В сентябре 1793 г. он писал Лежандру по поводу национализации ружейных мастерских: «Вы говорите, что не одобряете национальные предприятия... Мы так поступаем не потому, что это источник большого процветания, а чтобы избежать воровства. Если бы не воровство и хищение, мы бы очень скоро покончили с национальными мастерскими»⁶⁴.

Парижские национальные оружейные мастерские превратились в главный арсенал республики. Признавая широкое распространение национальных мануфактур, Карно отмечал «Центром национальных мастерских является Париж, но от него отходят ответвления во все части республики. Сырье и заготовки прибывают из всех департаментов»⁶⁵. Производство национальных мануфактур возрастало в течение всего II года. В мессидоре было собрано 10483 ружья, в термидоре 13110 и во фрюктидоре 18606⁶⁶.

Сколь была велика роль национальных мануфактур в производстве ружей, видно из доклада Гитона Морво в Конвенте в III году, когда усилились требования термидорианцев их ликвидации и передачи частным владельцам. Докладчик, в частности, сообщил, что, несмотря на трудности в снабжении сырьем, национальные мастерские в Париже поставили с фримера II года по нивоз III года 145630 ружей и пистолетов⁶⁷. Из многих мест в Конвент поступали сведения о том, что предприятия, владельцы которых эмигрировали или оставили свои фабрики в бездействии, национализированы местными властями. В департаментах Шер, Алье, Ньевр, Верхняя Сона, Кот д'Ор и Верхняя Марна, а также в провинциях, расположенных недалеко от Парижа, были переданы в руки нации многие железоделательные заводы⁶⁸. Вместе с тем революционное правительство широко обращалось и к частным предпринимателям. К.Ришар в работе, посвященной военному производству в период революции, рассказывая о большой роли в нем национальных мануфактур, отмечает, что Конвент в то же время покровительствовал и промышленникам⁶⁹. Революционное правительство не национализировало рудники и шахты, Комиссия вооружения и пороха помогала фабрикантам вновь создавать мануфактуры и восстанавливать старые предприятия. Во время якобинской диктатуры зарождаются новые отрасли производства и новые типы предприятий. Хорошо известно, что именно якобинский Конвент и его комиссары были сторонниками внедрения передовых технологических процессов. Правительство поддерживало мануфактуры, применявшие наиболее совершенные методы технологии. Примерами неукротимой деятельности комиссаров Конвента могут служить миссии Ж.Ромма, К.-Ж.Ферри, Э.Дейдье. В департаментах Дордонь, Шаранта, Верхняя Вьенна. Ж.Ромм на базе мелких предприятий создавал крупные заводы, связанные друг с другом. Так, чугуноплавильные заводы прикреплялись им к определенному пушечнолитейному предприятию⁷⁰. К.-Ж.Ферри превратил предприятия, принадлежавшие до революции заводчику Оберто во Вьерзоне (департамент Эндр), в настоящий арсенал республики, вооружавший ее армии. Э.Дейдье отличился энергичными мерами в промышленном центре Брейтель в департаменте Эр, где при его участии создавались новые литейные заводы⁷¹.

Быстрыми темпами расширялось литье пушек в департаментах Ньевр, Алье, куда Комитет направил в миссию Н.Пуэнта. В.С.Виргинский в обстоятельном исследовании о состоянии горно-металлургического производства Франции во второй половине XVIII в приводит данные о росте числа чугунолитейных заводов во II году. В конце 1793 г республика располагала четырьмя чугунолитейными заводами, к термидору действовало уже 16 заводов. Если учесть предприятия, пущенные в III год, но строительство которых началось в якобинский период, увеличение числа заводов будет еще более разительным. К III году в республике уже насчитывалось 30 крупных, хорошо оборудованных пушечнолитейных заводов⁷², многие из которых не были национализированы, их возглавляли предприниматели капиталистического типа.

Поборником расширения частного промышленного капитала выступал Л.Карно. Крупный военный деятель, прославившийся организацией обороны республики, он вначале занимал место в Конвенте среди Равнины и в борьбе Горы и Жиронды поддерживал последнюю. Подобно Ж.Камбону и Р.Ленде, Л.Карно был представителем крупной буржуазии, покинувшей Жиронду после того, как выявилась ее неспособность добиться решающих успехов в войне, и опасавшейся в связи с этим поражения республики. Считая жесткие меры необходимыми для отражения наступления коалиции, Карно перешел на сторону якобинцев, но его идеалы общественной жизни остались близкими к жирондистским. В разнородном якобинском блоке общее руководство социально экономической политикой принадлежало, бесспорно, робеспьеристам, но то обстоятельство, что непосредственно политическая власть находилась также в руках умеренных монтаньяров, таких, как Л.Карно, Ж.Камбон, Р.Ленде, не разделявших программы робеспьеристов, отчасти объясняет внутреннюю противоречивость социального курса якобинской диктатуры⁷³. Карно старался не допустить национализации мануфактур. Особенно он противился передаче в руки нации промышленных предприятия. По его инициативе Комитет отверг просьбу дистрикта Отен, где были расположены заводы Крезо, о национализации этого крупнейшего металлургического центра «Интересы республики и самого предприятия, — утверждал Карно в ответном письме администрации дистрикта Отен, — требуют мер, обратных предложенным. Комитет будет руководствоваться лишь единственным принципом в этом отношении. Ни одно промышленное предприятие не должно содержаться за счет республики, необходимо, чтобы все были сданы в аренду»⁷⁴. Правительство отказалось национализировать пошивочные мастерские Монтобана и не дало согласия на организацию национальных мануфактур в Лионе. Комитет отменил постановление местных властей о национализации плавильных печей в Эндре, в Альби и Сен-Жюери⁷⁵. Однако ограничительная тенденция ясно проступает в политике Комитета по отношению к промышленникам. Преследуя цель подчинить производство потребностям защиты республики от неприятельских армий, правительство регламентирует работу заводов, реквизирует готовую продукцию по твердым ценам, сдерживая стеснительными мерами свободу предпринимательства. Близость Рейнской армии побуждала Комитет заботиться о росте могущества заводов Крезо, первого арсенала республики. Комитет назначил повышенный максимум на пушки, отлитые в Крезо, с учетом высокой стоимости отливки и угля, привозимого из отдаленных мест⁷⁶. Снабжая управляющего Крезо Рамю всем необходимым для производства, он в то же время реквизирует всю продукцию предприятия Крезо. Центр производства стали в Кленгантале был также поставлен под надзор правительства. В сентябре 1793 г. представитель К.-Ж.Ферри сообщил в Комитет о свертывании на нем производства оружия. Из-за продовольственного кризиса многие рабочие уходили в сельскую местность в поисках пропитания. Комиссары при Рейнской армии пытались активизировать работ мануфактуры. Комитет приказал Комиссии вооружения и пороха употребить все имеющиеся средства, чтобы утроить изготовление холодного оружия на этом предприятии⁷⁷.

Правительство регламентирует работу предприятия Дофине, одного из крупнейших центров промышленности, превратившегося благодаря мерам Конвента в центр снабжения армии в Альпах. Комитет общественного спасения, Комиссия торговли и снабжения, комиссар Конвента Альбит, назначенный в апреле 1793 г в армию в Альпах и находившийся при ней до весны 1795 г., местные власти активно вмешивались в деятельность предприятия, следили за текстильной и кожевенной промышленностью, производили учет и реквизицию⁷⁸.

Мы уже говорили о том, что часть предпринимателей надеялась с помощью правительства наладить производство. Многочисленные петиции фабрикантов с просьбой помочь им в налаживании работы мануфактур, снабжении сырьем, обеспечении транспортом, доставке продовольствия рабочим говорят о том, что смягчение максимума отвечало их желанию использовать поддержку Комитета в своих делах⁷⁹. На примере шахты Литтри Ж.Лефевр показал, что спекуляция и обесценение бумажных денег делали невозможной ее работу. Управляющий шахтами Литтри Ноель постоянно прибегал к помощи муниципалитета и комиссаров Конвента, производивших реквизиции в его пользу. Судя по его отчетам, шахта увеличила разработку каменноугольных копей. Ее владельцы не несли убытков и даже получали некоторую прибыль. В отчете в июне 1794 г. Ноель заверял предпринимателей, что дела идут хорошо⁸⁰. В Монтобана пошивочные мануфактуры фабрикантов Ревелат, Рашу, находившиеся под наблюдением Комитета, работали интенсивно и обеспечивали армию всевозможной одеждой⁸¹.

Однако, несмотря на кажущееся благополучие тех отраслей, в восстановлении которых нуждалась республика, вся система регулирования задевала интересы собственников. Распределение государством сырья по низким ценам максимум не окупали потери фабрикантов, поскольку прибыль, которую они могли бы получить, сильно урезалась и ограничивалась реквизициями и максимумом. Упомянутый нами управляющий шахтами Литтри Ноель, получая помощь властей, в то же время старался всеми способами избегать максимума. Он неоднократно требовал повышения расценок на уголь и посылал петиции в Конвент, но Комиссия продовольствия и снабжения не удовлетворяла его просьб⁸². Недовольство Ноеля вызывалось тем обстоятельством, что условия производства не позволяли беспрепятственно увеличивать добычу угля. Отсутствие кредита исключало переоборудование шахт, нехватка рабочих рук, продовольственный кризис — все это создавало непреодолимые трудности в расширении дела. Сапожники дистрикта Изер жаловались на разорительность реквизиций: «Мы не являемся более, — писали они в Конвент, — хозяевами своего труда и продуктов и несем потери в деньгах, товарах, чтобы отдать реквизиции и оказать помощь насущным потребностям армии. Вознаграждением за наше рвение и покорность служит ужасная нищета, царящая в наших семьях». Подобные жалобы в провинции Дофине в мессидоре и термидоре множились. В термидоре дубильщики Вьенны заявляли, что они разоряются, продавая государству за 72 ливра такое количество кожи, которое при благоприятных обстоятельствах, т.е. при покупке сырья и оплаты рабочим по максимуму, обходится в 91 ливр⁸⁴.

Владельцы мануфактур с враждебностью относились к максимуму, реквизициям еще и потому, что государство не обеспечивало их сырьем в достаточном количестве. Даже предприятиям Крезе, отличавшимся активностью, угрожала остановка из-за нехватки масла и жира⁸⁵. Недостаток сырья был одной из причин спада производства во многих отраслях промышленности⁸⁶.

На многих мануфактурах провинции Дофине дела шли плохо. Во Вьенне число ткачей сокращалось из-за нехватки шерсти и масла, и фабриканты в поисках сырья напрасно разъезжали по различным, порой отдаленным дистриктам. В Вуороне, Пеириусе, Пон-ан-Риане многие ткацкие фабрики прекратили производство или вырабатывали треть прежнего количества.

В Гренобле, Романе часть сапожников осталась без работы из-за отсутствия кожи. Бумажное производство переживало кризис, хотя правительство старалось его наладить. Для производства бумаги не хватало тряпья, мыла, квасцов, купороса⁸⁷. Комитет 12 жерминаля (1 апреля) запрашивал дистрикты о наличии тряпья и требовал дать сведения о запасах квасцов⁸⁸. Плавильные печи в Аллеваре не выплавляли металл с нивоза II года⁸⁹. Агент Комиссии продовольствия Фессер доносил в жерминале о трудностях снабжения армий Рейна и Мозеля ввиду отсутствия сырья для производства снаряжения⁹⁰.

Таким образом, в целом положение в промышленности было неустойчивым. Там, где отдельные предприятия как будто бы достигли известного прогресса и где существовали наиболее благоприятные условия для производства, революционное законодательство не позволяло фабрикантам довести его до желаемых размеров. Хотя максимум и реквизиции являлись причиной стесненного положения части промышленности, но лишь вмешательство правительства в экономику приостановило кризис, обострившийся к лету 1793 г. Только принуждением, с помощью реквизиций и террора, правительство добивалось исполнения максимума. Пусть реквизиции, даже будучи многочисленными, не могли охватить целиком всю промышленность, но их проведение имело решающее значение для республики.

Пока существовало революционное правительство, оно сдерживало падение курса бумажных денег⁹¹. Цены, несмотря на развитие подпольной торговли, поднимались медленно⁹². В условиях экономической свободы невозможно было бороться с инфляцией, усугубляемой военным временем. Падение курса бумажных денег привело к повсеместному исчезновению сырья и товаров широкого потребления, ибо производители отказывались продавать их за ассигнаты. Революционное правительство прибегло к политике регулирования экономики под давлением исключительной обстановки, в которой оказалась республика. Отрезанная от внешнего мира коалицией враждебных держав и потому рассчитывающая лишь на собственные ресурсы страна во главе с якобинским руководством в силу обстоятельств должна была пойти на контроль основных сфер экономической деятельности. Максимум и реквизиции зерна, регламентация торговли продуктами питания, введение карточек на хлеб в Париже и других крупных городах, а в ряде мест на сахар, мясо и другие продукты смягчили продовольственный кризис. После бунтов весной 1793 г. в связи с резким подорожанием бакалейных товаров до осени 1794 г. не возникало крупных продовольственных волнений⁹³. Принудительные меры якобинской диктатуры спасли армию республики, сражавшуюся на границах. Они разрешили проблему обеспечения ее продовольствием, вооружением, экипировкой. Именно благодаря системе регламентации промышленность могла удовлетворять потребности национальной обороны.

С одной стороны, ослабив систему регулирования в вантозе II года, правительство не отказалось от контроля производителей посредством нормирования цен и распределения материальных ресурсов страны, а также национализации части отраслей промышленности, поставленных на службу национальной защиты. С другой стороны, поощряя в известной мере частную инициативу, оно неизбежно еще больше возбуждало желание торгово-промышленной буржуазии избавиться от государственного вмешательства в экономику. Позиции собственнических слоев укреплялись в результате подавления якобинцами стачек городских и сельскохозяйственных рабочих, протестовавших против установления твердых ставок, которые уменьшали в несколько раз их реальную зарплату. В последние месяцы якобинской диктатуры рабочий люд открыто выражал недовольство максимумом зарплаты⁹⁴. Антирабочая политика якобинцев вызывала отход от них плебейских элементов города и деревни. Следовательно, влияние «плебейского натиска» на якобинское правительство весной—летом II года ослабело.

Тем не менее эгалитаристская тенденция, присущая политике регламентации вплоть до 9 термидора, свидетельствует о том, что это влияние продолжало сказываться. Враждебность буржуазии к государственному регулированию экономики усиливалась социальным характером этой политики. Всеобщий максимум, на котором она покоилась, содержал в себе новое понимание массами собственности. Ведь якобинцы ввели максимум, руководствуясь не только соображениями государственной экономии, но и учитывая уравнилельные требования широких слоев населения, выражавшие смутные устремления масс к социальному переустройству общества на более справедливых началах. После термидора Камбон характеризовал годы революции как время, «когда беспрестанно повторяли, что собственность не что иное, как право пользования»⁹⁵. Острые политики регламентации II года было направлено против имущей буржуазии. Несмотря на колебания и отступления, характерные для политики революционного правительства по отношению к верхушке буржуазии, его экономическая политика находилась в непримиримом противоречии с ее интересами. Установленные во II году максимальные цены лишали буржуазию права свободного владения имуществом, нарушая тем самым незыблемость принципа частной собственности. Реквизиции, уничтожив свободу конкуренции, мешали накоплению капиталов. Этот аспект социального законодательства якобинцев обусловил качественно новый этап, когда революция вышла за пределы «непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей»⁹⁶. Р.Левассер писал в воспоминаниях, что «в памяти буржуазии революционная эпоха запечатлелась как время господства максимума и принудительных займов»⁹⁷. Властное вмешательство якобинской диктатуры в свободное распоряжение собственностью направило революцию не только против феодальных классов, но и верхов буржуазии, в значительной степени отстранив их от политического и экономического руководства республикой. По словам В.И.Ленина, особенностью буржуазно-демократического переворота во Франции явилось то, что он был «проведен хотя бы в известной части активно революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию»⁹⁸.

Ограничительная политика якобинской власти по отношению к имущим слоям неизбежно порождала их растущее сопротивление. Буржуазия чувствовала, что отражение республиканской армией летом II года внутренней и внешней опасности упрочило новое право собственности, и тем настоятельнее добивалась свободного и открытого владения своим достоянием. Недовольство деловой буржуазии принудительными мероприятиями якобинцев все заметнее проявлялось в Комитете земледелия и торговли Конвента. На его заседании в январе Госсман, возглавлявший Комитет, критиковал максимум, утверждая, что он наносит вред торговле и промышленности. Он призвал к возвращению к полной свободе в торговых и промышленных делах⁹⁹. При обсуждении в июле в Комитете проекта закона о восстановлении в Лионе торговли и промышленности, изготавливающей предметы роскоши, председатель Вилле высказался против каких-либо ограничений этой отрасли, заявив, что «свобода является душой торговли, без которой она погибнет»¹⁰⁰. Не решаясь прямо отклонить статьи проекта, регламентирующие продукцию и численность рабочих на каждом предприятии, он, однако, откровенно признал, что считает их препятствием для развития промышленности по изготовлению изделий роскоши, принесшей Лиону мировую славу¹⁰¹. Крупная торговая буржуазия протестовала против правительственного контроля над внешней торговлей. Коммерческое агентство в Бордо, возглавляемое неогциантом Грамоном, сообщало в Комитет общественного спасения, что революционное законодательство не позволяет развиваться внешней торговле. Купцы несут до 50% денежных потерь, выплачивая правительству в звонкой монете две трети выручки¹⁰².

Необходимость обращаться за разрешением об экспорте в Комитет и, как следствие этого, медлительность торговых операции раздражали купцов. В крупных морских портах негоцианты еще в термидоре II года не экспортировали все те товары, о которых шла речь в постановлении от 23 вантоза Бордоские купцы до декабря 1794 г дали аванс государству за право экспорта товаров всего на 5,3 млн ливров вместо предполагаемых по декрету 23 вантоза 20 млн¹⁰³.

Из разных концов страны депутаты, находившиеся в миссии в департаментах, писали в Комитет, что общее бедствие респб лики заключается в эгоизме собственников. Удручающим было впечатление Шадрона Руссо от поездки в Каркассон. По его мнению, в этом торговом городе господство эгоизма является самым пагубным злом¹⁰⁴. Комиссар Конвента Нозль Пуэнт обвинял заводчика в Невере в укрывательстве большого количества железа с целью избежать его продажи по максимуму¹⁰⁵. В департаменте Арденны Р.Левассер в июле арестовал трех владельцев железоделательных заводов, уличенных в поставках железа плохого качества¹⁰⁶. Нежелание буржуазии мириться с революционным режимом беспокоило Дюкенуа, находившегося в армии Мозеля «Все убеждает меня в том, — писал он, — что умеренность и интрига торжествует как никогда в коммуне Мец»¹⁰⁷.

Наиболее динамичную часть собственников представляла новая буржуазия, разбогатевшая в годы революции на спекуляциях товарами и ассигнатами, на поставках в армию, а также на покупке и перепродаже национальных имуществ. В мае 1794 г Фусседуар в донесении Комитету из Кольмара осуждал буржуа этого города, превративших ассигнаты в объект наживы «Меня особенно огорчает, — писал он, — обесценение ассигнатов Я не могу скрыть от вас того факта, что знакомство с местными делами убеждает меня в том, что принятие обычных мер вряд ли сможет вернуть им утраченную стоимость. Эгоизм и алчность идут на всевозможные хитрости, чтобы избежать наказания по закону. В этом департаменте, — утверждал Фусседуар, — террор необходим как нигде в другом месте, нужно, чтобы революционный трибунал под страхом потери богатства удерживал состоятельных лиц от нежелания подчинить свои частные интересы интересам всей нации, а равнодушных заставил бы опасаться наказания и вынудил бы и тех и других вернуть доверие к ассигнату»¹⁰⁸. Вместе с тем эта собственническая стихия ускользала от контроля правительства, поскольку все ее операции строились на обходе революционного законодательства. В письме Комитету из Периге в мае Ж.Ромм указывал на бессилие революционного правительства перед активностью собственников «Ощущается острый недостаток продовольствия из-за плохого распределения и потому, что эгоизм и злонамеренность избежали до настоящего времени карающего правосудия»¹⁰⁹. Меруза, офицер полиции безопасности в Шербурской армии, с тревогой наблюдал за поведением собственников Кальвадосса: «В Кальвадоссе все основано на спекуляции, — сообщал он в июне из Гавра, — и накануне победы граждане интересуются, наступит ли завтра мир, так как от него ждут возвращения громадных доходов. Купец горд, суров к бедным и приносит жертвы, которые требует родина, только из страха, как бы у него не взяли больше. К закону о максимуме стали вообще плохо относиться и не исполняют его». Далее Меруза описывает спекуляции судовладельцев и торговцев кофе: «В Париж ежедневно экспортируются тюки с товарами и припрятываются там для спекуляции». Его донесение свидетельствует о нетерпеливом желании буржуазии освободиться от принудительных мер якобинской республики «Купцы, — подчеркивал Меруза, — требуют мира, чтобы стать знатью и благодаря своим громадным богатствам господствовать над всеми вместо высокомерной касты, бывшей источником всех наших бед»¹¹⁰.

Термидорианский переворот, совершенный в интересах буржуазии, положил конец управляемой экономике якобинцев. Хотя формально всеобщий максимум был отменен 4 нивоза III года (24 декабря 1794 г.), но судьба его была решена 9 термидора. В этот день потерпело неудачу восстание Парижской коммуны, поднятое робеспьеристами, и власть перешла к термидорианской буржуазии, сразу же начавшей наступление на демократическое законодательство якобинской республики. Крайняя неясность, запутанность политической обстановки в первое время после победы термидорианцев не могли надолго скрыть истинный смысл случившегося. Все больше прояснялась основная цель термидорианцев — возродить социальное и экономическое превосходство крупных собственников позднее их назовут «нотаблями». Через год это отчетливо прозвучит в речи Буасси д'Англа, заседавшего в Конвенте среди Равнины, по поводу проекта термидорианской конституции, обсуждавшегося в Конвенте 5 мессидора III года (23 июня 1795 г.): «Вы должны наконец гарантировать собственность богатых, — скажет он, — В стране, управляемой собственниками, царит социальный порядок, а та страна, где управляют люди, не имеющие собственности, находится в первобытном состоянии. Если вы предоставите неограниченные политические права людям, не имеющим собственности они установят таксацию, гибельную для торговли и промышленности»¹¹¹. Буржуазия выступила против якобинской республики, ущемлявшей ее в правах и доходах, чтобы восстановить господство «нотаблей», гарантировавшее ей власть и полную экономическую свободу.

Е. В. Киселева

1 Лукин Н.М. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума; Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия второго и третьего максимума. Лукин Н.М. Избр. труды. М., 1976. Т.1, Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.

2 Этот вопрос — часть общей проблемы о роли буржуазии во французской революции, наименее разработанный в ее историографии. (См. *Voies nouvelles pour l'histoire de la Revolution francaise: Actes du Colloque A.Mathiez — G.Lefebvre*. P., 1978). Опубликованный в 1909—1911 гг. труд Е.В.Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (Соч. М., 1957. Т.2) до сих пор остается самым фундаментальным по богатству собранного в нем документального материала об экономической обстановке II года республики. В нем дана широкая картина состояния промышленности в предреволюционные и революционные годы. Однако в максимуме и реквизициях ученый увидел лишь одну сторону, утверждая, что они послужили основной причиной разорения промышленников. В более поздней работе «Жерминаль и прерияль» (1937; 1951) (Соч. М., 1959. Т.6) Е.В.Тарле признал положительное значение законодательства о максимуме, отмечая, что оно спасло население городов от голода и позволило обеспечить всем необходимым армию республики.

3 Щеголев П.П. После термидора: Очерки термидорианской реакции. Л., 1930; Фридлянд Г.С. 9-е термидора. Историк-марксист. 1928. Т.7.

4 Лукин. Н.М. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума; Он же. Ленин и проблема якобинской диктатуры Избр. труды. М., 1960. Т.1; Добролюбовский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. Л., 1930; Дунаевский В.А. Изучение западноевропейских и американских буржуазных революций XVIII—XIX вв. и Парижской Коммуны Советская историография новой истории стран Запада, 1917—1941. М., 1974; Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983; Адо А.В. Крестьянское движение... Он же. К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры Новая и новейшая история. 1972. № 1; Алексеев-Попов В.С., Баскин Ю. Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В.И.Ленина Из истории якобинской диктатуры, 1793—1794. Одесса, 1962; Далин В.М. Изучение Великой французской революции в СССР Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981.

5 Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции: Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983. С.145, 172.

6 Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous la terreur. P., 1927; см. рус.пер.: Матьез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928. С.433, 457—458.

7 Lefebvre G. Les mines de Litrty (1744-an VIII); Le commerce exterieur en Pan II Etudes sur la Revolution francaise. P., 1963.

8 Soboul A. La le Republique, 1792—1804. P., 1968; см. рус. пер.: Собоуль А. Первая республика. М., 1974. С. 137, 174—177.

9 Гордон А.В. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая—2 июня 1793 г. Французский ежегодник, 1963. М., 1964.

10 Известный английский историк-марксист, исследователь народных движений XVIII в. Дж.Рюде характеризует всеобщий максимум 1793 г. как «важную стадию между ограниченным регулированием при Старом порядке и всеобъемлющим государственным руководством экономикой в будущем» (Rude G. The crowd in history: A study of popular disturbances in France and England, 1730—1848. N.Y , 1964; см. рус. пер.: Рюде Дж. Народные низы в истории, 1730—1848. М., 1984. С.131).

На наших сайтах главы книги:

[Французская революция](#)

[Народные низы в истории. Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения](#)

[Народные низы в истории. Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста](#)

11 Labrousse C.-E. La crise de l'economie francaise a la fin de l'ancien regime et au debut de la revolution. P., 1944. T.1. P.XXII.

12 Soboul A. Histoire de la Revolution francaise. P., 1962. T.1. P.342.

13 Ligou D. Montauban: A la fin de l'ancien regime et au debut de la revolution, 1787—1794. P., 1958. P.373.

14 Reimpression de l'ancien Moniteur. P., 1854. T.18. P.321 (далее: Moniteur).

15 Ibid.

16 Mautouchet P. Le gouvernement revolutionnaire. P., 1912. P.198.

17 Экономические меры Конвента весной 1794 г. получили в литературе название третьего максимума. Первый максимум был введен 4 мая 1793 г. (он устанавливал единые твердые цены на зерно и муку); второй всеобщий максимум — 29 сентября.

18 Aulard A. Recueil des actes du Comite de salut public avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil executif Provisoire publ. par F.-A. Aulard. In: 28 t. P., 1895. T.8. P.36.

19 Mathiez A. Etudes sur Robespierre. P., 1958. P.222.

20 Archives parlementaire de 1787 a 1860. Ser.1: 1787—1799. P., 1911. T.78. P.143—145, 150—151 (далее: AP).

21 Ibid. 1965. T.86. P.723.

22 Journal des debars et des decrets. 28 germinal (17 avril 1794). P.458.

23 Schmidt Ch. Le commerce: Instruction Recueil de textes et notes. P., 1912. P.181.

24 Ibid. P. 203 (12 флореаля, 1 мая).

25 Aulard A. Op. cit. 1899. T.11. P.670.

26 Ibid. T.12. P.123—124.

27 Schmidt Ch. Op.cit. P.181—182.

28 Lefebvre G. Le commerce exterieur en l'an II P.259.

29 Schmidt Ch.Op. cit. P.195 (11 жерминаля, 31 марта); Carriere Ch. Le probleme des grains et farine a Marseille pendant la periode du maximum Structures sociales et problemes economiques, 1787—1798. P., 1958. P.181.

30 О политике Комитета общественного спасения по отношению к странам, не примкнувшим к коалиции, см.: Нарочницкий А.Л. Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. М., 1964. Т.2, № 6; Он же. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г. Вopr.истории. 1945. № 3—4.

В нашей библиотеке:

[А.Нарочницкий. Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев](#)

[А.Нарочницкий. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.](#)

- 31 AP. T.86. P.341.
- 32 Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous la terreur. P.22.
- 33 Gerbaux F., Schmidt Ch. Proces-verbaux des comites d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Legislative et de la Convention. In: 4t. P., 1901—1910. T.4. P.310, 323, 336, 343—345, 358, 369, 393, 401.
- 34 Leon P. La naissance de la Grande Industrie en Dauphine (tin du XVIIe siecle — 1869). P., 1954. T.L. P.339.
- 35 Aulard A. Op.cit. 1899. T.12. P.622.
- 36 Gerbaux F., Schmidt Ch. Op.cit. T.4. P.393—396.
- 37 Caron P. Le maximum general: Instruction Recueil de textes et notes. P., 1930. P.78.
- 38 Aulard A. Op. cit. 1901. T. 14. P. 740 (17 мессидора, 5 июля).
- 39 Ibid. P.133 (15 прериаля, 3 июня).
- 40 Ibid. 1900. T. 13. P. 532 (26 флореаля, 15 мая).
- 41 Ibid. T.14. P.284 (25 прериаля, 13 июня).
- 42 Caron P. Le maximum general. P.84, 88.
- 43 Aulard A. Op.cit. T.14. P.587 (11 мессидора, 29 июня).
- 44 Caron P. Le maximum general. P.73.
- 45 Moniteur. P., 1854. T.19. P.553.
- 46 Paris pendant la terreur Rapports des agents secrets du ministre de l'Interieur. publ. par P.Caron. P., 1964. T.4. P.188.
- 47.Schmidt Ch. Op.cit. P.205 (18 флореаля, 7 мая).
- 48 Ibid. P.207 (11 прериаля, 30 мая).
- 49 Ibid. P.203—204.
- 50 Autard A. Op.cit. T.11. P.671.
- 51 Schmidt Ch. Op.cit. P.211 (27 мессидора, 15 июня).
- 52 Journal des debats et des decrets 28 germinal (17 апреля 1794) P 426
- 53 Тарле Е В Рабочий класс во Франции в эпоху революции С 444
- 54 Aulard A. Op.cit. T.12. P.485—486 (20 жерминаля, 9 апреля).
- 55 Ibid 1901 T 14 P 577 (10 мессидора, 28 июня).
- 56 Ibid 1900 T 13 P 532 (26 флореаля, 15 мая).
- 57 Leleuvre G. Etudes orleanaises. P., 1963. T.2. P.313.
- 58 La Commission des subsistences de l'an II. Proces verbaux et actes publ par P.Caron. In 2t. P., 1924—1925. T.2. P.587—588.
- 59 Ibid. P.560—561, 588.
- 60 Ibid. P.545.
- 61 Ibid. P.556.
- 62 Ibid. P.539, 548, 626.
- 63 Ligou D. Cuirs et chaussures a Montauban en l'an II. Structures sociaux et problemes economiques, 1787—1798. P., 1958. P.81—82, 96.
- 64 Correspondance generale de Carnot. Publ. par E.Charavay P., 1847. T.3. P.103—104.
- 65 Richard C. Le comite de salut public et les fabrications de guerre sous la terreur. P., 1922. P.102.
- 66 Ibid.
- 67 Ibid. P.104.
- 68 См. Виргинский В.С. Горно-металлургическое производство Франции во второй половине XVIII века. Труды Ин-та истории естествознания и техники. История металлургии. М., 1958. Т.20. С.281—282.
- 69 Richard C. Op.cit. P.25.
- 70 См. Виргинский В.С. Указ.соч. С.275—279.
- 71 Заводы во Вьерзоне были национализированы осенью 1793 г., но затем Комитет передал их в аренду крупным заводчикам, братьям Бриер. См. Там же. С.268—272
- 72 Там же. С.264 272—275, 279.
- 73 Об острых стычках Робеспьера, Сен Жюста с Карно см. Нарочницкий А.Л. Вопросы войны и мира в политике якобинцев накануне 9 термидора. Международные отношения. Политика Дипломатия. М., 1964. О разногласиях Ж.Камбона с робеспьеристами см. Коротков С.Н. Буржуа-монтаньяр в революции взгляды и деятельность Жозефа Камбона. Политические деятели античности, средневековья и нового времени Л., 1983.

- 74 Richard C. Op.cit. P.329.
- 75 Aulard A. Op.cit. T.12. P.583 (25 жерминаля, 14 апреля).
- 76 Ibid. T.14. P.284 (25 прериала, 13 июня).
- 77 Richard C. Op.cit. P.178.
- 78 Leon P. Op.cit. P.318—333.
- 79 Gerbaux F., Schmidt Ch. Op.cit. T.4. P.336, 350, 351, 358, 367, 380, 381, 383.
- 80 Lefebvre G. Les mines de Littry. P.178-180.
- 81 Ligou D. Montauban. P.593—594.
- 82 Lefebvre G. Les mines de Littry. P.181—182.
- 83 Leon P. Op.cit. P.340.
- 84 Ibid.
- 85 Richard C. Op.cit. P.335.
- 86 Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. С.450.
- 87 Leon P. Op.cit. P.341, 342, 346.
- 88 Caron P. La commission des subsistances. T.2. P.599—601.
- 89 Leon P. Op.cit. P.346.
- 90 Caron P. La commission des subsistances. T.2. P.560.
- 91 В августе 1793 ассигнаты составляли 22% своей номинальной стоимости. После введения в сентябре максимума к декабрю они поднялись до 48% стоимости. С января 1794 г ассигнаты падали в цене сравнительно медленно в январе стоили 40% стоимости, в марте—апреле — 36, в июле — 31% См. Caron P. Tableaux de depreciation du papier monnaie. P.s. a P.LII.
- 92 Собоуль А. Указ.соч. С.175.
- 93 Рюде Дж. Указ.соч. С.127.
- 94 Кан С.Б. Парижские рабочие в революции 1789—1794. Историографический обзор. Вopr.истории. 1956 № 1, Захер Я.М. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора. Новая и новейшая история. 1962. № 5.
- 95 Moniteur. 1854. T.22. P.425.
- 96 Ленин В.И. Полн.собр.соч. T.17. С.7.
- 97 Levasseur R. (de la Sarthe) Memoires. Bruxelles. 1832. T.4. P.24.
- 98 Ленин В.И. Полн.собр.соч. T.9. С.217. T.22. С.302.
- 99 Gerbaux F Schmidt Ch. Op.cit. T.4. P.306—308.
- 100 Ibid. P.394.
- 101 Ibid. P.395—396.
- 102 Lefebvre G. Le commerce exterieur. P.263.
- 103 Bordeaux au XVIIIe siecle Sous la collaboration de P.Becamps, F.Crouzet, L.Desgraves, R.Pijasson et J.P.Pousson. Bordeaux, 1968. P.489, 490.
- 104 Aulard A. Op.cit. T.12. P.336—337 (17 флореаля, 6 мая).
- 105 Ibid. 1903. T.15. P.156 (25 мессидора, 13 июля).
- 106 Ibid. P.173—174.
- 107 Ibid. 1900. T.13. P.304 (16 флореаля, 5 мая).
- 108 Ibid. P.754, 455 (6 прериала, 25 мая 22 флореаля, 11 мая).
- 109 Ibid. P.680 (3 прериала, 22 мая).
- 110 Correspondance de M. et A.Robespierre. Recueilhee et publ. par G.Michon. P., 1926. T.2. P.304-305.
- 111 Moniteur. 1854. T.25. P.92.

Е. И. Лебедева

ДВОРЯНСТВО И НАЛОГОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988. С.75-94.**

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) 2009

Великой французской революции, как и всякой революции вообще, предшествовал период революционной ситуации, начавшейся с острого, отчетливо выраженного «кризиса верхов». Одной из главных «болевых точек» кризиса стал вопрос о налоговых привилегиях высших сословий.

В начале 1787 г. правительство, ища спасения от катастрофического бюджетного дефицита, выдвинуло проект реформ, сердцевиной которого стал единый бессословный поземельный налог. Предполагалось, что он будет дополнением к существовавшей сословной фискальной системе, и тем не менее введение его означало бы некоторое наступление на традиционные налоговые привилегии. К тому же в общей форме проект реформ провозглашал «справедливым» принцип равенства обложения граждан независимо от их сословной принадлежности.

План этот встретил резкое противодействие дворянского по составу собрания нотаблей, созданного правительством для его утверждения. Летом того же года проект бессословного налога столкнулся с еще более ожесточенным сопротивлением парламентов, корпораций также по преимуществу дворянских.

Эгоистическое нежелание или неспособность привилегированных поступиться своими узкими кастовыми интересами во имя интересов государственных не раз ставилось исследователями во главу угла при оценке причин краха правительственного плана, повлекшего за собой впоследствии гибель монархии.¹

Однако внимательное изучение отношения нотаблей и парламентов к податным привилегиям приводит к выводу, что уже весной—летом 1787 г. оно не было однозначно и единодушно охранительным. В процессе же развития политического кризиса 1787—1788 гг. позиция «верхов» в целом по этому вопросу очевидно эволюционировала. В октябре—ноябре 1788 г. феодально-иерархическая верхушка второго сословия недвусмысленно выказывала готовность отказаться от фискального иммунитета, т. е. ее позиция в этом вопросе оказалась более радикальной, чем позиция правительства в 1787 г., когда оно начинало реформы.

Этот парадоксальный факт в литературе обычно объясняется испугом политических корпораций дворянства перед нараставшим движением масс, третьего сословия, покушавшихся на большее, чем налоговые привилегии, стремлением «откупиться» от их претензий.²

В самом деле, рост народного протеста, активизация политического действия третьего сословия, формирование у него специфического общественного самосознания оказывали немаловажное влияние на поведение высших сословий.

И все же подобный ответ представляется упрощенным. Фискальный иммунитет был одним из существенных атрибутов принадлежности к высшим, привилегированным сословиям. В числе других факторов налоговая исключительность считалась (а подчас и являлась) одной из основ богатства и экономического господства дворянства и верхов духовенства. Так что, во всяком случае, речь шла о довольно серьезной уступке с их стороны.

Новейшее исследование дворянских наказов Генеральным штатам 1789 г. показало, что тем не менее в подавляющем большинстве наказов (138 из 165 рассмотренных при общем числе наказов — около 200) содержалось требование податного равенства.³ Таким образом, зимой—весной 1789 г. идея эта оказалась широко распространенной среди дворянского сословия⁴, приобрела для него программный характер. Для объяснения этого факта, необходимо проследить, как эволюционировала позиция привилегированных по налоговому вопросу с весны 1787 г., когда они отвергли правительственные реформы, до осени 1788 г., когда они во всеуслышание стали отказываться от привилегий. Уяснение этого вопроса даст возможность глубже понять причины парадоксальной на первый взгляд эволюции. А это, в свою очередь, послужит решению основополагающей проблемы о социально-политической сущности и роли дворянства накануне революции.

Первое сословие королевства — духовенство и второе — дворянство по определению были свободны как от основного личного налога — тальи, так и от всевозможных дополнений к нему. Это не значит, однако, что высшие сословия совершенно не участвовали в государственных расходах. Церковь раз в пять лет платила так называемый бескорыстный дар (*don gratuit*), сумма которого устанавливалась после длительных и обычно негладко протекавших переговоров с правительством.⁵ Существовали, кроме того, постепенно введенные в течение XVIII в. налоги, распространявшиеся на привилегированных (капитация, двадцатины). Однако если третье сословие платило их согласно податным спискам тальи, то для дворян сумма обложения определялась в соответствии с поданными ими самими «декларациями» доходов. На практике это приводило к тому, что наиболее богатое и влиятельное дворянство и верхи духовенства платили значительно меньше всех прочих, и налоги эти постепенно вырождались в очередные прибавки к талье.⁶

Величина и форма сбора прямых и косвенных налогов в различных районах королевства были неодинаковы. Одни провинции находились в привилегированном положении по сравнению с другими.⁷

На большей части территории страны, на Севере, в Центре взималась так называемая персональная талья, т.е. обложению подвергались все доходы непривилегированного. В провинциях со Штатами, в Дофинэ и других районах Юга действовала «реальная талья», которой облагались «ротюрные» земли.⁸ Здесь налоговая привилегия могла не совпадать с сословной принадлежностью. Кроме иммунитета «по праву» (т.е. высших сословий), чрезвычайно широкое распространение получило полное или частичное освобождение от податей «по должности», обычно судебной или фискальной, или по личному пожалованию. Естественно, получение таких привилегий являлось предметом чаяний и деловых устремлений богатых ротюрье. Число получивших те или иные налоговые льготы было огромно и продолжало расти.⁹ Совершенно лишенной каких бы то ни было фискальных привилегий оставалась лишь масса крестьянства.

Запутанность и сложность фискальной системы Франции Старого порядка, свойственный ей «хаос переходных форм» породили полемику в современной историографии о реальном содержании налоговых привилегий как для самих высших сословий, так и для государства. Английская исследовательница Б.Беренс, ссылаясь на то, что, с одной стороны, дворянство принимало участие в уплате налогов, а с другой — налоговые льготы и изъятия касались отнюдь не только дворян, выдвинула тезис, что значение сословных привилегий было очень невелико.¹¹ Точка зрения Б.Беренс была поддержана и другими западными историками.¹² Тезис этот был подвергнут аргументированной критике.¹³ Она основывается на доказательстве того, что уплачиваемая дворянством часть налогов была вопиюще мала по сравнению с вкладом третьего сословия.¹⁴

Кроме того, для верной оценки величины налоговых изъятий следует рассматривать их не сами по себе, а в рамках всей системы сословных привилегий, частью которой они были. Должностной иммунитет давал его обладателям лишь материальные выгоды, хотя и мог рассматриваться ими как один из шагов к полному переходу в ранг «привилегированных». В то время как иммунитет «по праву» был сопряжен с целым комплексом экономических, социальных и политических привилегий, обеспечивавших и охранявших богатство и господство его обладателей во всех сферах жизни.

В материальном смысле утрата налоговых привилегий оказалась бы почти не замеченной богатым пэром Франции, располагавшим крупными земельными владениями, вкладами в торговлю и промышленность, должностями и пенсиями; но могла стать настоящей трагедией для мелкого провинциального дворянчика, едва способного жить «по-дворянски». Однако и в том и в другом случае эти привилегии были «кирпичиком той стены», что отделяла дворянство от третьего сословия. И не случайно поэтому только себя дворяне считали истинно привилегированными и упорно защищали свой податный иммунитет вплоть до кануна революции. И не случайно в сознании масс именно дворяне являлись своего рода символом, олицетворением налоговых привилегий.¹⁵

В XVIII в. абсолютистское правительство в поисках денег неоднократно пыталось обратиться к кошельку высших сословий, видя малую эффективность усиления фискального нажима на массы. Первый всеобщий налог — капитация — был введен в 1701 г.; в 1710 г. — десятина.¹⁶ Это были первые удары по самой идее налогового иммунитета «по праву». С середины XVIII в. наступление на нее повели новые силы. Получившая широкое распространение, в том числе в правительственных кругах, экономическая теория физиократов объявила действующую налоговую систему одним из факторов хозяйственного застоя. Физиократы предлагали ввести единый поземельный (так называемый территориальный) налог, который взимался бы со всех без исключения владений в соответствии с доходами от них.¹⁷ Вместе с тем просветительская мысль объявляла налоговый иммунитет несправедливым.

Передовые идеи века, все глубже проникавшие в общество, сказывались и на политике государства. В преамбуле декларации о двадцатине — новом всеобщем налоге, введенном в 1749 г., говорилось, что «ничто не может быть более справедливым и достойным, чем распределение налога между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров их доходов».¹⁸ Задача преобразования фискальной системы с целью достижения податного равенства была поставлена генеральным контролером А.-Р.-Ж.Тюрго (1774—1776). Он предполагал заменить двадцатины, а затем все прочие подати единым «территориальным налогом». Начало фискальным реформам призвана была положить замена дорожной барщины (*la corvée*) денежным сбором, распространявшимся на все сословия.¹⁹

Последовательная преобразовательная политика Тюрго потерпела крах, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением придворной аристократии и парламентов. При этом, выступая против замены дорожной барщины всеобщим денежным сбором, Парижский парламент отстаивал налоговый иммунитет как одну из опор трона и установленного порядка.²⁰

Итак, рассматривая отношение дворянства к налоговым привилегиям, нужно учитывать следующие факторы, характеризующие фискальную систему Франции Старого порядка: — во-первых, проблема налогового иммунитета накануне революции не сводится к взаимоотношениям третьего сословия и дворянства. Она имеет множество аспектов — от территориальной неравномерности распределения налогов по стране до личного освобождения от уплаты той или иной подати. Дворянство — отнюдь не единственная, но наиболее привилегированная в этом отношении социальная группа; во-вторых, при абсолютизме «государственная власть, на время получившая известную самостоятельность»²¹, продемонстрировала, что в принципе облагать налогом дворянство можно; в-третьих, сама идея дворянского налогового иммунитета «по праву» в конце XVIII в. представлялась современникам устаревшей; она противоречила выводам новейшей экономической и политической науки, все шире распространявшимся и проникавшим даже в среду правящей верхушки господствующего класса.

В августе 1786 г. генеральный контролер финансов Ш.-А. де Калонн представил королю «Очерк плана улучшения финансов», в нем говорилось: «Королевство, в котором каждая провинция по отношению к другой есть иностранное государство, в котором многочисленные внутренние барьеры разделяют и раскалывают подданных одного и того же монарха, королевство, где ряд областей совершенно свободны от налогов, все бремя которых падает на другие, где класс самый богатый платит меньше всех, где привилегии исключают какое бы ни было равновесие и где невозможно ни соблюдение установленных правил, ни осуществление общественной воли, — такое королевство весьма несовершенно, и хорошее управление в нем исключено».²²

Разработанный план реформ должен был обеспечить резкий рост бюджетных поступлений, стимулировать развитие хозяйства, привлечь к правительству симпатии широкого общественного мнения. Сердцевину плана составила физиократическая идея единого «территориального налога», который должен был заменить взимавшиеся до сих пор двадцатины.

Дальнейшее увеличение налогов правительство провозглашало невозможным.²³ Оно ставило задачу их перераспределения. «Монарх должен защищать своих подданных, а подданные обязаны платить за эту защиту». Отсюда следует, что стремление уклониться от налогов, требовать особых прав в этом вопросе — значит «нарушать связи, соединяющие граждан в государстве».²⁴ Монархия, таким образом, вновь декларировала принципиально справедливый и правильный равенство всех граждан в уплате налогов.

Все без исключения земли — церковные, дворянские, ротюрные предполагалось поделить на четыре класса в зависимости от их качества и взимать с них соответственно 1/20 с лучших, 1/25, 1/30 и, наконец, 1/50 урожая с худших земель.²⁵ Калонн дополнил построения физиократов и Тюрго лишь идеей взимания земельного налога в натуральной форме сразу после сбора урожая, идеей консервативной, противоречившей принципиальному положению физиократов о перспективности свободной торговли. Это была чистая утопия: такая система потребовала бы колоссального аппарата для сбора и реализации земельного налога через рынок. Однако реформатор видел в ней гарантию от поблажек богатым и злоупотреблений, а кроме того, считал, что в ряде провинций у населения не хватило бы средств платить налог деньгами.²⁶

Введение всеобщего земельного налога логически влекло за собой так называемую ликвидацию долга духовенства.²⁷ Для уплаты «бескорыстного дара» первое сословие выпускало самостоятельные займы, обременявшие церковные имущества. Нивелирование всех земель в государстве, подчинение единому налогу требовало освобождения их от старых обязательств. Правительство предлагало духовенству погасить долг путем продажи его феодальных прав. Следует отметить, что эта мера носила не только фискальный характер. Она выражала стремление монархии покончить с финансовой, а значит, и политической самостоятельностью церкви.

Взимание бессословного земельного налога означало бы существенную модернизацию налоговой системы. Однако в предложенном плане реформ эта мера была единственной соответствовавшей провозглашенному буржуазному принципу равенства сословий перед налогом. Как это практиковалось и прежде, правительство не отменяло существовавшей фискальной системы, а лишь дополняло старое новым.

Более того, одновременно с введением земельного налога в качестве «компенсации» привилегированным предполагалась отмена дворянской капитации.²⁸ Дорожную барщину в отличие от аналогичной меры Тюрго планировалось заменить денежной прибавкой к талье, которую не платили высшие сословия.²⁹ Калонн предлагал некоторое перераспределение тальи с целью облегчения ее для наиболее неимущих категорий населения.³⁰ Были разработаны довольно ограниченные меры по унификации сбора габели.³¹ Правительство собиралось, кроме того, расширить круг облагаемых налогом колониальных товаров и распространить табачную монополию на ряд провинций,³² имевших ранее привилегии в этой области. Расширялся гербовый сбор, которым облагалось получение дворянских грамот, покупка должностей, все виды коммерческих сделок, акты гражданского состояния.³³

Перечисленные меры должны были затронуть интересы всех слоев населения и отчасти противоречили декларируемому правительством отказу от повышения налогов. Таким образом, фискальные мероприятия Калонна противоречивы: они включали в себя бессословный физиократический земельный налог и одновременно с этим сохраняли прежние сословно-феодальные налоги, лишь слегка ретушируя их.

Для обсуждения проектов реформ Калонн предложил созвать собрание нотаблей, открывшееся 22 февраля 1787 г. в Версале. Здесь собрался цвет французской аристократии: принцы, герцоги, министры, верхушка магистратуры и духовенства.³⁴ Фискальная программа правительства сразу же встретила возражения с их стороны.

Нотабли охотно одобрили облегчение и упорядочение талли, а также преобразование дорожной барщины.³⁵ Это были те мероприятия, которые не затрагивали интересов членов собрания как привилегированных, но в то же время давали им возможность продемонстрировать заботу об интересах народа.

Совершенно не оправдалась надежда Калонна на одобрение постоянного бессословного земельного налога. Именно этот проект стал камнем преткновения для политики Калонна; вокруг него формировалась непримиримая оппозиция «избранных советников» короля.

Нотабли избегали в своих дебатах осуждения провозглашенного правительством принципа равенства налогообложения, из которого выводилась необходимость нововведения. Не отвергали они напрямую и сам налог.

В феврале-начале марта 1787 г. нотабли выдвигали против него, во-первых, очень убедительное возражение о сложности, громоздкости, неудобстве взимания налога в натуре.³⁶ Во-вторых, они выражали изумление по поводу столь плачевного состояния государственных финансов³⁷ и требовали от генерального контролера подробного отчета о действительном положении дел в этой области прежде, чем они станут обсуждать «увеличение налогов». Наконец, в-третьих, была высказана мысль, что собрание не вправе принимать решений по столь существенному для нации вопросу, для его решения необходимо созвать Генеральные штаты.³⁸ Среди нотаблей не было единства мнений по вопросу о земельном налоге. Широко распространенная в обществе идея равенства налогообложения сословий имела своих сторонников и в залах заседаний собрания. В их числе были и знаменитые аристократы-либералы и государственные чиновники — сторонники Калонна. Свою позицию они высказали с первых дней обсуждения реформ.

Критикуя представленный проект, нотабли, придерживавшиеся подобных взглядов, требовали более последовательного проведения в жизнь физиократических принципов территориального налога. В пользу обложения чистого продукта в денежной форме высказывались герцоги Ниверне³⁹ и Ларошфуко-Лианкур.⁴⁰ «Их всего, что могут предложить разумные люди для обеспечения потребностей государства, несомненно, самым простым и самым справедливым является территориальный налог, но в денежной форме», — говорит герцог Ларошфуко.⁴¹ Герцог Шаро предложил совместить оба принципа.⁴²

Сохранилось свидетельство, что в последних числах февраля о территориальном налоге говорил в собрании мэр города Тура, вызвавший сначала насмешки своим провинциальным видом, а затем «удививший присутствующих энергичностью своих аргументов, глубиной и силой красноречия». Об этом пишет литературный корреспондент русской великой княгини Марии Федоровны, писатель и публицист А.-М. Блен де Сенмор в письме от 3 марта 1787 г.⁴³ Поскольку сам Блен де Сенмор одобряет территориальный налог, можно не сомневаться, что одобрил его и выступавший.

Такие мнения не представляли собой исключения в собрании нотаблей. Иногда их влияние сказывалось и на его официальных документах. Так, в «Возражении пятого бюро» от 9 марта говорилось, что «сбор в натуре не может быть принят, поскольку неизбежно является неопределенным, непропорциональным, неравным и разорительным; что сбор в денежной форме должен был бы быть распределен между всеми землями королевства без исключения в пропорциональной зависимости от доходов». В «Возражении» в принципе одобрялось также и погашение долга духовенства, но не принимались предложенные авторитарные средства его осуществления, которые «наносят ущерб собственности».⁴⁴

Возмущенные расточительной политикой министерства, нотабли-реформаторы искали пути выхода из кризиса, отнюдь не недооценивая опасности. От них же исходила и критика калонновской реформы дорожной барщины. Для них было естественным желать, чтобы нация, которая платит налоги, сама и одобряла их в каком-то представительном органе.

Однако те же аргументы, ту же фразеологию просвещенного XVIII в. подхватывала и другая часть собрания. Наибольший ущерб план Калонна наносил привилегиям первого сословия. Его представители (архиепископ Нарбоннский А.-Р.Диллон, архиепископ Тулузский Э.-Ш. Ломени де Бриенн, архиепископы Бордо, Арля, Реймса и др.) и заняли самую непримиримую позицию в отношении реформ. Они тоже требовали отчета правительства о состоянии финансов, говорили о «естественном праве» нации одобрять налоги, о необходимости созыва Генеральных штатов. Не смея прямо отвергнуть принцип равенства налогообложения, прелаты применяли тактику проволочек, цепляния к словам, делали вид, что не замечают масштабов затруднений правительства. Они предлагали, например, на год разъехаться по своим провинциям, чтобы «изучить и оценить местные условия», обвиняли Калонна в излишней поспешности.⁴⁵ Звучали в собрании и довольно неопределенные высказывания о пользе «старинных учреждений», призывы эти учреждения сохранять.⁴⁶

Когда на заседании 12 марта Калонн имел неосторожность сказать, что разногласия между ним и нотаблями «касаются главным образом форм, но не противоречат основным положениям плана реформ»⁴⁷, то собрание составило специальные возражения по этому поводу.

Причины такой упорной оппозиции нотаблей были неоднородны. С одной стороны, часть нотаблей действительно принципиально была несогласна с правительственным планом всеобщего налога, хотя до сих пор боялась говорить об этом прямо. С другой — сказались антиабсолютистские настроения, характерные для подавляющего большинства членов собрания. По существу, те положительные требования, которыми нотабли сопровождали критику территориального налога (отчет о состоянии государственных финансов, Генеральные штаты), были требованиями ограничения абсолютизма.

Стремясь спасти свои планы, Калонн предпринял беспрецедентный шаг. 30 марта королевская типография выпустила брошюру, содержащую проекты реформ.⁴⁸ Им было предпослано введение, написанное по поручению правительства известным парижским адвокатом Жербье. Кроме того, четырехстраничная выдержка из «предисловия Жербье», как его стали называть, была напечатана и отдельно распространялась в виде листовки.⁴⁹ Ее рассылали в провинции, священники читали ее с кафедр во время проповедей.⁵⁰

В «предисловии Жербье» провозглашалась «необходимость просветить народ относительно истинных намерений короля».⁵¹ В нем, прежде всего, разъяснялось, что территориальный налог означал не общее увеличение обложения, а увеличение его за счет привилегированных. Как бы в ответ на распространявшиеся в обществе слухи, автор восклицал: «Платить придется больше? Ну, разумеется! Но кому?! Лишь тем, кто до сих пор платил недостаточно. Они будут платить ровно столько, сколько должны в соответствии со справедливым расчетом, и никто не понесет ущерба.

Привилегии приносят в жертву? Да, приносят. Этого хочет справедливость, этого требует необходимость! Неужто было бы лучше и дальше перегружать непривилегированных, народ?»⁵²

Подобная очень радикальная, в духе передовой просветительской мысли, оценка намеченных фискальных преобразований носила в значительной степени демагогический характер, поскольку сами они отнюдь не предусматривали установления полной справедливости в налоговом вопросе.

Далее говорилось, что подобное нововведение, конечно же, вызвало возражения, поскольку «невозможно действовать во имя общего блага, не затронув чьих-нибудь частных интересов». Однако сообщалось, что в целом высшие сословия признали «справедливость и необходимость земельного налога».⁵³

«Предисловие Жербье» было своеобразным обращением монархии к народу «за спиной» ее избранников-аристократов. Однако маневр правительства успеха не имел — слишком низко пал к тому времени его авторитет. Последовал лишь новый взрыв негодования нотаблей. Причем в осуждении Калонна члены собрания разных политических взглядов были совершенно единодушны: обращение к народу испугало всех. Герцог д'Аркур заявлял, что «никогда еще правительство не говорило так с народом». Ему вторил президент бордосского парламента Ле Бретон, добавляя, что с народом следует говорить «лишь посредством законов». Знаменитый маркиз Лафайет считал, что «это предисловие есть призыв к народу, и даже в Бостоне такой призыв рассматривали бы как подстрекательский».⁵⁴

Нотабли составляли пространные «постановления... по поводу предисловия, поставленного во главе мемуаров и в изобилии распространенного среди публики».⁵⁵ «Бюро берет на себя смелость заметить, — указывалось в одном из них, — что необычная форма своего рода обращения к народу несовместима с Конституцией Монархического Государства, в котором намерения суверена передаются нации лишь посредством органов, установленных законом (*organes des loix*); что целям короля ничто не противоречит более, нежели писание, способное возбудить в сознании толпы опасное брожение».⁵⁶ Одновременно собрание требовало, чтобы все его постановления были опубликованы и таким образом доведены до общественного мнения.

Однако теперь нотабли не только не оспаривали необходимости введения более справедливых форм налогообложения: «Нет такой жертвы, какую бюро не принесли бы, чтобы уменьшить народу бремя податей», — утверждали нотабли и разъясняли, что «если они и хотели сохранить для первых сословий отличающие их старые формы, так только требуя вместе с тем, чтобы их доля в обложении была равной доле всех других граждан».⁵⁷

Один из лидеров оппозиции в собрании, архиепископ Ломени де Бриенн, возмущенный демаршем правительства, записал в начале апреля в своем политическом дневнике: «Привилегированные, начиная с принцев, заявили, что они не желают больше пользоваться привилегиями, которые освобождают их от уплаты налогов в равной пропорции с остальными гражданами. Вот о чем следовало сказать народу вместо того, чтобы подстрекать его напыщенными рассуждениями о привилегиях, которыми пожертвовали без малейшего протеста даже самые августейшие из привилегированных».⁵⁸

Между тем на деле обсуждение территориального налога отнюдь не сопровождалось недвусмысленно выраженным «августейшим отказом» от фискальных привилегий. Эта точка зрения являлась в собрании далеко не всеобщей. И даже теперь среди нотаблей не было единства по этому вопросу. Как и раньше, они выдвигали несовместимые одно с другим требования о сохранении старых форм и одновременном обеспечении пропорционального распределения налогов.

Характерна критика «нового», предлагавшегося Калонном, в постановлениях начала апреля. «От народа скрывают, — утверждало третье бюро, — что территориальный налог в натуре, неизбежно взимаемый без учета предварительных затрат по культивированию почвы, из всех налогов стал бы самым вредным для сельского хозяйства, самым диспропорциональным по своим возможностям и самым разорительным с точки зрения расходов по его сбору». Так что он обязательно повлек бы за собой общее увеличение обложения для народа «независимо от того эффекта, который даст отмена привилегии»

С одной стороны, здесь повторены доводы физиократов о порочности сбора налога в натуральной форме и зависимости его исключительно от характера почв. Но, с другой — отчетливо вырисовывается мысль: отмена привилегий вовсе не панацея и не так уж важна для решения финансовых проблем, стоящих перед государством.

Итак, ни одно из важных предложений программы Калонна не было принято королевскими избранниками. Из планировавшихся преобразований в фискальной сфере собрание одобрило меры, касавшиеся талей, габели и дорожной барщины, причем отнюдь не безоговорочно, а подвергнув их иногда весьма резкой критике. В других вопросах (об изменениях системы поборов в торговле, расширении сферы действия гербового сбора) нотабли объявляли себя некомпетентными и заявляли, что утверждать их должны провинциальные собрания или даже Генеральные штаты.

Настоящим камнем преткновения оказался для правительства проект территориального налога, занимавший в плане Калонна центральное место. Несмотря на то что идея его отнюдь не была новшеством, несмотря на то что никто не оспаривал провозглашаемых в плане «справедливых» принципов налогообложения, а сам налог встречал поддержку значительной части нотаблей, тем не менее он оказался отвергнутым.

Причин тому было несколько. Первое — то, что определенная часть нотаблей принципиально была против перераспределения налогов. Прошли те времена, когда можно было безбоязненно говорить об этом открыто, однако они стремились противодействовать правительству в осуществлении его намерений. Особую роль тут сыграли представители высшего духовенства, которое Калонн собирался не только заставить платить всеобщий налог, но и лишить финансовой автономии. Принципиальные противники реформ применяли тактику саботажа, обструкции, причем с успехом играли на общих антиабсолютистских настроениях собрания.

Эти настроения и стали второй причиной того, почему правительство и нотабли не смогли договориться. Что бы ни делала монархия, какие бы эффективные меры ни предложила, — в ее твердость, политическую мудрость и последовательность никто уже не верил. Узнав о тяжелом положении финансов государства, требующем срочных мер, нотабли вместо одобрения этих мер потребовали созыва Генеральных штатов

Третьей причиной — как это ни парадоксально — стала ограниченность, половинчатость, «средневековая» громоздкость калонновского проекта. Исказив физиократическую идею территориального налога, реформатор подставил себя под огонь критики не только справа, но и слева; таким образом, он не мог рассчитывать на поддержку ни с той, ни с другой стороны

И, наконец, четвертая причина: потенциал либерализма «левых» нотаблей был также невелик. Некоторые, слишком радикальные, с их точки зрения, идеи Калонна они критиковали с правых позиций. Беспрецедентное же обращение министра к народу показалось им столь «революционным», что сразу отодвинуло реформаторские принципы на второй план, выдвинув вперед идею сдерживания брожения масс.

Все это вместе взятое и привело к провалу правительственного проекта. Однако постановка этого вопроса монархией, ход обсуждения его в собрании нотаблей показали, насколько актуальной, животрепещущей, «носящейся в воздухе» являлась в это время идея порочности налоговых привилегий высших сословий, насколько даже и самые консервативные их представители продвинулись в осознании невозможности защищать эту позицию

Итак, Калонн потерпел поражение и получил отставку. Однако возглавившего финансовое ведомство архиепископа Э.-Ш. Ломени де Бриенна⁶⁰ дефицит заставлял продолжать политику его предшественника. В июне эдикты о реформах были переданы на регистрацию в Парижский парламент

Настроения магистратов парламента в 1787 г не были однородны. В нем существовали группы ультрареакционеров (напри мер, Дюваль д'Эпремениль), умеренных (первый президент д'Алигр, президент Лефевр д'Ормессон) и так называемая американская фракция⁶² (советники Фрето де Сен-Жюст, Сен-Венсен; генеральный адвокат Эро де Сешель и президент Лепелетье де Сен-Фаржо, в будущем знаменитые якобинцы).⁶³ Последние составляли меньшинство в парламенте, однако весьма ошутимое, политически активное меньшинство.⁶⁴ Впрочем, абсолютизмом были недовольны и те, и другие, и третьи.

Парламент практически без возражений зарегистрировал эдикты об освобождении от регламентов торговли хлебом, о дорожной барщине, о провинциальных собраниях. Затруднения начались, когда магистратам был передан эдикт о гербовом сборе. Вслед за нотаблями они потребовали от правительства полного отчета о состоянии финансов, проверки дефицита, а также заявили, что утвердить подобное новшество вправе только Генеральные штаты.⁶⁵ Кроме того, парламент выдвинул идею экономии государственных средств за счет королевского двора. «Этих реформ (т.е. мер по экономии. — *Е.Л.*), — восклицали магистраты в одном из своих возражений, — каждый день ждут несчастные земледельцы, слезы которых орошают поля, земледельцы, обеспечивающие столько бесполезных расходов прежде, чем удовлетворить насущные потребности тех, кто их обрабатывает. Этих реформ ждут поденщики, еще более несчастные, у которых нет ничего, кроме собственных рук, чтобы прокормить себя и свою семью, и которые, будучи лишены самого необходимого, все же находят при своих скудных доходах возможность участвовать в расходах государства».⁶⁶ По сути дела, парламент предлагал решить задачу не за счет всех привилегированных, а за счет малой их части, паразитизм которой особенно бросался в глаза, — придворного дворянства. Предложение это явно содержало элемент демагогии, скрывало стремление магистратов отвести общественное недовольство от себя. Они не могли не понимать, что никакая экономия не покроет сотысячного годового дефицита.

Получив эдикт о территориальном налоге, парламент объявил его «разорительным» и отказался обсуждать, вновь потребовав созыва Генеральных штатов.⁶⁷ С этого момента между монархией и парламентом развернулась ожесточенная борьба. Правительство попыталось применить практику «королевского заседания» и зарегистрировать эдикты по приказу короля. Однако парламент накануне специальным постановлением снял с себя ответственность за предстоящую принудительную регистрацию, а после заседания протестовал против нее еще раз.⁶⁸

Общественное мнение было в этой ситуации на стороне парламента, начались выступления в его поддержку парижских низов. Испугавшийся Бриенн сослал парламент в полном составе в Труа. Но и это не решило проблемы. Финансовые затруднения усугублялись, взимать же какой-либо новый побор в обход парламентов⁶⁹ в таких условиях было невозможно. Следствием ссылки Парижского парламента стало к тому же нарушение функционирования суда.

Бриенну пришлось договариваться с магистратами. Ценой договоренности стала принципиальная уступка правительства: отказ от введения территориального налога.

Таким образом, можно констатировать, что, как и раньше, во время собрания нотаблей, нерв разногласий между монархией и аристократией заключался в налоговом вопросе. Судейское дворянство также отвергало проект всеобщего поземельного налога.

Аргументируя свои протесты, магистраты многое заимствовали у нотаблей. Специфика их доводов была обусловлена исключительностью положения парламентов на политической арене, профессиональными особенностями, кастовой замкнутостью юридической корпорации.

Так, повторяя быстро ставшее лозунгом дня требование созыва Генеральных штатов, парламент в то же время вновь выдвигал свои давние претензии на представительство нации перед королем. Судейским магистратам всегда важно было подчеркнуть их антиабсолютистские, или, как они говорили, «антидеспотические» позиции.

Говоря о «разорительности» территориального налога, магистраты не опирались на идеи физиократов. Они привлекали идейно терминологический арсенал науки своего времени, но лишь когда речь шла о рассуждениях самых общих, теоретических. Парламент утверждал, например, что налоги должны взиматься «лишь в целях обеспечения общественного спокойствия и личной свободы граждан»⁷⁰, т.е. отсылал к теории общественного договора. Подразумевалось, что гербовый сбор, о котором в данном случае шла речь, этому требованию не соответствовал. В значительной степени так оно и было, и, вероятно, подобные суждения в парламентских документах отразили недовольство части магистратов порочностью всей фискальной системы государства.

Однако, когда дело доходило до конкретных мер, верх брали отнюдь не просветительские настроения. По поводу обложения непроизводительно используемых земель парламент заявлял, например, что таким образом дворяне будут «как бы изгнаны из своих замков», тогда как «именно возможность уединения в замках побуждает их любить Францию».⁷¹ В том же постановлении говорилось, что обложение всех сословий единым налогом «противоречит первоначальным установлениям Нации», что «самое высшее дворянство должно с дрожью принять на себя обязательство платить налог вместе с его подданными».⁷²

В парламентских документах часто привлекается традиционалистская, «историческая» аргументация. Так, в ремонстрации о гербовом сборе подробно напоминалось, как взимались налоги во Франции, начиная от правления Карла V (1364—1380) до Генриха IV, с целью показать, что ничего подобного предлагаемому правительством тогда не было.⁷³

Протесты и ремонстрации Парижского парламента по фискальным вопросам лета 1787 г носят по преимуществу аристократический характер, демонстрируют отсутствие у большей части магистратов желания расставаться со своими привилегиями. Но демонстрируют они также и отчетливо осознанную ими необходимость скрывать подобные настроения, подчеркивать заботу о благе народа. Умеренно настроенная часть магистратуры, составлявшая большинство, проголосовала за сочиненную Дювалем д'Эпременилем мракобесную ремонстрацию. Это не означает, однако, что она полностью разделяла выражавшиеся в ней взгляды. Сказалась общая антиабсолютистская направленность деятельности парламента, особенности политической обстановки. Престижу монархии только что был нанесен чувствительный удар. Требования, выдвинутые нотаблями, обусловили общественный подъем, вспышку недовольства правительством. А во главе недовольных, по иронии истории, оказался парламент как единственная политическая корпорация, имевшая право возражать королю. Характерно, что в это время парламент не терял популярности, даже когда открыто выступал с антинародных позиций.⁷⁴ Такая конъюнктура способствовала росту своеобразной «дерзости» парламента, ужесточению господствовавших в нем настроений.

К концу сентября переговоры между правительством и парламентом привели к достижению компромисса. Парламент возвращался в Париж. Король отменял эдикты о территориальном налоге и гербовом сборе. Вместо этого до 1792 г.⁷⁵ продлевалось действие двадцатин, которые Бриенн рассчитывал взимать с большей эффективностью, производя их проверки. Таким образом, за неудавшимся широким реформаторским планом следовала попытка решить финансовую проблему исключительно авторитарно-абсолютистскими методами, восходящими к аналогичным мерам конца 60-х—начала 70-х годов.

Подобные действия правительства всегда влекли за собой вполне определенную реакцию привилегированных. Как раньше аристократия стремилась уклоняться от полного обложения своих доходов, как раньше парламенты противодействовали проведению проверок, так и теперь магистраты начали жаловаться, что действия агентов фиска незаконны, проверки неверны. 29 апреля 1788 г советник Гуалар де Монсабер выступил в парламенте с обвинением администрации в злоупотреблениях при взимании двадцатин. Парламент принял постановление, в котором явно демагогически заявлял, что взимаемые двадцатины на 84 млн ливров превышают планировавшийся ранее территориальный налог.⁷⁶

В подобной защите всех привилегированных (не только дворян) от абсолютистских налогов: капитации, десятины, двадцатин — парламент видел свою естественную прерогативу с тех пор, как они возникли. Парламент представлял дело как защиту интересов всех облагаемых налогом. Однако на фоне широкого распространения и обсуждения чисто буржуазных принципов общественного устройства такая позиция выглядит анахронизмом.

Выступления парламента против двадцатин происходили в период, когда вопрос о налоговых привилегиях, о справедливых принципах налогообложения на время был как будто снят. Он ушел из непосредственного поля зрения конфликтующих политических сил и наблюдавшего за ними общества. На первый план вышла борьба парламентов за свое существование, летом 1788 г. принявшая формы «дворянского бунта». Почти во всех парламентских городах он сопровождался бунтами народными. К концу лета 1788 г. во Франции сложилась революционная ситуация.

Король был вынужден восстановить парламенты, дать отставку Бриенну и хранителю печатей Ламуаньону, поручить руководство финансами в высшей степени популярном Неккеру. В начале августа была объявлена дата открытия Генеральных штатов — 1 мая будущего года, причем правительство выпустило и разослало повсюду предписание «производить изыскания» по поводу их форм.

Вскоре страна была буквально наводнена брошюрами. Началась настоящая памфлетная война. Теперь вопрос о сословных привилегиях вообще, а не только фискальных, ставило не правительство, планировавшее реформы, а многочисленные буржуазные публицисты. Их политические претензии шли значительно дальше всех реформаторских устремлений монархии. Третье сословие выдвигало собственную политическую программу.

Активная политическая оппозиция абсолютизму со стороны дворянства, сыгравшая немаловажную роль в разворачивании кризиса, в это время быстро сошла на нет. Возвращенные парламенты перестали фрондировать. В Парижском парламенте, как и в большинстве провинциальных, перед лицом мощной оппозиции третьего сословия возобладали консервативные настроения. 25 сентября парламент заявил, что Генеральные штаты должны быть созваны по образцу 1614 г.⁷⁷

И в изменившихся условиях с необычайной легкостью аристократия отказалась от фискальных привилегий. Первыми об этом в начале декабря 1784 г. заявили нотабли.⁷⁸ На этот раз все бюро выражали «единодушное пожелание, чтобы общественные налоги распределялись более равномерно и чтобы они падали пропорционально на все сословия».⁷⁹

Своего рода официальным отказом высшей аристократии от фискальных привилегий стало так называемое письмо принцев, или «Мемуар, представленный королю монсеньорами графом д'Артуа, принцем Конде, герцогом Бурбоном, герцогом Энгиенским и принцем Конти». Оно было составлено в середине декабря и распространялось в виде брошюры. Высшие представители дворянской иерархии Франции громогласно предостерегали монарха от каких бы то ни было перемен. «Революция готовится в принципах управления» — так характеризовали принцы обстановку в стране. Они отмечали общее «брожение умов», «крушение священных установлений», положение, когда «каждый автор считает себя законодателем». В случае нарушения древних форм Генеральных штатов и хоть малейшего посягательства на права двух первых сословий принцы предрекали раскол общества и гибель монархии.⁸⁰

«Пусть третье сословие перестанет нападать на права первых двух — права, которые будучи столь же древними, как монархия, должны быть так же незыблемы, как ее конституция. Пусть оно ограничится лишь просьбами об уменьшении налогов, которыми оно перегружено». И тогда великодушное дворянство само откажется от своих налоговых привилегий, в чем принцы желали быть примером.⁸¹

Декларация принцев была 20 декабря поддержана «Палатой пэров», т.е. Парижским парламентом в присутствии герцогов и пэров, а затем провинциальными парламентами.⁸² С этого времени налоговые привилегии не защищал уже практически никто. Вопрос был снят сам собой. Развивающаяся политическая борьба легко «перешагнула» через него и устремилась к решению задач более принципиальных.

Итак, рассмотрение отношения дворянских политических корпораций к фискальным привилегиям накануне революции показывает, что среди их членов было очень сильно желание сохранить привилегии. Однако задача становилась все более трудной. С одной стороны, уже несколько десятилетий привилегированным приходилось защищать свой кошелек от посягательств абсолютистского государства. С другой — передовая наука квалифицировала неравномерность распределения налогов как тормоз на пути прогресса. И ее выводы подхватывало не только общественное мнение, на них стала ссылаться и монархия. Таким образом, масса дворянства была к концу 80-х годов вполне подготовлена к лишению фискальных преимуществ. И если она пыталась защищать их в начале политического кризиса (причем «приукрашивая либеральными фразами отстаивание своих цеховых интересов»⁸³), то быстро сдала эту позицию перед лицом поднимавшегося третьего сословия.

Большое влияние на позицию дворянства в этом вопросе оказывали его антиабсолютистские настроения. Централизаторско-авторитарная политика монархии в XVIII в была связана с утверждением абсолютистских налогов. Сложились определенные традиции борьбы привилегированных с «деспотизмом» именно в фискальной области. В условиях политического кризиса кануна революции эта борьба продолжалась и обострялась. Так что отказываясь от введения территориального налога, Бриенн уступал парламент собственно не столько в вопросе либерального реформирования, сколько в вопросе утверждения абсолютистских принципов.

Эта активная антиабсолютистская деятельность аристократ и прекратилась на фоне подъема народного протеста. И сразу потеряла прежнюю актуальность и защита налоговых привилегий. Вместе с тем внутри самого сословия в последние десятилетия перед революцией происходил процесс размежевания, уже в ходе революции приведшего к расколу дворянства. Выделялось меньшинство, готовое на компромисс с буржуазией и, в частности признающее необходимость налогового равенства сословий. В ходе предреволюционного кризиса это размежевание, усиливающее различие политических убеждений и позиций внутри дворянства, обозначалось все более четко. Точка зрения этого меньшинства высказывалась еще в первом собрании нотаблей. Она почти не отразилась в документах по фискальному вопросу парламента. В конце концов она возобладала, но когда сам вопрос потерял значение и «налоговое равенство уже ничего не изменяло».

Отношение дворянства к фискальным привилегиям накануне Великой французской революции свидетельствует о том, что в массе своей оно не проявляло самостоятельного стремления к реформам понимания их необходимости. Разногласия по этому вопросу противоречивость позиции и их эволюция отражают общее размежевание внутри дворянства и свидетельствуют о его кризисе как единого господствующего класса Старого порядка.

1 Шере Э. Падение старого режима, 1787—1789: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1, гл. 3. С. 124, 139—140, 168—169 и др.; Marion M. Histoire financiere de la France depuis 1715. P., 1927. Т. 1. Р 391—394; Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции: Падение монархии, 1789—1792. Л., 1982. С. 55—57

2 Шере Э. Указ.соч. Т.2. С 311—312; Gomel Ch. Les causes financiers de la Revolution francaise: Les derniers controleurs generaux. P., 1893. Ch. 15. Т.е. около 84%. См.: Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С.139.

3 Здесь не рассматривается вопрос об эволюции позиции духовенства. Она выглядит не менее впечатляющей и парадоксальной. Еще в мае—июне 1788 г. собрание духовенства категорически отвергало саму возможность какого бы то ни было покушения на свой фискальный иммунитет. Не существует исследования наказов первого сословия, аналогичного книге Л.А.Пименовой. Однако простое ознакомление с ними ряда исследователей показало, что идея отказа от налоговых привилегий была и в них широко распространена. (См., напр.: Шере Э. Указ.соч. Т.2. С.310—311; Marion M. Histoire financiere... P.440.

- 5 Gomel Ch. Op. cit. P. 183—185; Marion M. Histoire financiere... P.48.
- 6 Stourm R. Les finances de l'Ancien Regime et de la Revolution P., 1885. T.1. P.54—55; Marion M. Dictionnaire des institutions de la France au XVII et XVIII siecles. P., 1923. Art. Capitation», «Vingtieme»; Villain J. Le Recouvrement des impots directs sous l'Ancien Regime. P., 1952. P.240—244; Ambrosi Ch. Apercu sur la repartition et la perception de la taille au XVIII siecle Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1961. Vol.8. P.299.
- 7 Marion M. Dictionnaire des institutions... Art. «Gabelle» — о различиях во взимании габели (соляного налога).
- 8 Marion M. Les impots directs sous l'Ancien Regime, principalement au XVIII siecle. P., 1910. P.4—5.
- 9 Ibid. P. 8; Idem. Histoire financiere... P.4—5; Villain J. Op.cit. P.254.
- 10 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.190.
- 11 Behrens B. Nobles, Privileges and Taxes in France at the End of the Ancient Regime Economic History Review. 1963. N 3. P.451—475, Eadem. The Ancient Regime. L., 1967. P.46—62.
- 12 А.Гудвином, Р.Дарнтоном. См. об этом.: Cavanaugh G.J Nobles, Privileges and Taxes in France: A Revision Reviewed French Historical Studies. 1974. Vol.8, N 4. P.681.
- 13 См. главным образом: Cavanaugh G.J. Op.cit. P.681—692; Cavanaugh A., Mazauric C, Robin R. La Resolution francaise a-t-elle eu lieu? Nouvelle critique. 1972. N 52. P.33—35.
- 14 Вот характерная выдержка из наказа третьего сословия бальяжа Немур Генеральным штатам 1789 г., составителем которого был знаменитый физиократ Дюпон де Немур: «Трудно поверить, но достаточно быть богатым, чтобы стать дворянином, и стать дворянином, чтобы перестать платить; так что есть лишь одно средство ускользнуть от обложения — нажить состояние» (Цит. по: Storum R. Op.cit. P.53). См. также данные современных исследователей по разным провинциям: Forster R. The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century. Baltimore, 1960. P.188; Saint-Jacob P. de. Les paysans de Bourgogne du Nord au dernier siecle de l'Ancien regime. P., 1960. P.281—300; Poitrineau A. La vie rurale en Basse-Auvergne au XVIII siecle. P., 1965. P.357. А.Пуатрино приводит, например, следующий факт: в 1740 г. дворянство Оверни заплатило 2334 ливра капитации из 605 959 ливров уплаченных налогоплательщиками всей провинции. Следует учесть, что духовенство этого налога вообще не платило, откупившись от него раз и навсегда в 1710 г. К концу Старого порядка распределение налогов не стало более равномерным — наблюдалась обратная тенденция.
- 15 Cavanaugh G. I. Op.cit. P.688—691
- 16 До этого капитация действовала как чрезвычайный налог с 1695 по 1698 г. во время войны с Аугсбургской лигой. О капитации и десятине см.: Marion M. Dictionnaire des institutions... Art. «Capitation»; Art. Dixieme».
- 17 Weulcrsse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 a 1770. P., 1910. T.1
- 18 Recueil general des anciennes lois francaises, depuis l'an 420 jusqu'a la Revolution de 1789. P., 1824. T.22. P.225.
- 19 Фор Э. Опала Тюрго. М., 1979. С.431—434.
- 20 Подробно об этом см. статью И.Б.Берго в настоящем сборнике. http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf
- 21 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.172.
- Caionne Ch.-A. de. Reponse de M. de Calonne a l'ecrit de M. Necker, publie en Avril 1789, contenant l'examen des comptes de la situation des finances rendus en 1774, 1776, 1781, 1783 et 1787 avec des observations sur les resultats de l'Assemblee des notables. L., 1788. P. 84. (Pieces justif icatives ou accessoires. Precis d'un plan d'amelioration des finances).
- 23 Archives parlementaires, de 1787 a 1860; Recueil complet des debars legislatifs et politiques des chambres franchises Fonde par J. Madival, E. Laurent. Ser.1. P., 1862. T.1. P.194 (Далее: AP). Речь Ш.-А. де Калонна при открытии собрания нотаблей 22 февраля 1787 г.
- 24 Ibid. P.203.
- 25 Ibid. P. 203—204.
- 26 L'Assemblee des notables de 1787. La conference de 2 mars Texte publ. avec introd. et notes par P. Renouvin. P., 1920. P.24 (далее: La conference de 2 mars).
- 27 AP. P. 205.
- 28 Ibid. 31 Ibid. P.215—219.

29 Ibid. P.207. 32 Ibid. P.212—213, 214.

30 Ibid. P.205. 33 Ibid. P.228—229.

34 Подробно о составе и работе собрания нотаблей см.: Лебедева Е.И. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции и эволюция политических позиций дворянства Французский ежегодник, 1985. М., 1987. С.170—192.

35 Вместе с тем в бюро раздавались голоса, требовавшие распространения этой подати на все сословия. См.: Journal de l'Assemblée des Notables de 1787 par le comte de Brienne et E.-Ch Lomenie de Brienne archeveque de Toulouse Publ. par P. Cheallier. P, 1960. P.28.

36 AP. P.216-220.

37 В речи на открытии собрания Калонн изложил историю формирования бюджетного дефицита с начала царствования Людовика XVI. Он огласил сумму дефицита — более чем 100 млн ливров в год по его оценке. См.: AP. P.189— 197.

38 AP. P.216—220; La conference de 2 mars. P.3-5.

39 Правда, он высказывает в то же время сомнение, не является ли введение такого налога преждевременным. См.: Ibid. P.43.

40 Ibid. P. 9, 25, 28, 30, 55 ff.

41 Ibid. P. 57.

42 Ibid. P. 34—35.

43 Blain de Sainmore A.-M. Lettres, 1731 — 1794 / Центр гос. арх. лит. и искусства СССР. Ф.1321. Оп.1. Д.5. Л.38 (далее: ЦГАЛИ). Это Этьен-Жак-Кристоф Грандьер. См.: AP. P.183.

44 Ibid. P. 220.

45 La conference de 2 mars. P.3—5, 11—13, 21, 39—41 ff.

46 AP. P.216—220.

47 Ibid. P.208.

48 Calonne Ch.-A. de. Collection des memoires presentes a l'Assemblée des notables par M. de Calonne, controleur general des finances. Versailles, 1787.

49 Экземпляр такой листовки приложен к донесению в Петербург от 7 апреля русского посла во Франции И.М.Симолина. См.: Архив внешней политики

49 России. Ф. Сношения России с Францией. 1787. Оп.936. Д.447. Л.122—123 (далее: АВПР).

50 Почти одновременно с этим 2 апреля интендантам были разосланы предписания об обследовании «положения платящих талью и привилегированных» (L'etat des taillables et privileges), т.е. соотношения имущественного положения налогоплательщиков и величины налогов. Калонн надеялся таким образом получить убедительный материал о непропорциональном распределении налогового бремени. Последовавшая вскоре его отставка, а затем закрытие собрания нотаблей лишило это мероприятие смысла. См. об этом: Bouloiseau M. Une enquete de Calonne: taillables et privileges en Haute Normandie French Historical Studies. 1972. Vol.7. N 4. P.503—528.

51 См.: АВПР. Ф.Сношения России с Францией. 1787. Оп.36. Д.447. Л. 122.

52 Там же. Д.123.

53 Там же.

54 Journal de l'Assemblée des notables. P.45.

55 См.: АВПР. Ф.Сношения России с Францией 1787. Оп.936. Д.447. Л.136. К донесениям И.М.Симолина приложены постановления третьего, пятого и шестого бюро.

56 Цитируется постановление пятого бюро См.: Там же. Л. 145.

57 Постановление третьего бюро. См.: Там же. Л.18; в постановлении пятого бюро аналогичная мысль: «Это писание («предисловие Жербье». — Е.Л.) утаивает, что первые сословия государства, сами потребовав чтобы их участие в общественных повинностях было пропорционально участию других граждан, ограничились пожеланием сохранения старинных форм, которые их отличают». Там же. Л.146.

58 Journal de l'Assemblée des notables P.114.

59 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1787. Оп.936. Д.447. Л.149.

60 Бриенн был назначен главой только что созданного Финансового совета, а чуть позднее получил титул главного министра Генеральным контролером стал Лоран де Вилледель.

- 61 О структуре и функциях Парижского парламента см Schennan J.-H. The Parlement of Paris. L , 1968, Лебедева Е И Парижский парламент и абсолютизм накануне Великой французской буржуазной революции Проблемы новой и новейшей истории М., 1982. С.49—51.
- 62 Т.е. сторонников принципов американской революции.
- 63 См. Шере Э. Указ.соч. Т.1. С.243—244.
- 64 См. Лебедева Е.И. Парижский парламент и абсолютизм. С.49—63.
- 65 Les Remontrances du Parlement de Pans an XV¹¹¹ siecle Publ par J Flammermont P., 1898. Т.3. Р.664—676.
- 66 Ibid. Р.675.
- 67 Ibid.
- 68 Les Remontrances. Р.688.
- 69 Провинциальные парламенты поддерживали столичный и также вступили в конфликт с правительством.
- 70 Les Remontrances. Р.671.
- 71 Ibid. Р.690.
- 72 Ibid. Текст этого постановления составлен Дювалем д'Эпременилем.
- 73 Ibid. Р.675.
- 74 Так, 13 августа, когда парламент принял постановление, в котором заботился о «возможности уединения» аристократов в замках, плотная толпа народа окружила Дворец правосудия и громкими аплодисментами встречала каждого магистрата. См. ЦГАЛИ. Ф.1321. Оп.1. Д.5. Л.132.
- 75 В 1792 г. король обещал созвать Генеральные штаты.
- 76 Les Remontrances. Р.736.
- 77 Ibid. Р.777—779.
- 78 О втором собрании нотаблей см.: Лебедева Е.И. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции... С.187— 191.
- 79 AP. Р.432.
- 80 Ibid. Р.487-488.
- 81 Ibid. Р.488.
- 82 Шере Э. Указ.соч. Т.2. С.124.
- 83 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. С.149.
- 84 Как пронизательно писал Блен де Сенмор. См. ЦГАЛИ. Ф.1321. Оп.1. Д.7. Л.7.

Л. А. Пименова

ПРОСВЕЩЕНИЕ И «ДВОРЯНСКИЙ РАСИЗМ»

особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988. С.59-74.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

В обширной литературе, посвященной истории Франции XVIII в., неоднократно затрагивалась проблема идейных позиций дворянства и дворянской идеологии. Однако считать данные вопросы исчерпанными нельзя, и при их изучении исследователи до сих пор сталкиваются с немалыми трудностями. С одной стороны, широко известны приверженность дворянства сословным привилегиям и его враждебность идее гражданского равенства. Но, с другой стороны, не менее общеизвестны вольнодумство и увлечение идеями философов-просветителей, распространенные во второй половине XVIII в. в среде французской аристократии. В настоящее время изучение французского дворянства Старого порядка приобрело особую научную актуальность в связи с полемикой, которая ведется вокруг концепции Великой французской революции в современной историографии. Эта полемика получила подробное и всестороннее освещение в марксистской литературе¹. Историки сейчас уделяют значительное внимание дворянству предреволюционной Франции, потому что та или иная трактовка социального положения и классовой сущности дворянства, его идейно-политических позиций является принципиально важным звеном в построении общей концепции классовой и политической борьбы накануне и во время Великой французской революции.

Ф.Фюре, Д.Рише, Г.Шоссинан-Ногаре и другие авторы предлагают рассматривать дворянство как часть надклассовой элиты, объединенной культурой Просвещения и общими чертами образа жизни. С одной стороны, просвещенная либеральная элита противостояла абсолютизму, с другой — консервативным и темным народным массам². По мнению Г.Шоссинан-Ногаре, Просвещение было идеологией дворянства даже в большей мере, нежели буржуазии, а предвыборные наказания дворянства Генеральным штатам 1789 г. свидетельствуют о его идеологической и культурной общности с верхушкой третьего сословия.³

К принципиально иным выводам пришел М.Вовель, выявивший путем исследования завещаний представителей разных сословий Марселя различия в мировоззрении дворян и простолюдинов, скрытые за общей просветительской культурой дворянско-буржуазной элиты.⁴

Советские историки, проявляя интерес к проблемам дворянской идеологии и идейных позиций французского дворянства XVIII в., обращались к изучению дискуссии о дворянском предпринимательстве, развернувшейся во Франции в середине столетия.⁵ Мы же попытаемся проследить распространение основных течений дворянской идеологии XVIII в. на уровне массового сознания.

* * *

Прежде чем приступить к рассмотрению дворянской идеологии XVIII в., остановимся на идейных традициях, которые она развивала. В многочисленных произведениях дворянских идеологов XVI—XVII вв. Бартеlemi де Шассене, Ле Лабурера, де Ла Рока, Ле Менетье и других обосновывалась сословная структура общества, т.е. деление людей на привилегированных и непривилегированных. В их работах нашла теоретическое отражение дворянская система ценностей. Ее основополагающими компонентами были «военная служба» и «род». Первый из них определял особое положение дворянства в обществе как сословия, выполняющего исключительно важную и почетную социальную функцию. Второй придавал этой функции наследственный характер, закрепляя ее за данным сословием. Дворянские идеологи XVI—XVII вв. придавали столь большое значение знатному происхождению и древности рода, что представляемое ими течение общественной мысли получило в литературе название «дворянский расизм».⁶

В дворянском идейном наследии XVI—XVII вв. имелась и иная традиция. Ее представляли в XVI в. так называемые монархомахи, а в XVII в. — идеологи парламентской Фронды. И те и другие отрицали абсолютную власть монарха и в противовес ей отстаивали политические prerogatives привилегированных сословий. Но в отличие от приверженцев «дворянского расизма» они не защищали эти prerogatives открыто, а пропагандировали идею ограничения власти монарха сословным органом, выполняющим функцию хранителя «основополагающих законов» королевства. Для монархомахов таким органом были Генеральные штаты, для парламентских идеологов — парламенты.⁷

Традиции дворянской идеологии прошлых веков и дворянская система ценностей продолжали жить и в XVIII в. Дворянская «расистская» теория получила в первой четверти XVIII в. развитие в трудах графа Анри де Буленвилье. Он считал дворян прямыми потомками франков — покорителей Галлии, высшей расой победителей. С его точки зрения, звание дворянина могло передаваться только по наследству. Буленвилье не признавал за королями права аноблировать и мыслил себе дворянство замкнутым военным сословием, унаследовавшим от предков высокий социальный статус, привилегии и власть над третьим сословием (потомками покоренных галлов). Все эти права «принадлежат франкам от рождения как завоевателям и не обязаны своим происхождением щедрости или милости государей».⁸ К богатству, буржуазной ценности, Буленвилье относился с презрением и считал его чуждым истинному, т.е. военному, дворянству. «Роскошь при Франциске I, — писал он, — погубила дворянство, сделав его придворным».⁹ «Дворянский расист» Буленвилье испытал на себе влияние доктрины естественного права. Но при этом понятия «естественного права» и «естественного закона» получили у него специфически дворянскую трактовку. Все традиционное он понимал как соответствующее естественному праву и с этих позиций доказывал справедливость сословного неравенства: «Конечно, с точки зрения публичного права, все люди равны. Насилие установило различия между Свободой и Рабством, между Дворянством и Третьим сословием; но несмотря на это, обычай утвердил неравенство в мире столь давно, что оно обрело силу естественного закона».¹⁰

Другой видный проповедник «дворянского расизма» XVIII в. — герцог Сен-Симон. Его идейно-политическое кредо изложено в «Мемуарах», написанных в 40-х годах XVIII в. Сен-Симона возмущали аноблирования чиновников и судебных королевской властью, возвышение новой, невоенной знати. «Высочайшая милость, — писал он, — всегда превосходит самые безумные новшества, которые низость света создает и присваивает».¹¹ Аноблированные магистраты, по мнению Сен-Симона, так и оставались не дворянами, а потомками буржуа, «неизвестными новичками из города», обязанными помнить, «кем были они и кем были другие».¹² В отличие от Буленвилье Сен-Симон не считал, что благородное происхождение делает всех родовитых дворян равными. Герцог был сторонником строгой внутрисословной иерархии, верхнюю ступеньку в которой должны занимать герцоги и пэры, потомки старой феодальной военной знати. Он считал, что эта знать, вытесненная с государственных постов людьми низкого происхождения, утратила по праву принадлежавшую ей политическую власть. В «Мемуарах» Сен-Симона нашли выражение идеи выступившей на политической сцене в конце XVII—начале XVIII в. оппозиции герцогов и пэров, претендовавших на роль советников короля и лидеров дворянства.¹³

В творчестве шевалье д'Арка сочеталось влияние трех традиций: дворянской, парламентской и официальной доктрины абсолютизма с ее идеей божественного происхождения неограниченной власти монарха. Д'Арк был плодовитым публицистом. Наибольшую популярность завоевали такие его произведения, как «Военное дворянство, или Французский патриот» (1756), неоднократно переиздававшееся и переведенное на немецкий язык, «Очерки администрации» (1786) и «О созыве генеральных штатов и о необходимости создать четвертое сословие Государства» (начало 1789 г.). Д'Арк восставал против возвышения неродовитых людей.

Его общественный идеал — сословная иерархия, основанная на принципе чести. Призвание дворянства как высшего сословия королевства — военная служба. Король имеет право аноблировать только за военные заслуги. «Обязанности дворянства вообще и во Франции, так же как и в других воинственных государствах, в особенности состоят в том, чтобы поддерживать славу и защищать интересы государя и нации, проливать кровь до последней капли за тех, чей повседневный труд обеспечивает ему существование и достаток; а также вершить правосудие над гражданами в соответствии с законами, которые дворянство должно сохранять, — вот та доля суверенной власти, которую монарх препоручает дворянству».¹⁴

Д'Арк призывал дворян к аскетизму и строгости нравов, осуждал придворную роскошь. Его страшила власть денег, заставляя вспомнить историю гибели Карфагена. Богатство он презирал и считал несовместимым с принципом чести: «В былые времена почиталось за бесчестье выбирать между скромностью и богатством»; «это оскорбительное великолепие свидетельствует против чести».¹⁵ Роскоши д'Арк противопоставлял традиционные дворянские ценности — военную службу и доблесть: «Война очищает государство от праздных людей, которые всегда опасны, и в то же время она, так сказать, поддерживает и питает мужество и дисциплину. Она предотвращает последствия роскоши, восстанавливает, по меньшей мере на время, простоту нравов и пробуждает естественные чувства».¹⁶

Большое значение д'Арк придавал парламентам и характеризовал их как орган, представляющий нацию. Реализуя свое право регистрировать королевские постановления, они, по его мнению, выражали согласие нации с волей короля. Однако д'Арк не считал, что назначение парламентов состоит в том, чтобы ограничить власть монарха. Его политический идеал — абсолютная монархия, при которой король держит ответ лишь перед богом. В 1789 г. Д'Арк высказался против созыва Генеральных штатов, так как видел в этом угрозу существующему политическому режиму.¹⁷

В дворянской предреволюционной (1787—1789 гг.) памфлетной литературе консервативного толка, полемически заостренной как против устремленного к гражданскому равенству третьего сословия, так и против реформаторских попыток абсолютизма, заметно влияние традиционных дворянских доктрин. В них дворянство изображалось носителем истинных добродетелей, таких, как честь и верность. Привилегированный социальный статус дворянства объяснялся знатным происхождением, заслугами предков и прирожденным призванием к военной службе. В ряде памфлетов отвергалась принадлежность дворянства и третьего сословия к одной нации.¹⁸

Парламентские лидеры XVIII в. для аргументации своих политических претензий опирались на традиционную теорию политического верховенства «основополагающих законов» французской монархии, хранителем которых выступал парламент. Вместе с тем эта доктрина в XVIII в. испытала на себе влияние идей конституционализма. В официальных документах Парижского парламента и сочинениях идеологов «мантии» парламенты изображались хранителями «конституции» и «прав нации», т. е. традиций и привилегий, которые королевская власть не имела права нарушать. Например, адвокат Парижского парламента Ле Пеж опубликовал в 1753—1754 гг. «Исторические письма о существенных обязанностях Парламентов, о праве пэров и об основополагающих законах королевства», в котором показал происхождение парламентов от общего собрания древних германцев, названного им «общим парламентом». Ссылаясь на политические прерогативы и вольности своих предков франков, Ле Пеж утверждал принцип «народного суверенитета», который в его трактовке означал суверенитет парламентской аристократии.¹⁹

Предвыборные указы дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г., представляющие собой уникальную для всего периода нового времени аналогию современным опросам общественного мнения, позволяют сделать вывод, что традиционная дворянская система ценностей сохранялась на уровне массового сознания. В наказах часты обращения к славному прошлому дворянства. В 42 из сохранившихся и опубликованных 165 наказов авторы ссылались на заслуги предков и древние основополагающие законы французской монархии, дабы обосновать законность своего привилегированного статуса: «Французские дворяне представляют собой сословие, в ряды которого Карл Великий посвящал своих детей, давая им короны. Сословие, членов которого Филипп Святой называл опорой королевской власти и короны... привилегии дворянства вовсе не является узурпацией: они являются, с одной стороны, остатком древних вольностей, которыми обычно пользовались наши предки франки, с другой — наградой за службу и кровь, пролитую поколениями наших предков...»²⁰ Подобные высказывания представляют собой отголоски «дворянского расизма». Дворянство выглядит в них происходящей от франков наследственной кастой.

Более 20 наказов определяли дворянство как военное сословие, призванное служить королю и родине и наследующее воинственный дух и доблесть своих предков франков: «Самая обычная профессия дворянина — военная... Дворянство... во все времена жертвовало кровью и имуществом ради своего короля и сейчас с энтузиазмом и признательностью вновь приносит клятву верности своему августейшему монарху... Отличительными чертами французского дворянства всегда были патриотизм и честь».²¹

Авторы писали о дворянстве как о сословии, обладающем прерогативами политической власти; как о «первой и главной опоре законов и монархии... самой прочной опоре трона...»; о «короле... первом среди дворян...»²²

Традиционная дворянская система ценностей прослеживается не только в рассуждениях о дворянском сословии и его предназначении, но и в требованиях создать геральдический трибунал, предотвращать случаи самовольного присвоения дворянского титула, сохранить военный ордонанс 1781 г., затрудняющий аноблированным доступ к офицерскому званию. Все это свидетельствует об авторитете древности рода и сохранении «дворянского расизма».

Представление о дворянстве как о сословии воинов нашло отражение в требовании исключительного права дворян становиться офицерами. Многие говорили о том, что званием дворянина надо награждать за отличия на военной службе;²³ предлагали аноблировать за мужество и доблесть.²⁴ Претензии дворянского сословия на prerogatives политической власти выражались в требованиях сохранить привилегии дворян занимать административные и судебные должности и образовывать в Генеральных штатах особую палату, обладающую одним голосом из трех.

* * *

При сохранении влияния дворянских идеологических традиций и традиционной дворянской системы ценностей изменения в положении этого сословия вели к сдвигам в его идейных ориентациях. В течение XVIII в. дворянство Франции значительно пополнилось выходцами из третьего сословия.²⁵ Персональное обновление дворянства обусловило то, что, хотя по-прежнему социальный престиж знатного происхождения и древнего рода был исключительно высок, отношение к аноблированным все же менялось. Многие стали воспринимать их уже не как выскочек-буржуа, а как дворян. Показательно различие между изданиями «Всеобщего словаря» Фюретьера, относящимися к XVII и XVIII вв. В 1690 г. в статье «дворянин» говорилось: «Истинные дворяне — это Дворяне расы, Дворяне по крови, по происхождению».²⁶ Определение понятия «дворянин» в издании 1727 г. отличается меньшей жесткостью: «Дворянам расы, Дворянам по крови, по происхождению отдается предпочтение перед прочими».²⁷ Знаменателен тот факт, что на выборах 1789 г. впервые в собраниях дворянского сословия получили право принимать участие все дворяне, независимо от древности рода.²⁸ На предыдущих выборах аноблированные включались в списки избирателей третьего сословия. Характерно не только само это новшество, но и то, как оно было воспринято современниками. Если прочие отступления от формы выборов 1614 г. порождали острые дискуссии — о числе депутатов от каждого сословия, о процедуре голосования, — то это изменение прошло незамеченным, как бы само собою разумеющимся.

Другим социальным процессом, имевшим важные последствия, было произошедшее в течение XVIII в. сближение военного по происхождению «дворянства шпаги» и чиновного «дворянства мантии».²⁹ Долгое время феодальная знать не признавала «дворянства мантии» частью дворянского сословия. Но шло время, сменялись поколения, и потомки аноблированных чиновников становились родовитыми дворянами. Упрочение социального статуса чиновного дворянства вело к тому, что наряду с сохранением значимости военных ценностей рос престиж гражданской службы и связанной с ней образованности, учености. В XVII в. единственным истинно дворянским занятием почиталась служба в армии.

Должности в государственном аппарате, финансовом ведомстве, университете, дипломатическая, судебская карьера были уделом аноблированных. Бедный отпрыск знатного рода готов был стать пажом сеньора или простым солдатом, но не секретарем посольства. Пока дворянство оставалось сословием военных, образованность была для него делом второстепенным. Ценились не ученость, а мужество и доблесть. Молодым дворянам, получавшим образование, преподавали верховую езду, фехтование и танцы.³⁰ В XVIII в. многие гражданские должности занимали уже родовитые дворяне. Существенно изменился характер образования дворянской молодежи. Прежние дисциплины сохранились, но их значительно потеснили занятия интеллектуального характера. Большое внимание уделялось освоению классической культуры: изучению латинского и греческого языков, риторики, античной истории. После изгнания из Франции иезуитов в 1762 г. в коллежах усилилась ориентация на изучение живых языков, французской истории, географии, естественной истории, математики.³¹ Шатобриан, которого отец готовил к карьере морского офицера, учился в коллежах в Доле и Ренне и прошел курс математики, рисунка, владения оружием и английского языка, изучал латынь и греческий.³²

Граф Монлозье, тоже выросший в провинции и получивший, по его словам, обычное для молодого дворянина своего времени образование, изучал химию, анатомию, право и теологию.³³ Изменившаяся система образования воспитывала у дворян привычку к интеллектуальным занятиям. Они получали исходный идейно-культурный багаж, необходимый для овладения достижениями научной и общественной мысли XVIII в. Изучение права и истории стимулировало интерес к политике и общественной жизни.

В повседневной жизни дворяне постоянно вступали в контакты с людьми из третьего сословия. Формы социальной и культурной жизни второй половины XVIII в. способствовали межсословному общению, например в рамках провинциальных академий.³⁴ Заключались межсословные браки. С этой точки зрения, повседневная жизнь городского и сельского дворянства существенно отличалась. Условия жизни сельского дворянства культивировали в его среде создание дворянской исключительности, так как в большинстве случаев оно вступало с третьим сословием в отношения господства и подчинения. Человеком непривилегированного сословия, с которым обычно общался сельский дворянин, был зависимый от сеньора крестьянин. Дворяне, жившие в городах, вступали в самые разнообразные отношения с буржуа. Для дворянина-горожанина человеком третьего сословия, с которым он общался, был образованный и богатый домовладелец, живущий на соседней улице. Их могло объединять исполнение обязанностей на судебных и муниципальных должностях, экономические связи, духовные интересы.³⁵ Это были отношения равноправного партнерства, которые влекли за собой постепенное преодоление у части дворян духа сословной исключительности.

Значительная часть французских дворян XVIII в. оставалась в классовом отношении землевладельцами по преимуществу феодального типа, но в условиях развития капиталистического уклада феодальная сеньория трансформировалась. В ряде районов упала роль традиционных феодальных платежей, и основой доходов дворян-сеньоров стали поступления от фермерской аренды.³⁶ Кроме того, в XVIII в. образовался слой так называемого делового дворянства, занимавшего заметные позиции в некоторых отраслях промышленности, особенно в металлургии и горном деле, а также в крупной морской торговле. Примерами дворян-капиталистов могут служить Дитрихи и де Вандели, знаменитые основатели династий промышленников, господствовавших в металлургии и горном деле Эльзаса и Лотарингии. В текстильной промышленности были широко известны фамилии владельцев мануфактур Оберкампа, Ван Робэ, Эли-Лефевра, принадлежавших к дворянскому сословию. Герцог Орлеанский владел крупными полотняными мануфактурами в Орлеане и Монтаржи. Владелец мануфактур был и герцог Ларошфуко-Лианкур. В общей сложности современный исследователь дворянского предпринимательства Г. Ришар насчитал 1019 семей дворян-предпринимателей.³⁷

В условиях частичного обуржуазивания дворянства наряду с традиционной воинской честью в его среде рос престиж буржуазных ценностей: богатства и преуспевания. В 1756 г. появился вызвавший бурные споры трактат аббата Куайе «Торгующее дворянство». Он был написан по заказу правительства с целью привлечь дворян к службе в торговом флоте. Куайе обличал как предрассудок самоустранение большинства дворян от торговли и промышленности и доказывал, что приносить доход себе и отечеству не менее почетно, чем служить в армии. Среди части дворян сочинение Куайе встретило одобрение. Маркиз д'Аржансон писал, что «очарован» этим трактатом.³⁸ Дворяне-предприниматели являли собой живое воплощение того, к чему призывал аббат Куайе.

Требования предвыборных дворянских наказов 1789 г. обнаруживают сдвиги в ценностных ориентациях дворянства. Так, требование свободно допускать к офицерскому званию всех дворян, а не только родовитых, свидетельствует, что рост удельного веса аноблированных среди дворянства и их высокое общественное положение вели к постепенной девальвации такой ценности, как древность рода, в качестве критерия внутрисословной иерархии. Традиционный образ дворянства как сословия, обладавшего всеми прерогативами политической власти, «разрушается» в тех наказах, составители которых отказались от различных сословных привилегий, закреплявших эти прерогативы за дворянами.³⁹

Об относительном снижении престижа военных ценностей свидетельствует то, что авторы 41 наказа высказались за развитие дворянского предпринимательства. Некоторые предлагали давать торговцам дворянские титулы.⁴⁰ При этом составители наказов нигде не говорят о том, что дворянство должно заняться торговлей, дабы выполнить свой долг перед родиной или перед государем, приумножив богатства страны. Напротив, они открыто заявляют, что их цель — «поправить свое положение», «сохранить и приумножить свое имущество», т.е. цель их — личное обогащение и преуспевание. Следовательно, такие буржуазные ценности, как богатство и успех, были для дворян уже достаточно престижными, чтобы служить аргументами в наказах.

Представляют интерес требования, касающиеся процедуры выборов в Генеральные штаты. Некоторые дворяне предложили установить для избирателей имущественный ценз или ценз земельной собственности. Между тем известно, что среди дворянства, главным образом сельского, существовала малоимущая прослойка, часть дворян не имела земельной собственности.⁴¹ Выдвинувшие требование имущественного ценза продемонстрировали солидарность с земельными собственниками, независимо от сословной принадлежности последних, а не с разорившимися «потомками франков». Собственность как критерий социальной общности потеснила в сознании этих дворян прежние критерии: род, военную службу, привилегии.

Отмеченные выше социальные процессы и связанные с ними тенденции массового сознания готовили дворянство к восприятию новых принципов научной и общественной мысли XVIII в. Идеино-культурная среда Франции второй половины XVIII в. определялась гегемонией просветительского рационализма. Основополагающие для просветительского мышления понятия природы человека и естественного права служили исходными посылами для выводов о гражданском равенстве и несправедливости сословной иерархии с точки зрения естественных законов. С осуждением наследственных привилегий выступали виднейшие представители самых разных течений просветительской мысли: Вольтер, физиократы, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Руссо.⁴² Руссо называл наследственную аристократию «худшим из всех Правлений». Издеваясь над представлениями о предназначении дворян служить королю, он писал: «...но что представляет собой дворянство как сословие, как не собрание лакеев. Дворянство создано в основном для того, чтобы служить, оно существует только этим и только для этого. Услужение всегда одинаково, различен только господин».⁴³ Ожесточенным нападкам подвергались сословные привилегии в памфлетах предреволюционного периода.⁴⁴ Автор самого знаменитого из них, аббат Сийес, так иронически переосмыслил «теорию завоевания»: «Почему бы, в самом деле, не препроводить обратно во франконские леса все те семьи, которые сохраняют безумные притязания на права первоначальных завоевателей Франции?»⁴⁵ Ему вторил другой памфлетист, Бергасс: «Мы, между прочим, живем в слишком просвещенный век, и дворянству нелегко убедить нас в том, что его якобы от рождения унаследованное право занимать всегда первые места предполагает также обладание доблестями, знаниями, талантами, которых эти места требуют».⁴⁶

Обосновывать сословную иерархию ссылками на традиции, заслуги предков и врожденное благородство было уже недостаточно в век господства рационалистического мышления, когда «мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего».⁴⁷ В этих условиях дворянская идеология начинает доказывать целесообразность и соответствие общему благу сословных привилегий дворянства.

Особую популярность среди дворян завоевало учение Ш.-Л.Монтескье, который аргументировал необходимость наследственной аристократии с помощью просветительских политико-юридических категорий. Принимая идею природного равенства людей, Монтескье в «Духе законов» доказывал целесообразность — с точки зрения общего блага — существования во Франции привилегированной категории граждан. Наследственная знать, по его мысли, представляет собой «промежуточную власть», социальная функция которой — создавать и удерживать равновесие между монархом и народом. Дворяне, от рождения обладающие привилегированным статусом, являются естественными поборниками свободы и врагами деспотизма, который посягает на их привилегии. Наследственное дворянство с помощью своего политического органа, парламентов, защищает народ от произвола королевской власти и предохраняет монархию от вырождения в деспотию.⁴⁸

Идеи Монтескье нашли горячий отклик у части дворянства, охотно принявшей на свой счет концепцию «промежуточных властей». Монтескье оказал большое влияние на взгляды одного из авторов и составителей «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, шевалье де Жокура. Он руководил изданием ряда томов «Энциклопедии» и написал для нее множество статей по разным отраслям знания: политике, праву, медицине, физике, математике и т.д. Ему, в частности, принадлежит статья «Дворянство». В ней де Жокур критикует «теорию завоевания» Буленвилье и пишет, что французская нация произошла от смешения галлов, римлян и франков и дворянское сословие выделилось независимо от национального происхождения, так что претензии на принадлежность дворянства к высшей «расе» беспочвенны. «Природа создала всех людей равными, она не установила между ними никакого различия, кроме того, что проистекает из кровных уз, кроме власти отцов и матерей над своими детьми».⁵⁰ Но существование дворянского сословия как общественного института тем не менее необходимо, так как без него монархия выродилась бы в тиранию. «Таким образом, нужно, чтобы в монархии законы способствовали поддержанию наследственного дворянства, которое призвано служить не барьером, а связующим звеном между силой государя и слабостью народа. Прерогативы дворянства в монархии принадлежат только ему и ни в коей мере не переходят к народу, в противном случае будет задет самый принцип монархического правления, будет принижено как дворянство, так и народ».⁵¹

Аналогичные рассуждения находим мы в записках видного сановника Сенака де Мейана: «Направляемый светочем философии и свободный от всех предрассудков, я не скажу, что существование в стране дворянства и его отличий справедливо; но человеческой природе свойственно создавать дворян и отличать их».⁵² Далее следует навеянное Монтескье рассуждение о том, что существование наследственной знати необходимо для больших государств.

В предреволюционной памфлетной литературе авторы, выступавшие в защиту привилегий дворянства, чаще всего заимствовали аргументы у Монтескье, используя теорию «промежуточных властей» для обоснования привилегий дворянства. Апеллировали они и к предназначению дворянства оберегать родину от военной угрозы.⁵³

Таким образом, в том течении дворянской идеологии, которое развивалось в русле Просвещения, идея естественного равенства всех людей сочеталась с идеей необходимости сословной иерархии. Теоретическим основанием для такого сочетания служило присущее просветительской мысли разграничение понятий «естественное право» и «позитивное право». «Естественное право» вытекает непосредственно из природы человека.

«Позитивное право» создается самими людьми для защиты своих интересов. Разные течения просветительской мысли расходились в отношении к «позитивному праву». В «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера в серии статей под общим заголовком «Право», написанных Дидро, «позитивное право» противопоставлено «естественному», подчеркнуты его произвольность и несоответствие человеческой природе.⁵⁴ Дворянское течение в Просвещении характеризуется тем, что акцент в нем сделан на целесообразности «позитивного права», на его способности разумно регулировать сложные взаимоотношения внутри человеческого общества.

Произведения французских просветителей разных течений находили отклик и в среде столичной придворной аристократии, и в кругах «дворянства мантии», и у дворянства провинциальных городов, и в сельской усадьбе.⁵⁵ Магистраты Парижского парламента подчас пополняли свои частные библиотеки запрещенными книгами просветителей, хотя сами же приговаривали эти книги к сожжению.⁵⁶ Граф Монлозье, ставший впоследствии единственным продолжателем традиции «дворянского расизма» в общественной мысли эпохи Реставрации⁵⁷, в молодости увлекался произведениями Вольтера, Руссо, Дидро. Он вспоминал о своих взглядах того времени: «Я рассматривал независимость как первое право природы, равенство как естественное право общества. Всякое подчинение казалось мне рабством, всякое действие, направленное против свободы, — тиранией. Феодализм был для меня разбоем, рыцарство нелепостью, наследственные привилегии предрассудком. Я кончил тем, что полностью отверг религию и доказательства бытия Бога».⁵⁸ Жозеф де Местр, знаменитый идеолог ультрароялистов в годы Реставрации, в молодости критиковал Старый порядок с просветительских позиций, поначалу приветствовал революцию, клялся в Зале для игры в мяч, отмену феодального порядка в ночь на 4 августа. Его поворот к контрреволюции совершился после принятия Декларации прав человека и гражданина, провозгласившей гражданское равенство.⁵⁹

Просветительская терминология и аргументация широко использовались в официальных документах. Постановления Парижского парламента осени 1788 г. содержат требования гарантировать «личную свободу граждан» и «законную свободу печати», «обеспечить нации счастье, которого она достойна, посредством безграничной свободы...»⁶⁰

В текстах дворянских наказов 1789 г. проявились характерные черты социально-политического мышления эпохи Просвещения. Авторы использовали просветительски-рационалистскую аргументацию требований, объявляли себя защитниками интересов нации и общего блага.⁶¹ «Пусть в этом собрании, — предписывали, например, дворяне Провена своему депутату, — он считает себя не дворянином, а французом, не особым нашим представителем, а представителем нации, и пусть для него все частные интересы исчезнут перед интересом общим».⁶² Дворяне единодушно требовали провозглашения прав и свобод граждан и нации, неприкосновенности личности и собственности, и многие авторы при этом аргументировали свои предложения доктриной «естественного права».⁶³

Составители наказов зачастую опирались на идеи Монтескье относительно «промежуточных властей» для обоснования сословных привилегий: «Природа создала людей равными, и... различия между ними, особенно необходимые в монархии, основаны на принципе общей пользы» м. Другие с той же целью апеллировали к священной и неприкосновенной частной собственности: «Дворянство и все его почетные прерогативы являются столь же неприкосновенной собственностью, как и владение землей и любым другим имуществом»; «Дворянству должно быть сохранено в неприкосновенности владение всеми его почетными правами, которые никоим образом не задевают свободы граждан и составляют важнейшую часть его собственности...»⁶⁴

Использование дворянством идей Просвещения стало возможным благодаря их «всечеловечности» и противоречивости. Просвещенный вельможа Сенак де Мейан утверждал, что содержание произведений Вольтера составляла борьба с религией, а Монтескье — апология монархии, короля и парламентов; в Руссо он видел прежде всего сентиментального моралиста.⁶⁶ Монлозье увлекся просветительскими теориями, усомнившись в существовании бога, и крайним проявлением своего вольнодумства считал именно разрыв с религией.⁶⁷

Увлечение французского дворянства произведениями философов-просветителей и восприятие им просветительского политического словаря и просветительской манеры мышления еще не означало, что дворянство проникалось идеей гражданского равенства и готово было ниспровергнуть Старый порядок. Принципы свободы личности и естественного права могли, как мы убедились, уживаться в его сознании с приверженностью сословным привилегиям. Однако просветительское свободомыслие, отрицание любых авторитетов готовили почву для разрыва части дворянства с традиционными сословными ценностными ориентациями и стереотипами мышления. В 1788—1789 гг. дворяне-либералы — среди них были Мирабо, Лафайет, Ламеты и другие будущие участники революции — поддерживали требования третьего сословия о гражданском равенстве и об уничтожении противоречащих «естественным правам человека» сословных различий. Один из дворян-либералов, Мальзерб, в целом высоко ценивший Монтескье как политического мыслителя, критиковал его учение о «промежуточных властях». Здесь, по мнению Мальзерба, Монтескье продемонстрировал свои дворянские предрассудки и по существу защищал сословные prerogatives, которые на самом деле только усиливают деспотизм и угнетение нации.⁶⁸

Дворянская идеология XVIII в. выглядит при ближайшем рассмотрении неоднородным явлением. В ней можно выделить три течения. В сочинениях Буленвилле, Сен-Симона, отчасти д'Арка представлено течение «дворянского расизма». В официальных документах Парижского парламента и работах публицистов из числа его членов нашла выражение парламентская доктрина. Эти два течения продолжали традиции идеологов дворянства XVI — XVII вв.: «дворянских расистов», монархомахов, парламентских идеологов. Третьим было дворянское течение внутри Просвещения. Монтескье, де Жокур обосновывали привилегированное социальное положение дворянства с помощью просветительских категорий общественно-политической мысли.

Изучение предвыборных дворянских наказов 1789 г. позволяет проследить идейную неоднородность дворянства и на уровне его массового сознания. В наказах еще заметно сильное влияние традиционной дворянской системы ценностей. Вместе с тем в них широко представлена передовая политическая культура эпохи Просвещения. В некоторых документах отразилось восприятие дворянством некоторых буржуазных ценностей. В таких наказах уже виден прообраз системы ценностей будущих нотаблей эпохи Реставрации. Для нотаблей станет характерна приверженность происхождению, роду, семье, с одной стороны, и богатству, собственности, преуспеянию — с другой.⁶⁹

1 Собыль А. Классическая историография французской революции Французский ежегодник, 1976. М., 1978. С.155—170; Адо А.В. Великая французская революция и ее современные критики. Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии М, 1986. С.96—126.

2 Richet D. Autour des origines ideologiques lointaines de la Revolution Franchise Annales. E.S. C 1969. N 1. P.1—23; Doyle W. Was there an aristocratic reaction in prerevolutionary France? Past and Present. 1972 N 57. P.121; Lucas C. Nobles, bourgeois and the origines of the French Revolution Ibid. 1973. N 60. P.92—124; Chaussinant-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. P., 1976; Furet F. Penser la Revolution francaise. P., 1978.

3 Chaussinant-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. Ch.1.

4 Vovelle M. L'elite ou le mensonge des mots Annales. E.S.C. 1974. N 1 P.49—72.

- 5 Гордон Л.С. «Торгующее дворянство» аббата Куайе и его «Развитие» Учен.зап.Башкир. ун-та Сер.ист.наук. 1974. Вып.77. № 16: Из истории Франции. Вып.5. С.84—101; Иванова З.Н. Дискуссия о французском дворянстве в общественной мысли эпохи Просвещения Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1983. С.109—116.
- Подробнее о термине «дворянский расизм» и обозначаемом им течении общественной мысли см.: Devyver A. Le sang epure. Bruxelles, 1973; Avenel G. La noblesse francaise sous Richelieu. P., 1901. P.1—83; Labatut J.-P. Les noblesses europeennes de la fin du XV siecle a la fin du XVIII siecle. P., 1978. P.71—136; Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des elites. P., 1975. Ch.1; Bitton D. The French Nobility in Crisis. Stanford, 1969. P.1—5, 122—124; Decoufle A. L'aristocratie francaise devant l'opinion publique a la veille de la Revolution Etudes d'histoire economique et socjale du XVIII siecle. P., 1966. P.41—50.
- 7 Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976. С.188—189; История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. М., 1983. С.178—179; Виппер Р.Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн ЖМНП. 1896. № 8. С.278—313; Елманова Н.С. Антиабсолютистская теория Клода Жоли и Парижский парламент XVII в. Французский ежегодник, 1968. М., 1970. С.34—54; Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977. С.11 —12; Разумовская М.В. Ларошфуко, автор «Максим». Л., 1971. С.108—119.
- 8 Boulainvilliers H. Essais sur la noblesse de France contenant une dissertation sur son origine et abaissement. Amsterdam, 1732. P.41—42.
- 9 Ibid. P.219.
- 10 Ibid. P.1. О Буленвиллье см.: Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л., 1949. С.31—33; Devyver A. Op.cit.; Furet F., Ozouf J. Deux legitimations historiques de la societe francaise au XVIII siecle: Mably et Boulainvilliers Noblesse francaise. Noblesse hongroise: XVI—XIX siecles. Budapest; P., 1981. P. 65—76.
- 11 Сен-Симон А. Мемуары. М., 1934. Т.1 С.160.
- 12 Там же. С.154, 157.
- 13 Cheruel A. Saint-Simon considere comme historien de Louis XIV. P. 1865. Furet F., Ozouf M. Op.cit. P.70—71; Mousnier R. Societe francaise de 1770 a' 1789. P., 1970. P.162—173
- 14 Цит. по: Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des elites. P.111.
- 15 Arcq P. A Mes loisirs ou Pensees diverses. P., 1755. P.36, 88—89.
- 16 Ibid. P. 43—44.
- 17 Иванова З.Н. Указ.соч. С.109—116; Brancourt J.P. Un theoricien de la societe au XVIII siecle: le chevalier d'Arcq Revue Historique. 1973. N 508. p.337-352.
- 18 Decoufle A. Op.cit. P.11 — 13, 22—23, 32—36, 41—50.
- 19 Egret J. L'opposition aristocratique en France au XVIII siecle Information historique. 1949. N 5. P.181; Mason L. B. The French constitution and the social question in the old regime. Bonn, 1954.
- 20 Archives parlementaires de 1787 a 1860. P., 1879—1880. Ser.I. T.1. P.702. T.5. P.432 (далее: AP).
- 21 Ibid. T.5. P.567.
- 22 Ibid. T.1. P.699; T.2. P.47.
- 23 Ibid. T.1. P.742; T.2. P.7, 251, 665; T. 5. P. 359; T.6. P.140 etc
- 24 Ibid. T.1. P.775. T.2. P.48, 238, 491, 642, 749; T.3. P.665; T.6. P.189 etc.
- 25 Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. Ch.2; Meyer J. La noblesse francaise au XVIII siecle: apercu des problemes Acta poloniae historica. 1977. T.36. P.8—18.
- 26 Furetiere A. Dictionnaire universel, contenant generalement tous les mots francais, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. La Haye; Rotterdam, 1690. T.2.
- 27 Furetiere A. Dictionnaire universel. La Haye, 1727. T.3.
- 28 Brette A. Recueil de documents relatifs a la convocation des Etats generaux de 1789. P., 1894. Vol.1. P.71—75
- 29 Ford F.L. Robe and Sword. Cambridge, 1953; Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIII siecle. Besancon, 1960; Berenger J. Noblesse et absolutisme de Francois 1 a Louis XIV Noblesse francaise. Noblesse hongroise. P.11-34.

- 30 Avenel G. Op.cit. P.41 73, 282—285.
- 31 Trenard L. Enseignement et instruction civique en France de 1762 a 1799 Modeles et moyens de la reflexion politique au XVIII siecle. Lille, 1977 Vol.1. P.397—420; Bluche F. La vie quotidienne de la noblesse francaise au XVIII siecle. P., 1973. P. 46—56, 121—134, 174—176; Chausstnand-Nogaret G La vie quotidienne des Francais sous Louis XV. P., 1979. P. 98—106.
- 32 Chateaubriand F.-R. Memoires d'outre-tombe. Bruxelles, 1849. Vol.1. P.51, 84—85, 97.
- 33 Monttosier G.-D Memoires sur la Revolution francaise. P., 1830. Vol. 1. P.34—35.
- 34 Roche D. Milieux academiques provinciaux et societe des Lumieres Livre et societe dans la France du XVIII siecle. P., 1965. Vol.1. P.95—177
- 35 Agulhon M. La vie sociale en Provence interieure au lendemain de la Revolution. P., 1970. P.90, 95—96.
- 36 Meyer J. La noblesse bretonne au XVIII siecle. P., 1966. Vol.1—2; Lemarchand G. Le feodalisme dans la France rurale des temps modernes Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1969. N 195; Soboul A. Problemes de la «Feodalite d'Ancien Regime» L'abolition de la feodalite dans le monde occidental. P., 1971. Vol.2; Forster R. The nobility of Toulouse in the XVIIIth century. Baltimor, 1960; Idem The provincial noble American Historical Review 1963. Vol.68, N 3; Bastier J. La feodalite au siecle des Lumieres dans la region de Toulouse P., 1975.
- 37 Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siecle. P., 1974. P. 267.
- 38 Гордон Л.С. Указ. соч.; Иванова З.Н. Указ.соч.; Hecht I. Un probleme de population active au XVIII siecle en France: la querelle de la noblesse comercante Population. 1964. N 2. P.267—290.
- 39 Подробнее см.: Пименова Л.А. Социально-политическая позиция дворянства накануне Великой французской революции. Новая и новейшая история. 1984. № 1. С.63—77.
- 40 AP. T.2. P.295; T.3. P.727; T.5. P.450 etc.; T.6. P.716.
- 41 Vatssiere P. Gentilshommes campagnards de l'ancienne France. P., 1903. P.382—383.
- 42 Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке М., 1977. Гл.1, § 2. Гл.2, 3.
- 43 Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969. С. 202.
- 44 Decoufle A Op. cit. P. 13 -20.
- 45 Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? СПб., 1906. С.11.
- 46 Bergasse. Observations sur le prejuge de noblesse Chaussinand-Nogaret G. Une histoire des elites. P.32.
- 47 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.16.
- 48 Монтескье Ш. Избр.произведения. М., 1955. С.290—300. О Монтескье см.: Алпатов М.А. Указ.соч. С.30—42; Волгин В.П. Указ.соч. С.36—59, Allhusser L. Montesquieu. P., 1959; Shackleton R Montesquieu. Oxford, 1961.
- 49 Proust J. Diderot et l'Encyclopedie. P., 1962 P.521—522.
- 50 Encyclopedie ou dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. Nouv ed. Geneve, 1778—1779. T.23. P.9.
- 51 Ibid. P.8.
- 52 Senac de Meilhan. Le gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Revolution. P., 1862 P.490
- 53 Decoufle A. Op.cit. P.11 13, 44—50
- 54 Encyclopedie ou dictionnaire raisonne. Berne, Lausanne, 1779. T.11. P.371, 409—413, 414.
- 55 Тэн И. Старый порядок. СПб., 1910. С.413—415; Mornet D. Les origines intellectuelles de la Revolution. P., 1934; Egret J. Op.cit. P.181; Roche D. Op.cit.; Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. Ch.4; Barny R. Les «aristocrates» et J.-J.Rousseau dans la Revolution Annates Historiques de la Revolution Francaise. 1978 N 234. P.534—568.
- 56 Bluche F. Op.cit. P.356—362.
- 57 Oechslin J.J. Le mouvement ultra-royaliste sous la Restauration. P., 1960 P.49—52.
- 58 Montlosier G.-D. Op.cit. P.37.
- 59 Степанов М. Жозеф де Местр в России Литературное наследство. М., 1937. Т.2930. С.577—625.

60 Brette A. Op.cit. P.29, 30, 33.

61 AP. T.2. P.378, 492, 626; T.3. P.128, 624; T.4. P.110; T5. P.447-448. T.6. P.179.

62 Ibid. T.5. P.447—448.

63 Ibid. T.3. P.75, 661—662, 740; T.4. P.38.

64 Ibid. T.5. P.563; T.2. P. 658, 766; T.3. P.664 etc.

65 Ibid. T.2. P.171; T.3. P.74, 726; T.5. P.754; T.6. P.189.

66 Senac de Meilhan. Op.cit. P.172.

67 Montlosier G.-D. Op.cit. P.37.

68 Grosclaude P. Malesherbes: Temoin et interprete de son temps. P., 1961 Vol 1. P.234; Vol.2. P.662, 756.

69 Tudesq A.J. Les grands notables en France: Etude historique d'une psychologiesociale. Bordeaux, 1964. Vol.1—2; Jardin A., Tudesq A.J. La France des notables P., 1973. Vol.1—2.

РЕВОЛЮЦИЯ и ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология»

М.: Наука. 1988. С.246-267.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

В настоящее время к вопросу о социально-экономических итогах французской революции XVIII в. привлечено внимание историков как в нашей стране, так и за рубежом. Решение этой «большой и сложной проблемы требует обращения к экономической истории Франции первой половины XIX в.»¹

Значительные исследования в этой области за рубежом проводились в течение последних 20—30 лет. В их результате многие немарксистские историки считают, что революция XVIII в. затормозила капиталистическую индустриализацию Франции. Французский исследователь Морис Леви-Лебуайе прямо пишет, что, с точки зрения своих экономических последствий, она явилась «национальной катастрофой»². Его оценка подхвачена рядом других авторов и солидных изданий³.

Тормозящей роли французской революции дается двоякое объяснение. Часть историков утверждает, что она замедлила технический прогресс во французской промышленности, возведя на долгие десятилетия политические и социальные преграды на пути заимствования машин из Англии. На их взгляд, это привело к «застойности» и «архаизму» экономики Франции, а в результате — и к ее промышленному «отставанию» от Англии. Начало индустриализации Франции эти историки датируют не ранее чем серединой XIX в. Причем они расценивают как безусловно предпочтительные по сравнению с французскими, как единственно отвечающие требованиям прогресса формы и методы английской индустриализации. Такое резкое противопоставление экономического развития Франции и Англии в XIX в. характеризует преимущественно англо-американскую историографию⁴.

Напротив, другие историки, основываясь на новых научных данных, отвергают «идеализацию» английской «модели» индустриализации и подчеркивают достижения в развитии французской промышленности первой половины XIX в. При этом они отнюдь не ставят эти достижения в заслугу революции, которая, по их мнению, привела лишь к неоправданной трате национальных интересов и времени на «непроизводительные» цели и без которой удалось бы достигнуть еще большего успеха.

Они считают, что революция XVIII в. на четверть столетия искусственно приостановила во Франции процесс индустриализации, блестяще начавшийся еще до 1789 г., т.е. почти одновременно с этим процессом в Англии, и с трудом возобновившийся лишь после 1815 г., когда Англия ушла уже далеко вперед.⁵ Вывод о тормозящей роли революции XVIII в. в экономическом развитии Франции служит обоснованию концепции ее современных буржуазных критиков, подвергающих сомнению вообще ее необходимость как прогрессивного явления в становлении капиталистического строя⁶. Уязвимость этого вывода становится очевидной уже при анализе его методологических посылок. Неправомерен сам подход к оценке влияния революции на экономическое развитие страны под углом зрения индустриализации, т.е. развития производительных сил, без учета революционных перемен в других сферах общественной жизни. Для такого подхода характерно стремление к отрыву экономической истории от истории социальной, к изучению развития производительных сил вне связи с производственными отношениями. Рассматривая революцию всего лишь как один из «факторов производства», немарксистские историки неизбежно оказываются в плену упрощенных представлений о роли этой великой буржуазной революции.

Естественно, они не находят, да и не могут найти непосредственной зависимости между революцией и прогрессом производительных сил. Между тем значение революции заключается прежде всего в том, что она была крупным социальным переворотом, покончившим с многочисленными пережитками феодального порядка и расчистившим дорогу капиталистическому прогрессу. Она явилась необходимой социально-политической предпосылкой промышленной революции, т.е. создала те общественные и политические условия, без которых невозможны коренное преобразование всех общественных отношений под влиянием машин, появившихся незадолго до нее, и дальнейший прогресс производительных сил.

Именно в этом видят значение революции для последующего социально-экономического развития Франции советские и зарубежные прогрессивные историки⁸. Они считают, что уничтожение феодальных повинностей крестьян, упразднение монополий и всякого рода привилегий, учреждение свободы частного предпринимательства, унификация национального рынка — эти и многие другие преобразования конца XVIII в. обусловили то, что революция, по словам Альбера Собуля, «в долгосрочной перспективе сыграла роль стимула» экономического развития Франции⁹. Революционные мероприятия освободили производительные силы от оков старого общественного строя, способствовали широкому применению в производстве техники и тем самым положили начало капиталистической индустриализации, т.е. развитию крупной машинной индустрии и другим прогрессивным сдвигам в экономике, и в конечном счете — позволили машине выявить свои революционный в социальном плане потенциал.

Представление о революции XVIII в. как о «национальной катастрофе» в экономическом развитии Франции все более противоречит новым данным, которыми непрерывно пополняется историография вопроса. Как будет показано ниже, они свидетельствуют о том, что на рубеже XVIII—XIX вв. во французской экономике действительно наметились важные перемены, ознаменовавшие начало новой эпохи ее развития. Подчеркивая их значение, А.Собуль именно к 1800—1810-м годам относит «первую фазу промышленной революции»¹⁰.

Решающим рубежом экономического развития считают революцию XVIII в. и некоторые немарксистские исследователи. В частности, специалист по социально-экономической истории Франции наполеоновского периода Луи Бержерон датирует «начальную фазу индустриализации» также первым десятилетием XIX в.¹¹ По его мнению, в то время «сопряжение» двух факторов — быстрого роста объема производства и «технического прорыва» в ряде отраслей — «гораздо более определенно указывает на вступление Франции в индустриальную эру, чем чисто местные нововведения до 1789 г.»¹²

В целом и советские, и зарубежные новейшие исследования позволяют подвергнуть аргументированной критике оценку экономического значения французской революции как «национальной катастрофы». Вместе с тем проблема экономических последствий революции весьма сложна и многогранна. Причины этого, впрочем, очевидны. Далекое не однозначная по своим итогам, революция придавала яркое своеобразие экономическому развитию Франции первой половины XIX в. Важные его аспекты явно не укладываются в рамки «норм» исторического опыта других стран, в частности классической капиталистической страны того времени Англии. Как недооценка, так и переоценка этого своеобразия приводили в прошлом к упрощенным представлениям.

Несмотря на неизбежную отрывочность и неполноту сведений, содержащихся в литературе, панорама экономического развития Франции первой половины XIX в. представляется в настоящее время достаточно широко, чтобы судить об основных его направлениях. Главным из них, безусловно, было широкое внедрение в промышленное производство машинной техники и передовой технологии.

История технического переворота в промышленности изучена еще недостаточно. Только по отдельным отраслям — текстильной, металлургической, отчасти химической и горнодобывающей — имеются более или менее детальные сведения. Однако можно считать установленным фактом большую неравномерность в процессе протекания технического переворота в отдельных промышленных отраслях и даже технологических звеньях.

Раньше других на путь замены ручного труда машинами встала хлопчатобумажная промышленность. В этой отрасли еще в 1770—1780 гг. появилось несколько прядильных фабрик, оснащенных механическими прялками «дженни». Но до революции ручное прядение еще не было вытеснено машинным.¹³

Положение стало коренным образом меняться на рубеже XVIII—XIX вв., когда технический переворот в бумагопрядении ускорился. Так, с 1806 по 1810 г. машинное производство пряжи выросло вчетверо. Возникли новые центры бумагопрядения: «треугольник» Лилль—Рубэ—Туркуен, Париж, а также Руан с окрестностями, где в 1808 г. было сосредоточено 450 тыс. веретен.¹⁴ Всего в 1815 г. прядильная промышленность насчитывала около 1 млн веретен. К этому времени ручное прядение почти совсем исчезло. А в фабричном производстве устаревшая «дженни» была в значительной мере вытеснена более совершенной мюль-машиной. Так, в 1808 г. в парижских прядильнях 97 % веретен было установлено на мюль-машинах.¹⁵

Если в бумагопрядении технический переворот завершился в начале XIX в., то в других отраслях промышленности он в это время только начинался. В первую очередь, следует назвать бумаготкачество и ситцепечатание. В 1805 г. во Франции появился первый станок с летучим челноком, а в 1797 г. — цилиндровая печатная машина.¹⁶ В ряде местностей началась механизация производства шерстяных тканей, связанная с возникновением механического чесания, прядения и аппретуры. О переходе к машинной технике свидетельствует сокращение численности рабочих при одновременном увеличении числа станков в шерстяной промышленности департаментов Марна, Сомма, Тарн-и-Гаронна.¹⁷ Наконец, началось внедрение передовой технологии в некоторые отрасли химической промышленности, например в содоварение.¹⁸

В названных отраслях технический переворот продолжался и в дальнейшем. Причем он заметно ускорился после Июльской революции 1830 г. Например, в бумаготкацкой промышленности в 1834—1846 гг. число механических станков возросло с 5 до 31 тыс.¹⁹ На новой технической основе сложился крупный центр хлопчатобумажной промышленности в Эльзасе. Во второй четверти XIX в. начался технический переворот в шелкокрутильном и льнопрядильном производстве.²⁰ Но самым важным событием этого периода было то, что технический переворот впервые охватил тяжелую промышленность, особенно металлургию. Еще в начале XIX в. в этой отрасли почти безраздельно господствовала старая технология выплавки металла на основе древесного угля.²¹ Фактически лишь в 20-х годах родилась «новая металлургия», базировавшаяся на использовании каменного угля. В 1819—1850 гг. она увеличила выплавку чугуна в 35, железа — в 4, стали в 3 раза. К 1850 г. доля каменноугольных предприятий в производстве металлургической продукции, ничтожно малая в 1819 г., составляла: по чугуну — 4/9, по железу и стали — 7/10.²²

Важным показателем масштаба технического переворота служит распространение паровой машины. В начале XIX в. оснащенные ею предприятия оставались крайне малочисленными. В 1815 г. их насчитывалось всего 15, в основном шахт. Даже в 1830 г. число таких предприятий было скромным — 625. Начало широкого распространения паровой машины приходится только на два последующие десятилетия. В итоге в 1852 г. уже 6 тыс. промышленных предприятий располагали паровыми машинами. За это время существенно возросла их общая мощность — с 10 до 75 тыс. л.с.²³

Однако применение энергии пара неточно характеризует размах технического переворота в первые десятилетия промышленной революции. Поскольку в то время энергоёмкость машинного производства была невелика, постольку широкое применение находили другие виды более дешевой энергии. Во-первых, мускульная сила животных и людей. Например, в 1813 г. из 52 механических бумагопрядилен, насчитывавшихся в департаменте Сена, 49 использовали мускульную силу.²⁴ Во-вторых, гидравлический двигатель, который в такой сравнительно богатой гидроэнергоресурсами стране, как Франция, длительное время успешно конкурировал с паровой машиной. Еще в середине XIX в. мощность гидравлических машин в промышленности значительно — по авторитетной оценке, вдвое — превышала мощность паровых машин.²⁵ Так, в 1847 г. вода поставляла 58 % всей энергии, потреблявшейся фабриками в Нормандии.²⁶

С распространением паровой машины прямо связан технический переворот на транспорте. Первая железнодорожная линия длиной 31 км была открыта еще в 1831 г. Но в течение последующих 10—15 лет новое строительство шло медленно, и в 1841 г. Франция имела всего 500 км, а в 1845 г. — 875 км железных дорог. Решающий перелом наступил во второй половине 40-х годов, когда темп железнодорожного строительства резко ускорился. К 1850 г. протяженность железнодорожных линий достигла 2915 км, причем 70% всех дорог было построено всего за пять предшествующих лет.²⁷

В середине XIX в. железнодорожный транспорт стал важнейшей артерией экономики Франции. В 1841—1849 гг. его грузооборот возрос с 38 до 276 млн т и превысил 1/10 грузооборота всего сухопутного транспорта. А по перевозке пассажиров, увеличившейся с 6,3 до 19,5 млн человек, железные дороги оставили далеко позади все остальные виды транспорта, вместе взятые, на которые в 1850 г. приходилось около 6—7 млн человек.²⁸

Данные исследований не позволяют в настоящее время дать общую характеристику развития парового судоходства первой половины XIX в. Однако локальный пример представляется весьма показательным. В 1841 г. пароходы обеспечивали не менее половины грузовых перевозок в бассейне рек Роны и Соны, где судоходство на бечевой тяге сохранило свои позиции только при перевозке грузов вниз по течению. Они же отобрали клиентуру у конных почтово-пассажирских контор, пытавшихся еще как-то конкурировать с пароходными компаниями только при перевозке пассажиров вверх по течению.²⁹

Спрос на новую технику и оборудование, возраставший по мере развертывания технического переворота, обусловил весьма раннее возникновение и бурное развитие французского машиностроения. Его особенностью в первой половине XIX в. была тесная интеграция с теми отраслями промышленности и транспорта, которым предназначалась его продукция. Еще в начале XIX в. Париж стал крупным национальным центром производства оборудования для текстильной промышленности.³⁰ Во второй четверти XIX в. был освоен новый вид продукции — паровые машины. Их крупным поставщиком стала металлургическая компания «Шнейдер—Крез», машиностроительные цехи которой в 1845 г. размещались в 16 корпусах и могли еженедельно выпускать четыре паровые машины.³¹ В дальнейшем от этого производства отпочковалось паровозостроение. Первые железнодорожные локомотивы были выпущены еще в 1828—1829 гг. Но по-настоящему эта отрасль оживилась спустя 10 лет. В 1837—1842 гг. было построено около ста паровозов. Столько же было выпущено в течение трех следующих лет. Затем не меньше ста паровозов стали строить уже ежегодно. Благодаря этому в 40-х годах парк локомотивов быстро увеличивался: в 1845 г. на 26, в 1846 г. — на 115, в 1847 г. — на 175 машин.³² Французское машиностроение возникло как мануфактурное производство. Но уже в 1830—1840-х годах в этой отрасли отмечается применение рабочих машин³³, свидетельствующее о начале технического переворота.

Развитие отечественного машиностроения позволило Франции добиться высокой степени самообеспечения современной техникой. Пример такой сложной отрасли, как паровозостроение, показателен. До 1841 г. на железных дорогах Франции английских локомотивов было больше, чем французских. Но уже начиная с 1839 г. французское производство локомотивов превысило импорт.³⁴ В середине XIX в. французское паровозостроение полностью овладело национальным рынком и вступило в борьбу за мировые рынки.³⁵

Так обстояло дело с техническим переворотом в промышленности и на транспорте. Но наряду с ними была отрасль национальной экономики, которую технический переворот в первой половине XIX в. почти не затронул. Речь идет о сельском хозяйстве Франции, куда машинная техника начинает проникать только в 40-е годы, да и то лишь в земледелие.

И тем не менее французское сельское хозяйство не стояло в стороне от прогресса. Хотя в агротехнике в то время существенных сдвигов не произошло, зато в агрокультуре наступили серьезные перемены, связанные с началом перехода от традиционной трехпольной паровой системы земледелия к передовой плодосменной системе. В период между 1781—1790 и 1845—1854 гг. площадь под паром сократилась на 2,4 млн гектаров, или на 30%, а площадь искусственных лугов с 1815—1824 по 1845—1854 гг. увеличилась на 1,5 млн гектаров, или более чем удвоилась.³⁶ В результате к середине XIX в. существенно повысилась продуктивность сельскохозяйственного производства, а в его структуре увеличилась доля более продуктивных продовольственных, технических культур, а также животноводства.³⁷

Развертывание технического переворота, в свою очередь, обусловило другую важную черту экономического развития Франции первой половины XIX в.: общее существенное повышение темпа индустриального и сельскохозяйственного роста по сравнению с XVIII в.

Эта тенденция прокладывала себе дорогу на рубеже XVIII—XIX вв. мучительно, особенно в промышленности. В XVIII в. рост французской промышленности оставался в среднем в пределах 1% в год.³⁸ Но начиная с 1790 г. наступил глубокий спад. И хотя в 1796 г. намечилось новое расширение производства, даже в 1800 г. его объем в лучшем случае составлял всего 60% от уровня 1789 г. Тем не менее уже в течение первого десятилетия XIX в. французская промышленность не только восстановила потери первых лет революции, но и значительно — возможно, на 50% — превзошла дореволюционный уровень.³⁹ В 1803—1812 гг. промышленный рост достигал в среднем 2,3% в год.⁴⁰ Причем хлопчатобумажная промышленность — кстати, единственная отрасль, избежавшая спада и сумевшая поднять производство даже в самые драматические годы революции, — в течение 1800—1810 гг. вдвое увеличила потребление хлопка-сырца.⁴¹

Относительно высокий темп, взятый промышленностью после революции, сохранялся и в дальнейшем. В первой половине XIX в. он достигал в среднем 3 % в год. Причем темп развития таких передовых отраслей, как горнодобывающая, металлургическая, машиностроительная и хлопчатобумажная промышленность, был значительно выше — от 4 до 7% в год.⁴²

Аналогичная тенденция отчетливо прослеживается и в развитии сельского хозяйства. Если в XVIII в. сельскохозяйственный рост Франции составлял в среднем всего около 0,4 % в год, то в первой половине XIX в. он достигал приблизительно 1,5%.⁴³ Причем темп роста производства технических культур, находившийся в прямой зависимости от промышленного развития, намного превышал средний показатель. Так, производство рапса возрастало в среднем на 4%, а марены — на 2,5% в год. Еще быстрее росли сборы сахарной свеклы: в 1830—1847 гг. производство сахара увеличилось с 6 до 52 тыс. т.⁴⁴

Значительный технический прогресс в промышленности и на транспорте, совершенствование агрокультуры, высокие темпы индустриального и сельскохозяйственного роста противоречат представлениям о «застойности» и «архаичности» экономики Франции по сравнению с Англией. Так, в течение первой половины XIX в. среднегодовой темп промышленного роста Англии составлял 3—4%, а сельскохозяйственного — около 2%, т.е. лишь незначительно превышал французский.⁴⁵ Однако если учесть более низкий естественный прирост населения Франции в это время, то ее экономический рост в расчете на «душу населения» будет относительно более быстрым.⁴⁶

Безусловно, в середине XIX в. промышленная революция во Франции была еще далека от завершения. Технический переворот в промышленности все еще происходил крайне неравномерно. Достаточно сказать, что в 1846 г. 34 мощности всех паровых машин приходилось только на горнодобывающую, металлургическую и текстильную, преимущественно прядильную, отрасли промышленности.⁴⁷ И тем не менее капиталистическая индустриализация принесла весомые плоды: возникла крупная машинная индустрия, ставшая сердцем национальной экономики.

С ее возникновением заметно усилилась тенденция к концентрации производства, капитала и рабочей силы в промышленности Франции. Эта тенденция особенно отчетливо наблюдалась в тяжелой промышленности. В 1840 г. среди 20 самых крупных предприятий страны фигурировало 16 металлургических и горнодобывающих, 3 химических и 1 текстильное. Капиталы каждого из них превышали 3 млн фр., достигая в отдельных случаях крупных сумм — 16,35 млн фр. у химической компании «Сен-Гобен» и даже 50 млн фр. у каменноугольной компании «Анзэн».⁴⁸ В 40-х годах на крупных предприятиях тяжелой промышленности нередко было занято по несколько сот и даже тысяч рабочих: на предприятиях компании «Вандель» — 1300, «Фуршанбо» — 1374, «Шнейдер—Крезе» — 1430, «Гран—Комб» — 1520, «Компании Деказвилля» — 2258, «Анзэн» — 6459.⁴⁹ Довольно крупные предприятия встречались и в текстильной промышленности, хотя фирма «Гро—Одье», капитал которой достигал 6 млн фр., являлась исключением. Фирма «Кешлэн—Рисле» в 1851 г. располагала капиталом в 1,35 млн фр., а фирма «Османн» в 1837 г. — 1,6 млн.⁵⁰ Все же в текстильной промышленности производство было сильно распылено. Зато в тяжелой промышленности громадная часть производства приходилась на несколько предприятий-гигантов. Так, в 1851 г. десять крупнейших горнодобывающих предприятий сосредоточили 71,13% добычи каменного угля.⁵¹

Отвергая представления о «застойности» и «архаизме», следует, однако, признать, что они являются тенденциозным истолкованием вполне реальных противоречий экономического развития Франции первой половины XIX в.: техническая и отраслевая структура ее промышленности действительно за это время изменилась очень мало.

Бросается в глаза разительный контраст в этом отношении между Францией и Англией. В 1850 г. мощность паровых машин во Франции составляла 67 тыс. л.с, тогда как в Англии — 500 тыс. л.с. Даже учитывая мощность французских гидравлических машин, нельзя сколько-нибудь выровнять этот дисбаланс. Глубоко различен был удельный вес тяжелой промышленности в экономике обеих стран. В 1847 г. выплавка чугуна во Франции равнялась 600 тыс. т, а в Англии — 5 млн т.

Чтобы выяснить причины отставания от Англии по уровню применения машинной техники в промышленности, надо рассмотреть объективные условия технического переворота во Франции. Влияние революции XVIII в. на их формирование не вызывает сомнений. В чем конкретно оно заключалось?

Как известно, применение машинной техники в производстве целесообразно для капиталиста «лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы».⁵⁴ С этой точки зрения во Франции первой половины XIX в. сложилась весьма противоречивая ситуация. Многочисленными исследованиями установлено, что, с одной стороны, произошло вздорожание индустриальной рабочей силы. На протяжении всей первой половины XIX в. французские промышленники упорно жаловались на ее дороговизну и нехватку в городах.⁵⁵ С другой стороны, в сельской местности в то время образовались значительные излишки дешевой рабочей силы.

Причины возникновения этой избыточной рабочей силы нетрудно проследить. По существу, они во многом восходят к последствиям революции. Революционное аграрное законодательство освободило крестьянскую собственность от феодальных пут и частично перераспределило земельный фонд в пользу крестьян. Тем не менее крупное землевладение в целом устояло, равно как и сопутствовавшая ему парцеллярная структура крестьянского землевладения.⁵⁶ Это способствовало аграрному перенаселению в XIX в., закреплению в сельской местности избыточной рабочей силы.

Следовательно, французские капиталисты могли снижать издержки производства не только посредством применения машинной техники, но и на базе старой ручной техники за счет использования дешевой рабочей силы в сельской местности. Иными словами, они, получили возможность отсрочить технический переворот в той или иной отрасли промышленности до тех пор, пока снижение зарплаты не натолкнется на естественные границы.

В результате во многих районах страны оживились и даже проявили способность к развитию многочисленные мелкие, технически отсталые предприятия, разбросанные в сельской местности. Главным источником их конкурентоспособности являлась эксплуатация дешевой рабочей силы сельской бедноты. Зарплата рабочих в сельской местности была вдвое меньше, чем в городах.⁵⁷ Вместе с тем эти предприятия извлекали выгоду и из использования практически даровой гидроэнергии и дешевого растительного топлива. Типичным в этом отношении был Центральный Восток Франции, где повсюду в сельской местности встречались мелкие металлургические, скобяные, ножевые, ткацкие, кожевенные, стекольные и другие предприятия, функционировавшие в зависимости от календаря сельскохозяйственных работ и сезонных колебаний в снабжении гидроэнергией.⁵⁸

Гибкой формой приспособления капитала к условиям использования дешевой рабочей силы являлись традиционные сельская домашняя промышленность и мануфактура, которые в первой половине XIX в. пережили во Франции поистине второе рождение. По одной оценке, в 1848 г. в них было занято 1,18 млн человек, или около четверти всей рабочей силы в промышленности.⁵⁹ Однако локальные исследования позволяют предполагать еще большие размеры занятости. Так, в середине XIX в. только в изготовлении вышивок, распространенном в Лотарингии и Верхней Савойе, было занято от 150 до 200 тыс. домашних работников.⁶⁰ А следует учесть еще работников и работников десятков других отраслей, особенно текстильной промышленности, в том числе ткачества, вязания, плетения кружева и др.

Вызывает споры вопрос о социально-экономическом значении сельской домашней промышленности первой половины XIX в. Многие немарксистские историки отождествляют ее с аналогичными формами организации промышленного производства в XVII—XVIII вв. Период существования сельской домашней промышленности они выделяют в особую стадию развития производительных сил — «протоиндустриализацию», которая, по их мнению, предшествовала стадии крупной машинной индустрии, т.е. индустриализации.⁶¹

Следует подчеркнуть, что отождествление сельской домашней промышленности двух различных эпох — до и после начала промышленной революции — ошибочно. С началом промышленной революции традиционная сельская домашняя промышленность и мануфактура все более наполняются новым социально-экономическим содержанием. В отличие от прежних времен они стали работать, как будет показано ниже, на мировой рынок. А главное, — если в прежние времена их организатором являлся торговый капитал, то теперь — промышленный, который, как известно, «революционизирует» общественный способ производства.

Представителей промышленного капитала побуждает к созданию сельской домашней промышленности и мануфактуры неравномерность механизации различных звеньев технологического процесса, отдельных отраслей промышленности. Например, в текстильной промышленности более быстрая механизация прядения подтолкнула владельцев крупных прядильных фабрик, стремившихся обеспечить своим предприятиям сбыт, организовать труд ткачей на дому или в мелких мастерских.⁶² В начале XIX в. активными организаторами сельской домашней промышленности были парижские фабриканты, раздававшие работу на дом до 11 тыс. рабочим на всем Северо-Востоке страны. От них не отставали капиталистические предприниматели других районов. В 20-х годах сельские ткацкие мастерские основывает в окрестностях Бельфора фирма «Мекийе—Нобло».⁶³ Примеры деятельности такого рода можно умножить. Они прекрасно иллюстрируют вывод К. Маркса о том, что «так называемая современная домашняя промышленность, кроме названия, не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью» и «превратилась во внешнее отделение фабрики».⁶⁴

По существу, сельская домашняя промышленность и мануфактура являлись переходной формой к фабрике, получившей распространение в первые десятилетия промышленной революции. Ее особенность — воспроизводство методов формального подчинения труда капиталу в конкретных исторических условиях Франции первой половины XIX в., когда реальное подчинение было еще невозможно в широких масштабах в силу сосредоточения основной массы рабочих рук в парцеллярном землевладении.⁶⁵

Это не было регрессом в процессе общественного производства, поскольку формальное подчинение труда капиталу является «всеобщей формой всякого капиталистического процесса производства»⁶⁶, а представляло собой своеобразную «экстенсификацию» общественного производства. В форме широкого распространения сельской домашней промышленности и мануфактуры ускорение промышленного роста достигалось посредством наиболее полного использования затрат труда при экономии на капиталозатратах. Еще В.И. Ленин обращал внимание на способность «капиталистической работы на дому» обеспечивать при низком уровне капиталозатрат значительное расширение производства «вследствие оживления какой-либо крупной отрасли промышленности».⁶⁷

Действительно, в первой половине XIX в. те отрасли промышленности, в которых господствовал ручной труд, смогли значительно расширить производство. Рост таких отраслей, как шерстяная, красильная, аппретурная, трикотажная, шляпная, мебельная, бочарная, скобяная, табачная, сахарная, строительных материалов (за исключением цементной), стекольная, керамическая и др., достигал показателей роста французской промышленности в целом — в среднем 2,4—3% в год. Даже самые отсталые отрасли развивались неплохим темпом порядка 1,4—1,8% в год.⁶⁸ Отсталым предприятиям в передовых отраслях, которые к середине XIX в. еще не завершили технический переворот, также удалось существенно поднять производство. В частности, древесноугольная металлургия в 1819—1850 гг. увеличила выплавку чугуна на 107%, а стали — на 65%.⁶⁹

Это «параллельное»⁷⁰ развитие крупной машинной индустрии и мелкого ручного производства задержало рост технического строения капитала в промышленности Франции, особенно по сравнению с Англией. При этом усиление экстенсивных факторов общественного производства было, по-видимому, необходимым этапом в истории индустриального развития Франции. Дело в том, что развитие сельской домашней промышленности и мануфактуры означало, по выражению Ф.Энгельса, «распространение промышленной революции на деревню» и «экспроприацию занятых в домашней промышленности крестьян при посредстве машин».⁷¹ А это и создает предпосылки перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу и, следовательно, — к интенсификации общественного производства.

Характеризуя историческое место сельской домашней промышленности и мануфактуры, Энгельс подчеркивал, что их развитие «служит только первой ступенью для дальнейшего переворота... И для них на определенной ступени развития пробьет час гибели от машин и фабричного производства».⁷² По его определению, эта «первая ступень» промышленной революции отличалась своеобразным способом ее распространения «вширь».⁷³ В социальном плане это означало, что коренная ломка всех общественных отношений, начавшаяся на рубеже XVIII—XIX вв. под влиянием машин, маскировалась в первой половине XIX в. переходными формами организации производства. В экономическом плане распространение промышленной революции «вширь» привело к «экстенсификации» общественного производства, которая обусловила относительно узкие рамки технического переворота.

Экстенсивные формы производства были характерны в то время и для развития сельского хозяйства Франции. Здесь они были связаны с распространением плодосменной системы земледелия, требующей значительно больших трудовых затрат на гектар сельскохозяйственных угодий, чем старая трехпольная система.⁷⁴

В течение всей первой половины XIX в. текущие расходы сельского хозяйства составляли ничтожную долю конечного валового продукта.⁷⁵ При этом численность только мужской рабочей силы возросла на 14,8%.⁷⁶ Одновременно получили распространение полукапиталистические формы организации сельскохозяйственного производства — испольтчина и мелкая аренда.⁷⁷

Таким образом, в первой половине XIX в. во французской деревне сложился определенный «симбиоз» экстенсивных форм промышленного и сельскохозяйственного производства, благодаря которому деревенские низы в течение года привлекались к дополнительной капиталистической работе по найму.

Остается, наконец, проблема отсталости отраслевой структуры французской промышленности, в продукции которой доля средств производства на протяжении всей первой половины XIX в. была незначительной и даже уменьшилась между 1803—1812 и 1835—1844 гг. с 21 до 11,4%.⁷⁸

Чтобы решить эту проблему, надо снова обратиться к событиям революции, на этот раз — к ее длительным внешним войнам, которые разрушили заморскую торговлю Франции, прежде всего с Англией и Америкой.

До революции внешняя торговля была процветающей отраслью экономики Франции. В 1716—1787 гг. ее оборот вырос в 10 раз.⁷⁹ С ней был связан промышленный подъем в прибрежных районах Запада и Юга страны. Крах этой торговли, обусловленный сначала восстанием во французских колониях, а затем английской морской блокадой, причинил непоправимый ущерб всему ориентированному «вне» страны сектору экономики. К окончанию наполеоновских войн его традиционными рынками уже прочно владели англичане.⁸⁰

Потеря внешних рынков имела далеко идущие последствия для французской промышленности. Уже на рубеже XVIII—XIX вв. она была вынуждена переориентироваться на внутренний рынок. Это, во-первых, изменило географию промышленного производства: его условный центр тяжести переместился с Юго-Запада на Северо-Восток. Промышленный подъем охватил центральные и северо-восточные районы страны, обращенные лицом к национальному рынку. Во-вторых, ориентация на внутренний рынок подчинила французскую промышленность весьма своеобразной структуре господствовавшего на нем спроса.

В стране, где в первой половине XIX в. наблюдался процесс «экстенсификации» производства и технический переворот происходил в относительно узких рамках, спрос на новейшие средства производства, машины и оборудование был также относительно невысок. Погоду на внутреннем рынке, безусловно, делал массовый потребительский спрос, прежде всего крестьянства, составлявшего большинство населения. Благодаря повышению покупательной способности сельского населения, связанному как с ростом сельскохозяйственного производства, так и с благоприятной конъюнктурой⁸¹, в первой половине XIX в. спрос на промышленные товары массового потребления стабильно возрастал. В период между 1815—1824 и 1825—1834 гг. покупательная способность сельского населения составляла 105%, а между 1825—1834 и 1835—1844 гг. — 2/3 всего прироста спроса на промышленную продукцию.⁸²

Преобладание на внутреннем рынке потребительского спроса стимулировало преимущественное развитие обрабатывающих отраслей промышленности, производящих готовую к потреблению продукцию, и задержало развитие базовых отраслей, выпускающих средства производства.

Подъем обрабатывающей промышленности неизбежно обострял нехватку сырья и полуфабрикатов, превращая их производство в «узкое место» экономики. Теоретически эта нехватка могла быть покрыта за счет импорта, в частности из Англии. Однако на практике это оказалось невозможно, сначала вследствие английской морской блокады и континентальной «самоблокады», а затем — в результате сурового протекционистского режима, который вскоре после окончания наполеоновских войн почти полностью закрыл французский рынок для английских товаров. Впрочем, уже континентальная блокада действовала как система крайнего протекционизма.⁸³ В этих условиях ликвидировать «узкие места» можно было только путем систематического и целенаправленного «подтягивания» базовых отраслей, производящих сырье и полуфабрикаты, до уровня потребностей обрабатывающих отраслей.

В начале XIX в. пример подала ситценабивная промышленность, достигшая высокого уровня производства раньше, чем смежные отрасли — прядение и ткачество, и до революции удовлетворявшая свои потребности в полотне во многом за счет импорта. Лишившись традиционных поставщиков, фабриканты-ситцепечатники были вынуждены расширить свою производственную деятельность на смежные «по направлению к истоку», согласно выражению М.Леви-Лебуайе⁸⁴, звенья технологической цепи, чтобы надежно обеспечить свои предприятия полуфабрикатами. Так, парижский промышленник Оберкампф, испытывая затруднения в снабжении своего ситцепечатного предприятия полотном, построил в 1805—1810 гг. механическую прядильню и в дополнение к ней организовал ткацкое производство в цехе и на дому.⁸⁵ Подобная практика наблюдалась и в других отраслях текстильной промышленности. В 1820—1840 гг. почти все шерстопрядильные фабрики Нанси были придатками сукноделия.⁸⁶ Здесь производство вышивок начиная с 1815 г. повлекло развитие хлопкопрядения и ткачества, в результате чего в 40-х годах сложился «полный технологический цикл хлопчатобумажной промышленности».⁸⁷

«Бум» в механизированном прядении и дальнейшее нарастание технического переворота привели к тому, что очередным «узким местом» промышленности стало производство машин и оборудования. Поэтому еще в начале XIX в. крупные текстильные фабрики — Оберкампа, Альбера, Ришара и др. — должны были обзавестись собственными машиностроительными мастерскими.⁸⁸ В первой половине XIX в. текстильные фабриканты Эльзаса, такие, как А. и Н.Кешлэны, Ж.-Ж.Мейер и др., распространили свою деятельность сначала на производство текстильных, затем паровых машин, а в дальнейшем — и железнодорожных локомотивов.⁸⁹ Тенденция к интеграции машиностроения наблюдалась и со стороны современного парового транспорта. В начале 40-х годов крупнейшая пароходная компания бассейна Роны («Генеральная компания судоходства») располагала судостроительными и судоремонтными верфями.⁹⁰

Ускорение железнодорожного строительства в 40-х годах вызвало повышение спроса на металл и способствовало развитию промышленной интеграции от железных дорог к металлургии. Железнодорожные компании становились владельцами доменных печей.⁹¹ В свою очередь, подъем каменноугольной металлургии обусловил интеграцию от этой отрасли к каменноугольной промышленности. Уже в 1840 г. крупнейшие металлургические фирмы — «Компания Декавилля», «Алэ», «Шнейдер—Крезе» — являлись интегрированными предприятиями.⁹²

Промышленная интеграция «по направлению к истоку», т.е. от обрабатывающих к базовым отраслям, вместе с процессом «экстенсификации» общественного производства и характеризует главные особенности индустриального развития на первой ступени промышленной революции во Франции.

Способствуя развитию и повышению удельного веса отраслей, выпускающих средства производства, в том числе уголь, металл, оборудование, промышленная интеграция «по направлению к истоку» технологической цепи была важным средством модернизации отраслевой структуры французской промышленности. Хотя основным стимулом развития промышленности долгое время служил массовый потребительский спрос, тем не менее уже в середине XIX в. базовые отрасли стали развиваться опережающими темпами по сравнению с обрабатывающими. С 1835—1844 гг. их доля в производстве промышленной продукции начала медленно, но неуклонно расти.⁹³

Необходимым условием подъема тяжелой промышленности Франции была политика таможенного протекционизма, проводившаяся до 1860 г. Она оградила базовые отрасли от английской конкуренции, которая была способна их разрушить, и обеспечила их рост. Так, введение протекционистского тарифа 1806 г. на английскую пряжу вызвало подъем механического бумагопрядения в 1806—1810 гг.⁹⁴ А запретительный тариф 1844—1845 гг. на импорт паровозов способствовал расцвету французского локомотивостроения.⁹⁵ При этом политика таможенного протекционизма проводилась довольно гибко: так, в 1834—1837 гг. высокое обложение ввоза каменного угля, потребление которого с развертыванием технического переворота возросло, было отменено в связи с его нехваткой во Франции.⁹⁶

Одновременно с началом подъема базовых отраслей исчерпывают свои возможности к дальнейшему росту сельская домашняя промышленность и мануфактура. В 30-х годах достиг своего исторического предела метод снижения издержек производства путем уменьшения заработной платы и сверхэксплуатации дешевой сельской рабочей силы.⁹⁷ Наступает тот «критический пункт», который охарактеризовал Маркс: «Основа старого метода, просто грубая эксплуатация рабочего материала... оказалась уже недостаточной при возрастании рынка и еще более быстром росте конкуренции между капиталистами. Наступила пора машин».⁹⁸

Симптомы этого проявились в ходе экономического кризиса конца 40-х годов. В отличие от прежних кризисов, поражавших преимущественно еще хрупкую тогда фабрично-заводскую промышленность, он впервые нанес удар главным образом по мелким технически отсталым предприятиям.⁹⁹

Кризис конца 40-х годов положил конец параллельному развитию крупной машинной индустрии и мелкого ручного производства, характерному для предшествовавших десятилетий. Начиная с середины XIX в. традиционные отрасли промышленности Франции, отличавшиеся низким уровнем техники, вступили в период застоя и замедленного роста.¹⁰⁰ И это — на фоне весьма высокого темпа промышленного роста Франции в целом.¹⁰¹

В середине XIX в. намечаются важные перемены и в развитии сельского хозяйства: впервые возникает техническая база для крупного производства в земледелии. Так, если в 1840 г. здесь не применялось ни усовершенствованного инвентаря, ни тем более машин, то в 1852 г. насчитывалось уже 58,4 тыс. конных и 1,5 тыс. паровых молотилок, не считая разнообразного улучшенного инвентаря.¹⁰² Соответственно возросли текущие расходы сельского хозяйства по отношению к конечному валовому продукту.¹⁰³

Все эти перемены, очевидно, свидетельствовали о том, что в 40-х годах Франция достигла новой, более высокой ступени промышленной революции. Кризис сельской домашней промышленности и мануфактуры, начало механизации земледелия привели в середине XIX в. к массовому бегству из деревни бедноты — сельскохозяйственных наемных рабочих и мелких арендаторов.¹⁰⁴ Они пополнили резервную армию труда быстро растущей крупной машинной индустрии. Следовательно, расширились возможности для реального подчинения труда капиталу. Коренная ломка всех общественных отношений под влиянием машин, маскировавшаяся ранее переходными формами организации промышленного и сельскохозяйственного производства, приобрела явный характер. Связанный с новой ступенью промышленной революции процесс интенсификации общественного производства обусловил заметное повышение роли технического прогресса в экономическом развитии страны. Эти особенности промышленной революции во Франции не представляют собой какой-то аномалии, досадного отклонения от некой «правильной» линии. Они в конечном счете отражают многовариантность путей развития капитализма в рамках детерминированного этапа исторического процесса, которая коренится в неравномерности общественного развития. Причем огромное влияние на выбор того или иного пути оказывает ход классовой борьбы.

Именно французская революция XVIII в. как решающий кульминационный этап классовой борьбы эпохи буржуазных антифеодальных движений, во многом определила ряд важных признаков французского «варианта» промышленной революции. Неизбежно возникает вопрос: в какой мере был эффективен этот французский вариант по сравнению с классическим английским?

Если оценивать эффективность промышленной революции с точки зрения развития экономики, то приведенные выше сведения об экономическом росте обеих стран говорят сами за себя. Можно добавить, что и в стоимостном выражении производство промышленной продукции во Франции даже в середине XIX в. было не меньше, а сельскохозяйственной продукции — вдвое больше, чем в Англии.¹⁰⁵

Высокая стоимость французской промышленной продукции при скромных, по сравнению с Англией, физических объемах производства основных ее видов, таких, как уголь, металл, пряжа и др., объясняется довольно просто. В отличие от английской более механизированной промышленности, выпускавшей стандартную и, следовательно, дешевую продукцию, французская промышленность «специализировалась» на производстве высококачественных, требующих ручной обработки и поэтому более дорогих товаров.

Это различие хорошо иллюстрирует следующий пример. Во второй четверти XIX в. потребление хлопка прядильной промышленностью в Англии было втрое больше, чем во Франции. Однако если сравнить итоги работы хлопчатобумажной промышленности в стоимостном выражении, то разрыв между обеими странами выглядит значительно меньше. Хотя в 1836 г. ее оборот в Англии составлял 1 млрд. фр., зато и во Франции он достигал внушительной суммы в 600 млн. фр.¹⁰⁶

Ставка на качество продукции, достигавшееся ручной обработкой, позволила французской промышленности снова после длительного перерыва выйти на мировые рынки. Уже во второй четверти XIX в. французские потребительские изделия успешно конкурировали на них с английской стандартной продукцией. Установлено, что именно спрос в Америке и в самой Англии обусловил подъем производства вышивок в Нанси.¹⁰⁷ Внешний спрос стимулировал развитие и многих других отраслей легкой промышленности. В результате был достигнут весьма высокий среднегодовой темп роста французского экспорта, который в 1815—1850 гг. составлял 3,81%. Доля внешней торговли в валовом национальном продукте возросла в 1830—1850 гг. с 13 до 19%.¹⁰⁸ В середине XIX в. прирост промышленной продукции уже на 40% зависел от увеличения экспорта.¹⁰⁹ Завоевание новых экспортных рынков отражало вступление в возраст зрелости современной промышленности, для развития которой национальные границы «недостаточны».¹¹⁰

Следовательно, к середине XIX в. французский вариант промышленной революции в целом доказал свою экономическую эффективность, и говорить об экономическом «отставании» Франции от Англии в это время вряд ли оправданно.

В чем Франция действительно отставала от Англии, так это в размахе технического переворота. Но в первые десятилетия промышленной революции отдельно взятые параметры технического переворота, такие, как мощность паровых машин и т. д., не могут служить универсальным критерием уровня экономического развития той или иной страны. Следует учитывать переходный характер этой эпохи, когда даже в самых передовых странах фабрично-заводская промышленность была вплетена в ткань мелкого ручного производства. Действительно, в силу отмеченных выше причин технический переворот во Франции происходил в более узких рамках, чем в Англии. Но при этом на его передовых рубежах Франция к середине XIX в. вряд ли в чем-либо существенном уступала своим соседям.

Весьма характерно, что такие современники промышленной революции, как К.Маркс и Ф.Энгельс, признавали Францию того времени самым передовым индустриальным государством наряду с Англией.

В 1847 г. Энгельс противопоставлял по уровню индустриального развития Францию и Англию, с одной стороны, и Германию — с другой, подчеркивая, что «во Франции и в Англии город господствует над деревней», «торговля и промышленность... служит главным источником существования народных масс», а «в основе богатства обеих этих стран лежит прежде всего вывоз изделий их промышленности».¹¹¹ В свою очередь, Маркс в 1879 г. относил Францию к числу тех стран, «где современная промышленность достигла наибольшего развития», называя, кроме нее, Англию, США, Бельгию.¹¹²

Экономическое отставание Франции от Англии как по темпу экономического роста, так и по стоимости промышленной продукции датируется не ранее чем последней третью XIX в.¹¹³ Но это уже другая историческая эпоха, связь которой с экономическими последствиями революции прямо не прослеживается.

Если же оценивать эффективность французского варианта промышленной революции с точки зрения социального развития, то вряд ли можно отрицать, что коренная ломка общественных отношений под влиянием машин сопровождалась во Франции более мягкими, чем в Англии, методами пролетаризации сельского населения.

При всех тяготах сверхэксплуатации в домашней промышленности и мануфактуре сельское население Франции было в значительной мере избавлено от крайностей английской дворянской «чистки земель» от крестьянства. Это прежде всего отражает социальное значение той победы, которой добились народные массы в борьбе против либеральной буржуазии за выбор путей капиталистического развития страны в период революции XVIII в.

Таким образом, следуя своеобразным путем социально-экономического развития, который во многом наметили итоги революции XVIII в., Франция вступила в середине XIX в. на высшую, завершающую ступень революции промышленной и подтвердила свой статус передовой капиталистической державы, который она разделяла с Англией. Представления о «застойности» и «архаизме» экономического развития Франции, ее промышленном «отставании» от Англии являются следствием односторонней интерпретации реальных противоречий ее экономического развития в первой половине XIX в., обусловленных особенностями первой ступени промышленной революции. Не менее ошибочно и преувеличение отрицательных последствий кратковременного экономического спада, связанного с революцией. Как пишет прогрессивный французский историк Серж Шассань, «несправедливо смешивать случайные последствия революционной конъюнктуры с глубокими причинами структурных преобразований, необходимо протекающих в более медленном темпе».¹¹⁴ Не будучи ни в малейшей мере «национальной катастрофой», Великая буржуазная революция сыграла в истории экономического развития и капиталистической индустриализации Франции роль важного стимула прогресса.

1 Адо А.В. Современные споры о Великой французской революции: (Историогр. обзор) Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 178.

2 Levy-Leboyer M. Les banques europeennes et l'industrialisation Internationale dans la I-ere moitie du XIX siecle P., 1964. P.29.

3 Crouzet F. Angleterre et France au XVIII-e siecle: Essai d'analyse compare de deux croissances economiques Annales E.S. C 1966. N 2; Histoire economique et sociale de la France. P., 1976. T.3, vol.2 (далее: HESF); Trebilcock C. The Industrialisation of the Continental Powers, 1780—1914. L.; N Y., 1981, etc.

4 Landes D.S. The Unbound Prometheus. Cambridge, 1969; The Cambridge Economic History of Europe. L.; N.Y., 1978. Vol.6. Kemp T. Industrialisation in Nineteenth Century Europe. L., 1969; Idem. Economic Forces in French History. L., 1971 Idem. Historical Patterns of Industrialisation L., 1978; Price R. The Economic Modernization of France. N.Y.; Toronto, 1975; Trebilcock C. Op.cit., etc.

5 Levy-Leboyer M. Les banques europeennes...; Idem. Les Processus d'industrialisation: les cas de l'Angleterre et de la France. Revue historique. 1968. Avr.-juin.; Cameron R. L'economie francaise: passee, present, avenir. Annales E.S.C. 1970. N 5; Crouzet F. Angleterre et France...; Idem. Wars, Blockade and economy: Change in Europe 1792—1815. Journal of Economic History. 1964. Dec. (далее - JEH); Idem Les consequences economiques de la Revolution Annales hictoriques de la Revolution francaise. 1962, N 168 (далее: AHRF); Idem. French Economic Growth in the Nineteenth Century Reconsidered. History. 1974. N 50. HESF. Vol.1—2; Caron F. Les «pays suiveurs»: France et Belgique. Leon P. History economique et sociale du monde. P., 1978. T.3, Idem An economic history of Modern France. L., 1979; O'Brien P., Keyder C. Economic Growth and France, 1780—1914. L., 1978; etc.

6 Адо А.В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. Социальные движения и борьба идей: Проблемы истории и историки. 1982.

7 Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928; Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937; Он же. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т.1—2; Кудрявцева М.А. О концентрации и дроблении земельной собственности во Франции в 50—60-х годах XIX в. Французский ежегодник, 1963. М., 1964; Трунский Ю.Г. Основные тенденции экономической эволюции французской деревни (1862—1962) Проблемы всеобщей истории. Казань, 1969; История Франции. М., 1973. Т.2; и др.

- 8 Soboul A. La Revolution Francaise, 1789—1815 HESF. Vol.1; Voies nouvelles pour l'histoire de la Revolution Francaise. P., 1978; La France contemporaine: Identite et mutations de 1789 a nos jours. P., 1982; etc
- 9 HESF. Vol.1. P.105.
- 10 Ibid. P. 112.
- 11 Bergeron L. Problemes economiques de la France napoleonienne. Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1970. Juil.—sept. P.502.
- 12 Ibid. P.496.
- 13 Потемкин Ф.В. Промышленная революция... Т.1. С.140.
- 14 Bergeron L. Problemes economiques... P.496.
- 15 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers parisiens du Directoire a l'Empire. P. et al., 1978. P.216.
- 16 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.576.
- 17 Chassagne S. L'Industrie lainiere en France a l'epoque revolutionnaire et imperiale (1790—1810) Voies nouvelles... P.163.
- 18 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.582.
- 19 HESF. Vol.2. P.497.
- 20 Потемкин Ф. В. Промышленная революция... Т.1. С.309, 317.
- 21 Woronoff D. L'industrie siderurgique en France pendant la Revolution et l'Empire. AHRF. 1982. N 247. P.148.
- 22 Vial J. industrialisation de la siderurgie francaise 1814—1864. P.; La Haye, 1967. P. 133.
- 23 Fohlen C. Charbon et revolution industrielle en France (1815—1850) Charbon et sciences humaines. P.; La Haye, 1966. P. 142.
- 24 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers... P.205.
- 25 Fohlen C. Charbon et revolution industrielle... P.144—145.
- 26 HESF. Vol.2. P.498.
- 27 Caron F. Les «pays suiveurs»... P.467—468.
- 28 HESF. Vol.1. P.291, 295.
- 29 Rivet F. La navigation a vapeur sur la Saone (1783—1863). P., 1962. P.154—164.
- 30 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers... P.222.
- 31 Потемкин Ф. В. Промышленная революция... Т.1. С.415.
- 32 Crouzet F. Les debuts de l'industrie des locomotives en France Histoire, economies, societes. Lyon, 1978. P.187—192.
- 33 Потемкин Ф.В. Промышленная революция... Т.1. С.329—331.
- 34 Crouzet F. Les debuts de l'industrie... P.192.
- 35 Vial J. Op.cit. P.240—241.
- 36 Newell W. H. The Agricultural Revolution in Nineteenth Century France JEH. 1973. N 4. P.721.
- 37 Caron P. Les «pays suiveurs»... P.482—484.
- 38 La France contemporaine... P.48.
- 39 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.585.
- 40 Markovitch T. L'industrie francaise de 1789 a 1964. Conclusions generales Cahiers de l'I. S.E.A. Ser.A.F. N 7. 1964. N 179. P.122.
- 41 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.577.
- 42 Markovitch T. Op.cit. P.122; Levy-Leboyer M. La croissance economique en France aux XIX-e siecle: Resultats preliminaires Annales E. S. C 1968. N 4. P.794.
- 43 Markovitch T. Op.cit. P.130; Toutain J.-C. Le produit physique de l'agriculture francaise de 1700 a 1958. Vol.2: La croissance Cahiers de l'I. S.E.A. Ser.A.F. N 2. 1961. N 115. Suppl. P.128—129; Levy-Leboyer M. La croissance economique. P.802.
- 44 Caron F. Les «pays suiveurs»... P.483—484.
- 45 Levy-Leboyer M. La croissance economique... P.793; Marczewski J. Le produit physique de l'economie francaise de 1789 a 1913 (comparaison avec la Grande-Bretagne) Cahiers de l'I. S.E.A. Ser.A.F. N 4. 1965. N 163. P.XLIII—XLIV.

- 46 Markovitch T. Op.cit. P.316.
- 47 HESF. Vol.2. P.497.
- 48 Gilles B. Les plus grandes compagnies houilleres francaises vers 1840, essai sur la structure du capitalisme Charbon et sciences humaines... P.165.
- 49 Gilles B. La siderurgie francaise au XIX-e siecle. Geneve, 1968. P.166—167.
- 50 Fohlen C L'industrie textile au temps du Seconde Empire. P., 1956. P.98—103.
- 51 Gilles B. Les plus grandes compagnies... P.161.
- 52 HESF. Vol.2. P.497.
- 53 Ibid. P.567.
- 54 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.404.
- 55 Woronoff D. Problemes de la siderurgie francaise a l'epoque du Directoire. Voies nouvelles... P. 177; Wolff J. Decaseville: Expansion et declin d'un pole de croissance Revue Economique. 1972. N 5. P.765; Crouzet F. Les consequences economiques... P.211.
- 56 Ado A.B. Крестьянство в европейских буржуазных революциях XVI—XVIII вв. Новая и новейшая история. 1983. № 1. С.68—69.
- 57 La France contemporaine... P.68.
- 58 Jobard J.-P. Les disparites regionales de croissance: un analyse economique des departements situes dans le Centre-Est de la France, 1801 — 1962. P., 1972. P. 201.
- 59 Auffret M., Hau M., Levy-Leboyer M. Regional Inequalities and Economic Development: French Agriculture in the Nineteenth and Twentieth Centuries Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. N. Y., 1981. P. 284.
- 60 Voilliard O. Nancy au XIX-e siecle, 1815—1871: Line bourgeoisie urbaine. P., 1978. P.208.
- 61 Mendels F.F. Protoindustrialization: the First Phase of the Industrialization Process. JEH. 1972. N 1. P.241.
- 62 Fohlen C. La concentration dans l'industrie textile francaise au milieu du XIX-e siecle Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1955. Janv.—mars. P.50.
- 63 Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers... P.205; Fohlen C. Une affaire de famille au XIX-e siecle: Mequillet—Noblot. P., 1955. P.52.
- 64 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.472.
- 65 Заслуживает внимания анализ сущности и исторического места сельской домашней промышленности в работе: Keyder C. Protoindustrializzazione e aree periferiche Quaderni storici. 1983. N 52.
- 66 Архив Маркса и Энгельса. Т.2(7). С.91.
- 67 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.3. С.446—447.
- 68 Markovitch T. Op. cit. P.130, 139.
- 69 Vial . Op.cit. P.133.
- 70 La France contemporaine... P.66.
- 71 Маркс К., Энгельс Ф Соч. 2-е изд. Т.21. С.344.
- 72 Там же. С.343.
- 73 Там же. С.342.
- 74 Hohenberg P. Change in Rural France in the Period of,Industrialisation 1830—1915. JEH. 1972. N 2. P.22.
- 75 Трунский Ю.Г. Основные тенденции... С.95.
- 76 Newell W. H. Op.cit. P.711.
- 77 Soboul J. Propriete fonciere et condition des terres dans l'Europe napoleonienne: Le cas de la France XV-e Congres des sciences historiques. Bucarest 1980 Vol.3. P.406.
- 78 Markovitch T. Op.cit. P.287.
- 79 Crouzet F. Wars. Blockade and Economic Change. P.568.
- 80 Ibid. P.571—572.
- 81 Трунский Ю.Г. Основные тенденции... С.58.
- 82 Caron E. Les «pays suiveurs»... P.484.
- 83 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.574.

- 84 Levy-Leboyer M. Les processus d'industrialisation... P.288.
- 85 Chassagne S. Oberkampf... P.190.
- 86 Voilliard O. Op.cit P.110.
- 87 Ibid. P.118.
- 88 Bergeron L. Banqueirs, negociants et manufacturiers... P.216.
- 89 Crouzet F. Les debuts de l'industrie... P.189
- 90 Rivet F. Op.cit. P.155.
- 91 Wolff J. Op.cit. P.770.
- 92 Gille B. Les plus grandes compagnies... P.168
- 93 Markovitch T. Op.cit. P.287.
- 94 Crouzet F. Wars, Blockade and Economic Change... P.575.
- 95 Crouzet F. Les debuts de l'industrie... P.192.
- 96 Crouzet F. Le charbon anglais en France au XIX-e siecle Charbon et sciences humaines... P.175—176. Богатые месторождения департамента Па-де-Кале были в 40-х годах XIX в. только открыты.
- 97 La France contemporaine... P.78.
- 98 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.482—483.
- 99 Vial. Op.cit. P.134; Fohlen C. La concentration dans l'industrie textile... P.55; Guillaume P. La Compagnie des Mines de la Loire (1846—1854). P., 1966. P.136.
- 100 Markovitch T. Op.cit. P.130.
- 101 Франсуа Круге пишет: «Фазу наиболее быстрого роста французская промышленность пережила в середине XIX в. Высшей точки эта фаза достигла в период авторитарной Империи, но началась она в конце Июльской монархии». См.: Crouzet F. Essai de construction d'un indice annuel de la production industrielle francaise au XIX-e siecle Annales E. S. C 1970. N 1. P.88.
- 102 Трунский Ю.Г. Основные тенденции... С.259.
- 103 Там же. С.94—95.
- 104 Трунский Ю.Г. Характерные черты эволюции французской деревни в XIX—XX вв. Проблемы всеобщей истории. Казань, 1972. Сб. 3. С.136.
- 105 Marczewski J. Op. cit. P. XLIII—XLIV.
- 106 Levy-Leboyer M. Les banques europeennes... P.410.
- 107 Voilliard O. Op cit. P. 117—118.
- 108 Levy-Leboyer M. La croissance economique... P.796, 749.
- 109 Marczewski J. Op.cit. P.CXLVI.
- 110 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7. С.17.
- 111 Там же. Т.4. С.46.
- 112 Там же. Т.34. С.290.
- 113 Marczewski J. Op.cit. P.XLV.
- 114 Chassagne S. L'industrie lainiere... P.164—165.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА экономика, политика, идеология

Ответственный редактор

доктор исторических наук **Г.С. КУЧЕРЕНКО**

М.: Наука. 1988

Сборник подготовлен к 200-летию юбилею Великой французской революции.

Авторы осветили широкий круг тем, вызывающих интерес

не только специалистов, в частности, предысторию,

предпосылки и основные события революции, налоговую политику

якобинского периода, отклики зарубежной печати на события

во Франции в 1789-1794 годах и ряд других проблем.

Для историков, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

Редакционная коллегия: А.В.АДО, Е.В.КИСЕЛЕВА, Г.С.КУЧЕРЕНКО,

Г.С.ЧЕРТКОВА (зам. ответственного редактора)

Рецензенты: доктор исторических наук В.А.ДУНАЕВСКИЙ,

кандидат исторических наук В.В.РОВИНСКИЙ

ДРУГИЕ СТАТЬИ ИЗ СБОРНИКА

От редколлегии

К.Андерсон. Франция времен Директории в «Дневниках» Т.-У.Тона

Г.Бауман. Великая французская революция и Нидерланды

И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму

и попытки реформ в 1749-1776 года

В.Гавриличев. Якобинцы и принудительные налоги на богатых

(весна-осень 1793 года)

С.Искюль. Революция в освещении Геттингенского «RevolutionsAlmanach»

С.Карп. Бриссо о государстве

Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области регламентации

торговли и промышленности весной-летом 1794 года

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции

Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»:

особенности идеологии и культуры франц. дворянства XVIII в.

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX в.

можно скачать здесь: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p172144650.htm>

Веб-публикация: **Vive Liberta** и **Век Просвещения**, 2012

Зинаида Алексеевна Чеканцева

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ во ФРАНЦИИ в 1715-1786 годах

Проблема исторической обусловленности французской революции конца XVIII в., поставленная еще ее современниками, спустя почти двести лет остается дискуссионной. В наши дни взгляд на революцию как событие эфемерное и по существу ненужное защищают некоторые весьма авторитетные представители зарубежной исторической науки, которые предлагают новую аргументацию для этой не новой теории. В условиях обострившейся в науке и имеющей явный идеологический оттенок борьбы вокруг проблем французской революции¹ особенно большое значение приобретает разработка вопросов, связанных с ее предпосылками: историческая неизбежность революции может быть понята из ее предыстории.

Важнейший компонент этой предыстории составляют дореволюционные народные движения — крестьянские и городские. Необходимость и важность изучения данных движений не раз подчеркивалась в нашей науке². Не без влияния марксистских работ по этому вопросу в последние десятилетия его разработка заняла более существенное место и в трудах буржуазных ученых. В начале 60-х годов известный французский историк Ролан Мунье опубликовал программу исследований народных движений во Франции с 1483 по 1789 г.³, в которой были поставлены магистральные научные задачи: определение хронологических циклов восстаний, их территориальное распределение, основные причины возникновения и поражений и т. д. В русле этой программы и вне ее за последние два десятилетия французская наука заметно продвинулась в изучении этой темы: накоплен значительный фактический материал, немало сделано и для его обобщения⁴.

¹ Адо А. В. Французская революция конца XVIII века и ее современные критики // Новая и новейшая история. 1981. № 3. С. 43—63.

² Поршнев Б. Ф. Крестьянские и плебейские движения XVII—XVIII вв. во Франции // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 85—93; Он же. Феодализм и народные массы. М., 1964; Люблинский В. С. Народное движение 1775 года и проблематика ранних плебейских выступлений // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962; Адо А. В. Проблема крестьянских движений во Франции перед буржуазной революцией XVIII века // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1966, № 3; Кучеренко Г. С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. М., 1981. С. 160—161.

³ Mounier R. Recherches sur les soulèvements populaires en France de 1483 à 1789 // Revue du Nord. 1962. N 174. P. 281—290.

⁴ См. напр.: Mandrou R. Vingt ans après ou une direction de recherches fécondes: les révoltes populaires en France au XVII siècle // Revue historique. 1969. T. 249. P. 29—40.

Но из двух последних веков старого порядка внимание историков привлек прежде всего век семнадцатый. Более того, в новейшей французской историографии утвердилось представление о том, что по сравнению с XVII в., «веком восстаний», в XVIII в. вплоть до революции накал народной, прежде всего крестьянской, борьбы снизился, что в то время не было охватывающих несколько провинций крупных движений, подобных тем, которые переживала Франция в XVII в., что можно говорить об исчезновении самой традиции крестьянских войн. Но предложенные французскими историками гипотезы, объясняющие снижение накала народной социальной борьбы⁵, все же не делают до конца понятным парадокс «смирного» XVIII в., предшествовавшего громадному революционному взрыву.

За последние десятилетия усилиями большой группы зарубежных (М. Вовель, Г. Лемаршан, М. Бурдерон, Д. Рюде, И. Берсе, Э. Урс, Ж. Николя и др.) и советских (Б. Ф. Поршнев, В. С. Люблинский, А. В. Адо, С. А. Лотте, А. И. Коробочко) исследователей наши знания о дореволюционных народных движениях во Франции в XVIII в. заметно пополнились. И все же в их истории остается немало спорных, неясных и совсем не изученных вопросов; значительная часть материалов о народных движениях последнего века Старого порядка, содержащихся в фондах Национального и местных архивов, еще не введена в научный оборот. Особенно плохо изучены социальные конфликты в городах⁶.

В статье предпринята попытка выявления общей динамики и уточнения типологии народных движений с 1715 по 1786 г. главным образом на основе печатных инвентарных описей коммунальных и департаментских архивов⁷. Нижняя грань — 1715 год, год смерти Людовика XIV, знаменовавшей собой конец целой эпохи в истории Франции, — определяется тем, что, на наш взгляд, большая часть народных движений начала XVIII столетия по типу, характеру, формам скорее «принадлежит» XVII в.⁸ Верхняя грань — 1786 год — тем, что именно в это время начался общенациональный кризис, который во многом предопределил специ-

фику и динамику народных движений последних предреволюционных лет⁹.

Наши материалы позволили установить, что с 1715 по 1786 г. произошли 494 народных выступления¹⁰ в городе и деревне, не считая событий «мучной войны» 1775 г.¹¹ Кроме того, в источниках и литературе много важных сведений о народных движениях, которые не поддаются учету: прямых, но без точной датировки и указаний на конкретный населенный пункт, а на обширную местность, провинцию или ее часть, и косвенных — о передвижении воинских частей и жандармерии для наведения порядка, административные запросы о необходимости послать войска для преследования «беспорядков», постановления, запрещающие «вооруженные сборища», принятые в административных ведомствах разных уровней, и т. п.

Большая часть народных выступлений были разрозненными, недолгими, локальными. Но неоднократно эти выступления продолжались несколько дней, недель, иногда месяцев. В них участвовали не только сотни, но нередко тысячи людей. Не раз народные движения охватывали обширную местность и несколько провинций одновременно. Наиболее известные, но далеко не единственные примеры таких движений — «мучная война» 1775 г., охватившая в течение двух недель столицу, Версаль и пограничные провинции — Нормандию, Пикардию, Иль-де-Франс, Шампань, Орлеаннэ и область Бри¹², и походы контрабандистов под руководством Луи Мандрена 1754—1755 гг., охватившие всю юго-западную Францию и фактически переросшие в широкое социальное народное движение против косвенных налогов¹³. Кроме того, детальное изучение народных выступлений последних предреволюционных лет показало, что накануне революции развернулось мощное массовое движение общенационального масштаба.

Все это убеждает в необходимости более углубленного исследования различных форм народного социального протеста последнего века старого порядка.

⁵ *Bercé Y. M. Croquants et Nu-pieds: Les soulèvements paysans en France du XVI au XIX siècles.* P., 1974; *Le Roy Ladurie E. Révoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788* // *Annales.* E. S. C. 1974. N 29. P. 6—22.

⁶ «Это неслышанно, насколько мы несведущи в вопросе городских социальных конфликтов XVIII в.», — заметил один из французских историков. См.: *Perrot J. C. Rapports sociaux et villes au XVIII siècle* // *Annales.* E. S. C. 1968. N 2. P. 260.

⁷ Нами просмотрено 294 тома инвентарных описей архивных документов, опубликованных во Франции в конце XIX—начале XX вв. Дополнительные сведения были получены из опубликованных мемуаров современников и литературы.

⁸ См. о них: *Коробочко А. И.* Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII века // *Французский ежегодник.* 1965. М., 1966; *Bercé Y. M. Histoire de Croquants.* P., 1974. Vol. 1—2; *Lebrun F. Les soulèvements populaires à Angers aux XVII et XVIII siècles: Actes du 90 Congrès National.* Nice, 1965. P., 1966; *Lemarchand G. Crises économiques et atmosphère sociale en milieu urbain sous Louis XVI* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1967. N 7—9. P. 244—265.

⁹ См.: *Чеканцева З. А.* Народные движения во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века // *Новая и новейшая история.* 1981. № 5. С. 60—76.

¹⁰ «Народным выступлением» мы называем конкретный (с точным указанием населенного пункта) датированный факт коллективного недовольства с применением насилия или угрозой его применения. Наши подсчеты не претендуют на исчерпывающую полноту: какая-то часть сведений, конечно, пропущена.

¹¹ «Мучная война» 1775 г. изучена лучше других народных движений XVIII века. См. напр.: *Люблинский В. С.* Новые данные о волнениях 1775 г. в Париже // *Вопр. истории.* 1955. № 11; *Рюде Д.* Народные низы в истории, 1730—1848. М., 1984. С. 39—47; *Фор Э.* Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. М., 1979. Ч. 2.

¹² В одном из официальных источников, сообщавшем о парижских событиях 3 мая 1779 г., отмечалось, что «почти во всех провинциях и городах брожение... в народе было значительным» (*Rudé G. La taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne* // *Annales historiques de la Révolution française.* 1956. N 143. P. 142. Далее: AHRF).

¹³ См.: *Коробочко А. И.* Указ. соч. С. 44—46.

Источники и литература свидетельствуют о чрезвычайном многообразии народных движений XVIII в.: разнообразны причины, вызвавшие эти движения, их характер, направленность, формы и методы борьбы. Существует значительная литература по проблеме типологии и сравнительного анализа народных движений XVII в. Что же касается века XVIII, то классификация народных движений пока разработана явно недостаточно¹⁴. Конкретный материал с учетом уже сделанного в науке¹⁵ позволил выделить четыре более или менее однородных типа народных выступлений XVIII в.:

- I. Продовольственные выступления в городе и деревне.
- II. Выступления в городе и деревне, направленные против абсолютистской государственной машины и ее представителей:
 - 1) отказ платить налоги; акты враждебности по отношению к сборщикам налогов; контрабанда;
 - 2) борьба против десятины и ее чрезвычайных видов;
 - 3) беспорядки в связи с солдатскими постоями, наборами солдат в территориальную милицию и армию;
 - 4) выступления против правительственных постановлений, жандармерии, местной администрации;
 - 5) бунты заключенных;
 - 6) другие.
- III. Крестьянские выступления, возникшие на аграрной почве и направленные прежде всего против сеньории и ее агентов:
 - 1) отказ выполнять сеньориальные повинности и уважать сеньориальные привилегии;
 - 2) протесты против действий агентов сеньории (скупщиков сеньориальных прав, судейских, фермеров и т. д.);
 - 3) защита коллективных прав сельских общин против сеньоров;
 - 4) другие.
- IV. Рабочие выступления на экономической почве.

Подавляющее большинство народных выступлений в городе и деревне (351 из 494) имели характер продовольственного бунта¹⁶. В этой связи недооценка продовольственного бунта как

¹⁴ Этот факт неоднократно отмечен во французской литературе. См. напр.: Hesse Ph. J. *Géographie coutumière et révoltes paysans en 1789* // AHRF. 1979. N 236. P. 280.

¹⁵ Детальную типологию народных движений в XVIII в. в Савойе для систематизации архивных данных предложил французский историк Ж. Николя (Nicolas J. Ephémérides du réfus. Pour une enquête sur les émotions populaires au XVIII s. Le cas de Savoie // AHRF. 1973. N 214; 1974. N 215). См. также: Enquête sur les mouvements paysans dans le monde contemporain (de la fin du XVIII siècle à nos jours): Rapport général // XIII Международный конгресс исторических наук: Доклады конгресса. М., 1974. Т. 1, ч. 7.

¹⁶ Наши подсчеты убедительно подтверждают вывод современных специалистов о том, что преобладающей формой массовой народной борьбы в XVIII в. вплоть до революции был продовольственный бунт. Эта форма народного протеста появилась во Франции еще в средние века, но примерно с конца XVII в.

формы социальной борьбы, которая явно присутствует в работах И. М. Берсе и некоторых других историков¹⁷, представляется неоправданной. В последнее десятилетие ряд крупных французских, английских и американских историков обратили внимание на эту форму народного движения как на социально-политическое явление не только Франции XVIII в., но и других стран; начато сравнительно-историческое изучение продовольственных движений¹⁸, что, с одной стороны, свидетельствует о большей, чем считалось до недавних пор, значимости этих движений в жизни не только отдельных народов, но целых регионов, с другой — о необходимости более внимательного их изучения на национальном уровне.

В последние десятилетия во Франции на более высокий научный уровень поднята разработка вопроса о причинах распространения продовольственных бунтов. Как правило, ранее авторы локальных исследований, занимавшиеся изучением продовольственных движений, так же как современники, главное внимание уделяли выявлению непосредственных поводов этих движений. Обычно их вызывали ухудшение экономической конъюнктуры, резкое усиление дороговизны, неурожай. Однако эти ближайшие причины еще не объясняют самого факта широкого распространения продовольственных движений в XVIII в. Русские историки (Н. И. Кареев, П. Ардашев, Г. Е. Афанасьев), в свое время заметившие это явление, пытались объяснить его частыми голодовками, которые имели место в XVIII в.¹⁹ Логика их рассуждений проста: сельское хозяйство Франции в то время было в ужасном состоянии, следствием этого были бесчисленные голодные годы. Механизм возникновения продовольственного бунта элементарен: отсталость сельского хозяйства — голод — бунт. Безусловно, в подобных рассуждениях есть доля истины: голодовки во Франции в XVIII в. действительно были нередки. Однако современной наукой достаточно убедительно доказано, что они уже не были столь катастрофическими, как в средние века²⁰. Поэтому массовые продоволь-

она становится доминирующей. См.: Rudé G. *The Crowd in the history, 1730—1848*. N. Y., 1964. P. 19—20; Ado A. B. Проблема крестьянских движений... Впрочем, Д. Рюде на города этот вывод не распространяет: «...продовольственный бунт даже в Париже не являлся преобладающим типом народных волнений», — пишет он (Рюде Д. Указ. соч. С. 66). По нашим данным, это соображение справедливо лишь для Парижа.

¹⁷ В одной из новейших работ эти бунты названы «эфемерными». В XVIII в. и до революции бунт (révolte) не был больше тем, чем он был в предшествующий век; речь идет скорее о небольших восстаниях (séditions), спонтанно возникавших и быстро затухавших, лишенных политического содержания и целиком вызванных нищетой. См.: Castan N. et Y. *Vivre ensemble. Ordres et désordres en Languedoc, XVII—XVIII siècles*. P., 1981. P. 173.

¹⁸ См., напр.: Bin Wong R. *Les émeutes de subsistances en Chine et Europe occidentale* // Annales. E. S. C. 1983. N 2.

¹⁹ Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879. С. 215—216; Ардашев П. Провинциальная администрация в последнюю пору Старого порядка, 1774—1789. Киев, 1906. Т. 2. С. 560 и след.; Афанасьев Г. Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII в. Одесса, 1892.

²⁰ См., напр.: Reinhard M. *Les répercussions démographiques des crises de subsistance du XVIII s.* // Actes de 81 Congrès national des Sociétés savantes. P., 1956.

ственные движения нельзя объяснить лишь ссылкой на голодные годы.

Современные зарубежные исследователи, опираясь на накопленные наукой знания об экономической конъюнктуре XVIII в. и более детальное изучение причин возникновения и форм проявления конкретных продовольственных движений, пришли к выводу, что объяснение «хлебного бунта» начиная с XVII в. нельзя искать в упрощенной формуле «неурожай — голод — бунт» или «нищета — бунт»²¹. В этой связи они обратили особое внимание на долговременные структурные изменения, происходившие во Франции в последний век Старого порядка. Д. Рюде, которому принадлежит мысль о том, что продовольственный бунт — характерная форма народной борьбы того времени, ищет объяснение этого факта главным образом в длительном росте цен (опираясь в основном на работы Э. Лябрусса)²². Современный английский историк Луиза Тилли видит главные причины распространения продовольственных движений в следующем: 1) в изменении государственной экономической политики, суть которого заключалась в постепенной трансформации традиционных «патерналистских» методов и переходе к «экономическому либерализму», что в сфере хлебной торговли проявилось в отказе от регламентации и контроля над ценами; 2) в формировании зернового рынка (что она также связывает прежде всего с государственной политикой)²³. Советский историк А. В. Адо, считая эти объяснения недостаточными, а само направление поисков — лишь в сфере обращения — односторонним, предложил искать причины преобладания продовольственного бунта как формы народных движений в происходивших во Франции с конца XVII до середины XIX в. изменениях в экономике и связанных с ними сдвигах в социальной структуре²⁴.

Следствием проникновения капиталистического уклада в деревню был значительный рост массы сельского населения, вынужденного обращаться в качестве покупателей к продовольственному рынку (тогда преимущественно зерновому, поскольку хлеб в то время был главным продуктом питания простого труженика). Хлеб покупали бедные крестьяне, не производившие достаточного для пропитания количества зерна, работники деревенской промышленности всех социальных уровней, крестьяне районов преимущественно незерновой специализации, прежде всего виноделия. Рост городского населения также способствовал увеличению

числа людей, втянутых в сферу рыночных связей. В целом для огромной массы трудящегося населения города и деревни связь с рынком стала жизненно необходимой, и уровень хлебных (зерновых) цен имел огромное значение. Тем более, что усиление рыночных связей вело к общему росту хлебной торговли, большим перевозкам и т. д. Но в условиях все еще достаточно низкого общего уровня сельского хозяйства, нестабильности урожая (хотя и не такой, как в XVI—XVII вв.) этот рост не мог не сопровождаться периодическими обострениями дороговизны. Кроме того, отсутствие национального хлебного рынка²⁵, резкие перепады и различия в ценах между районами создавали дополнительные стимулы к распространению спекуляции и маневрированию хлебными запасами, особенно в моменты проявлений нестабильности сельскохозяйственного производства; страдали от этого прежде всего покупатели хлеба. Наконец, в условиях мануфактурного производства именно цена на хлеб (а не заработная плата, как это будет в XIX в.) представляла для этой массы покупателей ближайший общий интерес, ибо положение их в то время, равно как источники дохода, было социально различно. Совокупность этих обстоятельств и приводила к тому, что общая борьба трудящихся Франции в XVIII в. «канализировалась» в сфере обращения и направлялась прежде всего на обеспечение доступного и дешевого хлеба. Преобладание продовольственных движений — веский показатель того, что традиционная замкнутость социально-экономических структур во Франции XVIII в. окончательно ушла в прошлое. Вот почему нет сомнений, что воссоздание возможно более полной картины продовольственных движений, уточнение социального состава «бунтовщиков» поможет отчасти прояснить сложный дискуссионный вопрос о соотношении феодальных и капиталистических элементов во французском дореволюционном обществе.

Попытка выявить примерную динамику народных движений продовольственного типа на основе конкретных данных (см. табл. 1) показывает наглядно, что после всплеск 1720 и 1724—1725 гг. эти движения возобновились примерно в середине 30-х годов и затем, по существу, не прекращались вплоть до революции²⁶, за исключением 1744, 1746, 1751, 1753, 1755, 1758, 1761, 1763, 1780 гг.

Наиболее интенсивные всплески продовольственных выступле-

²¹ Tilly L. La révolte fromentaire forme de conflit politique en France // Annales. E. S. C. 1972. N 3. P. 731; Bercé Y. M. Révoltes et révolutions dans l'Europe moderne, XVI—XVIII. P., 1980. P. 256.

²² Rudé G. The Crowd in the history. . .

²³ Tilly L. La révolte. . .; Eadem. The formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.

²⁴ Адо А. В. Продовольственные волнения как специфическая форма народных движений во Франции XVIII—первой половине XIX века // Вопр. истории. 1974. № 4. С. 185—186.

²⁵ В. Н. Малов на основе корреляционного анализа достаточно убедительно показал, что во второй половине XVIII в. во Франции существовало несколько крупных межобластных хлебных рынков, но единого рынка еще не было. См.: Малов В. Н. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII—XIX веках: (Опыт корреляционного анализа) // Французский ежегодник, 1979. М., 1981. С. 188—212.

²⁶ Волнения обычно происходили в конце зимы и весной, т. е. в период сезонного повышения цен и обострения хронической деревенской безработицы, но не менее часто и в конце лета—осенью (в августе—октябре) — во время наиболее значительных хлебных закупок и связанных с ними перевозок.

Таблица 1. Хлебные бунты

Год	Провинция	Населенный пункт, область
1720	Нормандия	Руан, Лизье
»	Фландрия	Лилль
»	Гюйенн	Бордо
1724	Нормандия	Варфлер
	Фландрия	Армантьер
1724—1729	Мэн	Лаваль
1725	Нормандия	Кан, Руан, Гавр, Лизье, Фалез, Пон-д'Эвек, Вир, Ла-Комб, Байе, Конде-сюр-Нуаро
»	Фландрия	Армантьер, Валансьенн
»	Бретань	Ренн
»	Эльзас	Страсбург
»	Иль-де-Франс	Париж
1728	Лионнэ	Сент-Этьен
»	Прованс	диоцез Ръез
1733	Гюйенн	Морманд, Лангон
1734	Бретань	Сен-Мало
1735	»	Понтрие
»	Овернь	Монтэгию
»	Лионнэ	Сент-Этьен
1736	Нивернэ	Монтлюсон
1737	Бретань	Понтро
1738	Нормандия	Сент-Ло
»	Дофинэ	Гренобль
1739	Нормандия	Кан
»	Ангумуа	Рюффек, Ангулем
»	Бретань	Пор-Лоней, Эгрефей
»	Орлеаннэ	Шартр
»	Турень	Шинон
1740	Иль-де-Франс	Париж, Бомон
»	Фландрия	Лилль
»	Бретань	Машкуль
»	Нормандия	Руан
»	Орлеаннэ	Ферте-Сантер-ан-Солонь
1741	»	Роморантан, деревня Монсэй
»	Нормандия	Руан
»	Шампань	Труа
»	Лотарингия	Люневиль
»	Бургундия	Тулон-сюр-Ару
1742	Бретань	Машкуль
»	Гюйенн	Тусак
»	Мэн	Шемире-сюр-Сарт
»	Анжу	Анжер, Сен-Дени д'Анжу
1743	Орлеаннэ	Сен-Морис
»	Гюйенн	Сен-Назер

Таблица 1 (продолжение)

Год	Провинция	Населенный пункт, область
1743	Бретань	Пор-Лоней
1745	Лангедок	Тулуза
1754	Мэн	Майен
»	Анжу	Шоле
»	Турень	Блере, Амбуаз
1756	Иль-де-Франс	Париж
1757	»	»
»	Нормандия	Кан, Форж-лез-О
»	Бретань	Фужер
»	Фландрия	Армантьер
1759	Бургундия	Дижон, Отен, Шатийон-сюр-Сен
1760	Нивернэ	Невер
1762—1763	Овернь	Ард
1764	Нормандия	Кан, Руан, Гранвиль, Шербур, Картере
»	Лангедок	Каркассон
»	Гюйенн	Монтобан
»	Прованс	Динь
1765	Нормандия	Кан
»	Мэн	Авуаз, Сабле
»	Шампань	Труа
»	Пикардия	Амьен
»	Анжу	Флеш
»	Турень	Блере
1765—1766	Бретань	Ванн, Морбиан, Нант, Поптивн
1766	Мэн	Эрне, Пуансе, Жювине-Мотенаде
»	Орлеаннэ	Уссон, Жьен, порт де Бриан
»	Пикардия	Амьен, Агбоньер
»	Нормандия	Дьелет
»	Лангедок	Монпелье, Пезена, Безье, Нарбон, Агд
1767	Шампань	Труа
1768	Нормандия	Руан и окрестные деревни, Кутанс, Дарнеталь и окрестности, Карантан, Сент-Ло, Гранвиль, Ивето, Комб, Небург, Агжанс, Троарн, Фекан, Шербур, деревни Рошекон, Ветей
»	Мэн	Ферте-Бернар, Мамер, Виллен-ла-Жюэль, Бон-нетабль, Бомон
»	Бретань	Сен-Брие, Куле
»	Турень	Блере, Амбуаз
»	Ниверне	Невер, Пон-Сен-Уре
»	Анжу	Шалон
1761—1768	Мэн	Руйе-ле-Гравеле
1769	Артуа	Булонь
»	Мэн	Шато-Гонтье
»	Гюйенн	Катус

Таблица 1 (продолжение)

Год	Провинция	Населенный пункт, область
1769—1770	Нормандия	Алансон
1770	Гюьенн	Каор, Суйак, Фижеак, Курдан
»	Шампань	Реймс, Горрон, Витри-ле-Франс, Труа
»	Мэн	Мамер
»	Турень	Мирбо
»	Бретань	деревня Трините-ан-Сюрзюр
»	Овернь	Монтферанд
»	Лионнэ	Лион
»	Бургундия	Мирбо
»	Ниверне	Невер
1771	Мэн	Авуаз, Сен-Дени д'Оргю
»	Анжу	Шоле, Шемийе, Рош-Розай, Льон-д'Анже
»	Турень	Монтрей, Прейи
»	Шампань	Дорман
»	Овернь	Клермон
»	Лотарингия	Нанси, Мец
»	Гюьенн	Сент-Фуа-ла-Гранд
1772	Нормандия	Вир, Кан
»	Мэн	Сен-Мартен-дю Буа
»	Анжу	Льон-д'Анже
»	Турень	Ла Э
1773	Лангедок	Тулуза, Альби, Пенотье, Монпелье, Монтескье-Вольвестр; диоцезы Альби, Кастр, Лавор
»	Гюьенн	сенешальства Бордо, Вазас, Кастельжалу; Амбе, Муассак, Бурж, Креон, Монтобан, Клэрак, Либурн, Бордо, Бенкефон, Макмонд, Кадибек, Кастийон, Нотру, Ла Реоль, Шодерон, Сен-Макер, Логон, Негрецелис, Сент-Фуа-ла-Гранд
»	Прованс	Лоргю, Экс
»	Бретань	Гувен
»	Мэн	Лаваль
»	Турень	Тур
»	Лимузен	Лимож
1774	Беарн	По
»	Лангедок	Буасерон, Пон-де-Ларн, Вальдюрангю, Мазаме, Брюжьер, Монпелье
»	Гюьенн	Сент-Фуа-ла-Гранд, Уртен
1771—1774	»	Негрепелис, Косад
1775	Прованс	Лоргю
»	Нормандия	Шербур, Кан, Дарнеталь, Руан
»	Шампань	Труа, Фисм
»	Бургундия	Дижон
»	Турень	Тур, Пон-де-Се
»	Лионнэ	Веньер
»	Орлеаннэ	Ненж-ан-Солонь
»	Гюьенн	Логон

Таблица 1 (окончание)

Год	Провинция	Населенный пункт, область
1776	Прованс	Марсель
»	Лионнэ	Лион
»	Гюьенн	Бержерак
1777	Лангедок	Тулуза, Отерив, Ругют
»	Лимузен	Лимож
»	Нормандия	Руан
»	Гюьенн	Базас, Периге
»	Дофине	Гренобль
1778	Иль-де-Франс	Париж
»	Лангедок	Тулуза
»	Гюьенн	Сарла
1779	Лангедок	Пуйлорант, Ревель, Кастр
»	Прованс	Марсель
»	Шампань	Фисм
1781	Артуа	Булонь
»	Гасконь	Сен-Мари-де-Гос
1782	Мэн	Лаваль
»	Пуату	Пуатье
1783	Дофинэ	Фюр, Тюллен
»	Гюьенн	Бордо
1784	Нормандия	Баквиль, Кодебек, Дарнеталь, Ивето, Кан, Шербур, Сен-Ло, Карантан, Байе, Иссени
»	Гюьенн	Гурдон, на дороге из Фижеак в Вильфранш
1785	Бретань	Сен-Брие, Морле
»	Пуату	Ниор
»	Лангедок	Казер
1785—1786	Мэн	Эрне
1786	Они	Ла-Рошель
»	Шампань	Виль-ан-Тарденуа
»	Лионнэ	Лион

ний в основном совпадали с неурожаями и обострениями дороговизны в 1724—1725 гг. на рубеже 30—40-х годов, 1747—1748, 1752, 1768, 1770—1775, 1784—1785 гг. Однако не всегда²⁷. Период наибольшего подъема продовольственных движений в целом по стране приходится на вторую половину 60-х — первую половину 70-х годов, т. е. на десятилетие наиболее интенсивных изменений

²⁷ Например, 1749 год был неурожайным, но массовых продовольственных выступлений не было ни в этом году, ни в следующем. То же по отдельным провинциям: в Турени и Анжу в 1739 г., по свидетельству современника, голод был настолько сильным, что население вынуждено было есть траву, но конкретных сведений о продовольственных выступлениях в этих провинциях в наших материалах нет; во Фландрии во время неурожая 1757 и 1768—1769 гг. тоже не было бунтов и т. п.

в государственной политике хлебной торговли²⁸. Не значит ли это, что во второй половине века продовольственные выступления были связаны и с государственной политикой хлебной торговли и в этом смысле еще до революции, вопреки мнению Д. Рюде²⁹, приобретали политическое значение?

Продовольственные движения были, как правило, стихийными и разрозненными — они вспыхивали в крупных городах, торговых бургах, в деревнях, на дорогах. Вместе с тем в источниках нередко встречаются сведения (особенно часто с конца 40-х годов), что волнения носили «всеобщий» характер в той или иной провинции или ее части, иногда в нескольких провинциях одновременно. В 1725 г. наряду с отдельными фактами значительных продовольственных выступлений в Париже, Страсбурге, Ренне, Армантьере, Балансьенне волна «хлебных бунтов» прокатилась по десяти городам с развитым мануфактурным производством в Нормандии. Во время кризиса 1747—1748 гг. бунты вспыхнули во «многих местах» Бургундии и Лионне³⁰. В Лангедоке, как показал Бурдерон, народные движения продовольственного типа, начавшиеся в 1747 г., не прекращались вплоть до революции; при этом они неоднократно (в 1748, 1752, 1773—1774 гг.) захватывали значительную часть провинции³¹. Г. Лемаршан установил наличие во второй половине века нескольких волн продовольственных движений в Руанском генеральстве (1752, 1764, 1768, 1784 гг.)³². В 1764 и 1768 гг. почти в одно и то же время происходили массовые волнения в Канском генеральстве, в провинции Мэн³³. В 1773—1774 гг. одновременно с Лангедоком «всеобщий» характер носили продовольственные выступления в Гюйенни и Турени³⁴. Не все эти волнения пока еще достаточно полно изучены. Очевидно, можно говорить о наличии во Франции в XVIII в. нескольких волн «мучных войн», меньших по размаху, удаленных от центра (и потому менее опасных), чем события 1775 г.

В зависимости от конкретной ситуации продовольственное выступление приобретало черты «рыночного бунта», «бунта-препятствия» (попытка помешать вывозу хлеба за пределы данной

местности) или «народной таксации» (принудительная продажа зерна или хлеба по установленной восставшими цене)³⁵.

С 1715 по 1786 г. преобладающей формой продовольственных движений, видимо, был «бунт-препятствие». Материалы показывают, что это не только сельская форма продовольственного бунта, как его обычно квалифицируют в историографии. Довольно часто эти бунты вспыхивали и в городах, особенно портовых. Вот некоторые выборочные примеры таких «городских» (в них, как правило, принимали участие крестьяне окрестностей) «бунтов-препятствий»: 16 и 24 февраля 1724 г. в порту Барфлёр (Нормандия) «по случаю погрузки на корабли зерна»³⁶. 10 августа 1734 г. в порту Сен-Мало (Бретань) «из-за погрузки значительного количества зерна для отправки за границу». Власти были вынуждены запретить вывоз зерна³⁷. Подобные бунты имели место в 1737 г. в порту Понтро и в июне 1740 г. в порту Машкуль³⁸.

В 1739 г. очень характерный «бунт-препятствие» произошел в порту Лоней около города Шатолен (Бретань)³⁹. В начале июня туда приехал оптовый торговец Берардьё с целью погрузить на корабли зерно, купленное им у частных лиц. У Берардьё было на это разрешение интенданта. Однако жители порта помешали погрузке. Тогда Берардьё попросил помощи у субделегата города Шатолен, который издал специальное постановление, разрешающее погрузку, и предоставил в распоряжение Берардьё бригаду жандармерии. Тем не менее все попытки Берардьё в течение трех дней погрузить зерно оказались тщетными. Власти арестовали зачинщиков бунта. Но, когда через неделю погрузку попытались возобновить, «повозки были остановлены, возчиков подвергли грубому обращению, вынудили ретироваться и оставить одну повозку с зерном на причале». Только после того, как разнесся слух, что в порт должен прибыть кавалерийский гарнизон, погрузку удалось осуществить, но не полностью: часть зерна была разграблена. Было погружено 23,5 бочки вместо 28, привезенных по разрешению интенданта. Берардьё хотел докупить зерно, но вынужден был отказаться от этого, поскольку ему со всех сторон угрожали вплоть до того, что сожгут его вместе с кораблем. Во время следствия Берардьё утверждал, что эти угрозы вполне могли быть осуществлены, ибо в предыдущие дни его неоднократно забрасывали камнями. Обстановка была настолько серьезной, что Берардьё и бригада жандармерии полмили сопровождали груженую зерном лодку вдоль берега, а когда они вернулись в порт, им

²⁸ См. об этом: Афанасьев Г. Е. Указ. соч.; Фор Э. Указ. соч. Ч. 2.

²⁹ Рюде Д. Указ. соч. С. 46—47.

³⁰ Inv. som. dép. Côte-d'Or. Dijon, 1886. Т. 3. В 3361; Hours H. Emeutes et émotions populaires dans les campagnes du Lionnais au XVII s. // Cahiers d'histoire. 1964. Т. 9. N 2. P. 140.

³¹ Bourderon M. H. Recherches sur les mouvements populaires dans la généralité de Languedoc au XVIII siècle // Actes du 78 Congrès national des Sociétés savantes; Dutil L. L'Etat économique de Languedoc à la fin de l'ancien régime. P., 1911. P. 808—809, 815—820.

³² Lemarchand G. Les troubles de subsistances dans la généralité de Rouen (second moitié du XVIII siècle) // AHRF. 1963. N 174. P. 401—427.

³³ Inv. som. dép. Calvados. P., 1887. Т. 3. С 2664, 2669, 2680; Dumas F. La généralité de Tours au XVIII s.: Administration de l'intendant du Cluzel (1766—1783). P., 1894.

³⁴ Inv. som. dép. Gironde. Т. 2. С 1438; Inv. som. dép. Lot. Cahors. 1887. Т. 2. С 249, 250; Inv. som. деп. Gironde. Bordeaux, 1905. Т. 3. E suppl. 1441; Dumas F. Op. cit.

³⁵ Подробнее о типологии продовольственных выступлений см.: Чеканцева З. А. К истории народных движений во Франции во время революционной ситуации 1788—1789 гг. // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978; Tilly L. La révolte... P. 731—732.

³⁶ Inv. som. деп. Calvados. Т. 3. С 2682.

³⁷ Inv. som. деп. Ille et Vilaine. Rennes, 1878. Т. 1. С 25.

³⁸ Ibid. С. 136.

³⁹ Inv. som. деп. Finistère. Quimper, 1889. Т. 1. В 866.

вновь угрожала продолжающая бунтовать «чернь». В 1743 г. хлебный бунт такого же типа в этом порту повторился⁴⁰.

После выхода постановления Королевского совета от 17 сентября 1754 г., разрешающего свободное обращение зерна внутри королевства, во многих городах генеральства Тур — в Блере, Амбуаз, Шоле, Майенне — «чернь» не давала «оптовым торговцам вывезти зерно, боясь голода»⁴¹. Во время недорода 1759 г. волна бунтов «по случаю изъятия хлеба для соседних областей» прокатилась по многим городам Бургундии. Большой «бунт-препятствие» произошел в Дижоне. Чтобы положить конец этим волнениям, Дижонский парламент специальным постановлением запретил вывоз зерна из провинции⁴². 25—26 мая 1764 г. в порту Карантан (Нормандия) «сборище черни остановило и помешало вывезти все зерно, купленное для Иссини, Байё и Кана». В июне того же года «бунты-препятствия» вспыхнули в портах Картере и Дьелет. Несколько судов с островов Исли и Гернси прибыли в эти порты, чтобы загрузиться рожью. По свидетельству очевидца, «чернь всего кантона сбежалась, чтобы помешать погрузке... Бунт был доведен до крайностей, довольно неприятных, особенно в Картере»: более 800 человек не расходились до тех пор, пока не были сняты с корабля мешки с рожью. Организаторы погрузки были вынуждены уступить, поскольку «бунтовщики» намеревались поджечь корабль⁴³. В октябре—декабре 1764 г. неоднократно вспыхивали бунты в Кане против вывоза зерна из города⁴⁴. В 1765—1766 гг. имели место «волнения и бунты» в городе Ванн (Бретань) в связи с экспортом зерна⁴⁵. 16 сентября 1766 г. «бунт-препятствие» вспыхнул в Амьене (Пикардия). На причале собрались женщины, жены матросов, с намерением помешать отправке груженых зерном кораблей. Они ворвались на один из них и «учинили там беспорядки»⁴⁶. В 1769 г. и в июне 1781 г. произошли «хлебные бунты» в связи с погрузкой зерна в порту Булонь (Артуа)⁴⁷.

Широкое распространение такой формы борьбы за хлеб в городах и деревнях еще одно свидетельство того, что «хлебные бунты» нельзя связывать только с недородом или дороговизной. В возникновении хлебных социальных конфликтов большую роль играли и традиционные, веками формировавшиеся в народном сознании представления о «справедливом», правильном с точки зрения простого труженика, распределении продовольствия. Не случайно вспышки продовольственных «бунтов-препятствий»

в XVIII в. нередко связаны с частыми и непоследовательными правительственными попытками реорганизации сферы хлебной торговли.

Наряду с «бунтами-препятствиями» имели место как более примитивные формы борьбы (разграбление складов, хлебных повозок), так и более сложные, типа «народной таксации», когда в поведении бунтовщиков проявлялось организованное начало. Установлено, что эта форма борьбы преобладала во время «мучной войны» в мае 1775 г. Высказывалось мнение, что в этом главное отличие «мучной войны» от продовольственных движений предшествующего времени⁴⁸. Действительно, в таком массовом масштабе эта форма борьбы ранее никогда не применялась, тем не менее современные специалисты считают, что она зародилась в конце XVII в., а возможно, и раньше⁴⁹. Мы не обнаружили ни одного факта «народной таксации» в первой половине века. Следует отметить, что и в тех случаях, которые приводит Л. Тилли для XVII в., хлеб таксировали сами власти, уступая требованиям «бунтовщиков»⁵⁰. Во время «мучной войны» преобладала собственно «народная таксация», когда «бунтовщики» сами назначали цену и организовывали продажу хлеба или зерна по этой цене⁵¹. Установлено несколько случаев народной таксации до «мучной войны». Во время хлебного бунта в январе 1752 г. в Арле (Прованс) «бунтовщики» требовали «хлеба по 8 ливров за сетье, вина по 2 су за кружку». Власти были вынуждены снизить цену на хлеб⁵². 20 июня 1757 г. в условиях угрожающего роста цен полиция Кана (Нормандия) опубликовала постановление, под страхом смерти запрещающее «собираться на рынках, принуждать крестьян продавать свое зерно ниже текущей цены, установленной полицией...»⁵³. Это постановление было связано с хлебным бунтом в Кане, вспыхнувшим в тот же день, подробности которого мы не знаем. Очевидно, волнения были значительными, поскольку жандармерия не справлялась с «бунтовщиками» и власти были вынуждены вызвать батальон регулярных войск из Лимузена⁵⁴. Но уже на следующий день мэр города с тревогой писал управителю провинцией о том, что, несмотря на охрану, «народ разграбил рынок... принудил фермеров продавать (зерно. — З. Ч.) по

⁴⁸ Фор Э. Указ. соч. Стр. 264—265.

⁴⁹ Tilly L. La révolte...; Люблинский В. С. Вольтер и «мучная война» // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 213.

⁵⁰ Французский историк Р. Пилорже, изучивший повстанческие движения в Провансе с 1596 по 1715 г., тоже пришел к выводу, что в этот период в провинции не было продовольственных движений типа собственно «народной таксации». См.: Pillorget R. Les mouvements insurrectionnels de Provence entre 1596 et 1715. P. 1975.

⁵¹ См., напр.: Фор Э. Указ. соч.

⁵² Pillorget-Rouanet S. Une crise de colère des paysans d'Arles. Les émeutes fromentaires des 2 et 3 janvier 1752 // Congrès national des sociétés savantes 92. Strasbourg; Colmar, 1967. T. 1. P. 389—391.

⁵³ Inv. som. dép. Calvados. T. 3. C. 2616.

⁵⁴ Ibid. C. 2664.

⁴⁰ Sée H. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la révolution. P., 1906. P. 479.

⁴¹ Dumas F. Op. cit. P. 337.

⁴² Inv. som. dép. Côte-d'Or. Dijon, 1880. T. 1. C. 80.

⁴³ Inv. som. dép. Calvados. T. 3. C. 2667, 2682.

⁴⁴ Ibid. C. 2664.

⁴⁵ Inv. som. dép. Morbihan. P., 1877. T. 1. B 1270—1272.

⁴⁶ Inv. som. com. Amiens. Amiens, 1891. T. 1. AA 25.

⁴⁷ Inv. som. dép. Pas-de-Calais. Arras, 1882. T. 1. C. 2.

20 ливров вместо 40, как они хотели. Народ хочет также таксировать хлеб булочников по 6 лиард. Одного батальона не достаточно»⁵⁵. Только 23 июня «бунт и сборища прекратились, рынок был спокоен, хотя жалобы и ропот продолжались, потому что зерна было мало и оно было слишком дорого»⁵⁶.

Во время хлебного бунта в Кане 14 сентября 1764 г. «чернь» предместья принудила возчиков отвезти часть зерна, предназначенного для погрузки на корабли, на рынок, где его разгрузили и продали по 14 ливров мешок вместо 17 (рыночная цена). 16 сентября 1765 г. в одном из докладов лейтенант полиции Кана доносил, что «множество женщин остановили повозку зерна, идущую в порт, сопроводили ее на рынок, где хотели заставить продать им мешок зерна по цене 20 ливров вместо 30, цене последнего рынка»⁵⁷. Во время большого хлебного бунта в Реймсе 11—15 июля 1770 г. восставшие жители предместий, разогнав оптовых и розничных торговцев и служащих после неудачной попытки добиться установления «справедливой» цены с помощью фискального прокурора, продали весь хлеб, который был на рынке «по цене на четверть ниже рыночной»⁵⁸. 14 февраля 1771 г. в городе Дорман (Шампань) «чернь» остановила, препроводила на рынок и «продала по установленной ею цене повозки с зерном, принадлежащие сыеру Галуа, торговцу этого города»⁵⁹. К таксации прибегали участники значительных по размаху продовольственных выступлений в Гюйенни весной—летом 1773 г. Кюре коммуны Иль-Сен-Жорж отмечал, что для того, чтобы справиться с этими волнениями, властям пришлось вызвать войска численностью до 10 тыс. человек⁶⁰. Во время «мучной войны» 1775 г. народ требовал почти везде установления «правильной цены»: 2 су за фунт хлеба или 12 ливров за сетье зерна⁶¹. В мае—июне 1784 г. волна таксаторского движения прокатилась по рыночным бургам области Ко. На рынках в Баквиле, Дофрее, Кодебеке, по свидетельству очевидца, «народ продолжал настаивать, чтобы ему продавали зерно по цене ниже рыночной, и не соглашался, чтобы оно

резервировалось собственниками». В июле во время бунтов в больших бургах Дарнетале и Ивето «народ хотел, чтобы зерно ему продавали по очень низкой цене и препятствовал тому, чтобы его оставляли про запас»⁶². Стремление установить справедливую цену было важнейшим мотивом и субъективным оправданием продовольственных движений в городе и деревне в последние предреволюционные месяцы и во время революции⁶³.

Появление «народной таксации» как формы борьбы и протеста и ее эволюция в XVIII в. свидетельствуют о растущем недоверии к властям, не способным справиться с продовольственными трудностями.

Изучение народных движений продовольственного характера позволяет обнаружить сложный комплекс социальных противоречий в предреволюционной Франции. Фактический материал свидетельствует о том, что продовольственные волнения не были направлены против «силы вещей», т. е. против недорода как такового, против нищеты, а всегда против тех, кто, по мнению «бунтовщиков», был виновен в их бедственном положении. Прежде всего против хлеботорговцев, скупщиков, булочников, буржуазных землевладельцев; в деревнях против крупных фермеров, мельников, зажиточных крестьян⁶⁴. Таким образом, в ходе продовольственных волнений обнаруживались сложные социальные противоречия внутри третьего сословия: с одной стороны, эти движения содержали элементы «второй социальной войны» в деревне, с другой — и в городе и в деревне они иногда перерастали в войну неимущих и малоимущих против всех богатых⁶⁵. Вместе с тем народное возмущение в ряде случаев определенно направлялось и против привилегированных. Особенно часто во второй половине века⁶⁶. В ходе почти всякого хлебного бунта в Руане монастыри захватывались и разграблялись⁶⁷. Во время хлебного бунта в Шалоне 24 июня 1768 г. «бунтовщики» угрожали поджечь дом епископа⁶⁸. В Реймсе во второй половине века, по наблюдению Ж. Лорана, «дух восстания утверждался и возрастал из года

⁵⁵ Hippeau G. Le gouvernement de Normandie au XVII et au XVIII s.: Documents. In: 8 vol. Caen, 1863—1868. T. 1, pt 2. P. 435.

⁵⁶ Inv. som. dép. Calvados. T. 3. C. 2664.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Laurent G. Reims et la région rémoise à la veille de la Révolution. Reims, 1930. P. LXXIX.

⁵⁹ Inv. som. dép. Marne. Châlons, 1884. T. 1. C. 416.

⁶⁰ Inv. som. dép. Gironde. Bordeaux, 1878. T. 1. E suppl. 1652. Кюре сделал запись о крестьянском хлебном бунте в Креоне: «12 мая 1773 г. крестьяне приходов Камбе, Кисак, Камблан, Сен-Каприни, Баерех и многих других собрались толпой на рынке в Креоне с целью понизить цену на зерно, которое продавалось по 19 ливров за меру Бордо. Власти отправили для наведения порядка 5 бригад жандармерии, но они ничего не смогли сделать. Крестьяне таксировали зерно (12 ливров, мера Креона), грабили все места, где они надеялись найти зерно. . . » В другом источнике от 14 мая указывается, что к таксации в 12 ливров прибегали «бунтовщики» в кантоне Либури. См.: Inv. som. dép. Gironde. Bordeaux, 1905. T. 4. E suppl. 4798.

⁶¹ Фор Э. Указ. соч. С. 264.

⁶² Hippeau G. Op. cit. T. 2. Pt 2. P. 152.

⁶³ Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.

⁶⁴ Lemarchand G. Les troubles. . . ; Lefèvre P. Le commerce des grains et la question du pain à Lille de 1713 à 1739. Lille, 1925. P. 170—171; Triger R. L'année 1789 au Mans et dans le Haut-Maine. Mamers, 1889. P. 197; Rudé G. La taxation populaire. . .

⁶⁵ Приведем лишь один характерный пример. Во время бунта в Дарнетале в 1768 г., по свидетельству местного чиновника, «чернь» угрожала разграбить не только булочников, но еще и богатых предпринимателей мануфактур (Hippeau G. Op. cit. T. 1, pt 2. P. 463).

⁶⁶ Возможно, это связано с тем, что в соответствии с королевским ординамсом от 31 августа 1699 г., который играл роль основного закона в области хлебной торговли, в первой половине века привилегированным было запрещено заниматься оптовой торговлей и даже принимать в ней косвенное участие. См.: Афанасьев Г. Е. Указ. соч. С. 132.

⁶⁷ Lemarchand G. Les troubles. . . P. 412.

⁶⁸ Inv. som. dép. Marne. Châlons, 1892. T. 2. C. 413.

в год, и поскольку в городе не было светской знати, поскольку все феодальные сеньоры были церковниками... народный бунт направлялся и против богатых негоциантов, и против духовенства»⁶⁹. Во время большого хлебного бунта в Реймсе в июне 1770 г. «бунтовщики» разграбили несколько складов торговцев, а затем «принудили все монастыри города, подозреваемые в укрывательстве зерна в хлебных амбарах, открыть ворота и уступить свои запасы за бесценок»⁷⁰. В 1784 г. в области Ко ходили разговоры, что сеньоры накапливают зерно в замках и вывозят его по ночам; такие же слухи распространялись в 1789 г.⁷¹

Наконец, в самом общем плане в условиях Старого порядка продовольственная проблема осложняла отношения потребителей продовольствия и тех, в чьих руках находился контроль за его распределением. По сути, это был конфликт между абсолютизмом и значительной частью французского общества, в большей или меньшей мере заинтересованной в изменении существующих порядков. Американский историк С. Л. Каплан убедительно показал, что на протяжении всего XVIII в., в кризисные 1725—1726, 1738—1741, 1747, 1751—1752, 1765—1770, 1771—1775 гг., во всех слоях общества, от участников продовольственных волнений до аристократов, оставивших дневниковые записи об этом времени, было широко распространено убеждение в «голодном заговоре»⁷². Основанное отчасти на реальных фактах продовольственных махинаций, в которых были замешаны и представители абсолютистской администрации, это убеждение во многом носило характер легенды, однако существенно, что эта легенда в большей или меньшей мере имела антиправительственную направленность⁷³. Естественно, она подрывала престиж правительства в общественном мнении, которое играло немаловажную роль в социальной и политической жизни Франции XVIII в.⁷⁴ Не случайно в числе жертв многих продовольственных волнений были представители местной администрации. Например, из мемуара о хлебных волнениях в Лилле 22—23 и 30 апреля 1740 г. следует, «что народ взбунтовался против магистрата города и против фермеров, которые пришли продавать свое зерно на рынок... они («бунтовщики». — З. Ч.) разграбили несколько домов торговцев, фермеров... и грозились разграбить дом интенданта»⁷⁵. Нельзя не отметить и того, что королевская администрация, с неизменной жестокостью подав-

лявшая продовольственные волнения, укрепляла в сознании простых людей представление о существовании прочной связи между властью и спекулянтами, скупщиками и тем самым сама сталкивала народные массы с абсолютистским государством.

* * *

Часть народных выступлений в 1715—1786 гг. (58, по нашим материалам) были прямо направлены против абсолютистской государственной машины и ее представителей. Прежде всего в XVIII в. продолжалась борьба против налогов. Изучена она пока слабо, но, очевидно, открытые антиналоговые выступления в это время во многом уступали по силе и размаху антиналоговым восстаниям XVII в.⁷⁶ Это были главным образом разрозненные антиналоговые выступления в городах и сельской местности (см. табл. 2). В наших материалах мало сведений о конкретной истории этих выступлений. О многих из них известно, что они были направлены против служащих откупов, налоговых ведомств, представителей администрации. Вероятно, одно из наиболее существенных отличий антиналоговых выступлений изучаемого времени заключается в том, что бунты были направлены не столько против налогов, сколько против жестких методов их взимания. Наиболее активное сопротивление в XVIII в. вызывали косвенные налоги, роль которых в государственном бюджете заметно возросла с начала XVIII в. Именно они, как правило, вызывали массу непродолжительных локальных инцидентов, «сборищ», волнений. Кроме того, нелепость системы косвенного обложения в XVIII в. породила очень своеобразную форму борьбы: на протяжении всего века, и особенно во второй его половине, процветала контрабанда, получившая широкую поддержку населения и потому временами принимавшая характер массового антиналогового движения⁷⁷. Попытки администрации лишить контрабандистов поддержки населения не имели успеха⁷⁸. Нередко репрессии против контрабандистов или действия соляных надсмотрщиков — «стрелков габели» — вызывали открытые бунты. Так, 13 августа 1722 г. женщины из приходов Ларён (Гюйенн) — Беаст, Аас и Асуст — собрались по звуку колокола, осадили дом юриста Монклю и все в нем разгромили, требуя выдать габелеров. Женщины до смерти забили дубинами самого Монклю, а его одежду сожгли на площади⁷⁹. Один из источников сообщает о бунтах в Бретани в 1776 г., вызванных «конфискациями табака, произведенными откупными

⁶⁹ Laurent G. Op. cit. P. CIX.

⁷⁰ Ibid. P. LXXIV.

⁷¹ Lemarchand G. Les troubles... 412.

⁷² Kaplan S. L. Plot Persuasion in Eighteenth Century France. Philadelphia, 1982.

⁷³ Барбье, делая запись в своей хронике о нехватке хлеба в сентябре 1740 г., отметил, «что это происходит от плохой администрации, на которую жалуются так открыто...» (Barbier E. Chronique de la régence et du règne de Louis XV (1718—1763), ou Journal de Barbier, avocat au Parlement de Paris. P., 1857. Т. 3. P. 217). См. также: Kaplan S. L. Op. cit.

⁷⁴ См.: Ардашев П. Администрация и общественное мнение во Франции перед революцией. Киев, 1905.

⁷⁵ Lefèvre P. Op. cit. P. 170—171.

⁷⁶ Hinker F. Les français devant l'impôt sous l'ancien régime. P., 1971. P. 79; Bercé Y. M. Croquants et Nu-pieds... P. 131, 151 et suiv.

⁷⁷ Ado A. B. Проблемы крестьянских движений... Bourquin M. H., Hepp F. Aspects de la contrebande au XVIII s. P., 1969.

⁷⁸ В переписке интенданта Бретани с Генеральным контролером в 1754 г. упоминается о расследовании, начатом властями в связи с тем, «что жители и синдики приходов не предупреждали власти о подходе контрабандистов и не звонили в этой связи в колокол» (Inv. som. dép. Ille et Vilaine. T. I. C 2050).

⁷⁹ Inv. som. dép. Basses-Pyrénées. P., 1876. T. 2. B 4924, 4925.

Таблица 2. Антианалоговые выступления

Год	Населенный пункт, область
1715	Мулен-дю-Шато (Лангедок)
1716	Берри, Лионне и другие провинции
1717, 1719	Энтрево (Прованс)
1719	Эр (Артуа) диоцез Вабр
1728	Сент-Этьен
1730	Монпелье
1734	Сорьер, Ноанен (Овернь)
1735	Бурж, Гал, Сент-Этьен
1736	Альменеш
1737	Бугиньи (Шампань), в городах Нормандии, Бретани, Артуа
1738	Сен-Ло, Сомьер
1739	Бурж
1740	Клермон-Ферран
1749—1750	Беарн
1750	Шательро
»	Йер (Прованс)
1751	Дижон
1753—1755	Беарн
1754	Лабури
1755	Ориоль (Прованс), Пурьер
1761	Дижон
1762	Ларш
1755—1760	Лангедок
1771	Памье, Фуа
1775	Виривиль и др. (Дофине, кантон Роман)
1776	Гюйенн
1780	Роман
1755—1780	Тулуза
1784	Фуа и долина Викдессу (несколько кантонов)
1785	Мезель (Прованс)
	Вуйон (Прованс)
1786	Дамери

приставами»⁸⁰. Неоднократно бунты такого рода вспыхивали в Провансе⁸¹.

Очень часто конфликты возникали в связи с уплатой десятины. Оспаривался размер десятины, прихожане активно выступали против ее чрезвычайных видов. Примерно с конца 60-х годов, по мнению большинства исследователей, движение активизиро-

валось, а в последние десятилетия Старого порядка массовый, нередко в масштабах целых областей, характер приняли отказы от уплаты десятины. Например, в последние 15 лет Старого порядка большая часть приходов диоцеза Ош (Гасконь) оспаривала или объем десятины, или побор как таковой. В 1775 г. на собрании духовенства провинции архиепископ из Ош сказал: «Бунт распространяется от прихода к приходу. Этот беспорядок все ширится: почти везде *menus dîmes* оспаривают...»⁸² Другой современный исследователь пришел к выводу, что накануне революции протест против десятины охватил весь тулузский район⁸³.

И. Тэн указал на три провинции, в которых крестьяне начинали отказываться от уплаты десятины: Бретань, Эльзас, Дофинэ. П. Кропоткин писал, что еще до революции следы таких движений можно найти по всей восточной части Франции. Современной наукой установлено, что подобные движения имели место в Бургундии, Пуату, Савойе, Пикардии, в южных и юго-западных провинциях страны⁸⁴.

Тяжким бременем для простых жителей деревень и городов были солдатские постои, которые почти целиком ложились на их плечи. Правда, в относительно «мирный» для Франции XVIII в., по сравнению с «военным» XVII в., эти постои были менее значительны, но и они иногда вызывали открытое сопротивление. В 1722—1729 гг. постои войск послужили поводом к восстаниям в приходах Крозе и Покодьер⁸⁵. В конце 30-х—начале 40-х годов в районе Монтобана (Гюйенн) 400 крестьян собрались в Фувессак и Пебойе «с целью выгнать королевских драгун, которые были присланы для расквартирования»⁸⁶. Нередко в связи с постоями войск возникали конфликты у населения с местной администрацией. Например, в 1756 г. жители Динана (Бретань) обругали (*insulter*) мэра в связи с размещением военных. «Вы можете наказать тюремным заключением наиболее строптивых, — писал индентант, — это послужит уроком для других»⁸⁷.

Очень часто бунты и волнения, направленные против местных властей или жандармерии, возникали в сельских и городских коммунах при наборе солдат в территориальную милицию⁸⁸.

⁸² Rives J. Les refus de dîmes dans le diocèse d'Auch à la veille de la révolution // 96 Congrès national. Toulouse, 1971. T. 2.

⁸³ Frèch G. Toulouse et la région Midi-Pyrénées au siècle des Lumières vers 1670—1789. P., 1975. P. 544.

⁸⁴ Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793 гг. М., 1979. С. 24; Frèch G. Op. cit. P. 536—544; Castan N. Les criminels de Languedoc. Toulouse, 1980. P. 98.

⁸⁵ Коробочко А. И. Указ. соч. С. 40.

⁸⁶ Inv. som. dép. Lot-et-Garonne. Agen, 1878. С. 126.

⁸⁷ Inv. som. dép. Ille-et-Vilaine. Rennes, 1892. T. 2. С. 2, 465.

⁸⁸ Этот институт был введен в 1688 г. при военном министре Ф. М. Лувуа в качестве временной меры. Вначале людей в милицию отбирало общее собрание прихода. В 1691 г. выборы были заменены жеребьевкой. Королевским ординамсом от 25 февраля 1726 г. учреждалась постоянная милиция в 60 тыс. человек. В военное время ее использовали в качестве дополнительных воинских частей,

⁸⁰ Inv. som. dép. T. 1. С. 2, 042.

⁸¹ Vovelle M. Les troubles sociaux en Provence (1750—1792) // Actes du 93 Congrès national des Sociétés savantes (Tours, 1968). P., 1972. T. 2. P. 334.

Почти каждая жеребьевка сопровождалась беспорядками, нередко вспыхивали бунты, для подавления которых стягивались дополнительные силы жандармерии, вызывались войска. Открытые бунты во время жеребьевки имели место в 1742 г. в Окзере (Бургундия), в 1743 г. в Париже и Туре, в 1747 г. в бурге Граверон (Прованс), в 1752 г. в городе Мортань (Нормандия), в 1766 г. в Дижоне (Бургундия), в 1767 г. в Ажане, в 1768 г. — в Сериньяке (Гюйенн); в 1769—1770 гг. сообщали о «насилии против жандармерии в местечке Мартель (Гюйенн) во время жеребьевки». Власти писали о «необходимости подавлять подобные эксцессы, поскольку оставлять их безнаказанными было бы опасно». В 1775 г. волнения во время жеребьевки случились в Кайлюке и Родезе (Гюйенн), бунт — в Нанте; в 1778 г. — бунты в Монтпеза и Сент-Шели; в 1780—1781 гг. — в Лабастид-Нантеле и Сен-Косм (Гюйенн). В 1786—1788 гг. источник сообщает о бунте и «насилиях» против субделегата во время жеребьевки в местечке Бас-сероль (субделегатство Нотрон)⁸⁹. Возможно, таких бунтов было гораздо больше⁹⁰. Имеющиеся в источниках подробные описания этих бунтов свидетельствуют о том, что они были вызваны сословным характером милиции и злоупотреблениями при жеребьевке.

Серьезные волнения и бунты вспыхивали против правительственных, административных и полицейских постановлений, несправедливых, по мнению мелкого люда, решений судов. Все хроники сообщают о значительных народных волнениях в Париже в 1720 и 1750 гг. в связи с распространившимися слухами о том, что полиция забирает детей для отправки в колонии. В этих бунтах принимали участие тысячи людей, которые громили дома полицейских чиновников; раздавались недвусмысленные угрозы в адрес королевской администрации. Бунты вылились в вооруженное столкновение с войсками и завершились жестоким наказанием зачинщиков⁹¹. 12 марта и 15 ноября 1721 г. в Париже от 4 до 6 тыс. «бунтовщиков» помешали осуществить наказание осужденных за небольшие проступки людей. Более того, они разгромили дома богатых сеньоров, инициаторов расследования. «Теперь уже

в мирное — для подавления мятежей внутри страны. Основной ее контингент составляли ремесленники и крестьяне (привилегированные в мирное время были освобождены от набора). Молодые люди не хотели служить в милиции. Часто на время жеребьевки они уходили из прихода, хотя этим ставили себя вне закона: за уклонение от службы в милиции виновные зачислялись солдатами в регулярные войска провинции.

⁸⁹ Inv. som. dép. Côte-d'Or. T. 1. C 2; Inv. som. dép. Bouches-du-Rhône. Marseille, 1879. T. 2. C 1079; Inv. som. dép. Orne. T. 2, C 431; Inv. som. dép. Lot. T. 2. C 573, 574, 579, 581, 584; Barbier E. Op. cit. T. 4. P. 423—429; Mornet D. Les origines intellectuelles de la Révolution Française. P., 1933. P. 446; Fréch G. Op. cit. P. 427—428.

⁹⁰ Тюрго говорил, что всякий набор в милицию сопровождался бунтом. См.: Кропоткин П. Указ. соч. С. 24.

⁹¹ Barbier E. Op. cit. T. 4. P. 422—438; La France au milieu du XVIIIe siècle (1747—1757) d'après le Journal du M. d'Argenson / Extraits publ. par A. Brette. P., 1889. P. 98—101; Herlaut. Les enlèvement d'enfants à Paris en 1720 et 1750 // Revue historique. 1922. T. 139.

не осмеливаются приговаривать к выставлению у позорного столба», — отметил современник⁹².

В последние предреволюционные десятилетия (с конца 70-х годов) бунты и волнения против местных властей (магистратов, судебных исполнителей, жандармерии) часто вспыхивали в связи с попытками запретить народные гулянья, праздники, обычаи⁹³. Будничным явлением в XVIII в. были бунтовщические высказывания против жандармерии; нередко происходили и кровавые стычки. Современные исследователи пришли к выводу, что жандармерия задолго до революции воспринималась населением как предельно одиозный институт⁹⁴.

Очень часто открытые волнения и бунты возникали в приходах или приходских церквях в связи с попытками кюре огласить или вывесить так называемую «инструкцию» (monitoire) с целью найти свидетелей при расследовании какого-либо правонарушения. В таких случаях бунты почти всегда были направлены и против кюре, и против жандармерии и местных властей⁹⁵.

Причиной открытых выступлений крестьян и горожан были решения о перенесении кладбищ (в 1739 г. — бунт в приходе Мартини в Тьераши; в 1775—1777 гг. — бунты в Кайлюксе, в 1780 г. — в Готоде)⁹⁶. Нередко в XVIII в. вспыхивали бунты заключенных (в 1740 г. — в тюрьме Бисетр, в 1751 г. — в Фор-Левек, в 1754 г. — в Маконе, в 1771 г. — в По, в Бисетр). Они тоже заслуживают внимания, поскольку бунтовали не столько уголовники, сколько люди, попавшие в тюрьму за долги и контрабанду⁹⁷.

* * *

В рамках сеньориального комплекса прежде всего сеньор и его агенты оставались главными социальными антагонистами всего крестьянского мира. Несмотря на то, что в XVIII в. не было больших антифеодальных восстаний типа жакерии периода столетней войны или бретонского восстания 1675 г., в деревне примерно с середины 30-х годов явно обозначилось усиление крестьянского протеста против возрастающего давления сеньориального строя. Очевидно, борьба в то время несколько сместилась в сторону легальности. Резко возросло число крестьянских жалоб во все инстанции. С конца 30-х годов и особенно в середине века, с началом сеньориальной реакции и в условиях аграрных реформ

⁹² Barbier E. Op. cit. T. 1. P. 120, 170—171.

⁹³ Bercé Y. M. Fête et révolte. Des mentalité populaire du XVIe au XVIIIe siècle. Essai. Hachette, 1976. P. 174—176; Castan N. et Y. Op. cit. P. 39—40.

⁹⁴ Caraman J. Crime and Repression in the Auvergne and the Guyenne 1720—1790. Cambridge, 1980; Hufton O. H. Le paysan et la loi en France au XVIIIe s. // Annales. E. S. C. 1983. N 3.

⁹⁵ Hufton O. H. Le paysan. . . P. 695—696; Castan N. et Y. Op. cit. P. 197—198.

⁹⁶ Inv. som. dép. Aisne. Laon, 1906. T. 5. E suppl. 162; Inv. som. dép. Lot-et-Garonne. Agen, 1878. C 135; Mornet D. Op. cit. P. 444.

⁹⁷ Barbier E. Op. cit. T. 5. P. 136; Inv. som. dép. Côte-d'Or. T. 1. C 2; Inv. som. dép. T. 2. B 4947.

абсолютистской администрации 60—70-х годов⁹⁸, французские деревни захлестнул поток судебных процессов между сельскими общинами и сеньорами. Инвентарные описи местных архивов буквально наводнены материалами о таких процессах⁹⁹. Длительные — по 10, 20 и более лет, эти процессы, разорительные для крестьян, как правило, ими проигрывались. Вместе с тем они, видимо, сыграли значительную роль в социально-психологической и моральной подготовке крестьянства к открытому выступлению. Можно привести десятки примеров, когда именно неудавшееся обращение к правосудию служило последней каплей, переполняющей чашу терпения крестьян. В ходе этих процессов крестьяне окончательно убеждались, что «юстиция — дело богатых». Росло недовольство и недоверие не только к сеньорам, но и к юристам, к местной администрации. Это недовольство то и дело прорывалось в небольших инцидентах, волнениях, бунтах. В наших материалах мы обнаружили 22 факта открытых крестьянских выступлений на аграрной почве. Нет сомнений, что их было гораздо больше: одни не нашли отражения в источниках, другие пока еще не введены в научный оборот¹⁰⁰.

Прежде всего, процессы возникали в связи с попытками сеньоров навязать крестьянам новые платежи, восстановить забытые сеньориальные повинности и привилегии. Отвергая эти домогательства, крестьяне стали требовать предъявления «подлинных», «первичных» феодальных актов. Вот, например, как обосновали свои попытки оспорить баналитетные права сеньора на мельницу в январе 1772 г. жители коммуны д'Онъ (Пикардия): они утверждали, что «поскольку баналитет является правом, совершенно необходим законный документ, чтобы его обосновать, что он не может быть установлен фактом владения, даже стародавним, потому что в правовых делах собственности никогда не может заменить документ... таково право королевства... и «что они всегда мелют зерно, где им нравится»¹⁰¹. Иногда крестьяне открыто отказывались платить сеньору некоторые повинности. В 1742 г. жители коммуны Мениль-сюр-Ожер (Шампань) выступили против сеньориального права de jouge et courtage. Попытки сеньора конфисковать имущество за долги силами судебных исполнителей ни к чему не привели. На помощь прибыли четыре

конных жандарма, на которых сразу же напала толпа женщин, вооруженных дубинами и камнями, вынудив их отступить. В это же время кто-то поджег ригу сеньора¹⁰². В 1746—1747 гг. в приходе Бурж-Ластид (Овернь) крестьяне взбунтовались против сеньора Маржерид¹⁰³. В 1754 г. против возобновления сеньором сеньориальных прав взбунтовались крестьяне деревни Оруи (Гасконь). Жандармерия не сумела подавить бунт. Прибывшие по приказу из центра солдаты (60 человек) взяли деревню штурмом. Заинициаторы были арестованы. Но крестьяне упорно стояли на своем. Дело тянулось несколько лет. В 1758 г. деревня снарядила ходоков в столицу¹⁰⁴. В 1756—1786 гг. жители коммуны Шолюзи (Шампань) открыто выступили против новых сеньориальных прав, провозглашенных епископом Реймса¹⁰⁵.

В условиях резко обострившейся судебной борьбы между сеньорами и крестьянами заметно возросла роль судебных учреждений, в том числе сеньориальной юстиции. Множество дельцов, денежных буржуа справедливо усмотрели в ней источник наживы. Орда судебных, стряпчих, откупщиков сеньориальных прав превратилась в условиях сеньориальной реакции в настоящих кровопийц деревни. Для обогащения судебские, как правило, использовали задолженность крестьян; долги они нередко создавали сами посредством заемных операций, которые осуществляли в качестве ростовщиков, откупщиков сеньориальных прав, а затем уже в роли судебных окончательно разоряли должников, злоупотребляя своими судебными полномочиями. Естественно, что судебские вызвали ненависть крестьянства. В феврале 1783 г. знаменитые севенские «разбойники» — «маскараты» почти месяц вели настоящую войну против судебных и стряпчих¹⁰⁶. Это восстание было жестоко подавлено, однако его участники еще не раз напоминали о себе властям вплоть до 1789 г.¹⁰⁷

Наши материалы показывают, что восстание «масок» 1783 г., несомненно локальное, вызванное местными причинами, не было единственным народным движением такого рода. Во второй половине 1764 г. в Беарне действовала группа вооруженных людей «с зачерненными лицами», которые избили судебного исполнителя

¹⁰² Inv. som. dép. Marne. Châlons, 1884. Т. 1. С. 625.

¹⁰³ Inv. som. dép. Puy-de-Dôme. Clermont-Ferrand, 1898. Т. 2. С. 1533.

¹⁰⁴ Inv. som. dép. Gers. Auch, 1892. С. 199; Bordes M. Une révolte paysanne en Gascogne au milieu du XVIIIe siècle // Bulletin de la société du Gers. 1948. Т. 48. Р. 34—40.

¹⁰⁵ Inv. som. dép. Marne. Т. 1. С. 50. См. еще примеры: Saint-Jacob P. Op. cit. Р. 326—327; Hufton O. H. Op. cit. Р. 687; Castan N. Op. cit. Р. 103—104.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Адо А. В. Проблемы крестьянских движений; Адо А. В., Чеканцева З. А. Движение «вооруженных масок» (80-е годы XVIII в.) // Французский ежегодник, 1984. М., 1986. С. 88—105.

¹⁰⁷ В истории народной борьбы в Севенских округах Лангедока хорошо видна преемственность и непрерывность крестьянского протеста в течение двух последних веков Старого порядка: в 1670 г. — восстание Пура, в 1735 г. — камизары, бунт в районе Жуайёз, разбойники и «мандрены» середины века, многочисленные хлебные бунты, «вооруженные маски» 1781 и 1783 гг. и в 1789 г., наконец, в 1789 и 1792 гг. «война против замков» в Виваре.

и его помощников в Сент-Фост. К сожалению, мы не знаем подробностей о действиях этой группы, но краткая запись в архивной описи о жестокости репрессий («обвиняемые были приговорены по обычному праву — одни к колесованию, другие к ссылке») и наличие документов о злоупотреблениях судебных в данной местности, похожих на злоупотребления в Севеннах, позволяет предположить, что речь идет не просто о банде разбойников¹⁰⁸. Тем более что массовые «сборища» в сельских приходах Беарна, направленные против судебных, имели место и в первой половине XVIII в.¹⁰⁹

Масса конфликтов возникала на почве возобновления сеньорами забытых почетных прав. Сеньоры ставили для себя и своей семьи отдельную скамью в церкви, требовали особого внимания к себе священников во время службы и т. п. Эти, казалось бы, смешные притязания нередко приводили к длительным судебным процессам, бурным сценам в церкви, разрушению скамеек сеньоров, а порой даже к сожжению замка¹¹⁰.

Особое место в социальной борьбе предреволюционного времени занимала проблема общины. В литературе давно отмечено, что в условиях значительного расслоения французского крестьянства в XVIII в. возникли сложные противоречия внутри общины, между ее «низами» и «верхами», связанные с различным пониманием вопроса об использовании общинных земель¹¹¹. Но эти противоречия отступали до поры на второй план перед необходимостью отстоять общинные права, владения и пользования от натиска сеньоров, поддерживаемых и поощряемых феодальной администрацией. Так же как сеньориальные повинности и права, общинные владения стали предметом бесчисленных судебных тяжб¹¹². Многие из них тянулись десятилетиями и завершались открытым вооруженным сопротивлением крестьян. Прежде всего весь крестьянский мир выступил против попыток сеньоров присвоить общинные земли. Так, в 1765 г. крестьяне маленького бурга Сользе (Бурбоннэ) после 20 лет борьбы в суде выступили с оружием в руках против сеньора, захватившего общинные угодья¹¹³. В 1785 г. подобный бунт имел место в Бретани в приходе Куёрон¹¹⁴. Ожесточенный характер борьба в связи с общинными проблемами приобрела в Артуа. В 1754 г. в бурге Ленин-Льетар вспыхнул бунт по случаю распашки сеньором

¹⁰⁸ Inv. som. dép. Basses-Pyrénées. T. 2. В 4924—4925.

¹⁰⁹ В 1727 г. в Сен-Буа во время «сборища» «бунтовщики» серьезно помяли судебного исполнителя и его помощников и заставили отпустить одного заключенного (Ibid. В 4818).

¹¹⁰ См., например: *Глаголева-Данини С. М.* Крестьянские волнения в Дофинэ в конце XVIII века. Ист. обозрение. 1912, т. 17.

¹¹¹ *Лукин Н. М.* Судьба общинных земель во Франции в последнюю пору старого порядка // Избр. труды. М., 1960. Т. 1; *Петров Е. Н.* Социальная роль общинного землевладения во Франции перед революцией // Исторический сборник. М.; Л., 1936.

¹¹² Inv. som. dép. Marne. T. 1. Sér. C.

¹¹³ *Thuillier G.* Communaux et troubles ruraux à Saulzet (1740—1830) // AHRF. 1969. N 195. P. 62 et suiv.

¹¹⁴ Inv. som. dép. Loire-Inférieure. Nantes, 1892. T. 5. E 1849.

пустоши¹¹⁵. Это выступление было направлено не только против сеньора, но и против политики правительственной администрации по общинным вопросам. 5 мая 1781 г. жители бурга вновь выступили против проведения в жизнь королевских грамот, предписывающих раздел пустошей. В 1785 г. 23 сельских общины в Артуа выступили против этих грамот¹¹⁶. Сопротивление было настолько упорным, что власти отказались проводить в жизнь эти постановления¹¹⁷.

Множились инциденты в связи со столкновением интересов крестьян и сеньоров при использовании лесов и пустошей. Сеньоры все чаще запрещали крестьянам пасти скот, собирать хворост, производить распашки¹¹⁸ в общинных владениях, лишая тем самым крестьян их давних и, главное, совершенно необходимых для жизни прав. Характерное дело возникло в начале 70-х годов в Дофинэ. Дворянину де Бонасье де Преске была пожалована концессия на леса и земли Саон. Сеньор добился ордонанса, запрещавшего крестьянам пасти скот и производить распашки в его владениях. Крестьяне сочли ордонанс недействительным и решили продолжать пользоваться прежними правами. Тогда сеньор поставил в лесу и на пастбищах сторожей. Начались ежедневные столкновения. В одной из таких стычек сторожа убили крестьянина. Саонцы ударили в набат, окружили замок сеньора и потребовали предать сторожей суду. Бонасье с трудом выбрался из дома и бежал в Париж. Он просил у военного министра прислать войска, «чтобы сдержать своих вассалов», но ему отказали. В район волнений были посланы несколько бригад жандармерии, которые разоружили жителей и «заставили их вернуться к своим обязанностям». Однако жители Саон продолжали писать жалобы в Королевский совет по поводу злоупотреблений Бонасье, прося не лишать их прав, которыми они владеют в лесу Саон и окрестных землях, и полагая, «что эти права неоспоримы». При этом они ссылались на старинные документы. Среди них ордонанс 1450 г., «изданный дофином Луи, который вверяет собственность на леса Саон королю и ясно указывает, что права пользования *raucherage, bucharage avec la faculté d'essarter et defricher* принадлежат жителям, платящим установленные законом повинности». Через два с половиной года сеньор отказался от концессии на леса и земли Саон из-за невозможности ею пользоваться и попытался получить вознаграждение — 30 тыс. ливров за убытки. Дело затянулось до 1779 г., когда в административном ведомстве королевского домена было решено отклонить иск сеньора¹¹⁹.

¹¹⁵ Inv. som. dép. Pas-de-Calais. T. 1. C 385.

¹¹⁶ Ibid. C 445.

¹¹⁷ *Laude F.* Les classes rurales en Artois à la fin de l'ancien régime (1760—1789). Lille, 1914. P. 190.

¹¹⁸ Возможность получить от общины клочок земли для распашки была особенно важна для малоземельных и безземельных крестьян. См.: *Люблинская А. Д.* Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. М., 1976. С. 103.

¹¹⁹ AN O'186. Memoire du 10 mars 1779. Ксерокопия документа привезена из

В 1768—1773 гг. в окрестностях Доль (Франш-Конте) около 200 замаскированных и вооруженных ружьями и пистолетами крестьян из деревень Салан, Ран, Этрипини, Бритеньер и соседних мест преследовали в лесу Шо сторожей, поставленных сензором¹²⁰.

Массовый характер во многих провинциях Франции в XVIII в. приобрело браконьерство. Крестьяне не хотели больше мириться с сеньориальными правами. Особенно ненавистны были принадлежащие сеньору права охоты и рыбной ловли. В марте 1754 г. на земле герцога Бульонского между Мантом и Мёланом крестьяне (800 человек) с палками в руках истребляли дичь¹²¹. В 1771 г. в окрестностях Амьена «под прикрытием» права охоты на территории пригорода, которым могли пользоваться жители города, «многие ремесленники, мастеровые, простые рабочие оставляли свою повседневную работу, выходили из города с ружьями, часто собирались в банды и из-за отсутствия дичи безнаказанно убивали голубей и домашнюю птицу. . . они осмеливались оказывать сопротивление сторожам, которые пытались им помешать. . .»¹²². В 1773 г. в районе г. Лектур злоумышленники, поддержанные крестьянами, охотились на землях дворян. Все это было неприкрытым покушением на феодальную собственность. Поэтому в 80-е годы многие собственники Лангедока, Прованса и Дофинэ требовали введения смертной казни для браконьеров¹²³.

Вместе с тем во второй половине века, особенно резко с конца 60-х годов, участились конфликты на аграрной почве внутри крестьянского мира между сельской верхушкой и беднотой¹²⁴. В ходе народных волнений обнаружил себя и сельскохозяйственный предпролетариат, особенно в районах так называемой крупной культуры, развитого фермерского хозяйства и интенсивного отходничества. В период межсезонья крестьяне уходили на заработки в другие места, где нанимались к фермерам. М. Доманже показал, что еще до революции сезонные рабочие Валуа, Лаонне и Суассонне накануне сбора урожая организовывали своеобразные «забастовки» — бунты, направленные против фермеров, зажиточных хозяев. Таким путем они пытались заставить фермеров оплатить их труд вовремя и по заслугам. Поскольку многие рабочие отказывались выступать против своих хозяев, большинство собиралось в вооруженные группы, чтобы силой заставить присоединиться к ним тех, кто продолжал работать. Фермеры были вынуждены призывать на помощь жандармерию¹²⁵.

С судьбой французского предпролетариата отчасти связана проблема нищенства в дореволюционной Франции. Любопытно,

Франции профессором МГУ А. В. Адо. См. также: *Глаголева-Данини С. М.* Указ. соч. С. 131—133.

¹²⁰ Inv. som. dép. Jura. P., 1870. В 128.

¹²¹ Люблинский В. С. Вольтер и «мучная война». С. 218.

¹²² Inv. som. com. Amiens. T. 1. AA 27.

¹²³ Castan N. et Y. Op. cit. P. 50.

¹²⁴ См.: Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 108—109.

¹²⁵ Dommanget M. Les grèves de moissonneurs au Valois sous la Révolution. Reims, 1924.

что неоднородность состава нищих видели некоторые видные государственные деятели того времени. Среди них интендант Лангедока с 1775 по 1783 г. Сен-При, который разработал прогрессивный для своего времени план организации надзора за нищими и бродягами¹²⁶. План этот был одобрен Тюрго, но из-за отставки (12 мая 1776 г.) он не смог его осуществить. Сен-При выделял три категории нищих; для каждой он предлагал особые меры. Интересна категория так называемых «временных нищих». «Это поденщики и ремесленники, доведенные до крайности в определенное время года временным прекращением работы в деревне или на мануфактуре». По существу это «четвертое сословие». Локальные исследования показывают¹²⁷, что «временные нищие» принимали активное участие в специфической социальной борьбе — угрожающем или агрессивном нищенстве. Вооруженные группы нищих по 5—10 человек ходили по деревням и принуждали фермеров и зажиточных крестьян давать им продовольствие, одежду, деньги. Как правило, им не отказывали, боясь поджогов. В апреле 1741 г. интендант Орлеаннэ усилил бригады жандармерии против нищих и бродяг, «которые разоряли провинцию пожарами»¹²⁸. В том же году источник сообщает о «разбойничестве» нищих в г. Луан (Бургундия)¹²⁹. В 1758 г. вооруженные группы по 10—12 человек требовали контрибуций в виде хлеба и денег в Калези (Артуа)¹³⁰. В административной переписке за 1763 г. есть сведения о «беспорядках, чинимых нищими и бродягами, которые под предлогом поисков пристанища у жителей деревень требуют у них разного рода контрибуций»¹³¹. Широко распространенное по всей стране, нередко перерастающее в разбой¹³², агрессивное нищенство было накануне революции одним из источников нарастающего в среде имущих социального страха, кульминацией которого станет Великий страх лета 1789 г.

* * *

В городах в XVIII в. наряду с борьбой всего трудящегося населения за хлеб был еще один фронт борьбы, малоизученный в историографии, — рабочих с хозяевами за лучшие условия жизни. Подмастерья, положение которых к концу Старого порядка все более приближалось к положению простого наемного рабочего, ученики, зависимые ремесленники, собственно наемные рабочие принимали самое непосредственное участие в выступлениях городских низов продовольственного характера. Однако эти слои городского населения в XVIII в. выступали уже со своими специфическими требованиями и особыми методами борьбы. Безусловно,

¹²⁶ Molis R. De la mendicité en Languedoc (1775—1783) // RHES. 1974. N 4.

¹²⁷ Lemarchand G. Les troubles. . . P. 408.

¹²⁸ Inv. som. dép. Loiret. P., 1878. T. 3. В 2110.

¹²⁹ Inv. som. dép. Côte-d'Or. Dijon. 1883. T. 2. С 2.

¹³⁰ Inv. som. dép. Pas-de-Calais. T. 1. С 85.

¹³¹ Inv. Som. Dép. Haute-Saone. Vesoul, 1891. T. 4. С 216.

¹³² Hufton O. H. The poor of eighteenth century France, 1750—1789. Oxford, 1974.

это была борьба экономическая. Специфика ее заключалась в том, что в ходе выступлений выдвигались и антифеодальные, и антикапиталистические требования. Они проходили отчасти в архаических формах («оскорбительные парады» перед лавками неугодных мастеров, столкновения в среде рабочих, вызванные превышением предложения над спросом, петиции королю и походы в Версаль и т. д.), но иногда принимали и более организованный характер: рабочие объявляли предприятие под запретом (бойкот), подделывали увольнительные удостоверения, наконец, бастовали¹³³. В наших материалах мы обнаружили 41 рабочее выступление на экономической почве. Изучение таких выступлений, пока только начатое в литературе, поможет глубже понять нарастающее обострение социальных отношений в предреволюционной Франции и объяснит появление в 1791 г. антирабочего закона Ле Шапелъе¹³⁴.

* * *

XVIII век во Франции был временем наиболее сложных, неоднозначных социально-экономических, политических, психологических процессов в истории длительного переходного периода от феодализма к капитализму. Ему соответствовали и особые переходные типы социальных народных движений: не антифеодальная жакерия эпохи классического средневековья, а сочетание вспышек бунтов (прежде всего продовольственных, объединяющих различные социальные интересы) с первыми попытками организации предпролетариата и первыми стачками. Изучение этих переходных типов даже по нашим фрагментарным материалам позволяет выделить ряд свойственных им особенностей: изменение преобладающего типа народных движений, непродолжительность выступлений, явное уменьшение элементов насилия и т. д. Эти особенности еще требуют конкретно-исторического обоснования и осмысления. Вместе с тем фактический материал свидетельствует о том, что в изучаемый период продолжалось и «классическое» для конца средних веков и начала нового времени направление народной борьбы — против сеньориального строя, против налогов, — хотя и в ослабленной форме, по крайней мере до 1789 г.

Поскольку в изучаемый период абсолютно преобладали народные движения продовольственного типа, они оказывали решающее влияние и на общую динамику народной борьбы. Наиболее напряженное время в изучаемый период приходится на десятилетие с середины 60-х до середины 70-х годов. 1775 год был годом наивысшего подъема открытых народных выступлений. По интенсивности и размаху народных движений накануне революции он уступает только первой половине 1789 г.

¹³³ По подсчетам французских историков, в XVIII в. до начала революции имели место более 60 забастовок — примерно одна треть в первой половине и две трети во второй. См.: *Perrôt J. C. Op. cit.*

¹³⁴ См. об этом: *Leon P. Points de vue sur le monde ouvrier dans la France du XVIII siècle: III conférence internationale d'histoire économique. Munich, 1965. P., 1968.*

Некоторые тематически связанные материалы:

А.Адо, З.Чеканцева. Движение «вооруженных масок» (80-е годы XVIII века)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/ado_chekanzeva_fe-84.pdf

З.Чеканцева. Об исторической природе насилия: Франция XVII-XVIII вв.

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz5.pdf>

З.Чеканцева. Открытый протест как волеизъявление: Франция XVII-XVIII вв.

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz6.pdf>

З.Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz4.pdf>

З.Чеканцева. Праздник и бунт во Франции между Фрондой и Революцией

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz7.pdf>

Дж.Рюде. Народные низы в истории.

Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

Дж.Рюде. Народные низы в истории.

Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848.

Французская революция

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

С.Сытин. Рабочие организации во Франции накануне революции конца XVIII в.: историографический обзор

http://vive-liberta.narod.ru/journal/syтин_fe-74.pdf

С.Лотте. "Республиканское сословие":

из истории французского предпролетариата XVIII в.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_fe-60.pdf

С.Лотте. «Дело Ревельона»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf

Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года / Реферат Г.С.Чертковой

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lefebvre1.pdf>

Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bogd_arist.htm